

Владимир УШЕНКО

ГЛАЗАМИ ГЭБИСТА

повесть в новеллах
(авторизованный перевод с украинского)

КИЇВ 2015
www.nashformat.ua

УДК
ББК
У

Ушенко Владимир

У Глазами гэбиста / Владимир Ушенко. — К. : Наш Формат,
2015. — 000 с.

ISBN

Автобиографическая исповедь офицера-оперативника КГБ из украинской глубинки. Рассказ об органах госбезопасности восьмидесятых-девяностых годов прошлого столетия, в котором описаны формы, методы, оперативные приемы и средства, применявшиеся чекистами против собственного народа для удержания его в повиновении, в страхе перед ужасом возможных наказаний, массовых или выборочных репрессий вплоть до физического уничтожения непокорных.

Автор описывает то, чему был непосредственным свидетелем, что узнал во время учебной чекистской подготовки, будничной агентурно-оперативной работы, а также из специальной и секретной литературы, из рассказов бывалых коллег. Отмечает «бескомпромиссную» борьбу «вооруженного отряда партии» против украинского диссидентского движения, национально-демократической и националистической оппозиции в последние годы перед обретением Украиной государственной независимости.

На примере биографий лиц, находившихся в поле зрения советской контрразведки во времена службы в ней автора, а также на примере судеб его близких и родных дается оригинальная трактовка истории Великой войны. Кратко освещается история создания органов госбезопасности, их становление и развитие. Анализируется против- и незаконные, а также сомнительные действия спецслужб, роль, место, польза и угрозы этой «пикантной деятельности» в современном обществе. Отдельно проводится экскурс в историю именно украинских национальных спецслужб, рассказывается о наших выдающихся земляках-украинцах, которые были асами разведки и контрразведки мирового уровня.

УДК
ББК

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОЯЗЫЧНОМУ ИЗДАНИЮ
ИСПОВЕДЬ БЫВШЕГО СЛУГИ САТАНЫ
ПРЕДИСЛОВИЕ

БУДНИ РАЙОННОГО ГЭБИСТА

БЛИН КОМОМ
САТАНИНСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРОФИЛАКТИКА
РАЙСКИЙ УГОЛОК
ДЕЛО НА РОДНОГО КУМА
ТОРЖЕСТВО ДЕМОКРАТИИ
ШПИОНОМАНИЯ
ПОВЫШЕНИЕ ПО СЛУЖБЕ
ИНДЮКИ ДЛЯ ПРЕЗИДЕНТОВ
ИТАЛЬЯНСКИЕ КАНИКУЛЫ
ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ
ОСТРЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ
ХУДОЖНИК-ВЕРХОЛАЗ
ПОДОЗРЕНИЕ НА ТЕРАКТ
ВЗГЛЯД ИЗ-ЗА БАРРИКАД
ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ
КАК НЕПРОСТО БЫТЬ РОМАНТИКОМ
ПУТЧ, ПУТЧ, ПУТЧ...
«ПСЕВДОНИМ СЕБЕ НЕ ИЗБРАЛ»
ФАКТЫ, ОТКРЫВАЮЩИЕ ГЛАЗА
ВЫРВАННЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ УЧЕБНИКА ИСТОРИИ
ГЕРОИПРЕДАТЕЛИ
ИНКВИЗИТОРЫ-ЖАНДАРМЫ ИЛИ ЯНЫЧАРЫ-ОПРИЧНИКИ-
ЧЕКИСТЫ?.....
СОРОК ПРОТИВ СОТНИ

ISBN

© Ушенко В., 2015
© ТОВ «НФ», виключна ліцензія на видання,
оригінал-макет, 2015

РАССКАЗЫ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

ГЕРОЙ НЕДОПИСАННОГО РОМАНА

НИ МОГИЛЫ, НИ КРЕСТА

СВИДЕТЕЛЬСТВО ЗАДЕРИ ЛЕОНИДА ПАВЛОВИЧА

ПОДЛЕЖИТ РЕАБИЛИТАЦИИ?

О НЕНАСТОЯЩЕЙ ВОЙНЕ

БЕРЛИН. МАЙ 1945-ГО. СТЫДНО

ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА И
ГИТЛЕРОВСКОГО НАЦИЗМА

МАХНО, МАРУСЯ, ЗЕЛЕНЬКИЙ И ГАЙДАМАКИ ХОЛОДНОГО ЯРА

ПОЧЕМУ ЛЕОНИД МЛЕЧИН НЕ ДАЕТ ПОКОЯ СТЕПАНУ БАНДЕРЕ?
.....

КРАСКИ ЖИЗНИ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОЯЗЫЧНОМУ ИЗДАНИЮ

Недавно мне выпало побывать за границей, где пришлось много общаться с россиянами. И не просто с россиянами, а с сочувствующими Украине и даже, будто бы, оппозиционерами путинскому режиму. Мне казалось, что я смогу им рассказать правду, убедить, доказать... Но меня (и их) хватило на три дня. Остальные три дня мы говорили о чём угодно, но только не о российско-украинском конфликте. В последний день ко мне в автобусе подседа москвичка, как потом выяснилось, грамотная и знающая, доктор геолого-минералогических наук, женщина, в своё время несколько лет работавшая в Киеве, а узнав, что я именно оттуда, страстно воспылавшая желанием пообщаться со мной на политические темы.

Памятуя первые три дня «боев» и последующие три дня «вооруженного нейтралитета», я не кинулся в доказательства, а спросил собеседницу, знает ли она русскую историю? А если знает, пусть ответит, есть ли в российской историографии данные о каких-либо русско-украинских войнах? А если в русской истории шесть русско-украинских войн, прошедших за последние 300 лет, отрицаются напрочь, то возможно ли, чтобы когда-нибудь в будущем современный крымско-донбасский конфликт квалифицировался Москвой как российско-путинская агрессия в Украине?

А когда моя собеседница задумалась над ответом, я ответил за неё: НИКОГДА.

Мы заблуждаемся, думая, что параллельная реальность в информационном поле создана Путиным. На самом деле она веками, со времен Орды, лелеялась российским имперским сознанием, в том числе и русской патриотической интеллигенцией. Найдите в любых, в т.ч. и современных российских исторических учебниках упоминание о захватнических войнах (одни освободительные), о порабощении соседей (только добровольное присоединение), о геноцидах (сплошь неурожаи), о преступниках и маньяках у руля Российской государственности (исключительно цари-освободители и «эффективные менеджеры»). Все, оказывается, России должны и все её ненавидят за то, что она «единственный островок морали и справедливости в мире». Русские убеждены, что мы (а заодно весь остальной

мир) их ненавидят и мечтают видеть их исключительно в качестве рабов.

Отбросьте иллюзии. Не надо думать, что «бедных» граждан России обманывает посредством телевидения «коварный Путин». Подавляющее большинство будто бы адекватных граждан России иной «правды», кроме путинской, не знали, знать не хотят и НИКОГДА не признают.

Люди, готовые умереть за «русский мир», просматривающие на ночь московское телевидение и читающие «советские газеты», никогда не поймут того, о чем я пишу. Для них я ренегат, изменник, предатель, которому «Родина доверила, а он...».

Почти в конце этой книги вы найдете небольшую новеллу, где я описываю военный 1943-й: подлый и бессмысленный расстрел советскими чекистами дяди Григория, мужа моей родной тетки. По моему мнению, он тогда осмелился быть украинским патриотом, за что и был казнён. А цель казни – уничтожение украинского духа с целью воспрепятствования возрождения украинства через годы, что и было успешно достигнуто.

Два малолетних дядиных сына выросли: отслужили в Советской армии, выучились. Старший стал успешным профессиональным художником, а младший – талантливым инженером. Спустя многие десятилетия уже два сына художника стали русскими военными лётчиками, которым почему-то не пришло в голову вернуться на Родину и присягнуть Украине. Позже один из них проявил себя в «настоящем деле»: в 2008-м воевал против Грузии, за что и был награжден лично Путиным.

Сын инженера тоже стал военным и тоже не украинским. В своё время закончил Киевское высшее военное дважды Краснознаменное училище связи им. Калинина, служил в Подмосковье, а потом уволился из армии и после усиленной «переподготовки» подался на дипломатическое поприще. Три года работал в российском торгпредстве в Вашингтоне (США), ещё года три – замом торгпреда в Копенгагене (Дания), после чего вернулся в Москву.

Периодически мы встречались, много разговаривали, обменивались впечатлениями. Он знал о моем прошлом и даже восхищался этой моей книгой, но скрывал своё настоящее, мол, работает обыкновенным российским торговым представителем за рубежом, хотя и проявлял прекрасную осведомленность о

современных формах и методах деятельности разведслужб. Я шутя называл его «шпионом», но он только ухмылялся, не давая объяснений: ни подтверждения, ни возражения. А уже после выхода в свет второго украинского издания этой книги я вдруг случайно узнал, что мой племянник-«шпион» принимает поздравления по случаю получения воинского звания полковника...

Мне стало грустно.

Как бывший военный, я понимал, что звание «полковник» не дают за выслугу лет, да ещё в тот момент, когда его страна Россия ведет настоящую, хоть и гибридную войну с моей Украиной.

Бывает ли гибридная война настоящей? Ещё как бывает: реальные полномасштабные боевые действия с утверждением, что нет боевых действий. Вот так – нет. Не мы воюем. Не наша армия, а «ополченцы, добровольцы и отпускники», решившие «по зову сердца» провести свой отпуск в горячей точке, куда и отправились на одолженной (на время отпуска) боевой технике вместе с боеприпасами.

На такой войне весьма проблематично получить очередное, следующее или досрочное воинское звание капитана, майора или подполковника. И даже не проблематично, а невозможно. А вот звание полковника можно. Одно неудобство: приказ Министра обороны о присвоении звания «полковник» в данном случае будет секретным. Но секретными такие приказы бывают только для широкой общественности, а не для сослуживцев, друзей и родственников – а я кто? Я и есть тот самый «родственник».

В своё время, интересуясь историей Второй мировой войны, я как-то обнаружил занимательный факт: бывшие, т.е. отвоёвавшие и уже пленённые генералы гитлеровского вермахта (вооружённых сил фашистской Германии) в 1945-м слёзно упрашивали непреклонных судей Нюрнбергского трибунала не признавать Генеральный штаб вермахта преступной организацией. Они были согласны на вердикт о преступности Национал-социалистической рабочей партии Германии и ее военизированных формирований, получивших широкую известность под названием СС. Согласны были и на признание преступной целой государственной структуры – тайной государственной по-

лиции Третьего рейха, именованной гестапо. Они готовы были заклеить нацистских выскочек в генеральских мундирах, но признать оптом всех германских генералов преступниками – категорически нет. Почему?

А потому, что Германия, как государство, вела войну. Праведную или неправедную – иной вопрос. Главное, что это была война общегосударственная и всенародная, а германский генералитет, как государственный институт и неотъемлемая часть германского народа, не мог быть от этого в стороне.

Иначе в современной России. Военные действия в Украине, вопреки очевидным фактам, Россия не признает. Нет, как оказалось, на Донбассе российских войск, а все эти казачки, ополченцы и добровольцы... Извините, Россия здесь причём?

Только не учли московские аферисты, что Украина не беззуба. Возродившаяся из пепла украинская национальная специальная служба совместно со скрипящей украинской юстицией тщательно документируют каждое задержание, фиксируют каждое покаянное признание, документально устанавливают фигурирующих в них московских кураторов-шпиков-генштабистов.

– Для чего?

– Для суда.

– Вы думаете, суд будет?

– Будет. Обязательно будет. И в качестве преступной организации там профигурирует Генеральный штаб Вооруженных сил Российской Федерации. Генштаб вермахта Нюрнбергским трибуналом преступным всё-таки признан не был, а вот Генштаб ВС России будет. Потому, что... войны-то, оказывается, нет, а трупы, танки, «грады», вербовки, диверсии, убийства, разрушения и пр.пр. в наличии. И не просто в наличии и ассортименте, но и предварительно спланированные, подготовленные, профинансированные, организованные и контролируемые. И окажется вдруг, всё это – Боже, кто бы мог подумать! – ВОПРЕКИ воле высшего законодательного органа России.

Предвижу ухмылку и сквозь зубы: «Докажите».

Ребята, а ведь докажем. Докажем, хотя бы потому, что нам верят УЖЕ. Нашим медиа, а не Russia Today верят Америка с Европой. Москву попёрли не только из мировой восьмерки, но и из двадцатки. Российским банкам (по нашей просьбе) отказали в кредитах, российскую экономику (по нашему настоянию) подвергли изоляции. Это наш премьер публично обещал перекрыть

«Южный поток», а наш президент обещал России в наказание за агрессию мировые санкции. Это наш МИД обещал прокатить российскую военщину с «Мистралями», а наши генералы обещали парад в Севастополе.

Что? Последнее не выполнено? Так выполним. Вы сомневаетесь? Крым подлежит возврату.

И будет суд в Гааге, где будут судить мачо Путина, стесняшку Медведева, душку Лаврова, бравого Шойгу и остальную гопкомпанию – как военных преступников.

А вот мой племянничек, думаю, на том суде фигурировать не будет – не тот формат. Наверное, он будет ошиваться где-то в Москве или Подмосковье и мечтать проведать свою матушку в украинском Яготине под Киевом.

Я не предвижу слов его мамы, но не исключён вариант, когда её уста заговорят словами нашего пророка Тараса Шевченко:

*«Ой, Богдане, Богданочку,
Якби була знала,
У колиці задавила б,
Під серцем приспала...»*

Три года назад, в 2011-м, когда писалась эта книга, мне казалось, что излагаемые мною суперкрамольные и отчаянно смелые мысли взорвут общественность. Но после Майдана и российского вторжения мир изменился. Изменился также и взгляд на суперкрамольное и смелое. Теперь можно всё. Можно даже в центре Москвы несколькими сотен смельчаков выйти на площадь с протестом против путинской агрессии в Украину. Среди них был и кумир моего поколения, лидер группы «Машина времени» Андрей Макаревич.

– Вы верите, что своим поступком что-то можно изменить? – спросили его.

– Я не верю, что этим можно чего-либо добиться. Я обязан быть здесь. Иначе не могу.

Владимир Ушенко, январь 2015 г.

ИСПОВЕДЬ БЫВШЕГО СЛУГИ САТАНЫ

Перед тобой, уважаемый читатель, новеллы бывшего майора «вооруженного отряда» Коммунистической партии – КГБ, который прозрел ещё в те времена, когда это прозрение стоило ему карьеры. А мог поплатиться не только свободой, но и жизнью. В одной из новелл, а именно «Сатанинская организация», автор пишет: «Надо сказать, что в органы КГБ я шёл по собственному желанию, вдохновлённый многочисленными книгами-фильмами-рассказами о «холодной голове, горячем сердце и чистых руках». Я мечтал приобщиться к «когорте славных»...»

На самом деле в описываемые в книге времена эта организация занималась тотальным контролем над всеми жителями концлагеря под названием «Советский Союз». Руководство Коммунистической партии стремилось знать все и обо всех. И для выполнения этих задач было недостаточно «вооруженного отряда» в количестве нескольких сотен тысяч сотрудников. Необходима была, кроме того, многомиллионная сеть сексотов – «секретных сотрудников», которые принудительно или добровольно (были и такие) «доносили» на своих же товарищей, близких и даже родных. Этих помощников «компетентных органов» надо было вербовать, надо было организовывать их деятельность. Насколько все же отвратительной была работа «славных чекистов»! И не менее ужасны были ее последствия...

«Только один или два процента граждан СССР не идут на вербовку, – пишет автор. – Но это не проблема. Эти граждане либо идут в тюрьму, либо получают такую путёвку в жизнь, что лучше было бы им оказаться в тюрьме». Как известно, в СССР было написано 85 миллионов доносов граждан друг на друга. Сам знаю, что в каждой академической группе из десяти студентов имелся, как минимум, один сексот. Как результат – миллионы заключенных, сотни тысяч искалеченных на допросах и в лагерях ГУЛАГа. Действительно, КГБ была сатанинской организацией, которая имела неограниченную никакими законами власть. Эта была организация, без справки о лояльности от которой человека не принимали на руководящую работу даже самого низкого ранга. Неограниченная власть и безнаказанность «карающего меча революции» позволяли кагэбистам работать грубо, цинично и аморально. Подлыми, действительно дьявольскими методами добиваясь своих целей.

Однажды автор новелл ужаснулся: «Неужели я никогда не смогу от этого отмыться?». Он справедливо замечает, что человек, пишущий воспоминания о своей жизни, невольно украшает свои поступки, показывает их благородство, одновременно упуская те моменты, за которые бывает стыдно, которые упоминать неприятно. Но данный автор находит в себе силы переступить свой стыд. Он признается, что ему «несказанно мерзко и стыдно за свою тогдашнюю «государственную» деятельность».

Новеллы, которые ты видишь перед собой, уважаемый читатель, – это своеобразная исповедь бывшего слуги Сатаны. Их принципиальная ценность в их правдивости. Описывая реальные события, в которых участвовал бывший опер, автор демонстрирует умение анализировать и обобщать, мыслить масштабно. Написанные новеллы интересно и легко читаются. Мне импонирует то, что автор использует устоявшиеся словосочетания и аббревиатуры. Есть в текстах и остроумные слова и выражения. Скажем, замена русского термина «обыватели» подзабытым словом «посполитые».

А в целом, я завидую тебе, читатель. Я уже прочитал эту книгу, а ты ещё только получишь удовольствие от неё. Так что, читай, думай и не забывай нашего недавнего прошлого.

Леонтий Сандуляк,
*народный депутат Украины I созыва, соавтор
Левка Лукьяненко по написанию текста «Акта провозглашения
независимости Украины», один из основателей Народного руха
Украины и экологического движения в Украине*

Такой книги за двадцать лет украинской независимости мы ещё не читали. Я уже не говорю о предыдущих годах коммунистической деспотии. Конечно же, большинство из нас ознакомлены с книгами Суворова (Резуна), в частности, с его «Аквариумом». Но данные книги не имеют прямого сопоставления с нашей будничной реальностью, они освещают особые отношения в ГРУ.

Владимир Ушенко, бывший офицер КГБ, который порвал с этой организацией в 1991 году за две недели до так называемого «путча», излагает в своей повести будни районного кагэбэшника и методы работы этой действительно сатанинской

организации. Пишет он интересно, увлекательно, даже с иронией и сарказмом. Однако, тем не менее, рисует страшную картину нашей недавней действительности, описывает кагэбэшный шантаж и прессинг так называемых «врагов народа». В недалеких 60-х, 70-х и даже 80-х годах многие из них стали неврастениками, алкоголиками или же покончили жизнь самоубийством.

Автор, можно сказать без преувеличения, «поднимает целину» никем не тронутую, поднимает ее мастерски, талантливо. Безусловно, эту книгу надо читать.

Леонид Осауленко,
журналист, писатель, бывший «объект» КГБ, г. Луцк

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда я собирал документы для оформления своего призыва на действительную военную службу в органы КГБ, мама сказала:

– Значит, теперь ты сможешь безнаказанно убить человека?

Так она, исходя из своего жизненного опыта, понимала полномочия офицера советской спецслужбы.

А отец свой паспорт и метрику, необходимые мне для оформления документов, предоставив отказался:

– Ты на кого учился? На сахаровара? Вот и иди на сахзавод. Там от тебя будет больше толку. Да и мне перед людьми не надо будет оправдываться.

Отцовские документы я разными правдами и неправдами все же добыл, но его согласия и благословения на службу Родине не получил. Он, член ВКП(б)-КПСС с августа 1941-го, офицер-фронтовик Красной армии и сын царского кавалерийского унтера, был против моей службы в органах. О причинах я узнал только в 1989-м, после его смерти, когда нашел в списках украинских повстанцев, подлежащих всесоюзному розыску в сороковых-пятидесятых, имя его родного брата, а моего родного дяди.

Вообще-то с таким «компроматом» в КГБ не брали, но я туда всё-таки попал. Видно, «кадры», как говорится, недоработали.

Выписку с именем дяди я получил из 10-го отдела УКГБ СССР по Оренбургской области (архив «чекистско-войсковых операций»), который до сих пор хранит (если, конечно, хранит) бесценные сведения о деятельности ОУН и Украинской Повстанческой армии. Для нас, отечественных исследователей и их зарубежных коллег, большинство этих данных недоступно. Однако упомянутые архивы закрыты не полностью. Их методично и целенаправленно, но заранее необъективно и предвзято используют властные про-имперские политические силы в своих интересах. Запросы о передаче соответствующих материалов или просьбы наших исследователей об ознакомлении с ними до сих пор или не удовлетворяются или удовлетворяются, как говорится, «в части, касающейся...».

Эту книгу одни оценили как неинтересную, другие – как «бомбу». Почему?

Я объективно оцениваю уровень своего писательского таланта, но в данной работе определяющим является не талант, а именно тема. Она является «табу», так как не обсуждаема во все времена. В том числе и в эпоху демократических властных режимов. Я довольно основательно знаком с этой темой и понимаю, что такое государственные или отраслевые тайны, и чем они отличаются от частных данных или служебной конфиденциальной информации.

К государственной тайне относится и такой массив секретной информации, как настоящие имена агентуры, используемой «органами» в своей деятельности. Даже если сам действующий или бывший агент (его личное право) открывает окружающим свою причастность к спецслужбе – то и тогда государство не будет и не обязано эту информацию подтверждать или опровергать. Её попросту не предоставляют. Действующий (какую бы должность он не занимал) или бывший оперативный работник-агентурист, обнародующий подобного рода сведения, подлежит уголовному преследованию в соответствии с действующим законодательством.

Однако общество имеет право знать, изучать и анализировать свою настоящую историю с помощью, в том числе, и независимых исследователей, историков и аналитиков.

Согласно законодательству цивилизованных стран, нет такой тайны, которую нельзя было бы обнародовать 25 лет спустя. Какой бы ни была степень государственной тайны, общество имеет право её узнать через определённое время, а правительства обязаны проводить определённую действующим законодательством процедуру рассекречивания.

Так принято на Западе.

У нас тоже приняты законы, регламентирующие рассекречивание документов, составляющих государственные секреты не ранее чем через 30 лет после событий. Однако наше правительство в этом вопросе, мягко говоря, не инициативно.

Прорыв произошел во времена президента Виктора Ющенко. Служба безопасности Украины возбудила уголовное дело по расследованию факта, причин и последствий Голодомора 1932-1933 гг. Тогда в партархивы и архивы спецслужб были допущены не только отечественные, но и зарубежные специалисты. Благодаря этому стало возможным Постановление Киевского апелляционного суда от 13.01.2010 года о юридическом признании

этой страшной трагедии преступлением перед украинским народом. Поименно были названы её виновники.

Наше «постгеноцидное» общество не просто имеет право, а должно и даже обязано знать правду о своей истории. Однако наша власть этот процесс не инициирует. И здесь есть вопрос. Нашей власти это просто не нужно или же она сознательно замалчивает некоторые вопросы из нашей недалёкой истории? Я уверен, что здесь имеет место и то, и другое. Время идет, но по-прежнему имеется желание и стремление великодержавных имперских сил изменить трактовку истории.

Так, мне стало известно, что несколько лет назад уничтожены 800 (!) томов дела оперативной разработки на «Аскета» и «Лису» – такие «псевдо» имели объекты КГБ СССР Андрей Сахаров и Елена Боннэр. В Москве также уничтожили 58 томов ещё одного такого дела на правозащитника генерала Петра Григоренко. А вот недавно мне сказали, что и дело «Блок», хранившееся в Киеве, тоже уничтожено. А ведь дело групповой оперативной разработки «Блок», объектами которого были Василий Стус, Василий Овсиенко, Алексей Тихий, Иван Светличный, Алла Горская и другие украинские патриоты – это не просто наша история, а документальное подтверждение патологической ненависти московской орды к украинской идентичности.

Так имею ли я право молчать?

Владимир УШЕНКО

БУДНИ РАЙОННОГО ГЭБИСТА

повесть в новеллах

БЛИН КОМОМ

*«Никогда в жизни не делай ничего такого,
о чём нельзя было бы рассказать друзьям после обеда»
Оскар Уайльд «Портрет Дориана Грея»*

Лето 1983-го. В зоне посадки на пассажирский рейс в аэропорту Ташкента собрались пассажиры на Киев. Среди них и я в новенькой лейтенантской форме. У каждого свои заботы и своя жизнь: кто-то плачет, кто-то смеется, кто-то горюет, кто-то целуется...

Вдруг с громкой музыкой под гитару, с сигаретами в зубах и с водочными бутылками в карманах появляются три верзилы навеселе в форме гвардейского десанта. У одного из них, ефрейтора, на груди горит бронзой медаль «За боевые заслуги», у сержанта, кроме бронзы, сияет серебром еще и медаль «За отвагу», а у прапорщика – серебряно-рубиновая «Красная Звезда». Сзади семенит местный милиционер-узбек, на которого «герои» откровенно хотели плевать: «Пшёл вон отсюда, чурка. Не видишь – дембеля с войны домой летят?» Еще бы, ведь они – герои-афганцы.

Толпа пассажиров расступилась. Неспешной и развязной походкой трое служивых прошли вперед к испуганной стюардессе. И тут вдруг остолбенели, увидев мои васильковые петлицы и такого же цвета просветы на погонах. Сигареты выпали из их ртов, бутылки быстро переключались в вещмешки, пуговицы, будто сами собой, застегнулись, ремни подтянулись. Они лихо вытянулись предо мной во фронт:

- Здравия желаем, товарищ лейтенант!
- Вольно, – скомандовал я.

Уже когда самолет был высоко в небе, ко мне с подносом, на котором стоял стакан воды, подошла стюардесса и тихонько спросила:

- А что вы им такое сказали, что они вдруг стали смирными?
- Ничего.
- И всё же?
- Они просто увидели цвет моих петлиц.
- И что он значит?
- Комитет государственной безопасности.
- Ну и что?

– Это вам «ну и что», а они бывалые. Они знают, что это значит.

Из Средней Азии в родной Киев я, выпускник школы КГБ, дипломированный лейтенант-агентурист госбезопасности, летел на крыльях гордости «Аэрофлота» – лайнере Ил-62. Позади оставались впечатления от Ташкента, от людей, встретившихся мне там, от их обычаев и обрядов, от непривычного мне климата и колоритных базаров, от обучения в «вышке» и её преподавателей, от усвоенного материала, от сокурсников, новых друзей и товарищей.

Киев встретил меня приветливым летним теплом, пышной зеленью и откровенным равнодушием подполковника-кадровика управления КГБ УССР по городу Киеву и Киевской области:

– Какие квартиры в Киеве? Ты что, дружок? Да и вакансий здесь нет. А ты, я вижу, из Яготина? Вот и дуй на свою родину, в Переяслав-Хмельницкое отделение. Будешь жить дома и работать на славу...

А вот в Переяслав-Хмельницком, на улице Одинца, где приютилось райотделение КГБ, мне были рады:

– Принимай участок работы: целую Згуровку с окрестностями! Есть, где разгуляться.

Начал с литературных дел: на всю Згуровку – страниц двадцать. Все остальное находилось в киевских архивах. Из этих двадцати страниц узнал, что Згуровка когда-то была районом. Затем её присоединяли и к Черниговской, и к Полтавской областям, а сейчас она – в Киевской области.

В печально знаменитых сороковых здесь даже было свое независимое отделение НКГБ-МГБ, где «трудилась» целых пятнадцать оперативных офицеров-агентуристов. Интересно, что они здесь делали? Ведь один офицер – это 20-30 агентов и до ста доверенных лиц... Как потом выяснилось – так было везде. Чекистов, маскировавшихся под милиционеров «угро» (уголовного розыска), было втрое, а то и впятеро больше самих милиционеров «угро», и работы было предостаточно.

Поражали также фамилии оперов: Меклер, Вайнштейн, Атлас, Файнберг, Рабинович, Халфин... Был даже Мойша Иванов. А начальником у них был капитан Коровин. На хозяйстве имелось личное оружие, пулемет «Максим», бричка, телега и четверка лошадей.

Когда читал эти страницы, то посмеивался, не осознавая, что «если партия скажет», следующим «Мойшей Ивановым» придется стать мне. Даже будучи внутри системы, до конца осознаешь, для чего ты находишься в ней. Это понятно только со стороны, а внутри – азарт, кураж и ... безответственность.

Однако самыми интересными были все-таки литературные дела родного мне Яготина, которые мне милостиво, как «аборигену», давал потихоньку просматривать местный яготинский опер, майор Василь Васильевич.

Что же это такое – литературные дела?

Это гениальная придумка какого-то царского жандармского генерала, или, может, сталинского НКВДешного комиссара. Заключается она в накоплении внутри отдельных оперативных подразделений определенных документов. А именно, уже отработанных оперативных или уголовных дел, статистических справок о населении или проживающем здесь контингенте. О его национальных особенностях. О взаимоотношениях отдельных групп. О социальном или имущественном положении отдельных слоев населения. О природных катаклизмах, технологических авариях, эпидемиях или массовых протестах с беспорядками. Решения по наполнению этих дел теми или иными документами принимают начальники конкретных подразделений. По характеру имеющихся документов можно оценивать их работу. Встречались мне иногда и «перлы» – особо интересные или показательные агентурные сообщения.

Вот как бы вы, например, отреагировали на справку, датированную примерно серединой 50-х годов, следующего содержания:

«Наш особо ценный агент «Труп Петрович» (созвучно со школьной кличкой моего учителя химии): уличен в двурушничестве. Он был направлен на изучение Ивана Болбота (отец моего школьного товарища), подозревавшегося в причастности к украинскому буржуазному национализму и который все вечеринки или застолья с участием местной молодежи переводил на хоровое исполнение буржуазно-националистических песен. Однако в ходе личного общения наш агент расшифровал перед объектом факт заинтересованности им со стороны органов госбезопасности, после чего Иван Болбот уехал с места жительства на народнохозяйственные стройки Дальнего Востока».

Далее резолюция начальства:

«1. Установить место нахождения Болбота Ивана Платоновича и отправить копию агентурного сообщения в соответствующее подразделение КГБ для его дальнейшего изучения.

2. Агента «Труп Петрович» исключить из агентурной сети по недоверию с постановкой на учет в областной оперативно-справочной картотеке.

3. Об исключении агента – учителя местной школы, из агентурной сети КГБ СССР проинформировать первого секретаря Яготинского райкома партии».

Но вернёмся к нашему рассказу.

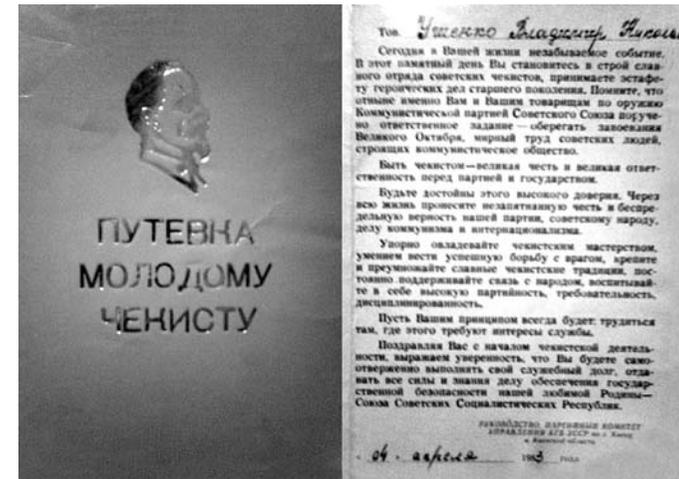
Итак, участок работы достаточно прост: сахзавод, сельхоз-техника, сельхозхимия, один совхоз, четырнадцать колхозов, три православных прихода, секта баптистов, поселок, двадцать одно село и пятнадцать хуторов, двенадцать тысяч населения и один агент. Дел оперативного учета не вели уже лет десять, уголовных дел гэбэшного профиля – тоже. Среди них, правда, ещё числилась оперативная подборка на некоего Олега Жупанского. Но самой подборки в сейфе не оказалось, ее передали в киевское управление и приобщили к делу на «махрового вражиную-националиста», а запись о передаче сделать забыли.

Кстати, подборка – это то же дело оперативного учета, правда, ведущееся без санкции областного начальства. Все такие дела начинались с подборок, а уже потом, на основании полученных материалов, писался рапорт на генеральское имя и после его утвердительной санкции заводили дело, куда первыми подшивались материалы этой самой подборки.

Меня предупредили, что Олег Жупанский – один из выпускающих редакторов киевского издательства «Веселка», иногда приезжает домой в Згуровку, где дома или у друзей за рюмкой может вести «антисоветскую буржуазно-националистическую агитацию».

Забегая вперед, признаюсь, что мне так и не посчастливилось познакомиться с этим знаменитым Олегом, однако бумаг, касающихся его личности, пришлось исписать, пожалуй, с целый том. Это были ответы на запросы типа: «...а не был ли он такого-то числа в...», «...а не было ли в его окружении известного N...», «...а как он реагирует на выступление Генерального секретаря на съезде...», «...а не хранит ли он дома литературу буржуазно-националистического содержания...».

Почесав затылок и протянув что-то вроде «Да, один агент – не густо...», я отправился к начальнику.

Руководил нами тогда майор Дмитрий Григорьевич. Это уже потом я узнал, что в это тихое болото, как его называли, Митя-фармацевт попал благодаря своему родственнику, в то время генералу, заместителю председателя республиканского комитета Степана Несторовича Мухи.

Митя был когда-то парашютистом-десантником. Рассказывал, что во время Карибского кризиса в 1963 году он четверо суток подряд ночевал внутри самолета, не снимая парашюта. После службы учился на фармацевта. Когда же свояк дослужился до генерала, Митю призвали в органы, присвоили офицерское звание и уже через год он объявился в Переяслав-Хмельницком отделении старшим лейтенантом на подполковничьей должности начальника райотделения КГБ.

Без сомнений, Митя был колоритным человеком. Перед начальством, партсекретарями, их водителями, секретаршами и телефонистками он откровенно пресмыкался и даже этим гордился. Однако перед подчиненными и подозреваемыми (а в эту категорию попадало все население вверенных ему районов) выказывал себя откровенным самовлюбленным самодуром, чем, кстати, тоже гордился.

Как-то к нам на службу прислали молодого лейтенанта Толю Мазийчука. Он ехал с другого конца области через Киев и, понятно, что в Переяслав попал где-то к обеду. Когда же представился начальнику Мите, тот побелел, покраснел, потом надулся, словно пузырь, и уж затем разразился матерной бранью. Он не мог понять, как смел молодой офицер такого преданного партии и народу комитета опоздать на службу? Минут двадцать Митя унижал и оскорблял новоприбывшего, поставив его по стойке «смирно», а потом хлопнул дверью и отправился на обед.

Толя потом рассказывал, что это время он провёл в тяжелых раздумьях: что же делать? Промолчать или же вlepить между глаз этой наглой начальственной роже, высказав все, что он думает о Советской власти... В результате он сдержался и покорился.

Так началась Толина служба. А закончилась она трагично. Где-то, кажется, в 2006-м у него, старшего офицера черновыльского отдела СБУ, прямо из служебного кабинета спёрли (на продажу) личное дело особо ценного агента. Вместо того, чтобы искать предателя-«крота» в своих рядах, отцы-генералы приняли «мудрое решение» и против Толи было начато уголовное дело за «несоблюдение режима секретности». Его «вину» доказали, осудили условно, а после суда он пришёл домой, лег на кровать и заснул, чтобы уже никогда не проснуться. Его сердце не выдержало пережитого унижения, подлости и несправедливости.

Это потом мы привыкнем к Митиному самодурству и даже будем к этому относиться по-философски. А в начале службы товарищ майор был для нас «царь, бог и воинский начальник».

Когда я направился к Мите с вопросом о Згуровке, тот лениво приказал представить ему предложения по организации агентурного аппарата «згуровского куста», в котором необходимо было предусмотреть количество, расстановку и возможности агентурных сил и средств. Агентов мы должны были иметь в больших трудовых коллективах, на узле связи, в школах. Нужно было отыскать и завербовать нескольких агентов-рейдеров, которые по своим должностным обязанностям могли беспрепятственно посещать любое село, дом или квартиру. Само собой разумеется, что такие идеологические «антисоветские гнезда», как церковные приходы, религиозные секты, неформальные кружки, творческие союзы или даже хоры художественной са-

модеятельности тоже должны были контролироваться, если не агентурой, то хотя бы доверенными лицами. Так я сам себе «запрограммировал» необходимость вербовки агента в местной средней школе.

Слушая разглагольствования пострадавших от «большевистского произвола» и чудом выскользнувших из рук кровожадного КГБ «заслуженных руховцев», удивляюсь, сколько сил и стараний они вкладывали в поиск «агента КГБ» в своём окружении. Даже тогда, когда эти руховцы впоследствии пришли к власти и получили возможность ознакомиться с методами «оперативного сыска», они не переставали «обрушиваться» на каких-то там «агентов».

Видимо в этом и заключается главное достижение страшного оперативного искусства: заставить искать виноватого среди своих. Кажется, что предатель – вот он, рядом, живёт через дом, на работе тебе поддакивает, пьёт с тобой пиво или водочку, делится сплетнями и анекдотами, а потом бежит к оперу, чтобы настучать и высказать о твоём тайном ...

На самом деле все проще и ужаснее.

Среди оперов ходил такой анекдот: вышел утром гэбэшник начальник на крыльцо, потянулся и сказал: «Кого сегодня будем вербовать?» Потягиваясь, разводит руками из-за шеи, а потом вдруг тычет пальцем в случайного прохожего. «Вот его».

В реальной практике гэбэшная служба ищет сначала объект, то есть подозреваемого, на которого открывается охота. Чем охота закончится – неважно, может, это будет уголовное дело, может профилактика, может вербовка. Это по науке. Может быть и «ликвидация» по «оперативной необходимости». Но объект иногда нужно сломать, заставить каяться, изменять своим принципам. Можно превратить его в инструмент предательства и даже убийства, его можно даже убить, если партия прикажет. И начальство подтвердит этот приказ.

Опер может всё, но не имеет права действовать по собственному желанию. На страже этого правила стоит собственная внутренняя инспекция. И это не какая-то там милицейская инспекция по личному составу, выискивающая среди милиционеров нарушителей закона и взяточников. Гэбэшники взяток не брали, а профессионально нарушать законы их учило государство, на страже интересов которого и стояло беззаконие. Следовательно,

беззаконие признавалось удобным и уместным только в отношении тех лиц, на которых указывала партия. Именно она отдавала команду «фас».

Часть советских людей вербовалась охотно, воспринимая это как доверие по отношению к себе. Затем, осознав, что они просто обмануты, люди мучались своим отступничеством, становясь неврастениками, психами, а то и самоубийцами. Других запугивали. С момента вербовки они жили в постоянном страхе, и тоже кончали, как правило, не лучшим образом. Еще какую-то часть граждан вербовали «под чужим флагом», то есть как бы не для служения КГБ, а от имени националистов, бандитских формирований, представителей иностранных разведок и т.д.

Среди вербуемых попадались и такие граждане, которые вели себя так, будто бы это не их вербуют, а они по собственной инициативе «вербуются» на службу. Это были прирожденные дельцы, подлецы и подхалимы. Они умудрялись работать на КГБ только за деньги или иные блага. Из их числа получались оперативные агенты. В спецшколе нам рассказывали, что всё Политбюро ЦК КПСС, а также секретарей обкомов во все времена «набирали» исключительно из «архивной агентуры».

Ещё часть агентов вербовали насильно: людей ловили на «компромае», то есть на криминале, краже, каком-то некрасивом проступке, на «женщине», порой в ситуации, которую гэбэшники организовывали специально.

Если именно конкретный кандидат нужен позарез на вербовку, то на помощь приходит специальная группа офицеров-психологов вербовщиков из областного управления или даже из центрального аппарата. Тогда проводится специальная разработка кандидата и, как говорят старые и опытные опера, «спецы сбоя не дают». «Клиента» додавливают, т.е. доводят до нужной кондиции, а потом передают на связь нужному оперу.

Итак, когда найден объект, под него вербуют агентов. Не этого, так другого. Или обоих, или всех, кто контактирует с объектом. Только один или два процента граждан СССР не идут на вербовку. Но это не проблема. Эти граждане либо идут в тюрьму, либо получают такую путёвку в жизнь, что лучше было бы им оказаться в тюрьме.

Однако объект надо ещё найти, а для этого нужна так называемая сигнальная агентура для освещения ситуации и провер-

ки самых сигналов. Одним из таких и должен был стать агент из числа учителей средней школы. Поэтому, делаем все по науке: подыскиваем нескольких кандидатов, изучаем их на предмет возможности использования в качестве агентов, подбираем им всевозможные «легенды» и все такое прочее.

Останавливаюсь на двух молодых ребятах.

Пишу рапорт начальнику отделения об установлении оперативного контакта, то есть официального знакомства кандидатов с легальным сотрудником КГБ. Знакомлюсь с обоими (естественно, по отдельности), обращаюсь с просьбой выполнить невинные, ни к чему не обязывающие, «поручения», потом ещё и ещё. Встречи перевожу на нелегальную основу (то есть прячусь, где придется).

Потихоньку присматриваюсь к одному из них, Константину. Эрудированный, ответственный, спортивный, компанейский, выпивает в меру, нравится женщинам, люди ему охотно раскрывают душу. В общем, тот человек, что надо. Между нами чувствуется взаимная симпатия, однако он несколько напряжён... Но ничего, я его понимаю. Здесь всё-таки село. Ему «светить» своё общение с опером ни к чему, поэтому обещаю быть аккуратным...

В этом случае, каюсь, сам дал «пенку», ошибся. Дело в том, что я спешил выслужиться и к установленной Митей дате обещал «закрыть» район агентурным аппаратом. Одновременно «вёл» нескольких агентов, с десятков кандидатов на вербовку, поэтому «перестарался» и недооценил Костю, предполагая, что ему действительно некуда деться и он практически готов к сотрудничеству.

Организовываю контрольную встречу кандидата на вербовку, школьного учителя Константина, со своим начальником. Боже, Митя – как новая копейка, улыбается, льстит, щеголяет знанием литературы, поэзии, международной политики, тут же играет в принципиальность, честность и историческую ответственность социализма...

С облегчением пишу рапорт на вербовку агента, который Митя самолично повёз генералу. Назавтра мне официально сообщают о получении генеральской санкции на вербовку агента, но у меня, кроме этого, шесть вербовок к концу полугодия. А еще в проверке несколько сигналов, один из которых с подозрением на украинский буржуазный национализм, а второй –

страшно подумать – на шпионаж, и этот последний находится на контроле у того же генерала.

И всё бегом, и всё надо успеть...

Выбираю предложенный мною же в рапорте вариант вербовочного подхода, хотя его и не обязательно было выполнять, главное – результат. Подкатываюсь к Косте и притворно буднично и как бы спешно прошу выполнить «простую формальность»: написать бумажку для «внутренней бухгалтерии» (мол, знаешь, парень, мы тоже в этой системе отчетности и бумажного контроля).

- А что за бумажка?
- Подписка о неразглашении.
- Неразглашение чего?
- наших с тобой взаимоотношений.
- То есть вербуешь?

Тут я беру паузу, а Костя добавляет:

– Слушай, я же не урка и не болван. Сам знаешь, я недавно читал Юлиана Семенова – после подписки дороги назад нет.

– А ты не согласен на сотрудничество?

– Не согласен. Сотрудничать с КГБ, являться для вас источником информации – категорически отказываюсь! Если станешь давить, а я в курсе, как вы это умеете делать – не буду жить.

Такого поворота я действительно не ожидал и даже растерялся, однако, как говорил ещё полководец Суворов, «все уставы пишутся кровью». Вдруг вспомнил о своем рапорте, где механически-автоматически, однако подробно описывал необходимые действия в случае отказа кандидата от сотрудничества. Костя, согласно составленному областным офицером-аналитиком психологическому портрету, был из той категории людей, которых нельзя было заставлять или уговаривать.

– Ну, раз нет, значит, нет. Подумаешь... Без тебя обойдусь.

Мы холодно и вежливо прощаемся.

Назавтра Митя как с цепи сорвался: полчаса меня распекал с криками, с настоящей истерикой. Бегал по кабинету, размахивал руками, топал ногами, наконец, задел графин с водой и... Только после этого успокоился в мокрых штанах среди битого стекла.

– Слушай, а ведь ты в рапорте писал, что Константин – кандидат в члены партии и претендует на должность завуча школы? Ты писал правду или это были пассажи для генерала?

– Да, это правда.

– Тогда скорее беги в райком партии к председателю парткомиссии. Там как раз сидит наша доверенная. Она моментально этому чистоплюю кислород перекроет. Будет ему и должность, и партбилет...

Левобережная Гетманщина «от Киева до Прилук». Через Днепр напротив Переяслава – Букринский выступ, сверху справа – Прилуки с базой стратегической авиации, слева – столица, Киев.

Еду в Яготинский райком (Згуровка тогда была частью этого район), а на душе кошки скребут. Костя, ясно, гнилой сельский интеллигент и чистоплюй несчастный, но пакости ему делать только для того, чтобы он помнил, с кем связался, было откровенно неприятно. Всё-таки я сам виноват, поспешил, не подготовил его, как следует... Да и вообще, другой кандидат был бы, пожалуй, лучшим, а Костю надо было держать как доверенное лицо, то есть, на доверии, без подписки. И какие-нибудь сплетни он бы мне, так или иначе, рассказывал бы.

Захожу в райком и почему-то вспоминаю, что это здание строил отец моего друга детства. А вот здесь, на первом этаже, меня принимали в комсомол. Как я тогда переживал! Испуганно повторял вопросы-ответы и почему-то думал, что меня могут и не принять. Еще вспомнилась одна из лекций спецшколы КГБ,

где отмечалось, что опера ни в коем случае нельзя направлять в тот район, где он вырос или учился. Причина в том, что опер должен быть свободным от личных отношений, которые могут повлиять на оперативные комбинации...

– Тьфу, ерунда, – говорю я про себя и стучу в дверь кабинета председателя парткомиссии при райкоме партии.

– Заходите, – я открыл дверь и замер на пороге. За столом сидела Мирослава Михайловна – моя бывшая и незабываемая классная руководительница, она же, как я теперь осознал, – председатель парткомиссии и доверенное лицо нашего начальника Мити. То, что Мирослава доверенное лицо КГБ, меня не удивляло. Я был в курсе, что её муж – бывший офицер-оперативник уголовного розыска, а потом и начальник районной милиции. Именно поэтому, что такое «агент-резидент», она должна была хорошо знать. Однако от того факта, что именно она является главой парткомиссии, именно ей я должен «сдать» Костю, мне стало не по себе.

Я сидел перед Мирославой, будто школьник с невыученным уроком перед строгой учительницей. Она меня спрашивала, а я мялся и бормотал что-то нескладное...

– Ладно, не мнись, – сказала мне Мирослава, – только что мне звонил твой Митя. Кого надо запрессовать и по какой причине?

С Мирославой, как с близким человеком, можно было поговорить обо всём. Я откровенно рассказал о своей ошибке, о том, как мне жалко ни в чем не виноватого Костю. Парень случайно, без особой вины попал под каток системы. И вот эта система должна была теперь уничтожить не только его карьеру, но, возможно, и жизнь. Справка об отказе от сотрудничества с органами всё равно останется в литерном деле райотделения. А, следовательно, в оперативно-справочной картотеке республиканского комитета будет выставлен «сигнальный маячок» на него, как на неблагонадежного.

Мы с ней долго сидели и раскладывали настоящий сложный оперативный пасьянс по спасению молодого учителя, которого Мирослава, как бывшая заврайоно, сама в свое время рекомендовала к вступлению в КПСС.

Мирослава, сильная и волевая женщина, не боялась никого и ничего, и всё взяла на себя. Она тут же позвонила Мите и поставила ему ультиматум: или он закрывает все вопросы по

Косте, ее протее, или она уже не «доверенная» и все вопросы КГБ в райкоме будет блокировать. Ясно, что Митя моментально «испекся», начал плакать и валить все на киевское начальство, а он сам тут не при делах и готов для Мирославы на все, что угодно... Митя был как всегда неотразим. Для начальства и женщин – неоценимая находка.

Однажды, так лет через десять после моего увольнения из КГБ, случай свел меня с Константином Александровичем, уважаемым директором средней школы с многолетним стажем. Была возможность поговорить и даже немного выпить. Эти посиделки закончились тем, что Костя наотрез запретил мне платить по счету.

– Наше прошлое стоит того, чтобы я оплатил Вам хотя бы этот обед! – сказал он. – Главное же заключается в том, что никто никого не предал, никто никому не хотел сделать зла, а значит, никто не виноват в произошедшем!

– Кто знает, как бы всё получилось, если бы не Мирослава, – ответил я.

САТАНИНСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Когда человек пишет воспоминания о своей жизни, то невольно украшает свои поступки, акцентирует свое благородство, упускает те моменты, за которые ему сейчас неловко.

Надо сказать, что в органы КГБ я шёл по собственному желанию, вдохновлённый многочисленными книгами-фильмами-рассказами про «холодную голову, горячее сердце и чистые руки». Я мечтал приобщиться к «когорте славных», не зная, что тогдашний шеф советской спецслужбы Юрий Андропов, пользуясь своим высоким положением члена политбюро, ещё в конце шестидесятых добился принятия специальной государственной программы по популяризации советской истории и советских карательных органов. Последние теперь должны были позиционироваться, как «сияющий меч революции», где мечу, естественно, отводилась роль благородного символа, а не орудия насилия и угнетения.

Государство тратило значительные бюджетные средства на создание образа человеческого благородного общества свободных людей – строителей коммунистического общества. Даже сегодня существует достаточно мощная ностальгия за «советами», за «сытой и счастливой» жизнью при коммунистах. В этом немалая заслуга, без преувеличения, выдающихся кремлевских идеологов Суслова и Андропова, сумевших заставить общественность забыть о массовых и личных трагедиях, катастрофах и ужасах 20-х, 30-х, 40-х и 50-х годов.

Поэтому, когда студента-волонтера Московской Олимпиады-80, а точнее, ее киевского футбольного турнира (мне доверили торговать мороженым в пресс-центре Республиканского стадиона из-за моего знания английского) перехватили «ребята в штатском» и предложили поработать на Родину, моей гордости не было предела. Ещё бы! Мне доверена высокая честь! Поэтому подписку о сотрудничестве в качестве агента написал без оговорок и угрызений совести. Правда, мне так и не суждено было разоблачить никого из «установленных и подозреваемых» из иностранных изданий и информагентств в чем-то подрывном или противозаконном.

Однако Олимпиада закончилась, иностранцы разъехались, а «ребята» не исчезали. Будто бы и отказать им было неловко, но «сдавать» своих друзей-студентов и преподавателей было уже не в жилу. На каком-то этапе я уперся, что сразу же почувствовал мой опер. Он тут же предложил: «А ты что собираешься делать после окончания института? А не хочешь к нам в госбезопасность? Ну, а если хочешь – надо почувствовать все, чем мы занимаемся. А занимаемся мы вопросами более серьезными, чем какая-то там контрразведка».

Офицерами Советской армии, в основном, становились через военные училища, потому как требовалось знать тактику, технику, методы управления и психологию людей. Да и вопросы морали там являлись не лишними – защитники Отечества иногда и жизнь отдают за него.

В оперативники уголовного розыска дорога другая. Требования к ним специфические, ведь приходится тесно работать с криминальным миром и с лицами, которые имеют несколько отличные от общепринятых представления о чести и совести. Да и без знаний юриспруденции делать там нечего, ведь даже то,

что было добыто незаконно, обманом, хитростью или принуждением, все равно надо предъявлять прокурору, как полученное в полном соответствии с действующим законодательством. Иногда, правда, приходилось договариваться и с прокурорами, но это иногда...

К оперативникам же КГБ требования были ещё более... особые. Оперативный контингент здесь оппозиционный, а значит, думающий, читающий и осознающий свои действия. Ещё со времен «отца народов» Сталина известно, что оппозиция – это «выродки, предатели иностранных разведок и эмигрантских центров». Они борются против собственного народа, против партии, против государства. Хочешь для народа блага – поступи в коммунистическую партию и дерзай.

Поэтому нельзя допустить, чтобы оперативник проигрывал объекту в знаниях, интеллекте или информированности. Он должен быть не просто образованным, но и сознательно преданным делу партии, нетерпимым к её врагам и тем, кто сомневается в истинности ленинских идей. А ещё он должен иметь опыт руководящей или педагогической работы и... не быть «юридически зашоренным», ведь идеи коммунизма выше любой «социалистической законности». Среди оперативников иногда попадались выпускники юридических вузов, но только «иногда». Выпускники же вузов КГБ тоже, правда, считались «юристами», но это были наши, чекистские юристы. Все необходимые качества и знания, как правило, приобретались кандидатами на работу в органы КГБ позже. Итак, если армейский лейтенант в 25 лет считался «переростком», то лейтенант-агентурист КГБ в 30 лет – нормальное явление.

Оперативников так называемых территориальных органов отбирали из партийно-комсомольского актива и из инициативной агентуры. Выпускники же вузов КГБ, поступившие туда после школьной скамьи, попадались среди нас очень редко. Из них формировали подразделения легальной зарубежной и внутренней разведок. Например, в нашем отделении некоторое время служил генеральский сынок из Москвы, которого заслали к нам за пьяные «залёты». Впоследствии, «залетев» уже у нас, он, несмотря на родительские заслуги, был тихо уволен.

Надев офицерские погоны с васильковыми просветами, я стал довольно значительным номенклатурным лицом советского

общества, причастным к «власть имущим», к хозяевам этой жизни. Изменилось мое поведение, язык и даже походка. Мои друзья и соседи стали уважительно величать меня по-отчеству и даже на «вы». Одновременно я отдалялся от них, мне не доверяли сокровенное, не делились наболевшим. Одномоментно я превратился в «шишку». Своей причастностью к такой важной государственной институции я, несомненно, гордился, иногда даже этим злоупотреблял, но старшие товарищи всегда ставили меня на место – опер вообще должен быть незаметным, делать свою работу тайно, без огласки и подозрений. Изучая в «вышке» предмет СД-4 (специальная дисциплина 4 – история органов государственной безопасности), мы узнавали, что оперативников-агентуристов ОГПУ СССР в тридцатых вообще заставляли работать без удостоверений. И ничего, было трудно, но получалось.

В моё же время у каждого столичного оперативника или у направленца-линейщика (разведчика наружки или оперативника линейного управления) в кармане имелась не только своя ксива, но и три-четыре документа прикрытия («крыши») – липовые удостоверения работника милиции, финансовых или страховых органов, а то и даже удостоверение следователя Прокуратуры СССР по особо важным делам. Правда, нам, районным, такие документы не выдавали, в своих селах и городках мы были уж слишком заметны. А еще владельцы «крыш» с собственными на них фотками должны быть особенно надежными и проверенными. Впрочем, имелось множество историй о потере таких ксив по пьяни или неумелого, непрофессионального их использования.

Наш же брат, районный опер, «залетал» примерно так. В свое время, в одном из райотделений области был офицер, любивший, изрядно выпив, оседлать служебный мотоцикл, выехать на трассу, вытащить пистолет и остановить движение транспорта. Милицейские ГАИшники к нему не могли подступиться, и он наслаждался «данной ему властью». Ясно, что, будучи трезвым, он всё отрицал и обещал «размазать» наглых ГАИшников по асфальту. Но они все же его сдали. «В результате удачно организованной и успешно проведенной чекистской операции» этого опера застучали пьяным на трассе и по-тихому «попросили» из органов.

Но даже такие анекдотические случаи не могли посеять сомнения в головах «избранных», тем более что с подобным поведением оперативников в органах беспощадно боролись.

Даже когда я был приобщён к страшной тайне существования системы агентуры-оборотней среди наших простых людей, а не среди «врагов», когда понял, что настоящими «врагами» системы являются те же посполитые (здесь и далее в значении «обыватели» – прим. редактора), которых надо держать в повиновении, – то и тогда чувство значимости и необходимости выполняемой работы ещё не оставило меня. Перелом произошел позже, когда в результате выполнения одной сверхважной и весьма сомнительной с нравственной точки зрения задачи мне в глаза сказали, что я служу Сатане в настоящий сатанинской организации. И я промолчал. И не потому, что не нашелся что ответить. Отвечать было нечего. Мне сказали правду, и ею пригвоздили меня к позорному столбу.

А началась эта история обыденно.

Мерилом весомости гэбэшного опера и приносимой им обществу пользы было ведение дел оперативного учета на уже разоблаченных и только «разрабатываемых» врагов. Однако на протяжении почти трех лет моей службы эти проклятые ДОУ (дела оперативного учета) для меня были недоступны. В отделении я исполнял «чернуху» – организовывал свой агентурный аппарат для получения сигнальной информации. Выполнял многочисленные запросы кадровиков и оперативников со всего Союза. Из них я узнавал, что «враг не дремлет», и где-то ребята действительно занимаются настоящим делом. Был на подхвате у начальника и старших оперов; выезжал на пожары, технологические аварии и катастрофы. Принимал участие в расследованиях злоупотреблений и краж в особо крупных размерах, в которых подозревался явно не простой народ, а лица, приближенные к власти, и носители заветных партбилетов. Меня угнетало отсутствие настоящего дела, где я сам бы определял необходимость проведения той или иной акции, или острого оперативного мероприятия, в котором я сам бы привлекал смежников из оперативно-технического управления, или наружного наблюдения, где мне бы была доверена роль инициатора создания планов оперативных разработок и комбинаций и где я действительно мог бы показать, на что способен.

Время шло, служба протекла. Меня постоянно упрекали за отсутствие дел, слабость агентуры и полученных сигналов, постоянно тыкали в какие-то недоработки, недописки. Особенно

бесили замечания начальства на орфографические ошибки в документах. На самом деле дело было не в ошибках, а в самодурстве моего руководства, которое даже свою природную неграмотность ухитрилось реализовать по знаменитой схеме «начальник – ты дурак».

И вот однажды начальник расписал мне для ознакомления документ из какого-то сибирского райотдела, в котором сообщалось, что на вверенную мне территорию после семи лет тюремного заключения и пяти лет ссылки возвращается с целью здесь осесть объект, в свое время осужденный по части второй статьи 62 «Измена Родине» в форме «антисоветская агитация и пропаганда». К документу прилагалась справка «по делу». В ней неизвестный мне опер утверждал, что после проведения акции по распространению самопально изготовленных двух десятков листовок в людных местах городов и городков Западной Украины, объект был «изобличен и осужден». Вину свою не признал, наказание отбывал на общих работах (т.е. по полной программе и без всяких послаблений), наказаний в штрафном изоляторе не отбывал, «вину свою не осознал и не раскаялся», ведет себя «вызывающе», от сотрудничества со следствием и в дальнейшем с органами КГБ демонстративно отказался.

То есть, по всему выходило, что едет ко мне «враг», которых ещё надо поискать.

Прилагалась также еще его краткая биография и характеристика: уроженец западной Волыни, к осуждению «не привлекался», образование – мехмат Киевского университета и исторический факультет пединститута, имеет авторские свидетельства за изобретения, публикации в прессе. Работал преподавателем профтехучилища, а затем техникума. Холост, тихий, спокойный, неконфликтный, замечаний по выполняемой работе и внутренней дисциплине не имеет, характеристики с места работы положительные.

Резолюция моего начальника была тоже многословна и заслуживает того, чтобы ее вспомнить. Мой шеф ставил задачу проинструктировать доверенных сотрудников милиции и паспортников по недопущению «под благовидным предлогом» приписки объекта на территории района, нацелить агентуру на выявление мест возможного трудоустройства, провести соответствующую «разъяснительную работу» с руководителями, установить контакт с родственниками, у которых объект соби-

рается остановиться и приписаться, определить среди них лиц, с которыми возможны доверительные отношения или даже оперативный контакт.

Не надо даже говорить, что объект на вокзале я встречал лично.

Сразу же его вычислил, хотя на свою фотографию он был мало похож – «зек он и есть зек» – и «повел», как учили. Надо сказать, что это был первый в моей практике случай личного «ведения» объекта. Дело «оперативного наблюдения» (ДОН) будет заведено несколько позже, привлечь к работе бригаду наружного наблюдения из соответствующего вспомогательного управления возможности ещё не было, на это нужна санкция начальства и основание – зарегистрированное «дело». А потому всё делал сам.

Ясно, что он сразу же направился к сестре, где уже «отработанный» мною её муж четко поставил объекта на место: «В нашем роду зеков не было, поэтому мы тебя не примем. Иди куда хочешь». Сестра, правда, в слёзы... Объект было уже повернулся, чтобы уйти, но она его остановила.

Часа через три (я уже замучился сидеть в машине напротив их дома) объект вышел «с вещами» и уныло побрел в сторону милицейского участка. Там его, как родного, встретили мои доверенные и вежливо сообщили, что с радостью припишут, но после того, как он найдет работу.

Нельзя не сказать об эффективности этого действительно иезуитского способа унижения и издевательства: не пропишем, пока не найдете работы, а на работу не примем без прописки. В таком состоянии мой объект будет находиться ещё некоторое время, которое лично я истрочу на написание более килограмма бумаг, среди которых будет заветное и долгожданное мною дело «оперативного наблюдения», отличающееся от всех других дел тем, что оно не будет иметь четкого конечного срока. Пока объект не покается и не согласится на вербовку в качестве агента КГБ – постоянные высокопрофессионально организованные советской системой и честными чекистами гадости и подлости в личной жизни ему обеспечены до самой смерти.

Из милиции мой объект к сестре не вернулся. Назавтра сестрин муж сам придет ко мне в кабинет и расскажет, что они же всё же не звери, а какие-никакие родственники, поэтому

сидельца накормили, напоили, вымыли, обстирали... Долго плакали, а потом отправили, поскольку видели в окно машину, в которой так наблюдал за двором опер.

Я весь вечер водил объекта по небольшому городку, вместе с ним посетил величественный двухсотлетний парк, настоящую местную достопримечательность, наблюдал вместе с ним закат и вечернюю зарю, а затем повел его опять к вокзалу. Видел меня объект или нет – не знаю. Я старался ему на глаза не показываться, но всё-таки чувствовал, что тот в мою сторону принципиально не смотрит. Он ни разу не попытался «провериться» или «оторваться». Ходил ли, сидел, наслаждался свободой, но однозначно, это был спектакль для одного зрителя. И зрителем этим оказался я.

На вокзале объект перехватили мои заранее заинструктованные доверенные милиционеры-участковые и отправили его в местную буцегарню.

Назавтра он все-таки найдёт временное пристанище у какой-то сердобольной бабушки и ещё две недели станет добросовестно оббивать пороги «присутственных мест», где его снова и снова будут или прямо и грубо оскорблять, или унижать, прикрываясь издевательски вежливыми улыбками.

Но и объект мне попался действительно крепкий. Не какой-то там книжный тьюфак или шивый интеллигентишка. Окажется, я все же «прошляпил» и не помешал его выезду в Киев, где он стал добиваться встречи с самим начальником областного управления милиции. К генералу его, правда, не допустили, но под давлением угрозы самосожжения перед зданием ЦК партии чиновники вынуждены были признать его неоспоримые конституционные права и решить его вопрос положительно.

Через две недели из областного управления внутренних дел пришел личный приказ милицейского генерала выдать надлежащий ему Конституцией паспорт гражданина СССР, в котором следовало поставить штамп о приписке. Таким образом, несмотря на мои старания, объект легализовался, ну, а о том, что мне за это «влетело», не будем упоминать – заработал.

Хотя с другой стороны: не было бы объекта – не было бы желанного дела. Нагоняя, конечно, мы переживём, но вот теперь уже можно с уверенностью и гордостью заявить, что я настоящий полноценный опер.

Объект, хотя и ожесточенный, оказался человеком довольно безобидным. Он устроился на работу крановщиком в какой-то строительной конторе, выбил себе место в общежитии, не пил, не курил, не буянил – а все себе что-то читал и писал. Подведенные доверенные сообщили, что писал что-то личное, что и не скрывал особо, но и возможности заглянуть в написанное не давал. Подвести же агента – это уже проблема, потому что он в оперативном искусстве даст фору и мне, и моему начальнику – с таким не шутят.

Еженедельно доверенные и удалённые от объекта агенты о чем-то «постукивали», но ничего такого особенного в его поведении не было. Прежде всего, необходимо было контролировать его выезд в Киев, где он мог выкинуть что-нибудь неожиданное. В этом случае меня ожидали серьезные неприятности. Я разработал целую комбинацию, заключающуюся в том, что на объект, как на человека трезвого и ответственного, в общежитии были частично возложены обязанности коменданта: а именно заведование ключами от комнат. И теперь, когда ключи находились в его кармане, я мог быть спокоен – объект дома. Когда же они оказывались на гвоздике – мне тут же звонили, мол, объект может куда-нибудь рвануть.

В таких заботах проходило время. Мы с объектом мирно и честно зарабатывали: он на строительстве, а я на нём. Я знал его, а он меня, но мы никогда не приветствовали друг друга и оба старательно делали вид, что не знакомы. Возможно, он ждал, что я буду к нему подкатываться, обрабатывать, вербовать, но я сам на это не решался, да и начальство бы не дало санкции – не тот клиент. Такого не обрабатываешь и не завербуешь, между нами возникли отношения «вооруженного нейтралитета», мы с ним просто сосуществовали.

А жизнь бурлила.

КГБ уже не расстреливало и даже не сажало за «три колоска» – вот народ и «распустился-распоясался». На строительстве, где работал объект, я завёл двух агентов и с полдюжины доверенных, которым бывший сиделец-крановщик был откровенно неинтересен. Их распирала обида на несправедливость, а, в общем, обыкновенная зависть по поводу того, что различные строительные начальники опускали в свои карманы «честно заработанную десятину». В среде строителей

присвоение десятой части оприходованных стройматериалов не считалось воровством. Они и не скрывали фактов. Им было невдомек, что вместе с бывшим сидельцем в их тихое строительное болото пришло и «государево око» в виде гэбэшных агентов, которые, если «стучат», то уж сразу обо всём. И на своё начальство тоже.

На строительстве воровали все, даже мои агенты, ведь они не знали, что система предусматривает перепроверку полученных данных, и уверенно «закладывали» друг друга. Честно в этой конторе работал только один человек – мой объект, бывший сиделец, прекрасно знавший, что любое подозрение в отношении него моментально обернется новым сроком заключения. Кого-кого, а его уже миловать никто не будет, на него сразу повесят всех собак. Одно слово – антисоветчик.

Да и начальство требовало от меня оперативной комбинации по реализации ДОН путем осуждения объекта по общеуголовной статье. То есть я сам должен спланировать, организовать и провести мероприятия, чтобы во всех кражах на строительстве обвинить того уникального и единственного, который не воровал. Мне на помощь из области даже отправили опытного юриста-майора, искренне и щедро делившегося опытом профессиональной фальсификации общеуголовных дел.

Сейчас мне это не просто вспоминать, но я действительно на полном серьёзе и с сознанием ответственности участвовал в планировании и организации всей этой подлости.

Ситуация с хищением стройматериалов полностью контролировалась, прокуратура (по нашей просьбе) уже возбудила уголовное дело, соответствующий милицейский отдел (знаменитый ОБХСС – отдел борьбы с хищениями социалистической собственности) тоже был подключен к этой чекистской операции, но в дело вмешались мораль и высшие силы, поставившие всех фальсификаторов на место.

Итак, местный прораб, которому целиком и полностью подчинялся наш объект, наконец, даёт ему прямое указание: нагрузить конкретный грузовик конкретными поддонами с кирпичом и цементом. Однако объект – не промах, чувствуется – «школа». Он заподозрил неладное и тут же вытребовал от прораба расписку с письменным приказом о погрузке того и другого. Прорабский карман уже приятно обтягивала солидная пачка банковских билетов, рабочий день заканчивался, а потому лю-

бая задержка могла быть роковой, и он быстро подписал подсунутую бумажку. Да и зная этого надоедливое крановщик-сидельца, всегда в таких делах боявшегося собственной тени, прораб не почувствовал подвоха.

Но как только грузовик выкатился за пределы стройплощадки – мы все были тут как тут. И прокуратура, и милиция, и я... Ну, как же это дело обошлось бы без меня?

Бедному сидельцу тут же заломили руки, и я начал деловито рыться в его карманах в присутствии всей «правоохранительной» бригады и свидетелей-понятых. Когда вынул смятый вчетверо сложенный листок, то не сразу осознал, что произошло.

– Читай, начальник. Читай, только вслух, чтобы все слышали, – объект смотрел на меня смело и презрительно. Его глаза уже смеялись, предвкушая моё поражение и свою чистую победу. Однако имелось в нем и опасение. Не разорвёт ли сейчас опер бумажку у всех на виду? Не скажет ли, что ничего он сейчас не читал и никакого документа не видел? Такое с моим объектом уже случалось. Человек он был опытный, что и сказать, антисоветчик-сиделец.

Я пробежал глазами текст. В нем черным по белому сказано, что такой-то прораб предписывает такому-то крановщику нагрузить на такой-то грузовик такие и такие строительные материалы. Дата, подпись...

Читать вслух я не стал, а просто передал бумажку прокурорскому и сказал: «Приобщите к делу», а крепким милиционерам, которые держали сидельца согнутым, сказал: «Отпустите его, он не виноват».

– Спасибо, начальник, что не порвал. Спасибо, что приобщаешь к делу. Если откровенно – не ожидал. Я знаю, тебе влетит, но ты переживёшь. Посадишь другого. А может даже и меня, но только в следующий раз. Работа у тебя такая – быть слугой у Сатаны в сатанинской организации.

Прокуроры и милиционеры замерли. Они ждали моей реакции, а я молчал. Что я мог ответить? Они-то не знали всего того, что знал я. А ещё они не знали, что сиделец говорил правду.

Мне надо было что-то сказать, ведь этого требовал мой чин, но я молчал. И даже не потому, что сказать было нечего. Просто к горлу что-то подкатило, просто глаза почему-то увлажнились. Просто стыдно стало за ту организацию и за систему, которую только что называли сатанинской. Просто было стыдно.

Лет через двадцать мы снова встретились.

Ему было уже под восемьдесят.

Оправданный, реабилитированный, со снятой судимостью. Как лицу, которое незаслуженно пострадало, от государства ему предоставили квартиру, в которой живёт один. От некогда большой семьи остался он и сестрины дети. У него же своих не было. Да и быть не могло, потому что во время следствия его сделали калекой. Чтобы признался и покаялся – били. Били по голове, в пах, в промежность, в задний проход. Били со знанием дела, били подло, размеренно, безнаказанно, не боясь, что получат сдачу: так с тех пор он, извините, не мужик.

Пенсия у него, мало сказать небольшая – мизерная. Не заслужил.

А те, кто его травил, охотился, кто вел следствие – заслужили.

Заслужили и те, кто присудил ему за два десятка невинных листочков целых двенадцать лет неволи.

Имеют хорошую пенсию и те, кто над ним в тюрьме издевался, кто унижал, бил и пытал.

Вот бы Службе безопасности, Министерству юстиции и Министерству внутренних дел Украины поинтересоваться – а какие такие заслуги перед украинским государством у тех, кто лично фальсифицировал, судил и насиловал? Почему они получают самые высокие в стране пенсии?

Неужели дело Сатаны живёт?

Неужели и сейчас ему служат?

ПРОФИЛАКТИКА

Так хочется жить в сытой и цивилизованной стране, особенно когда сравниваешь своё государство со странами «золотого миллиарда», когда видишь, что ничем особенным их жители от нас не отличаются, а иногда даже и уступают. Однако уступают ли?

Американец, принявший гражданство Украины ради развития и пропаганды своих научных открытий – речь о профессоре

истории, философии и политологии, исследователе украинского Голодомора Джеймсе Мейсе – утверждал, что наши современные украинские социальные проблемы имеют истоки в эпохе большевистского тоталитаризма, террора и произвола. Наше общество он назвал постгеноцидным, не избавившимся от генетического страха и не способным в условиях демократии защитить себя от самих же себя, и особенно от агрессивных соседей. Такое общество не готово к самоорганизации, осознанию своей свободы и исторической ответственности, не способно к сопротивлению, к прогрессивному развитию. Не способно даже на эффективное внедрение и использование своих собственных научно-социологических или научно-технических достижений.

Это утверждение слишком суровое и беспощадное своей запелляционностью. Его не хочется принимать на веру. Есть стойкое желание его отвергнуть, хочется обидеться на дерзкого американца, бросив ему вызов... Однако крыть нечем, потому что сказанное им – правда.

Нас, более чем сорокамиллионный украинский народ, в течение целого последнего столетия ломали, унижали, уничтожали и ставили на колени. Многие десятилетия подряд отстреливали нашу интеллектуальную и нравственную элиту, методично охотились на каждого, кто мог себе позволить не только действие или слово, но даже мысль, способную развенчать, или поставить под сомнение саму большевистско-коммунистическую идею – создание Сатаны. Именно в своих теоретических трудах параноидальный мечтатель Карл Маркс высказал предположение **о целесообразности (!!!) безжалостного физического истребления той части общества, которая не воспримет своего существования в условиях нарождающегося коммунистического строя и не покорится**. Кстати, этот «перл» был обнаружен мною в украиноязычном 1919 года киевском издании его работы «Тезисы о Фейербахе». Все просмотренные мною тексты этой же книги на русском данную «великую мысль гения» уже почему-то не содержали.

Ленин был только его добросовестным учеником, которому удалось создать вождеденный Марксом инструмент – преступную, патологически человеконенавистническую власть, а Сталин – обычным, хотя и талантливым исполнителем, просто сверявшим свои зверства с маниакальным сатанизмом классиков марксизма-ленинизма. При его жизни никто, даже ближайшие

соратники, наделённые неограниченной властью, которым не были чужды общечеловеческие ценности, не могли поднять голос против вождя. И только после его смерти, на XX съезде правящей партии, в 1956-м было робко сказано о преступном курсе развития общества. Во всех грехах гневно и яростно обвинили покойного диктатора. Однако сущность власти, её идеология и ее опора изменены не были, и они не могли быть изменены в тех исторических условиях.

Маховик репрессий и подавления был остановлен.

Некоторое время страна жила по инерции, но люди всё равно боялись друг друга, гражданское общество не развивалось, ибо условий для этого не было.

Шло время.

Власти всячески пытались показать свою цивилизованность, особенно в глазах остального, стремительно развивавшегося демократического мира. Советское общество постепенно выходило из состояния личного страха и рабства, выросло поколение, которое об ужасах репрессий знало мало или знать не хотело. Человеческая природа брала верх. Не прошло и десяти лет со дня памятного съезда, как возникло движение шестидесятников. Оно ещё не было массовым, не было влиятельным, однако власть имущие понимали, что именно это движение со временем возродит истребленную в своё время часть общества.

Политбюро было, по сути, «сталинское», однако оно не смело повернуть государственный руль обратно к репрессиям. Да, ещё имели место «посадки» инакомыслящих, а также жестокие преследования их сторонников, но в условиях ускоренного развития европейской цивилизации, в условиях непрерывного научно-технического прогресса, требовавшего сотни тысяч, а то и миллионы свободных, талантливых, творческих и думающих рядовых исполнителей, пути назад, в тридцать седьмой, уже не было.

В 1968 году к рулю страшной спецслужбы пришел человек думающий, творческий и интеллигентный, хотя и воспитанный Лениным-Сталиным и зашоренный марксизмом-ленинизмом.

Андропов понимал пагубность и невозможность широкомасштабных репрессий, но осознавал и необходимость удержания общества в повиновении, без которого имперские коммунистические идеи обречены. Им был предложен ряд общегосудар-

ственных программ, направленных на поднятие в народе авторитета большевистской власти. Они призваны были вызвать общественную нетерпимость и осуждение инакомыслия, повысить уровень управляемости многонациональным советским обществом. Именно Андропов инициировал принятие решения о тотальной и всеобъемлющей партийной агитации и пропаганде, которая бы охватывала не только партийцев, но и большую часть мыслящего общества, что являлось необходимостью в условиях социалистического строительства и гонки вооружений.

А уже в начале 70-х, на одном из заседаний Политбюро в ряду агитационно-пропагандистских и «гуманитарно-просветительских» мероприятий было принято решение о «профилактике». Что же это такое?

В условиях существования в уголовных кодексах союзных республик статей, преследующих за «измену Родине», «переход на сторону врага», «антисоветскую агитацию и пропаганду», «клевету на советский государственный и общественный строй» (по которым можно было сажать непокорных инакомыслящих), было предложено совершенно антизаконную и неправовую форму воздействия на гражданина – профилактику. Она заключалась в силовом и психологическом давлении, которое должно было привести в результате к отказу гражданина от своих убеждений и действий, к покаянию и осуждению своих идей, мыслей, сторонников, друзей, а зачастую близких и родных. Перед органами КГБ ставились задачи организовывать такие «покаяния» инакомыслящих публично через прессу, радио, телевидение, через выступления на собраниях трудовых коллективов и граждан. По сути, это был обычный, довольно примитивный инструмент шантажа и запугивания общества, не имеющий никакого юридического основания, правовых последствий и не предполагающий ответственности перед обществом.

Вершиной же «профилактики» была вербовка объекта в качестве агента КГБ. Человек, который оступился, ошибся, испугался, которого сломали жестоким давлением, шантажом, а то и грубой силой, «дожимался» необходимостью лично предавать своих единомышленников, наставников и поклонников в течение месяцев, а то и лет.

Разные люди по-разному относились к профилактике. Например, я лично знаю «объекта», которого «профилактировали» (было, а возможно и до сих пор есть такое понятие в

юридической терминологии) подвергали четыре раза. Этот объект все угрозы и шантаж офицеров-агентуристов воспринимал философски, с пониманием и чуть ли не с улыбкой. Он с готовностью подписывал все необходимые «покаянные» бумажки, каждый раз бил себя в грудь и утверждал, что вот сейчас – это в последний раз. На четвертый – с такой же готовностью написал подписку о сотрудничестве, но почти за десять лет своего «стукачества» представил всего с полдюжины агентурных сообщений, содержание которых было примерно таким: «Источник сообщает: ніч яка місячна, зоряна, ясна...». Своим «сотрудничеством» он еще долго морочил голову не одному оперу: проявлял бурную активность, умудрялся не сдать никого из своих, к тому же изрядно пользовал статью девятую оперрасходов, а полученные средства тратил на своё пристрастие – спортивное инакомыслие.

Сейчас ему уже далеко за шестьдесят. Как-то видел его в метро: лицо розовое, жизнерадостное, настойчиво приглашал меня к участию в каком-то там очередном «массовом» протесте против произвола «красно-кацапской власти». Я его давно не видел, но понял, что, пожалуй, ни одна протестная акция в моей столице за последние двадцать лет не была обделена его присутствием.

Однако этот случай – исключение.

Как правило, профилактика органами госбезопасности обращалась для человека тяжёлой психической травмой, особенно, если это личность творческая, думающая и романтическая. Практически каждый оперативник КГБ того времени мог привести хотя бы один пример, когда профилактика заканчивалась настоящей человеческой трагедией: убийством или самоубийством объектов, увечьем или стойким расстройством здоровья, в том числе и психического, потерей работы, друзей, семьи, близких, родных, средств к существованию.

Действительно изуверский метод: не арестовывают, не судят, для постороннего глаза (особенно для правозащитников, в том числе и зарубежных) нет явного нарушения Конституции и законов, но – разве это не преследование инакомыслящих и оппозиции, разве это не репрессии?

Профилированное лицо не просто каялось, оно также (согласно приказам и нормативным актам КГБ) ставилось на учет в государственных архивных оперативно-справочных картотеках

(ОСК) как неблагонадежное. Вообще-то именно такой формулировки не было, но «сигнальные маячки» (в виде небольшой анкеты с решением руководства управления КГБ о профилактике на картонной карточке) хранятся в архивах, наверное, и сегодня.

А если человек претендовал на какую-то должность, проходил отбор, конкурс или кастинг, – соответствующие службы всегда запрашивали данные ОСК и делали «правильные» выводы.

Возможно, за двадцать лет независимости все изменилось (дай-то Бог), но боюсь, что и сейчас всё не так просто, ведь лишней архивной информации не бывает.

Работа по профилактике нам, тогдашним операм, приравнивалась к работе по делам оперативного учета (ДОУ) и зачислялась как боевой результат оперативной деятельности. С негласного разрешения начальства мы также практиковали постановку на учет в ОСК как профилированных лиц, сознательно, или по каким-то мотивам, отказывавшихся от сотрудничества с органами госбезопасности в качестве агентов.

В моей практике тоже была одна история, когда обычный производственный конфликт между дерзким и самоуверенным в своей безнаказанности руководителем, членом райкома партии, и подчиненными, обычными серыми посполитыми, для отчетной галочки был квалифицирован как профилактика антиобщественной и антисоветской деятельности.

Я не раз получал от агентуры подобные сигналы, однако, даже докладывая о них начальству, никогда, даже в мыслях, не видел их реализации. От начальства иногда и попадало за это, однако, какой бы ни был начальник, он не мог меня заставить лично провести опросы десятков человек, собрать доказательную базу, организовать собрание коллектива или давить на районную газету.

Начальству было лень, а мне «против шерсти», потому и сходило с рук.

Но так случилось, что в тот раз доказательную базу вместо меня собрал мой яготинский коллега, майор Василий Васильевич. Ему эту работу делать было не стыдно. Подозреваю, что он это делал с особым наслаждением. Это вполне возможно, так как он, в свое время не утолив свой азарт сыщика, уже после

завершения официально разрешенной «оперативной проверки» известного яготинского врача-фитотерапевта Евгения Товстухи, еще долгие годы продолжал того травить, преследовать и устраивать пакости, несмотря на запрет своего непосредственного начальства. Безнаказанность вдохновляет*.

Я такую работу уже тогда делать не мог. Нет, не отказывался, просто она у меня как-то сама по себе не получалась. Даже тогда, проводя профилактические мероприятия (незаконные допросы, отбор объяснений и покаяний, обработка свидетелей, которые должны были на собрании трудового коллектива

* Немного о Товстухе.

Переяслав-Хмельницкое отделение отчитывалось о своей нужности власти этим делом – как «связью» многочисленных объектов ДГОР «Блок» (дела групповой оперативной разработки, проводимой Пятым управлением КГБ УССР с 1971-го года с санкции и по требованию московского политбюро ЦК КПСС и продолжавшейся еще лет шесть, хотя разработки, согласно своих же внутренних циркуляров и инструкций, не велись более года). После окончания ДГОР объекты, не осужденные по этому делу, изучались (а если откровенно, то травились) районными оперативниками до самого 1989-го, когда «украинский буржуазный национализм» канул в историю. То, что наибольшей «виной» Евгения Товстухи был его естественный академический интеллект и несанкционированная властями медицинская, научная, литературная деятельность, а также защита всего украинского, на него было удобно вешать все грехи, грешки и возможные (!) преступления, доказать которые даже в советском суде было невозможно. Поэтому годами и тянулись изо всех сил мои начальники и коллеги.

«Острые чекистские мероприятия» мы, оперативники, вообще-то не выполняли. Для этого существовали специальные управления – Седьмое (наружное наблюдение, подсматривание, подслушивание, несанкционированные прокуратурой обыски, силовые акции) и ОТУ, оперативно-техническое управление (аудио- и видеозапись, прослушивание телефонов, радиоперехват и т.д. с использованием последних научно-технических достижений). Внутри ОТУ был даже целый ЦНИИСИ (московский центральный научно-исследовательский институт специальных исследований), к услугам которого были самые последние достижения отечественной и зарубежной науки.

То, что мой коллега, Василий Васильевич, сам лично подкрадывался к Товстухе, пытаясь его где-то подслушать и подсмотреть, говорит о том, что официальное дело на того, как на объекта, райотделение не вело, а потому и не было возможности подключить для выполнения этих «острых мероприятий» профессионалов с соответствующей техникой и возможностями. На это требовалась генеральская санкция и мотивированное основание в виде дела оперативного учета.

Киевскому центру КГБ сельский врач Евгений Степанович Товстуха, тогда, в середине восьмидесятых, был уже неинтересен. Но что было делать всем этим майорам, полковникам и прочим, «имя которым легион»? Чем оправдывать свое недешевое существование?

заклеймить «заблудших») я испытывал чувство причастности к наглой и циничной лжи.

Недавно моя жена напомнила мне слова, которые я бросил четверть века назад, придя домой с работы: «Неужели я никогда не смогу от этого отмыться?».

Со временем я эти слова забыл. А когда напомнили – стало несказанно мерзко и стыдно за свою тогдашнюю государственную деятельность.

Я подсознательно боюсь снова встретить тех, своих «профилактированных». Потому как помню их злыми и упрямыми, свою злость прятавших за показушной покорностью и уважением ко мне, как к высокому начальству. Помню их натруженные мозолистые руки. Руки, привыкшие к молоткам, топорам и рапилам. Руки, не привыкшие писать, и оставлявшие на покаянных белоснежных листах вместе с угловатыми неровными строками жирные и грязные пятна, говорившие о крестьянском происхождении моих «подопечных».

Мне тогда никто не угрожал...

За прошедшие годы они, наверное, и сами многое забыли.

Однако я все так же подсознательно испытываю страх.

РАЙСКИЙ УГОЛОК

Прекрасное летнее утро не предвещало ничего плохого.

По дороге на работу, в опорный пункт райотделения КГБ, встретил старого приятеля. Пока стояли и разговаривали с ним на оживленном перекрестке, среди спешащих увидел своего агента, уже недели две упорно не выходявшего на связь. Встретился с ним взглядом, дав понять свою озабоченность.

В те «благословенные» застойные времена мобилок еще не было, поэтому проблема связи с агентами оставалась одной из самых острых. Руководство, подписывая рапорта на вербовку, неоднократно высказывало пожелания, чтобы агентура была «звонковой», то есть имела телефон. Хотя то же руководство, помня свой личный агентурный опыт лет двадцать назад, когда доступа к телефонам никто из агентов не имел, настаивало на предложении нескольких видов связи с ними: почтового

(письмами или телеграммами), меточного (когда в условленном месте выставляются разнообразные метки, означавшие срочную связь) и зрительно-контактного (когда фиксируется встреча взглядом с каким-то знаком, например, газетой в руке). Но главным способом, который дошёл до нас еще со времен Малюты Скуратова, был непосредственный поиск и перехват агента в укромном месте, где его можно прижать к стенке и что-то вытребовать.

А ещё для поиска недисциплинированной агентуры (а такая была большинством) мы привлекали такую категорию своих помощников, как «резиденты» и «содержатели явочных квартир».

Резиденты – это наши «бывшие»: те, кто уже дослужился до пенсий, а сейчас «подрабатывал» (ясно, что не бесплатно) тем же, чем занимался всю свою жизнь. Толковый резидент сам мог тянуть чуть ли не половину работы, а дело опера – вовремя «подносить» ему последние инструктажи, требования и прихоти руководства. Какое-то количество агентов, как правило – пассивный балласт, мы передавали резидентам на связь («резакам», как мы их называли). А с активными агентами, дававшими полезные сплетни, сигналы или работавшими по делам оперучета, работали сами.

Однако не все «бывшие» пытались таким образом «продолжить службу». Однажды я наткнулся на такого и предложил ему сотрудничество, почему-то считая, что этим сделал ему «предложение, от которого невозможно отказаться». Каково же было мое удивление, когда меня откровенно послали... «Не хочу видеть ни тебя, ни твоих агентов, ни твоих поганых денег», – был ответ. Во времена позднего застоя такое уже не было неожиданным.

Содержатели явочных квартир – это, как правило, профессионально подкованные «старпёры»: заслуженные ветераны, пенсионеры милиции или партийных органов. Мы платили им за право пользоваться для встреч с агентурой их квартирами или домами, где бы можно было неспешно вести разговоры, проводить инструктажи и накачки, одновременно оформляя их в письменном виде. В помещениях же своих райотделений и официальных кабинетах опорных пунктов встречаться с агентурой нам запрещали. Мы делали вид, что неуклонно придерживаемся этого требования, однако грешили все (и я в том числе).

Но когда наша же инспекция нас на этом ловила – выговоры были гарантированы: расшифровка агентуры – самый серьёзный «прокол».

Наш рабочий день начинался с хватания трубки телефонов и звонков с надеждой, что на той стороне отзовется какой-то агент.

Так и в то утро. Покрутив с полчаса диск наборника и послушав долгие гудки или голоса вроде «Сейчас нет, позвоните позже», я вытянулся на стуле за столом и задымил утренней сигаретой.

Вдруг телефон зазвенел сам.

Нам звонили нечасто. Агентура, как я уже говорил, звонила только тогда, когда ей нужны были деньги или ещё что-то. Такого, чтобы кто-то сам позвонил и предоставил информацию, тянущую на «сигнал», – не помню. Чаще звонили друзья-приятели-доверенные с не совсем служебными предложениями, а наше начальство с нами имело свой канал связи: как правило, отдельную (пусть и не закрытую) телефонную линию.

Но тогда, лениво подняв трубку, я услышал не просто о «сигнале». Мне доложили о происшествии чрезвычайного характера, из тех, которые следовало сразу же ставить на контроль у самого генерала с докладом первому секретарю обкома.

На том конце провода захлебывался от волнения председатель Аркадиевского сельского совета: кто-то нагло надругался над памятником Ленину.

Ко мне пришли уверенность и азарт: главное – не растеряться и сделать все по науке. Прошу председателя сельсовета не класть трубку, а сам извлекаю из ящика стола опросник, разработанный аналитиками нашего центра, и начинаю методично опрашивать голову сельсовета по пунктам: что, где, когда, каким образом, свидетели, следы, средства, последствия, ущерб, меры по охране места преступления, кому уже известно. И, главное, прошу, мол, ничего не трогайте, ждите!

В его голосе слышу серьёзное уважение ко мне и моей конторе.

Сейчас же докладываю в свое райотделение. Начальника, правда, на месте нет, но когда появится – секретарша передаст, что его верный пёс-опер уже отбыл на место и начал первоначальные следственные действия. Также звоню в дежурную часть

райотдела милиции, прошу их поставить в известность своё начальство, потому что райком, видно, уже давно в курсе этого события.

Потратил некоторое время на то, чтобы дозвониться своей агентессе-рейдерше, работавшей страховым агентом. Поставил ей задачу – срочно выехать в Аркадиевку и вызнать, что говорят в селе о сегодняшнем событии. Потом сделал безуспешную попытку поймать своего верного «Семеренко», бывшего опытного милицейского агента, которого удалось переманить у ОБХСС соседнего района, где он раньше был на связи. Этого агента, после переезда в мой район на жительство, исключили из милицейской агентурной сети, а я его якобы случайно подобрал и перевербовал.

Остановлюсь подробнее на истории этого агента.

Как видно по псевдо, этот господин имел образование садовника, но никогда таковым не работал. Есть такая категория людей, которых хлебом не корми, дай только посплетничать, узнать все первым и выдать окружающим «сплетни в виде версий». Года за три до описываемых событий кто-то из местных милицейских сдуру привлёк его к своей агентурной сети, но милицейская специфика «Семеренко» не устраивала. Ему нужна была тайная власть над окружением. Он никогда не расшифровывался, но всегда мастерски узнавал о любом событии первым и в полном объёме. Кражи-пьянки-драки не удовлетворяли буйной фантазии прирожденного стукача, а потому, когда его милицейский куратор намекнул, что с его талантами лучше бы к кагэбэшникам, он «заболел» желанием помогать чекистам. Переход с милицейской сети в чекистскую проблематичен, ведь надо объяснять и милицейскому, и гэбэшному начальству о причинах «изменения окраски». Такое вообще-то возможно, но и причина должна быть весомой. А вот когда человек меняет место жительства, и не просто район, а область, тогда это можно списать на то, что на чужого агента вышли случайно, а потом о причинах и спрашивать никто не будет.

Вот такую сложную комбинацию и придумал агент, житель черниговской Бобровицы: нашел гэбэшного опера (т.е. меня) в соседней, но уже киевской Згуровке и, уверенный в том, что «быть лучше первым в деревне, чем вторым в Риме», переехал на жительство в Згуровку под мое крыло. «Семеренко» был незаменимым хозяйственником при райкоме-райисполкоме-

коммунхозе, умудрился залезть в постель к одинокой женщине – третьему секретарю местного райкома, и поэтому обладал всей, на его взгляд, ценной чекистской информацией.

Признаюсь, тогда я «купился» из-за неопытности, почему-то считая, что его уникальный «сексотский» талант пойдет мне на пользу, однако со временем, выявив все его «таланты», перестал реагировать на его сообщения, сведя общение с ним до минимума.

Однако сегодня был как раз тот случай, когда я очень надеялся на него. Вот только бы вовремя найти его и поставить задачу.

Выгоняю из гаража спецвариант мотоцикла МТ-9 (поставлявшийся нашим управлением сельским операм модернизированный BMW времен войны, но уже киевского мотозавода с ведущей коляской и задним ходом). Если мотоцикл с коляской, а на нем сидит человек в шлеме и аккуратно отутюженном костюме с галстуком, значит – наш брат.

Через полчаса я уже въезжал в Аркадиевку.

Вы давно были в сельской глубинке?

Хотя бы месяц или полгода назад?

А тридцать лет назад? Не помните? Только давайте без идеологической ностальгии.

А что, если я скажу, что разницы практически нет? Что тогда, что сейчас село стоит пустое, разграбленное, ободранное, изнасилованное и обманутое? Тогда, правда, трактора ещё дырчали и фермы ещё имелись, а в них что-то там мычало, кудахтало и хрюкало, а значит, и украсть было что, а посею и выжить у людей было больше шансов. Но трактористы, скотники и доярки были пьяны уже к девяти утра, а председатель колхоза на своей территории был первым после Бога, потому что именно он решал, кому платить, кому говорить, кому сидеть, а кому спокойно жить.

Соглашусь с тем, что сейчас стало еще хуже. Но, поверьте, и тогда было не сладко. Например, моя бабушка, помню, в 1971-м получала от государства пенсию в размере аж (!) 12 рублей, а ее покупательная способность тогда, без сомнения, была намного меньше сегодняшней минимальной пенсии.

Где-то в конце XVIII или в начале XIX века село Аркадиевку как хутор основали кочубеевские гайдучки со згуровского имения.

Вскоре село разрослось. Говорят, даже во времена крепостничества оно было казацким, подтверждая свое название: Аркадия – «райское местечко». Украинский гонор, вооруженный саблей или пистолем, на протяжении веков противостоял ордынскому крепостничеству. Целые села сохраняли свой исконный уклад жизни и хозяйствования, не допуская к себе московского «погонщика».

Поставьте ножку циркуля на карте в точку с отметкой «Яготин» и в кругу радиусом 40 километров вы найдете такие колоритные названия: «Лизогубова Слобода», «Сомкова Долина», «Гречана гребля», «Сулимовка», «Капустинцы», «Хмелевик», «Разумовка» – вотчины деятелей времен гетманщины Лизогуба, Сомко, Гречко, Сулимы, Капусты, гетманов Юрася Хмельниченко и Кирилла Разумовского. Тут же «Сотниковка», «Богдановка», «Вольное» – названия говорят сами за себя. А еще – «Райковщина», «Зелёное», «Вишнёвое», «Яблонево», «Красное», т.е. красивое... Вот как называли свою родную землю наши предки.

К сожалению, орда посягнула не только на волю, но и на слово. Здесь же, в кругу циркуля, видим два «Жовтневых» («Октябрьских») вместо прежних «Поповки» и «Студеников», примостились здесь также села «Красное», вместо «Покровского», «Красное Заречье» и «Красная Дача». Появились новые села – «Советское», «Большевик», «Майское» (не «Травневе», а именно «Майское») и, надо же до такого додуматься, село с названием «Право Жовтня». Ну, а если увеличим шаг циркуля до 50 километров, то найдем в его кругу еще целых три «Первых мая».

А еще два села, одно в згуровском, другое переяславском направлении, с одинаковым названием «Ленино» названы в честь того, кто в 1918-м, по Брестскому миру, отдал Украину на растерзание немцам, и одновременно с этим лично приказал Красной армии идти на Киев войной, потому что там, видите ли, заявили о своей независимости.

Может быть, кто-то скажет, мол, «какая разница как называть?» Отвечу: мои близкие, друзья и знакомые считают это унижительным и оскорбительным издевательством, а я воспринимаю как пощечину лично мне.

В школе я был «нормальным парнем». Отличников и двоечников презирал, потому что учиться на «отлично» мне мешал

футбол, волейбол, велосипед и, уже в старших классах, мотоцикл. А на двойки учиться не мог потому, что любил школу и на уроках вел себя активно. Умудрялся получать четверки и даже пятерки по математике-физике-химии, украинской и русской литературе, никогда не выполняя домашних заданий. Зато книг прочитал больше чем все наши отличники вместе взятые. Правда, читал только то, что считал интересным: приключения, путешествия, фантастику...

Но уже в институте, когда вынужден был изучать «теормех», «металлы и сплавы» и «технологии сахаристых веществ», не просто прикоснулся, но увлекся и даже заболел той школьной литературой, которую в свое время игнорировал. Такие «умники», как я, в тогдашних вузовских группах иногда случались. Мы между собой обменивались впечатлениями от прочитанного, потому что тогда читать было престижно. После лекций по «взаимозаменяемости и стандартизации» мы цитировали отрывки из «Махабхараты», а на практических занятиях по «обработке металлов резанием» изучали философские трактаты Эразма Роттердамского и Мишеля Монтеня. Ясно, что наша обращения к «высоким материям» были отрывочными и бессистемными. Однако это не помешало нам осилить, например, «Философию религии» Гегеля. Однако ничего из Ленина постичь и понять никому из нас так и не удалось.

В детстве, дрожа перед глыбой литературно-публицистического ленинского гения, никто из нас не мог найти у него хотя бы одну любую простую и доходчивую мысль. Для того чтобы понять, что вообще никакой мысли его «мудрые» произведения не несут и нести не могут, надо было стать инакомыслящим антикоммунистом и антисоветчиком, а такого мы себе тогда позволить не могли. Это уже потом до нас дошло, что величие великого Ленина была описано в... сказке Ганса Христиана Андерсена, где Ленин – это голый король, а его «великое наследие» – инструмент для оболванивания общества.

В те, советские времена, Ленин был больше, чем иконой. Мы его знали не просто как «вождя мирового пролетариата», но и как «мудрого философа», высказывавшего мысли по всем вопросам человеческого бытия и давшего им принципиальную материалистическую оценку. Он был, несомненно, гениальным основоположником и организатором большевистской партии, перевернувшей с ног на голову одну шестую часть света.

Советская идеологическая система издавала произведения Ленина на десятках языков и многомиллионными тиражами, переплюнув количество напечатанного всеми авторами мира. Все эти Александры Дюма, Вальтеры Скотты и Иоганны Вольфганги Гёте вместе взятые не имели таких тиражей. Тиражи только одной книги так и не удалось «переплюнуть» советской идеологической системе. И эта книга – Библия.

Марксизм-ленинизм был не просто общественной идеологией – он был настоящей современной «цивилизационной религией», повлиявшей на развитие человечества. Нас заставляли восхищаться откровенным бредом его псевдонаучных текстов и не замечать таких перлов, как следующее высказывание Ленина: «Расстреливать как можно больше, чтобы и века спустя наша жестокость наводила ужас».

«Урод, моральный идиот от рождения, Ленин явил миру нечто ужасное и потрясающее, он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек – и все-таки человечество спорит, благодетель он или нет» – это писал Иван Бунин, писатель, лауреат Нобелевской премии. А вот тоже Нобелевский лауреат, всемирно известный физиолог и психолог, академик Иван Павлов: «Ленин, российский революционер и создатель СССР, гениальный мыслитель, он же маньяк и садист, умер от поражения мозга сифилисом, который подцепил от парижской проститутки в 1902 году».

Но тогда мы этого не знали, а если кто бы и открыл нам правду – возмутились бы и не поверили бы, ведь государственная идеологическая машина, потребляя, без преувеличения, миллиарды народных рублей, работала на адский результат очень эффективно, а наше сознание и было ее объектом. И именно ему, этому советско-московскому «божеству», волею кремлевских авантюристов претендующему на звание мессии большевистской религии, в центре Аркадиевки, в живописном сквере и был поставлен бронзовый бюст, на который и было совершено покушение.

Георгий Иванович, местный сельский председатель, встретил меня возле постаментов учтиво и доложил, что о происшествии ему еще в шесть утра сообщили двое крестьян. Он сразу же стал звонить участковому, но того ни дома, ни на работе не

оказалось. Когда докладывал о происшествии в райисполком, там ему посоветовали «стукнуть» оперу.

Прошлись вокруг: буйная зелень, следов никаких, бюст вождя аккуратно снят с постаментов и поставлен с его тыльной стороны. Можно было бы попытаться снять отпечатки пальцев, но роса уже высохла, а значит и шансы на результат минимальны. Может, вызвать спеца с «криминалистическим чемоданом» из райотдела милиции? Криминалистический чемодан – звучит громко: это такой (в те времена, пожалуй, единственный на весь район) набор материалов и реактивов, на самом деле использованных еще в прошлом году. Потому на какое-нибудь резонансное убийство необходимо было вызывать подкрепление из соседнего района, а то и области.

Осмотрел бюст – крашенная пустотелая бронза без видимых повреждений, сходство вождя со своим известным фото – условное. Бюст крепился на постаменте с помощью цементной стяжки, сбить его не трудно, а потому преступник мог быть и один, без компании или помощников. И так, если это одиночка, шансы на раскрытие минимальны. Следов на бетонном отместке не видно, окурки в пределах десяти метров от постаментов явно не свежие, не вчерашние. А больше и ничего...

Председатель сельсовета с готовностью заглядывает в рот и поддакивает, а значит, надо что-то предлагать. Пока делал озабоченный вид и размышлял, подкатился знакомый синий «Жигуль» местного участкового Васи Степаненко. Тот был рад, чего и не скрывал.

– Ты понимаешь, у меня это село неблагополучное. Приехала сюда на каникулы компания девиц из Киева, поэтому местное парубоцтво уже вторую неделю в загуле, на работу не ходят: пьянки, гулянки... Дошло до того, что два дня назад у председателя угнали «козлик», правда, утром пригнали под дом. Не знаю, что и делать. Закрывать? Так жатва же на носу. А не реагировать – на голову сядут, тогда надо будет дело возбуждать... Далее, сам понимаешь, следствие, суд... Ни мне, ни им это не нужно. А теперь этот Ленин такой повод дает, поднимай кипиш, вызывай начальство. Мы так село причешем – к зиме шелковые ходить будут. Николаевич, на тебя вся надежда, выручай.

– Но Ленина кто-то же снял.

– Да дался тебе этот Ленин, поднимай шум, кого-то и найдем, признаются.

– Да шум уже поднят. Доложил своему начальству, и твоё сейчас прилетит. Опять же и председатель райисполкома и «первый» – все в курсе.

Оставляем участкового у оскверненного постаamenta и возвращаемся с председателем в сельсовет, где уже ждут служебные «Волги» и «козлики» председателя райисполкома, председателя местного колхоза, начальника милиции, прокурора и моего шефа. Между ними, как хозяин, ходил мой «Семеренко».

Когда мы приблизились к их группе, кто-то сказал: «Ведут». Только тогда я осознал, о чем речь. Получалось так, что сельского председателя, который якобы провинился, уже конвоировал местный опер.

Однако начальство не интересовало событие, речь шла о судьбе сельского головы, которого после такого события уже как бы не существовало. Стало ясно, что в селе будет смена власти. Председатель колхоза доказывал, что жатва на носу, людей не хватает и эта «революция» так не вовремя, но его «забывали» аргументами об остроте политического момента.

Политическое будущее села было безразлично только силовикам. Прокурор пожелал возглавить расследование, а на самом деле ему хотелось как можно скорее сбежать отсюда, сославшись на занятость. Сначала все вместе изучили уже осмотренное мною место происшествия, после чего переехали в покинутый начальством сельсовет, куда мы с участковым стали по очереди заводить «контингент».

Только сейчас мне удалось спросить Сергея Павловича («Семеренко»): откуда он взялся? Оказывается, первым, кому сообщили в райкоме, была идеологический секретарь («ну ты же знаешь, кто она мне»), поэтому Семеренко милостиво разрешил ей заниматься неотложными и текущими делами, а следствие решил провести сам.

Опрашивали свидетелей и подозреваемых, в основном я, мой шеф и Василий-участковый. Начальник милиции покурил, поскучал, потом сел в «козлик» и, пообещав кого-то прислать на помощь, быстро исчез. Слово своё сдержал, прислав в село оперов из уголовного розыска и БХСС.

Целый день дотемна мы дергали людей, изрядно пугали их нашими удостоверениями-ксивами, погонями, кожаными папками и белоснежными бумагами, заставляя сознаваться в несуществующих, прошлых и будущих грехах перед большой

Родиной. Каждый час, после очередного круга по селу, ко мне забегал мой «Семеренко», сообщая, кто здесь против Ленина, председателя колхоза или советской власти. Все, кроме меня и моего шефа, который знал «Семеренко» как агента, считали Сергея Павловича уполномоченным райкома по этому делу. Однако к вечеру похвастаться перед начальством было нечем, поэтому дальнейшую работу перенесли на завтра.

На следующее утро к нашей компании примазался районный активист, верный ленинец, а заодно и районный музейный работник, привезший кучу фотографий и описания всех пятидесяти шести памятников Ленину, установленных в районе, опекой над которыми он посвятил свою жизнь. С его появлением «Семеренко», уже второй день крутившийся возле нас, заметно занервничал, чувствуя конкурента, отвлекавшего и мешавшего «реализации» только что полученной им «оперативной» информации.

Опрос перепуганных крестьян продолжался и к концу следующего дня этого общесельского обыска. На радость Васи-участкового нашли веревку от украденной еще весной и уже съеденной или проданной коровы и лемех от новых плугов, тоже украденных накануне. В соседней лесополосе натолкнулись и на украденный киевскими девушками тёткин матрас, на котором они утешали сельских парней. Ну, а самый большой улов был все-таки в милиции: три самогонных аппарата и несколько полных молочных бидонов только что выгнанной сивухи.

«Семеренко» тоже имел «достижения». Он дал наводку на нескольких буйных и неуправляемых душевнобольных и одного инвалида-колясочника, упражнявшегося в написании и пересылке чиновникам «Государственных программ победы над мировым империализмом» и которые почему-то назад, или даже к нам, в КГБ, адресаты не присылали. Слушать инвалида-реформатора посадили меня, а с психами работал мой начальник.

К концу второго дня музейный активист с помощью крестьян во главе с сельским головой восстановили бюст Ленина на старом месте, но укрепив его уже с учетом возможных будущих покушений. Довольные своей работой, они пришли к нам поинтересоваться, как у нас дела, и активист откровенно сказал мне: «С такими нештатными уполномоченными (он имел в виду «Семеренко») вы много не наработаете». Мы с

моим шефом вынуждены были молча проглотить эту горькую пилюлю: главное, чтобы обошлось без скандалов и письменных заявлений.

Третьего дня по селу бродили мы уже втроем: я, Вася-участковый и «уполномоченный». Вася уже подыскал двух сельских алкашей, созревших «во всем признаться». Они с «Семеренко» настойчиво меня убеждали, что, мол, бумаги будут настоящие и «все будет тип-топ». Но эта «липовая» перспектива меня, честного, не устраивала – шефа не обманешь.

На следующий день мы с моим начальником докладывали в райкоме... Правда, докладывать было нечего, кроме удачной милицейской «зачистки» села перед жатвой. После доклада меня обматерили на «чекистском сленге» последними словами и пообещали следующую звездочку на погоны или на новом месте, или при другом начальнике.

Разбитый и оскорблённый, я приплёлся домой, где от женого борща меня оторвал телефонный звонок. Звонила агентеса-рейдерша, сообщившая, что бюст с памятника в селе снял «малой Махно», психически больной юноша, которого родственники на время обыска спрятали, потому что боялись, что мы изолируем его в психушке.

На следующий день я сам опрашивал Михаила Махно. Хотя разве можно как-то опросить больного шизофренией, уже более десяти лет стоявшего на учёте у районного психиатра? Единственное, что выдал, то это обстоятельства и характер действий, а также тот факт, что все происходило без свидетелей. Свидетелем, правда, был его отец, ночью извлекший из собственного сарая спрятанный сыном двадцатикилограммовый бронзовый бюст, который и принес к обезглавленому постаменту.

А еще я узнал, что Махно – это «по-уличному», а на самом деле фамилия «злоумышленника» была Михновский. И приходился он настоящим внучатым племянником тому самому Миколу Михновскому, теоретику украинской государственности, который в 1917-м был депутатом украинской Центральной Рады, защищал вместе с генералом Павлом Скоропадским право Украины на собственную армию от социалистов Петлюры, Грушевского и Винниченко, но не защитил. Тогда украинизированное миллионное войско было распушено. И потому от

немцев и ленинской Красной армии Украину стало некому защищать.

Говорят, после провозглашения украинской независимости в соседнем с Аркадиевкой селе Туровке (откуда родом Михновский) улицу Ленина переименовали в улицу Михновского, а в Киеве на его могиле на Байковом кладбище установлен бюст.

Как сложилась судьба того бюста Ленина, который мы установили тогда, после надругательства, честно, не знаю. Да и кому это интересно-то сейчас?

ДЕЛО НА РОДНОГО КУМА

Кто-то из мудрецов сказал, что жизнь – это ограниченное время, проведенное в определенном кругу. Жизнь каждого из нас состоит из отдельных отрезков: семья, детсад, школа и так далее. Параллельно – уличные ватаги, различные сообщества в спортивных кружках, музыкальной школе, духовом оркестре, пионерских лагерях, дедушкино-бабушкино общение, дядино-тетино. Продолжать можно до бесконечности. Сюда же относится круг бесспорных авторитетов – учителей, наставников, дворовых заводил.

В моей жизни одним из таких бесспорных авторитетов был отец моего дворового и школьного друга, а позже моего кума – Толика Чистякова – Борис Данилович. Я до сих пор сравниваю его с отцом. Где-то в чём-то он проигрывает, в чём-то превосходит, ещё в чём-то дополняет. Так бывает.

Я принадлежу к поколению, воспитанному на ратном подвиге отцов, на величественной и героической истории Великой Отечественной войны, бывшей основным стержнем нашего гражданского воспитания. Однако официальная, газетно-киношная ее версия не всегда совпадала с воспоминаниями наших родителей – непосредственных участников событий. К примеру, моя мама откровенно подтрунивала над ветеранами, которых она называла не иначе, как «ветенары», принимая на смех буквально все их воспоминания и свидетельства. Отец же пытался официальную историю войны, партии и страны вообще не комментировать и больше отмалчивался, переводя разговор на

личные переживания и впечатления. А вот Борис Данилович, будучи настоящим «русским», верным партийцем, всегда старался оправдать любые действия властей, генералов, маршалов и генсеков...

Не отказываясь обсуждать исторические и политические события, имевшие чёткие официальные партийные трактовки, он их реально оценивал, дополнял и комментировал, однако особенностью его мировоззрения была защита имперской идеологии, при умеренной критике большевизма.

Надо признать, что Борис Данилович, имевший всего лишь среднее специальное образование и опыт строительного прораба, был человеком начитанным, эрудированным и знающим. Он не просто интересовался политическими и идеологическими новостями, но понимал их на уровне современного профессионального политолога. Принципиально не разговаривая на украинском, он на нём читал (не только газеты, но и серьёзную литературу), оставаясь при этом «верным ленинцем» и верно подданным великой империи.

Всегда радостно общался с нами, не жалел на нас времени и воспитывал нас в своём, по его мнению правильном, нравственно-этическом русле. Именно он пытался привить нам вкус к серьёзным газетам, журналам и книгам, учил критически относиться к прочитанному, искать истину и защищать свою точку зрения.

Он был нашим учителем и неизменным партнером в преферанс, в котором был настоящим профессионалом. В течение лет мы ритуально соблюдали его «святую субботу», то есть вечернюю с субботы на воскресенье, посвященную многочасовому, до утра, марафону в преферанс с брандерами, с обязательными ежечасными перекурами, которые посвящались истории, политике, воспоминаниям-побасенкам-анекдотам, кладезям жизненной мудрости. Именно во время перекуров мы учились настоящему научному анализу истории наших родов, народов и государства.

Нелишне тут заметить, что Борис Данилович, штудировав компартийную прессу, всегда сверялся с запрещенными тогда радиоголосами, которые прослушивал регулярно, но не был в плену всех этих пропагандистских первоисточников, анализировал их сам и учил анализу нас. Он очень гордился тем, что его воспитанник занимает такую важную и престижную долж-

ность, что он уже не просто какой-то там прораб, а «лицо, приближенное к императору». Да что там говорить: гэбэшный опер в сельском районе – большая шишка. Это вам не какой-нибудь секретарь райкома – временщик; это опора вечной власти. И вот на эту «опору» Борис Данилович имел незаурядное и реальное влияние.

Вот так, после одного из таких преферансно-пропагандистских субботних вечеров, где-то за год до Чернобыля, я предстал перед ясные очи своего начальства в Переяслав-Хмельницком райотделении КГБ, куда, как правило, по понедельникам, съезжались все опера для «отчётного отписывания». Оно заключалось в том, что мы оформляли-регистрировали полученные за неделю агентурные сообщения, готовили различные справки-отчёты с информацией агентов-доверенных, писали рапорта о приключениях, событиях, установках контактов и вербовках, получали начальственные санкции, советы, замечания, нагоняи и разносы, а затем подшивали всю необходимую писанину в многочисленные дела.

Мы любили выходить на перекуры во дворик, где сержант Грицко старательно делал вид занятого, озабоченного и прилежного водителя служебной «Нивы». Здесь мы обменивались различными новостями и сплетнями. Почему-то в тот раз вместе с нами на перекур вышел и наш начальник Дмитрий Григорьевич, который вообще-то никогда не курил, а в неслужебных разговорах не слушал никого особо, но говорил всегда сам, причем увлеченно и помногу. А если и давал возможность вставить кому-то слово, то только для того, чтобы потом перебить и продолжить вещать дальше.

Сейчас уже и не вспомню тогдашней темы нашего разговора. Помню только, что после очередной верноподданнической глупости, провозглашенной нашим Митей, я почему-то повторил сказанное им, но уже как бы с точки зрения зарубежных радиоголосов. Этого нельзя было делать ни в коем случае, но меня словно какой-то бес дёрнул... и я сорвался.

Надо было знать нашего начальника, чтобы описать его реакцию. Всем нам тут же было приказано зайти к нему в кабинет, где нас поставили по стойке смирно, и нам был прочитан очередной большевистско-имперский спич, который в Митином исполнении больше напоминал исторически истерическую

речь Адольфа Алоизовича на тему, нужна ли нам тотальная война.

Потом Митя набросился на меня, как на «ненадёжный элемент в наших рядах», который, видите ли, сомневается в мудрости нашего политбюро и позволяет себе слушать вражеские голоса.

Надо сказать, что Митю, в общем-то, никто не боялся. О его самодурстве ходили легенды не только среди переяславских районных руководителей, но и среди областного гэбэшного начальства. Не раз кадровики или инспектора областного или даже центрального уровня откровенно закрывали глаза на Митины выходки, помня тяжелую руку его свояка-генерала, заместителя самого Степана Несторовича Мухи. И не раз, бегая по коридорам областного управления, подписывая какие-то секретно-срочные бумаги и отвечая на очередной вопрос по поводу своего начальства, слышал: «а, так ты у Мити? Ну, тебе, парень, не повезло...»

Вяло отбиваясь от Митиных нападков, я почему-то, не подумав, ляпнул, что зарубежные радиоголоса мне слушать вообще некогда, я все-таки оперативник-агентурист и даже ночью приходится бегать по встречам. Но их и так все слушают, вот даже кум мой как-то, между прочим...

Здесь Митю прорвало:

– Какой кум? Фамилия? Где работает? Василий Васильевич, – обратился он уже к моему коллеге, яготинскому оперу, – это ваш участок. Приказываю: установить личность этого кума, проверить информацию и доложить мне. Возможно, даже возьмем его в разработку. А вам, товарищ старший лейтенант, – это уже ко мне, – не стоит забывать на какой вы должности, при каком вы положении! Следите за своим окружением! Вам партия доверила...

Что там доверила мне партия, в сравнении с возможной разработкой моего кума, меня откровенно не интересовало. Слушая вторую часть начальственной речи, я никак не мог осознать, насколько серьёзен этот приказ. А может это такая шутка или розыгрыш?

О том, что это все-таки шутка, мне сказал и сам яготинский майор, когда мы вместе возвращались домой из Переяслава в Яготин:

– Не обращайтесь внимания, не переживайте, Николаевич, – обратился ко мне Василий Васильевич, который и с начальством, и со всеми коллегами был на «вы», к чему было трудно привыкнуть, – Дмитрий Григорьевич через день уже забудет о вашем куме.

Однако на следующий понедельник Дмитрий Григорьевич вычитывал уже не меня, а Василия Васильевича за то, что тот ничего не сделал по проверке «Кума» – так он предложил назвать подборку оперативных материалов по изучению активного слушателя зарубежных подрывных радиоголосов.

– Через час прошу ко мне с планом проверки на «Кума», – завершил разнос коллеги наш начальник.

Мне не надо было через час заходить к Мите вместе с коллегой, чтобы узнать, что это будет за «план». «План» – это означало, что Василий Васильевич будет вынужден установить место работы «Кума», круг его близких друзей и приобрести там источник информации, то есть ввести в этот круг своего агента или доверенного, а может, даже провести там вербовку. Этот «источник» будет постоянно опрашиваться на предмет «документации антисоветской пропаганды», то есть в течение месяца-двух-трех кум все равно что-то где-то сболтнёт, и это тут же будет зафиксировано во времени и при свидетелях, вынужденных потом, опять-таки, под давлением, подтвердить факт этого страшного уголовного преступления.

Раскрутка маховика была запущена. Стало ясно, что Митя создавал вокруг меня «выжженную землю». Ясно, что кума никто не посадит, но крови попьют, взаимоотношения испортятся, окружение будет напугано, меня будут действительно бояться и ненавидеть – и это на всю жизнь.

Это было неприятно, но я не очень-то и беспокоился, потому что надеялся договориться с Василием Васильевичем – он хоть и майор, но всё-таки коллега, за два-три месяца ему обязательно придется обратиться ко мне с какой-либо просьбой или даже за помощью, о которой «не желательно» сообщать Мите. Вот тут-то я и предложу ему «мировое соглашение». Куда он денется?

Шло время, то есть обычные рабочие будни, венчавшиеся субботним преферансным священнодействием. Общаясь со своими друзьями, я всё время ловил себя на мысли о нелепых начальственных пакостях, только ожесточающих подчинённых,

вызывающих у них раздражение, которое в удобную минуту обязательно проявится. И никто не покроет его ошибку, грешок или проступок, а наоборот – сдадут коллегу со всеми его потрохами.

С другой стороны, было неловко смотреть в искренние глаза кума Анатолия и его отца Бориса Даниловича, для которых эти субботы были небудничным событием и к которым они (не скрывая этого) тщательно готовились. Это были искренние, почти родственные посиделки, заставлявшие вспомнить великого француза Антуана де Сент-Экзюпери, который говорил: «Нет ничего лучше в мире, чем радость человеческого общения».

Ясно, что о подборке, которой занимался мой коллега, я не говорил ни слова. Однако ожидание подходящего момента стало моей ежедневной сутью, если хотите – болезненной страстью. И наконец-то я дождался.

Сработал такой принцип организации тоталитарной власти, согласно которому носители этой самой власти становились первыми ее же заложниками.

Районный офицер-оперативник был заложником территории. Он должен находиться здесь днем и ночью, а о намерении выехать за ее пределы обязан был докладывать своему начальству (даже если планировалась поездка в выходной день в столичный театр с детьми на новогодний праздник). Ясно, что мы не всегда докладывали об этом Мите (с другими **нормальными** начальниками этой проблемы не существовало). Однако – не дай Бог – он узнает о «нарушении дисциплины»! Здесь просто разносом могло и не закончиться: рапорт начальнику областного управления был почти гарантирован. Областные начальники понимали идиотизм положения, однако формализма придерживались, и мы, все офицеры отделения, примерно раз в год имели очередные выговоры по службе, которые затем использовались для нашего «рядового» шантажа.

Так, Василию Васильевичу по какому-то частному делу надо было срочно уехать на пару дней за пределы области, и он попросил его «прикрыть». То есть, если что, сказать, мол, я его только что видел, он на встрече в таком-то селе с агентом, а затем намеревался ещё что-то там документировать (т.е. опрашивать людей – а это, как правило, дело долгое и хлопотное).

Вот тут-то я и говорю Василию Васильевичу:

– Как там подборка на Чистякова? Не жмёт? Митя давно о ней спрашивал? А то, может, давай спишем или передай мне, я ее за пару месяцев «затру», тебе же меньше мороки.

– Николаевич, вы что? Это нарушение субординации и вмешательство в мои дела. Вы же знаете наши порядки. И вообще, я вам не тычу, так что, пожалуйста, на «вы».

Я сдал назад:

– Василий Васильевич, если для Вас «вы» является принципиальным – пожалуйста, с этого момента мы на «вы». И простите, что не осознал этого раньше. Однако подборка на Чистякова – это мое личное, если хотите, шкурное дело, и не надо включать дурачка в служебных пределах. Вы видели, с чего все началось, давайте выйдем из ситуации по-тихому, тем более и сам Митя уже делает видимость, что о Чистякове забыл.

– Товарищ старший лейтенант, пожалуйста, с этим вопросом к начальнику.

– Есть, товарищ майор. По крайней мере, вопросов больше нет – все ясно.

Так и поговорили. Можно еще добавить, что мой коллега за пределы области так и не поехал – вдруг расхотелось.

Ситуация обострилась. Обычная, почти анекдотическая проблемка стала для меня делом чрезвычайной важности. Не решить ее было бы подлостью, в первую очередь, перед самим собой. Позже я узнал, что Митя так или иначе держал всех. Кто-то сопротивлялся, кто-то ломался, а вот кто-то, как мой коллега Василий Васильевич, этим даже гордился, мол, видите, я – настоящий чекист.

Некоторое время я не видел выхода. Сам я не мог ни на что повлиять, надо было срочно с кем-то посоветоваться, ведь ещё месяц-два – и этот нарыв вылезет боком. Вот только каким – я не знал.

А дальше был анализ. Я придумывал нелепые варианты, чтобы заставить моего яготинского коллегу отдать мне подборку. Ясно, что начальник сдуру «проявил власть» и сейчас только делает вид, на самом же деле он и сам жалеет, что так получилось. Он-то и сам понимает, что згуровский опер – не подарочек, а в коллективе, где всего четверо подчинённых, иметь человека, на которого совершенно нельзя положиться, особенно обученного опера – рискованно. Однако врождённое самодурство не даёт ему возможности отмотать ситуацию назад.

И тогда, и сейчас я спрашиваю себя – как может система выдвигать на ответственные должности лиц, не просто не подготовленных, а целиком и полностью не способных управлять коллективами? Когда принимали на службу меня, то при прохождении медицинской комиссии обязательно было прохождение определенных психологических тестов. Да, я понимаю, что их ввели сравнительно недавно. Никто и не скрывает, что предыдущее поколение чекистов славилось садизмом, цинизмом, нередко были случаи маниакальных извращений на почве власти. С приходом Андропова к управлению спецслужбами ситуация кардинально изменилась. Однако и наличие психологического исследования кандидата не даёт гарантий, что высокую должность не получит такой вот «генеральский свояк», как наш Митя, которого боялись не только подчиненные и коллеги, но даже непосредственное начальство. Кто-то из великих не зря говорил, что власть – развращает, а абсолютная власть – развращает абсолютно.

И всё же из той ситуации я придумал выход, пусть рискованный и отчаянный. Однако ничего лучшего в голову мне так и не пришло. Развитие дальнейших событий показало, что я все же попал в «десятку». Опять же, надо было знать систему. А она, хотя шла уже середина восьмидесятых, продолжала готовиться к ядерной войне. В каждом областном управлении КГБ имелся свой мобилизационный отдел, подбиравший из гражданских людей (офицеров запаса) лиц, которым можно было бы доверить агентурную работу в «особый» период, то есть в период широкомасштабной войны. Ясно, что за навязанную силком идеологию, за чужие интересы человек умирать не станет, а потому его следует поставить в такие условия, чтобы у него не оставалось выхода. Так в свое время удерживали на фронте кадровых и призванных солдат, «прозревших» добровольцев, «черную пехоту» из осуждённых, а также сельских мужиков. Для удержания их в повиновении и необходим был опер.

Мобилизационный отдел подбирал преимущественно молодых руководителей, изучал их, используя опять же наши оперативные возможности, потом призывал через военкомат на трёх-четырёхмесячные военные сборы в школы КГБ, где им преподавали азы агентурно-оперативной деятельности. Одним из таких офицеров-запасников был сын моего школьного учителя, в то время – директор Яготинского молокозавода Петр Алексан-

дрович. Он всегда гордился тем, что тоже является офицером КГБ, пусть и в запасе.

Петр Александрович находился тогда в очень неопределённом положении. Дело в том, что это именно он вытаскивал районное масло-молочное производство, которое дышало на ладан, на республиканский уровень. Все просто. Грамотный инженер, он понимал, что для модернизации производственных мощностей нужны средства, которых никто, в том числе и родное государство, представлять и не думает. Поэтому новый директор пошел на авантюру. Правдами и неправдами он добыл кредиты, на которые организовал производство казеина из молока (тогда это был почти революционный шаг). Казеин – это валюта, а валюта – это новое оборудование и т.д. Он не учел одного: что секретарем райкома может быть только человек с психологией уголовного преступника. Так говорил Тельман Гдлян, руководитель следственной группы Прокуратуры СССР в узбекском деле 1983-го, а тот знал толк в партаппаратчиках.

В Яготине тоже был райком. И там тоже был секретарь, умело, нагло и безнаказанно организовывавший поборы, под которые попадали практически все руководители хозяйств. Отсюда вопрос: может ли в таком районе какой-нибудь маслозавод получать валюту и проводить реконструкцию производственных мощностей? В том смысле, что какой же партсекретарь поверит, что валюта нужна для реконструкции? Это просто смешно!

Ловкий секретарь умело организовывал тотальный пресинг непокорных или непонятливых сельских руководителей одновременно со всех сторон, используя все имеющиеся в районе силовые структуры. А их хватало. Давайте посчитаем: парткомиссия райкома, подразделение областного контрольно-ревизионного управления (КРУ) райисполкома, профсоюзный контроль, технадзор сельхозтехники, финансовая, семенная, торговая, ветеринарная, архитектурно-строительная, санитарно-эпидемиологическая, автомобильная и пожарная инспекции. А ещё под его пятой находились изогнутый в три погибели прокурор и начальник милиции, о которого можно было вытереть ноги. И это не говоря уже о начальнике КГБ, всегда готовом выслужиться. Не забывайте ещё и районного военного комиссара, который любую «нужную» особь мужского пола может загнать на «срочную» и долговременную переподготовку, то есть на какой-то период времени нейтрализовать.

А ещё к услугам «хозяина района» были отраслевые инспекции: котлонадзор, электро-, газо-, водоснабжение и телефонная связь. Ну, а если ни штрафы, ни блокирование счетов, ни угроза ареста и осуждения не действовали, тогда «клиента» можно было оклеветать в районной газете, благо, карманный редактор всегда находился под рукой.

Представьте – что будет с неугодным, если эта голодная стая одновременно сработает по команде?

Размах райкомовского вымогательства был таким, что сигналы о проверке фактов взяточничества приходили нам не только из соседних райотделов, но и из соседних областных управлений внутренних дел и госбезопасности.

Здесь надо дать необходимые пояснения. Дело в том, что КГБ, как и все правоохранительные органы СССР, тогда работал в рамках так называемой социалистической законности. Чем же она отличается от просто «законности»? А тем, что в социалистической законности есть еще и принцип «политической целесообразности». Все, что касалось проступков и преступлений со стороны партфункционеров, докладывалось не следственным управлениям госбезопасности или прокуратуры, а соответствующим парткомам, которые и принимали решение, что делать с такой информацией – передавать материалы в ту же прокуратуру, где возбуждались уголовные дела, или же напрямиком в обком – для «информирования», но «без внутренней регистрации». После такого «информирования» парткомов, очевидно, «объект» превращался в «неприкасаемое лицо». PERSONA NON GRATA.

С другой стороны, высокочтимый преступник, заручившийся поддержкой первого секретаря обкома, имел железное прикрытие сразу во всех карательных структурах.

Скажем, уголовное дело по расследованию громкого «хлопкового» дела 1982-1984 гг. в Узбекистане было возбуждено Прокуратурой СССР только после санкции Политбюро ЦК КПСС, а например, «шоколадное» дело по киевской кондитерской фабрике и городской торговой сети в 1990 г. – с санкции Политбюро ЦК КПУ. Ну, а дела областного масштаба возбуждались (или не возбуждались) только с санкции бюро обкома и его первого секретаря. А если секретарь райкома прикормил секретаря обкома – он становился этаким советской persona grata.

Однако, опять же, райком не может приказать районному отделению КГБ держать какого-то непокорного сельского голову

или директора под агентурным контролем. Это делается только через обком, но это вне компетенции райкома. А вот ловкий партсекретарь имеет достаточные рычаги влияния.

Мой яготинский коллега, майор Василий Васильевич «сидел на Яготине» уже десятый год и прекрасно знал, кто есть кто в районе. Возможно, он в свое время и хотел «укусить» местного партаппаратчика, но система дала ему по рукам. А потом, видимо, понял, пришел в себя и со временем стал выполнять прямые просьбы этого райсекретаря даже без ведома своего непосредственного начальника. Только так я могу объяснить агентурный контроль валютного счёта Яготинского маслозавода.

Как же фамилия этого партапаратного хряка? Не скажу. Это единственная фамилия, которую опасно упоминать даже через двадцать пять лет после описываемых событий. Однако вы её можете легко найти сегодня в холле Яготинского горсовета, где выставлен стенд с портретами почётных граждан города. Среди них и наш персонаж.

А что же герои, создавшие известную не только в Украине, но и в Европе торговую марку «Яготинское молоко»? Они тихо, без помпы и славы строят реальную независимость моего государства. Наперекор и вопреки бурной деятельности отдельных «почётных граждан».

Вернемся же к нашему товарищу майору, который будучи настоящим «честным и преданным партии» чекистом, очень любил полакомиться продукцией маслозавода.

Здесь надо сделать отступление. Читатель, может быть, забыл, что речь идет про 1985-й год, год «решающий и определяющий», когда полки магазинов были пусты, а приобрести сметану, сыр или масло было большой проблемой. Ясно, что полакомиться молочным хотелось и многочисленным агентам, которых опера «подкармливали», скромно «забывая» выплачивать им положенную «девятку», т.е. денежные расходы на содержание агентурного аппарата (которые считались в КГБ по статье за номером девять).

Вроде бы «мелочь», но именно за эту «мелочь» я ухватился.

Петра Александровича, директора завода, я «ломал» по всем правилам оперативного искусства, хотя, если честно, ломать его не было нужды. А когда я пообещал ему сдать агента, сливающего в райком состояние валютного счёта завода, вербовать его уже было не надо – директор был мне обязан, как земля колхозу.

Я не очень-то и рисковал, ведь агент был не мой, и знать о нём я был не обязан (но кто же не знает об агентах опера, который делит с тобой один кабинет?). И беречь такого, с позволения сказать, агента мне, честному чекисту, было против офицерской чести. И сдавал я теневую схему не резиденту ЦРУ, а офицеру-оперативнику КГБ, правда, в запасе.

После этого охрана маслозавода как взбесилась. Это вам не шуточки, не пускать на территорию завода самого майора КГБ! А когда Василий Васильевич все же туда прорывался (оперская школа сказывалась), то заводской склад вдруг требовал от него бухгалтерской выписки с (подумать страшно) его фамилией на накладной и оплатой по кассе. И это продолжалось не день и не два. Директор завода был очень занят и на звонки не отвечал, а когда Василий Васильевич всё-таки его где перехватывал по пути, тот отговаривался срочными делами. Мол, извини, друг, спешу, минутки нет свободной.

Особо ценного агента вдруг по производственной необходимости отлучили от бухгалтерии и заперли в цех считать бидоны. А пока бидоны не кончились, через счет проходили средства, о которых райком узнавал только по окончании отчётного периода, и на валюту можно было посмотреть только реально в цехе, где она сверкала нержавеющейкой нового оборудования.

В какой-то понедельник после очередной накачки в райотделе мы с Василием Васильевичем вместе ехали в его авто из Переяслава в Яготин и молчали. Затем он начал, не глядя на меня:

– Николаевич, я знаю, это твоих рук дело.

– Василий Васильевич, вы что забыли, что мы с вами на «вы»?

– Да перестаньте... По теневую схему... здесь вы правы. Давно надо было прикрыть это безобразие, а то превратили КГБ в придаток райкома. Я и сам думал ее сломать, но как-то не решался – вот как нам агентуру подкармливать? Они ведь привыкли к пайкам. А хотите, я отдам вам подборку на Чистякова? Ну, повалывается она у вас еще какой-то месяц – и спишите. Дмитрий Григорьевич видно действительно о ней забыл, давно не спрашивает.

Я молчал, обдумывая услышанное, и собирался уже ответить, как Василий Васильевич спросил:

– А что действительно к старому Чистякову из самой Москвы приезжают на партию в преферанс?

А Дмитрий Григорьевич, несмотря на своего свояка-генерала, все же погорел. Нет, он не предал «Родину». Просто он любил водочку и женщин. Покупал же все эти блага жизни за неучтенные деньги из «девятки». А когда нас в очередной раз проверяла наша внутренняя инспекция, то опера, и я в том числе, честно признались, что этой самой «девятки» от нашего начальника мы недополучали, а потому были вынуждены прибегать к припискам и походам на местный маслозавод, в колбасные цеха и крупорушки, благо, не на Колыме живём.

Митю освободили от начальственной должности, однако закончил он службу подполковником, старшим оперуполномоченным областного управления. На пенсию его провожали с почётом и на дорогу даже выдали грамоту.

Однажды, уже будучи гражданскими, мы случайно столкнулись с ним в метро. Митя, как всегда, был в ударе, рассказывал, как его уважают в службе безопасности какого-то банка, а когда я откровенно сказал, что мне это не интересно, он тут же нашёлся:

– Ты всегда был случайным человеком в КГБ.

Я ничего не ответил, но думаю, в этом он действительно был прав.

ТОРЖЕСТВО ДЕМОКРАТИИ

С детства помню такую картинку. День выборов. На избирательный участок, как правило, отец берет малолетнего сына, то есть меня. Получаем бюллетень, потом вместе демонстративно заходим в кабинку, где он дает мне возможность разрисовать бюллетень какими-то детскими машинками или домиками. Далее, под снисходительные улыбки и смех доброжелательных женщин, членов комиссии, мы опускали предварительно показанный всем присутствующим, разрисованный ребенком бюллетень. Это потом, уже взрослым, я как-то осознал, что таким образом отец сознательно портил бюллетени.

Мне кажется, что это была некая форма протеста против советского варианта волеизъявления.

Из истории права нам известно, что лучшей конституцией всех времен и народов была... Конституция СССР. Ее изучают, по ней сверяются и сейчас. Более чем через двадцать лет после развала СССР, его, благодаря той самой сталинской Конституции, почему-то считают образцом социально ориентированного государства.

Если брать чисто теоретическую, так сказать, научную сторону проблемы, то в этом есть смысл. Стандарты сталинской Конституции определены на уровне самых смелых мечтаний, на которые были способны лучшие философы мира. Однако в практическом плане у этого документа имеется один, с точки зрения науки, «небольшой» недостаток. Конституция СССР так никогда и не была воплощена в жизнь, и, как потом выяснилось, её никто и не пытался воплощать. Она была удачным пропагандистским ходом, ширмой рабовладельческого тоталитаризма времён развитой цивилизации.

Как говорят, демократия – это ответственность власти перед социумом. Сила демократии – в гарантии соблюдения как демократических, так и всех иных законов общества. Но главным постулатом реальной Конституции является выборность власти. Реальная соревновательная сменяемость власти, настоящие выборы, а не их профанация, являются главным признаком демократического общества. Еще из советских пропагандистских лозунгов помним громкий лозунг о свободных выборах как торжестве демократии. И это действительно так.

Во времена моей почетной службы Родине в предчернобыльской Згуровке, как и во всем Советском Союзе, тоже практиковались выборы – в подтверждение «волеизъявления» местного населения, желавшего видеть во главе политического и хозяйственного руководства так называемый «блок коммунистов и беспартийных».

Интересно, но тогда как-то никто не додумался до такого «рудимента демократии» как избирательные комиссии. Нет, они на самом деле имелись и даже успешно действовали, но официально формировались исключительно исполкомами той же самой советской власти под бдительным оком компартийных комитетов. Помню себя, еще школьника старших классов,

как ни странно, членом участковой избирательной комиссии, состоявшей исключительно из моих одноклассников во главе с председателем комиссии, классной руководительницей. И это в шестидесятых.

В восьмидесятых эту «почетную роль» школьникам поручали только в малых селах, а в крупных и небольших городах комиссии состояли из комсомольско-партийных активистов, получавших затем на работе отгулы за вдохновенную работу в выходной.

Считать бюллетени было нетрудно, ведь кандидат в депутаты или еще куда-то там (судей тогда тоже выбирали) был в бюллетене одиноким. Надо было только посчитать отбракованные и испорченные бюллетени. Чего греха таить, случалось и такое, ведь прямо на избирательном участке под патриотические песни и марши из громкоговорителей организаторы выборов практиковали продажу съестного и спиртного, что являлось отличным поводом для мужиков «отметить» свой «демократический выбор».

Иногда при окончательном подсчете попадались и голоса «против», о чем тихо, но срочно сообщали в КГБ. Вообще-то это не было нашей обязанностью. Однако моё родное начальство рекомендовало проявлять чекистскую инициативу, самому контролировать формирование избирательных комиссий и пытаться вводить в их состав агентуру и доверенных, которые должны фиксировать, а кто там заходит в кабинку, чтобы заполнить бюллетень? Делать это в кабинках тогда было правилом не просто дурного тона. Каждый сознательный гражданин знал, что это «вредно для здоровья». И хотя во времена моей оперской службы тотальной слежки за ходом голосования уже не было, народ во время голосования кабинки обходил.

В тот раз в Згуровке готовились к выборам депутатов местных, т.е. областных, районных, поселковых советов депутатов трудящихся. Не трудящихся тогда не было. Каждого безработного, то есть «тунеядца-дармоеда» по тогдашней терминологии, вычисляла милиция. И если на него не действовало официальное требование в течение определенного срока устроиться на любую работу, то бедняге светил реальный, предусмотренный уголовным кодексом срок заключения.

Итак, все шло по заранее определенному графику, каждый занимался своей работой. За несколько определенных законом

дней до выборов, как и положено, в поселковый совет (который одновременно служил и окружной избирательной комиссией) завезли пачку бюллетеней, которые никто не открывал и не считал. А чего их считать, когда в бюллетене всего один кандидат? Положили в сейф секретаря совета и пошли спать.

А в субботнее, перед выборами, свежее и еще не жаркое летнее утро в совет сошлись председатели участковых комиссий за бюллетенями. Смех, шум, веселое настроение. Вот сейчас можно перейти и к процедуре. Расселись за столами, разложили документы, разорвали пачки и начали делить. Выборы должны были быть местные, а это означает, что бюллетени были областные, районные и поселковые. Посчитали областные, попили кофе, покурили, посплетничали, потом посчитали районные. Здесь что-то непонятно, чего-то не хватает.

– Давайте отделим поселковые, а затем снова займемся районными, – прозвучало предложение секретаря поселкового совета и по совместительству председателя избирательной комиссии. Все согласились и начали раскладывать бюллетени поселковые. Всё правильно, как и должно быть.

Теперь уже без кофе и перекуров сразу взялись за районные...

И тут вдруг стало ясно, что случилось что-то страшное и неоправданное. Бюллетеней не просто не хватало, их имелось где-то около половины.

Секретарь поселкового совета, бывшая учительница, ответственная аккуратистка, всегда привыкла выполнять начальственные приказы. Кое-как окончив это заседание, срочно звонит местному оперу, то есть мне. Но где там! Тогда же мобилок не было, и если абонент не у телефона, как его поймать? Жди, когда отзовется.

Итак, пока секретарь, Людмила Павловна, так её звали, ещё не подняла шум, попробую объяснить суть дела.

Как уже было отмечено выше (нет, это не анекдот, так было на самом деле) в районном бюллетене была проставлена всего одна фамилия. И это была фамилия нашего районного партсекретаря, державшего за горло не только наш район, но и некоторых областных кормчих. Ясно, что у него имелась фамилия, имя и отчество, однако позволю себе настоящую его фамилию не вспоминать, ибо, кроме нее, он имел у «благодарных поспо-

литых» несколько прозвищ. Именно эти прозвища и были объективным мерилom народной любви.

Большинство подданных звали его Борманом. Кто не знает – это фамилия партайгеноссе, руководителя фашистской партии гитлеровской Германии. Войну мы не застали. О войне мы читали книги и смотрели кино. Именем «Гитлер» у нас не называли даже собак, а вот имя Борман было популярно. Именно оно и прилипло к коммунистическому лидеру нашего района.

Другие называли его не иначе как Таразини. Тогда был популярен итальянский телесериал «Спрут» с Микеле Плачидо в главной роли. Женская часть телеаудитории тайно вздыхала по персонажу в его исполнении. В кино он играл роль комиссара полиции Катани. А вот его антипод, отрицательный герой, адвокат преступной мафии и был этот самый Таразини. Выдержанный, грамотный, холодный, циничный и жестокий.

Надо сказать, что наш Борман-Таразини вообще-то был местный. Где-то здесь окончил школу, начинал карьеру водителем молоковоза. Его в этих местах знали и помнили. Но именно поэтому среди наиболее осведомленной о нем части населения района он был известен под прозвищем Кнур. Здесь уже никаких пояснений, думается, не требуется.

Наша секретарь никогда не позволила бы себе так величать свое начальство. Она до своего секретарства в поселковом совете работала заведующей библиотекой. Все книги, бумажки и отчетность у нее всегда были в порядке. Таким образом она спасла не одну сельскую библиотеку. Поэтому ее и забрали «во власть», что «бумага» у нее всегда была «исправна». А управлять посполитыми всегда было кому и без нее. Вот так, неожиданно-негаданно, она, «опытная бумажная мышь» оказалась в центре избирательного детектива.

С ней, Людмилой Павловной, мне пришлось познакомиться еще раньше. Пустой читальный зал поселковой библиотеки был идеальным явочным местом для встреч с моей местной агентурой. А еще «содержательница явочного пункта» всегда могла предоставить мне или моим агентам для частного ознакомления какую-то суперпопулярную книжечку. Тогда, в блаженные времена позднего застоя, страна была массово читающей, а некоторые толстые журналы можно было найти только и исключительно в библиотеках. Они иногда выполняли роль валюты в оперативной работе. Мои агенты не имели

причастности к какому-то криминалу. Это были преимущественно сельские интеллигенты, для которых книга была драгоценностью, а потому опер просто обязан был соответствовать этому уровню.

После назначения моей Людмилы Павловны на властную должность в соответствии с нашими внутренними приказами и инструкциями я должен был с ней расстаться как с помощницей в моей работе. Но расстался я с ней только на бумагах: был подписан рапорт об исключении определенного агента из агентурной сети. Произошла сдача в областной архив ее личного дела. А на самом деле наши взаимоотношения продолжались. Людмила Павловна никогда не «стучала», не выполняла пикантных просьб и не писала агентурных сообщений. Она была выше этого, поэтому подобная работа ей и не предлагалась. Я, как оперативник, использовал ее возможности для перепроверки полученных данных и сбора характеристик на граждан, интересовавших меня.

И все же, чиновник он и есть чиновник. Потому Людмила Павловна, как чиновница, знала, что у любого чиновника есть ещё и своё начальство. Не отловив меня после нескольких телефонных попыток, она решила побеспокоить мое начальство. Представляете картину: мой шеф, Дмитрий Григорьевич, дремлет в своем кабинете, развалившись в кресле, и вдруг звонок: тревога. Прямое посягательство на власть – госбезопасность, в ружьё!

Для приличия начальство безрезультатно набрало номер телефона кабинета опорного пункта и мой домашний, а затем, учитывая важность сигнала, решило к делу привлечь и моего яготинского коллегу.

До моего появления в отделении згуровский куст уже не одно десятилетие был частью Яготинского района, и Василию Васильевичу приходилось работать на всей его территории. Ясно, что сюда, на згуровщину, он иногда не заезжал месяцами, однако это вовсе не означает, что здесь у него не было так называемых «оперативных позиций»: доверенных, знакомых или знакомых знакомых. Поэтому, пока меня не поставили в известность о происшествии, по «моей территории» сутки шастал мой коллега.

Поздно вечером меня всё-таки нашли и «пригласили» в райком, где в кабинете первого уже проводилась оперативное со-

вещание с участием всех районных силовиков. Первый руководил процессом, как заправский лягавый.

После совещания, уже глухой ночью, в кабинете нашего опорного пункта мой Митя заставил меня писать план агентурно-оперативных мероприятий, потому что на утро надо было докладывать генералу. Планы – это начальственные заботы, а вот я утром, ещё до начала рабочего дня вместе с Людмилой Павловной исследовал обстоятельства этого удивительного события.

Итак. В полученной из типографии упаковке, которая, согласно акту, была нарушена только в присутствии всех членов избирательной комиссии, оказалось меньше половины необходимых бюллетеней. Другие бюллетени тоже были здесь, правда, только в виде чистых листочков без признаков типографской краски. Не надо быть «Шерлок Холмсом», чтобы понять: происшествие произошло в типографии, а было оно умышленным или нет – вопрос к следствию. Обратнo-таки, рассуждал я, если бы не поднятый шум, то печатников можно было бы уговорить до утра нехватку допечатать и все были бы довольны: и советская демократия, и Кнур-Борман-Таразини... Ой, подвела меня сегодня моя верная помощница.

Это же понимала и Людмила Павловна.

– Вы уж извините, перестаралась. Испугалась, знаете, не подумала, что из любой ситуации есть выход. Теперь же сложившуюся ситуацию каждый начальник будет использовать на свой лад. «Кому – война, а кому – мать родная».

После моих «первоначальных следственных действий» стало ясно, что в Згуровке мне делать нечего. Надо ехать в район, в типографию и разбираться уже там. Однако районная типография – это территория моего коллеги, а потому требуется санкция шефа. Звоню ему – безрезультатно, на месте нет, куда-то вышел. Ну что ж, пока есть время, выйдем на крыльцо, покурим.

Гляжу – перед поселковым советом мотоцикл моего коллеги.

Вообще-то у нас было не принято посещать «чужие» территории, особенно в служебных целях, особенно для получения информации, потому как информация получается исключительно через «источники», которыми являются живые люди. Это агент будет (опять-таки, не гарантируется) молчать, а доверенный, то есть человек, которого опросили раз или два в месяц или даже

в году, будет даже кичиться тем, что что-то там сказал (или не сказал) оперу. В большом городе, где много людей, имеется довольно большой риск, что потом тебе это вылезет боком, а в малом селе это случится гарантированно.

Через некоторое время появился и коллега под руку с моим «Семеренко». Не стесняясь своего агента, докладываю Василию Васильевичу, как старшему по званию, полученную информацию, мол, искать ответ нужно в районной типографии. В ответ слышу, что есть команда искать происки местной оппозиции.

– Какая оппозиция? Пакет с бюллетенями был заклеен, закрыт и опечатан ещё в типографии.

– Не понимаете вы, товарищ опер, политического момента. Сказано, искать оппозицию, значит, будем искать оппозицию. Вам что, команда первого не указ?

Я немного подрастерялся, однако, все же решил дозвониться до официального начальства. Опять сажусь за телефон и вот, наконец... Получаю подтверждение уже от Мити: определить круг лиц среди партийно-хозяйственного актива згуровщины, не поддерживающий политику, проводимую первым, то есть, Борманом...

Такого в моей практике ещё не было, ведь даже наши «кагэбешные» правила требовали какую-то письменную отчетность: агентурное сообщение – сигнальная подборка – дело оперативного учета – уголовное дело. Опять же, какой может быть «партхозактив», если на проверку или разработку члена ВКП(б)-КПСС нужна санкция генерала, то есть обкома партии?

Ой, как не хочется прибегать к услугам моего знаменитого «Семеренко». Его знаю не только я, но и мой начальник, которому это знать положено. Его, как нашего агента, знает не только мой яготинский коллега, но и переяславский, а еще барышевский и, кажется, наш водитель, сержант Федор. Этот господин уже не раз приезжал к нам в отделение в самый Переяслав и порывался посетить нашу областную контору в Аскольдовом переулке, чтобы лично просигнализировать о чем-то наиважнейшем...

Честно говоря, я уже не рад, что в свое время принял его на связь, потому что такая его активность рано или поздно вылезет мне боком. Но делать нечего. Партхозактив – это тот контингент, на который я не замахивался, и не потому, что их уважал или боялся. Районный партхозактив – это законная вотчина не толь-

ко нашего Бормана, но и любого первого, а я считал себя уже слишком опытным опером, чтобы как тот Дон Кихот воевать с ветряными мельницами.

Через несколько дней сиденья с «Семеренко» на явочной квартире, я наконец-то выдаю по команде своему шефу политически верноподданные с точки зрения районного начальства характеристики на почти полсотню руководителей своей территории. Вообще-то это работа какого-то отдела райкома партии, но почему бы нашему партагеноссе Борману и не иметь на своем столе секретный документ из интересной организации, о котором известно всему тому же партхозактиву.

В типографии следствие проведет без меня мой коллега Василий Васильевич. Все спишут на какую-то беспартийную укладчицу-упаковщицу, очень вовремя уволившуюся с работы «с выездом на жительство за пределы района». Что там с бюллетенями произошло на самом деле – честное слово – не знаю до сих пор. Выборы пройдут без меня, без «Семеренко» и даже без тех бюллетеней, которых не хватало. Допечатывать не будут, некогда, всё посчитают «правильно», область ничего не узнает, а победит, ясно, Борман-Таразани.

Хотя после этой истории меня в Згуровке стали бояться как чёрта. И хоть это изрядно повлияло на мой личный авторитет и авторитет всей спецслужбы, радости мне не прибавляло. Такая служба и этот оперской статус в дальнейшем ставил меня вне общества. Я медленно, но уверенно терял уже не друзей, товарищей или сторонников, я удалялся от людей в принципе.

Чувствовалось это даже на взаимоотношениях с Людмилой Павловной, которая пострадала больше, как «слишком умная». Несмотря на все мои старания, она была отнесена к оппозиции. Со временем ее, как не оправдавшую доверия, перевели на старое место в библиотеку, чему она была только рада. А я понял, что, даже имея определенный доступ к управлению фигурами районной шахматной доски, не имею возможности серьезно повлиять на события или при необходимости просто защитить честного и порядочного, на мой взгляд, человека, потому как любое вмешательство ГБ расценивается только со знаком минус.

Через некоторое время эта якобы мирная жизнь закончится черныбыльским набатом. Старый район будет разделен и появится новый. Прибудут новые люди, явится новый Борман, уже

не Кнур и не Таразини. А эта история останется в памяти уже нового партхозактива как признак верности легавого пса и недоверия хозяину всех районных стукачей.

Вырваться из этого заколдованного и непрестижного круга я попробую написанием рапорта о переводе меня на работу поближе к реактору, однако получу ответ, что если Родине надо будет, то меня не спросят и пошлют – хоть в реактор, хоть в ад. А сейчас надо, чтобы я сидел, где сажу, и не выпался.

ШПИОМАНИЯ

Зима в год после Чернобыля была чрезвычайно суровая и снежная. Пожалуй, такая бывает раз в лет двадцать. Снега навалило в поле по пояс, а в лесах, селах и городках – в хороший человеческий рост. Морозы стояли яростные и долгие и к середине января всем уже изрядно надоели.

Снежная метель внесла коррективы в международные автоперевозки, осуществлявшиеся как отечественными, так и зарубежными дальнбойщиками. Некоторые участки трасс республиканского значения, к ремонту которых приступили еще до заморозков, с началом устойчивых морозов (как у нас всегда происходит) из-за сильных снегопадов стали совершенно непроезжими. И вот вдруг такая тихая, патриархальная и провинциальная Згуровка, лежащая вдали от центральных магистралей, стала на некоторое время транзитным пунктом европейского значения. Правда, згуровчане от этого ничего не выиграли. А вот для нескольких местных милиционеров и одного гэбэшного опера это стало знаменательным событием, о чем и пойдет речь ниже.

Через Згуровку вдруг начали регулярно проезжать грузовые сорокатонные «Мерседесы», «Фиаты» и «Скании» с неизвестными и непривычными нашему глазу иностранными номерами и синими табличками TIR, чего никогда до того не бывало. Вообще, если в поселок или даже в какое-то районное село въезжает иномарка, легковая или же грузовая – об этом сейчас же сообщают начальнику местной милиции и, обязательно, представителю местной контрразведки. С ней милиционерам ссориться

не резон, ведь все, по крайней мере, офицеры знали, что в свое время покойный московский генсек Андропов за неполный год своего правления нанёс нашей родной милиции очень болезненную травму.

Представляете себе, он официально, на законодательном уровне признал гэбэшников выше милиционеров! И не просто выше, но поручил гэбэшным структурам на всех уровнях «взять в контрразведывательное обеспечение органы милиции», о чем поставили в известность партийный, советский и милицкий генералитет. Что это означало на практике – означенному генералитету объяснять не надо. За каждым служебным, а то и приватным их шагом теперь могли следить гэбэшники, проводить по отношению к милиционерам дознания, досудебные проверки, заводить не только дела оперативного учета, но и уголовные. И еще это означало, что в каждом милицеском подразделении гэбэшники получили право иметь своих стукачей на законных основаниях, задачей которых было вынюхивать и выискивать «нарушения социалистической законности при выполнении органами милиции своих служебных обязанностей» – а это уже не шутки.

Словом, каждый начальник милиции, каким бы важным или тщеславным он не был, теперь бегал к какому-то там нерадивому гэбэшному лейтенанту так же, как и к первому секретарю райкома.

Откуда взялась гэбэшная напасть на милицескую голову? Конечно же из Москвы, где тогда не на шутку сцепились шеф спецслужбы Андропов с милицеским министром Щелоковым. Да и «наши гэбэшники», видно, тоже к этому приложились, подгавкивая, ибо каждый имел на милиционеров свой собственный зуб.

Даже лично со мной был случай в этом роде. Как-то после совершенно секретного и сверхважного без обеда совещания в областном управлении, уже под вечер, мы все, офицеры райотдела во главе со своим начальником дружно влезли в свою тесную «Ниву». По дороге заехали в один из столичных гастронотов (это же вам не раймаг), набрались, накупились в соответствии с писульками, составленных нашими жёнами. И, ясно, что мы точно не забыли купить пару бутылок «беленькой». «Раздавить» их мы решили по пути домой. Только мы выехали на наш единственный настоящий украинский автобан «Киев –

Борисполь», как, извините, приспичило. Когда же вернулись из леска к машине, глянь, а сержант Грицко уже откупорил бутылки и даже порезал колбаску. Ну, не совсем удобно, но что поделать?

– Наливай! – скомандовал начальник.

Только чокнулись, как возле нас тормозят «гольцы» с включенными «мигалками»:

– Нарушаете, граждане, ваши документы! – ну что ж, предъявляем.

ГАИшные сержант с лейтенантом не стояли смиренно, как мы ожидали, а лениво улыбаясь и потирая руки, вдруг затарахтели:

– В свете только что принятого постановления ЦК КПСС о борьбе с пьянством и алкоголизмом, составляем протокол и направляем в ваше управление... Как, говорите, ваши фамилии? Пожалуйста, удостоверения сюда, в свет фар...

Разбирались долго, около часа, а то и больше. За грудки не брались, но за пистолеты хватались. Слава Богу, до стрельбы дело не дошло, разошлись. Подействовало то, что кто-то из наших додумался их заставить показать свои удостоверения и стал переписывать их личные данные в какой-то гроссбух с тем, чтобы завтра посетить...

– Нет, нет, не ваше начальство, а вашего опера! Ну, нам, конечно, влетит – заработали. А вот вы вылетите из милиции! Подловим – обещаем!

В то утро, только я вышел из подъезда своего дома в солнечное морозное утро и вдохнул воздух, настоящий на степной зимней ночи, моё романтическое настроение нагло прервал местный участковый Миша Евтушенко. Вообще-то он будто бы был моим агентом, и об этом догадывалась почти вся Згуровка. Я же делал видимость, что никто в Згуровке этого не знает, хотя бы потому, чтобы ни та же Згуровка, ни местные милиционеры со своим хапугой-начальником не смогли даже представить себе, что их милицейский отдел контролируется двумя настоящими агентами. Один из них был в ранге заместителя начальника милиции и периодически пил с ними водку, о чем регулярно составлял письменные донесения.

Миша уже с час ждал меня в своем по виду потрепанном, но внутри прочном, ухоженном «Москвиче», который даст фору не только «Волге», но даже иной престижной иномарке.

Сразу же сказал, что выполняет приказ своего начальства, а оно велело сообщить мне о событии районного масштаба: за селом Середовка посреди поля на обочине дороги у выезда на трассу «Киев – Прилуки» со вчерашнего дня стоит итальянский прицеп с грузом без тягача. Никто кроме Деда Мороза груз не охраняет и за ночь его видимо уже занесло снегом, если там ещё осталось что заносить.

– Поехали, посмотрим, – предложил он, и мы поехали на его «Москвиче», пробивая бампером снежные заносы.

Поглядывая в окно на заснеженные поля, я анализировал: насколько этот прицеп связан с масштабной оперативной разработкой, на участие в которой меня нацеливало начальство, и которую (ого, как вырос, а ведь мы с ним вместе учились в Ташкенте) вёл областной опер-аналитик. По его заданию я озадачил свою агентуру и с её помощью установил, что жаркие итальянские ребята пресекались в моем районе с не менее жаркими нашими девчатами, а значит, можно было через них заиметь какую-то информацию. С этим предложением я отправился к своему начальству, однако мой шеф даже слышать об этом не хотел:

– Ты хоть понимаешь, что это такое – настоящая работа со спецагентом?* Во-первых, санкцию на их вербовку дает генерал

* Необходимые пояснения терминологии:

Спецагент – перевербованный, как правило, профессиональный преступник, применяющий своё уголовное умение, талант или способности на выполнение заданий спецслужбы (в данном случае КГБ).

Спецагента вербуют не районные отделения, а подразделения специализированного ранга для разработки на очень серьезном уровне. Такие агенты вербуются из среды профессионального криминалитета: традиционных проституток, проституток-гомосексуалов обеих полов, знатоков уголовного мира или даже убийц. Бывают спецагентами профессиональные мошенники-наперсточники, карманники или медвежатники-асы по взлому сейфов и т.п. Думаю, в наше компьютерное время спецслужбами в качестве спецагентов востребованы и профессиональные хакеры.

После выполнения заданий спецагентов, как правило, изымают из их среды, вплоть до физического уничтожения. Однако наиболее удачливые и востребованные спецагенты достигают вершин общества.

Так, один из спецагентов, начинающий адвокат, специализировавшийся на профессиональном соблазне женщин, был привлечен к судебной защите известного украинского диссидента, в результате чего тот был осужден и умер в советской тюрьме. Сейчас этот бывший спецагент является известным украинским политиком.

лично (а не какой-нибудь его заместитель). Далее, вся документация и все наши реальные действия (и мое чуткое руководство в том числе) будут не просто контролироваться, а изучаться инспекцией почти под микроскопом. А потом: неужели ты думаешь, что эти «шашни», которыми ты будешь легодировать свои контакты с девицами-спецагентессами, останутся в твоей Згуровке незамеченными? Ха, ха. Это тебе что? Мегаполис? Это наши жены только кадровикам обещали относиться к нашей работе с пониманием. Но когда они почувствуют неладное – тогда все их расписки и обещания будут на твоей и моей шее! Скандалы, разборки, а то и развод обеспечены. На этом погорел не один опер, хотя все они думали, что это только работа. И ещё. Если иностранные дальнбойщики действительно агенты итальянского корпуса карабинеров, то они этих девиц уже точно будут использовать как прикрытие своих истинных намерений. Ну а если из центра и поступит команда на использование спец-агентесс – будем делать всё, чтобы с ними работали не мы, а кто-то из не местных оперов. Желающие всегда найдутся.

Проехали Аркадиевку, потом Середовку. Вот заснеженное поле и наш объект. Прицеп без тягача действительно стоит на обочине, движению транспорта не мешает, но сегодняшний утренний грейдер уже наполовину накрыл его свежим снегом. Разобраться, что находится под парусиновым тентом практически невозможно – не резать же брезент.

Походили вокруг, прикинули на глаз расстояние до села – пожалуй, километра три. Если и были выставлены какие-то знаки аварийной остановки, как ты их там найдешь в снегу. На том и закончили. И поехали домой, обсуждая строительство домиков для переселенцев из чернобыльской зоны, на которых районное начальство наживается, будь здоров. Здесь можно украсть (в особо крупных размерах) не только строительные материалы,

Другой спецагент, профессиональный карточный шулер, по данным одного из интернет-изданий в результате удачного и результативного сотрудничества с КГБ (и, возможно, СБУ) стал одним из украинских олигархов, владельцем известного футбольного клуба.

Ещё один наш отечественный спец-мошенник (сейчас тоже уважаемый владелец футбольного клуба) стал в свое время прототипом голливудского киногероя Николаса Кейджа в знаменитом фильме «Оружейный барон».

И это не сплетни. Хотя можете этой информации и не верить.

но и газовые плиты, газовые баллоны, холодильники, которыми должна быть укомплектована каждая усадьба, но где там...

Пришёл в свой кабинет и сразу доложил по телефону своему начальнику, так, мол, и так, прицеп с итальянскими номерами без тягача и без охраны посреди поля уже полсутки мерзнет, прошу санкцию на его проверку собственными силами и слышу в ответ стандартное: ждать дальнейших инструкций, без команды – ни шагу. Естественно, отвечаю: «Есть!».

День пролетел в привычных заботах: выискивал по селам своих «верных агентов», что всегда прятались от меня, как мыши от кота, потому как знали, что придется в этот раз что-то писать. Ведь ещё в прошлый же раз обещали, но сообщать было нечего, а придумывать было лень.

И вот закончился рабочий день. Дома повозился с детьми, просмотрел программу «Время». Ой, что делается! Неужели действительно у нас в стране говорить можно всё, даже начальство критиковать? И если бы только начальство! Идеи коммунизма и те под сомнение ставятся! Что же такое будет? Неизвестное грядущее всегда пугает.

Потянулся к полке с книгами. Вот позавчера повезло изъять у «вшивых интеллигентов» запрещенный роман «1984» Джорджа Оруэлла, надо дочитать, потому как начальник уже напоминал, спрашивал, когда книгу привезу, видно тоже интересуется запрещённой литературой.

Новый начальник мой, подполковник Виталий Иванович, надо сказать, это не тот самодур, что был у нас раньше, а человек столичный, думающий, ответственный и тактичный. И тактичный не только с нами, но и со всеми. Перед первым секретарем не стелется, добытую операми информацию о бесхозяйственности, кражах и присвоениях с использованием служебного положения, а также о самодурстве «лиц, приближенных к телу», предоставляет в райкомы НЕ устно, как его предшественник, а, как и положено, через регистрацию у секретарей, чем вызывает тихое неудовольствие и даже страх у «власть имущих» районного масштаба. А вот изъятую литературу и кассеты с крамольными песнями не регистрирует. Понимает, что регистрация эта может сломать человеческие судьбы... Боюсь, слишком хорошо он для нас и долго здесь не задержится.

Часов в десять вечера в дверь постучали: Виталий Иванович собственной персоной.

– Поехали! – коротко, но ясно приказал он.

Внизу, у подъезда стоит вездеход ГАЗ-66 с киевскими номерами и эмблемой министерства связи СССР. Влезаем в будку, внутри натоплена настоящая буржуйка. Вокруг неё греются какие-то люди. Знакомимся: подполковник и два капитана – бригада киевского ОТУ (оперативно-техническое управление центрального аппарата КГБ СССР – занимается техническим обеспечением оперативно-розыскной деятельности). Это именно они устанавливают по требованию оперативников всякие прослушки, подглядки, занимаются радиоперехватом, прослушиваниями телефонных переговоров и техническим, то есть фото-, кино- и аудиодокументированием в интересах КГБ и прокуратуры «противоправной деятельности враждебных и преступных элементов». Здесь же в будке находится еще один майор, Василий Васильевич, мой яготинский коллега, а также...

– Привет воспитанникам ташкентского «осинового гнезда»! – искренняя, знакомая, почти родная улыбка человека, с которым есть что вспомнить и с которым по душам не общался уже лет пять.

Всё видимся как-то на ходу. Успеваем сказать другу «привет», а так хочется поговорить, поделиться чем-то сокровенным. Когда мы учились, случился пожар в московской «дзержинке», как называли между собой опера Высшую школу КГБ СССР им. Дзержинского. О пожаре каким-то образом узнали иностранные корреспонденты. Впоследствии мировая пресса печатала фоторепортажи и комментарии, имевшие примерно одинаковый заголовок: «Горит осинное гнездо КГБ». Так, с легкой руки иностранных борзописцев, мы и стали называть все свои гэбэшные учебные заведения.

Капитан Володя Павловский, а это был он, мой однокашник и хороший товарищ, как раз сейчас занимался оперативным изучением итальянских грузоперевозчиков, которые подозревались в сотрудничестве с итальянской разведкой.

– Что же случилось в нашей Богом забытой Згуровке, чтобы сюда прибыла такая солидная бригада храбрых контрразведчиков?

– Володя, – это не ко мне! Ты же знаешь, вопросов у нас не задают. Если будут основания и подозрения подтвердятся, тебе будет доведена информация, необходимая для выполнения порученной тебе части работы. И не более. А сейчас лучше говори, куда нам именно ехать!

Я беру переговорное устройство с водителем, выглядываю в окошко, руковожу.

За разговорами, типа «а помнишь...», не заметили как прибыли на место. Стали посреди дороги, потому как обочину засыпало уже изрядно замерзшим снегом от грейдера-снегоочистителя. Начиналась метель, которая по-особенному чувствовалась в открытом поле.

Интересная нарисовывалась картина: более 100 километров от Киева, до ближайшего жилья километра три, пустое заснеженное поле, дорога, что вот-вот будет замечена, зима, метель, глупая ночь, вокруг ни души – и группа столичных контрразведчиков самоотверженно ищет признаки или следы шпионажа.

Походили вокруг, покурили. Подойти к прицепу, а особенно к грузу было практически невозможно.

– Чего там думать, – вдруг взял на себя команду ОТУшный подполковник. – Подъезжай вплотную, – это он к водителю вездехода, – если там что-то есть, приборы покажут, ведь расстояния в три метра для фиксации достаточно.

Мы с яготинским коллегой и нашим начальником молча переглянулись. Что там они ищут? Что и кто покажет, какие приборы, которая фиксация? Однако вопросов не задавали, а молча наблюдали за работой людей бывалых.

Наш ГАЗон, включив оба моста и ревя мотором на полную мощность, полез на снежный сугроб обочины, будто бы пытаясь прижаться к иностранной железке. С первого раза не удалось, потом была еще вторая и третья попытка. Когда замерзший снег и ледяные глыбы колесами были перемолоты в муку, будка «прилепилась» к прицепу.

Мы втроем стояли и мерзли на пустой дороге, наблюдая, как ОТУшники то выбегали из будки, то снова туда заскакивали, но силлись с какими-то приборами и датчиками, что-то подогревали, потому что замерзло, что-то там у них не включалось, затем включилось, но не показывало, а затем включилось и показало однозначно: что-то есть!

Из будки вылез ОТУшный подполковник, лицо его излучало удовлетворение и даже радость от удачно выполненной работы.

– Разрешите доложить, – официально начал он, – в указанном вами объекте мы только что обнаружили работающий радиопередатчик с мощностью достаточной для передачи радиосигнала на расстояние до 200 километров. Такие радиопередатчики

используются НАТОвскими разведслужбами для передачи сигнала на спутники, пролетающие над нами. Ориентировочно, радиозакладка находится в прицепе под тентом. Официальный документ о проведении оперативного мероприятия и о его результатах ваше подразделение получит завтра за подписью нашего генерала. А сейчас жду ваших указаний, потому что после положительной фиксации шпионского снаряжения я, согласно нашей инструкции, перехожу в полное ваше распоряжение.

Мы, местные опера, стояли ошеломлённые. Такого ни в моей практике, ни в практике моего непосредственного начальства еще не было. Виталий Иванович тоже был растерян:

– А какие команды вы ждете?

– Наша машина оборудована радиотелефоном, можете связаться с оперативным дежурным по управлению, или даже с самим вашим генералом, – ответил ОТУшник.

Все дружно залезли в будку, где теплом наливалась старая и надежная дедовская буржуйка. Хотя было уже за полночь, спать не хотелось, чувствовалось возбуждение и причастность к чему-то такому ответственно-государственному, что и было основным оправданием нашей сомнительной не всегда законной с точки зрения человеческой морали деятельности. Еще бы, мы обнаружили настоящее шпионское снаряжение! Оно вот здесь, в метрах трёх-четырёх за фанерной стенкой автомобильной будки под парусиновым брезентом функционировало и именно сейчас активно использовалось иностранной разведкой против нашего родного государства, а значит и против нас.

Отозвалась трубка радиотелефона. Виталий Иванович на «птичьем языке» (то есть на таком, который не содержал ни слова о настоящем событии, но человеку сведущему и причастному было ясно, о чем речь) доложил о происшествии дежурному по управлению, тот приказал ждать связи с заместителем начальника управления, которого сейчас поднимут по тревоге.

Какое-то время ждали звонок начальства. За это время мимо нас проехало две машины, водители которых дружно нас обругали, но мы на это не обращали внимания, ведь были не просто «при исполнении», мы с нетерпением ждали «особого распоряжения».

Наконец радиотелефон ожил. Виталий Иванович бросился к трубке и тут же сказал: всем, кроме капитана Павловского, покинуть будку и обеспечить конфиденциальность переговоров.

Мы с яготинским майором и ОТУшниками нехотя полезли на мороз, а самим-то было страх как интересно. Но оказалось, что интерес распирает только нас с майором, потому ОТУшникам видно такое было не в диковинку. Хоть и не часто, однако им приходилось видеть подобное, мало того, они знали, чем все это заканчивается. Однако нам они ничего не говорили, не разочаровывали.

Нам пришлось еще полчаса сильно померзнуть, пока нас с майором не позвали в будку, где слово взял Володя Павловский, став вдруг серьезным и официальным:

– Я получил санкцию от своего руководства поставить вас в известность об обстоятельствах дела оперативной проверки в отношении итальянских грузоперевозчиков.

Суть дела: разведка НАТО каким-то образом, возможно через свои агентурные источники в московском генеральном штабе нашей армии получила оперативные планы Киевского военного округа на особый период. Особый период – это период возможного военного конфликта между вооруженными силами стран-участниц Варшавского договора и НАТО. Согласно этим планам войскам округа поставлена задача пройти маршем через Румынию, Венгрию и Югославию и оккупировать северную, а по возможности и всю Италию.

Видно, НАТОвцы поделились этими данными с итальянцами, так как уже несколько месяцев мы через нашу зарубежную агентуру получаем данные об интересе итальянской военной разведки и их корпуса карабинеров, в частности, к соединению нашей стратегической авиации, дислоцирующемуся в 50 километрах отсюда, в Прилуках.

«Особый» отдел КГБ прилуцкого гарнизона (а это и есть подразделение военной контрразведки, которое армейскому руководству никак подчиняется) поставлено в известность. От них получены данные, что соединение стратегической авиации, согласно планам округа на особый период, должно «нанести ядерный удар» по выявленным нашей военной разведкой базам НАТО на территории Италии, а также, в случае необходимости (и если выживут), ещё и вспомогательный удар по средиземноморским военным базам Турции, Греции и Франции.

Агентурой и оперативными средствами областного управления вместе с контрразведкой центрального аппарата и контрразведкой Киевского и Прикарпатского военных округов

зафиксированы изменения маршрутов автоперевозчиков итальянских и югославских фирм, занимающихся поставками различных народнохозяйственных товаров в СССР. Эти маршруты проложены так, чтобы они проходили через Прилуки (куда они никогда не ездили из-за плохих дорог), и, соответственно, через траверс направлений взлета и посадки аэродрома прилукской авиабазы.

Сейчас мы и заброшенный итальянский автоприцеп с работающей радиозакладкой находимся менее чем в 50 километрах как раз на траверсе прилукского аэродрома. А он послезавтра (!) будет привлечён, согласно планам округа по проведению оперативно-тактических учений, к имитации выполнения планов особого периода, а именно «нанесения ядерного удара» по целям в Италии.

Руководство контрразведки комитета допускает возможность использования выявленной радиозакладки для снятия радиоинформации с самолетов стратегической авиации, их радиообмена со своими базами, а также радиисточников авиабазы и передачи этих данных на спутники – шпионы НАТО.

Задачей нашей группы является отключение радиопередатчика на спутник и оставление в рабочем состоянии записывающего устройства для дальнейшего документирования противоправной деятельности иностранных спецслужб на территории СССР. Также мы должны обеспечить полную конфиденциальность операции от населения, местных правоохранительных органов, а также от советского и партийного актива района и области.

Сухая, официальная и деловая речь Володи, а также то, что именно он говорил, чуть не привела нас, оперов местного отделения, в состояние ступора. А выйдя из него, мы никак не могли сориентироваться – что же именно надо делать сейчас, глубокой ночью среди поля широкого возле заброшенного прицепа.

Пока в будку залезали ОТУшники, мы немножко опомнились. Виталий Иванович почему-то невпопад тут же на листке бумаги из своего портфеля написал в правом верхнем углу «совершенно секретно. Экземпляр № 1. План оперативных мероприятий по ДОУ..» и спросил у Павловского:

– А как дело называется?

– А так и называется Дело оперативной разработки «Дальнобойщики».

– А черт с ним, с названием! – уже полностью овладев собой, сказал он. – Бумаги потом напишем, а сейчас местные опера – за лопаты отгрести снег! А вы, ОТУшники, ищите место закладки.

Следующий час я, аж целый капитан, и Василий Васильевич, аж целый майор, в свете фар машины отгребали от прицепа снег, уже схватившийся льдом. Пот катился градом, а пальцы рук отмерзали. Где-то часа в три ночи подъехала какая-то машина:

– Ребята, что случилось, может подмогнуть?

Мы застыли – вот тебе и вся конфиденциальность.

– Проезжай мужик, здесь нас достаточно, мы попеременно, – вдруг нашелся Василий Васильевич, молчавший еще с вечера.

Пока мы воевали со снегом, а ОТУшники шнырили под тентом, наш начальник по радиотелефону вызвал подмогу из самого Переяслава – оперативную машину, наш служебный вездеход «Нива» с личным оружием отделения. До этого момента я и не знал, что у нас в отделении на вооружении есть на каждого опера автоматы АК-74 и даже гранатомет «Муха». Все это уже утром привез наш водитель, сержант Федор.

Как раз перед его приездом ОТУшники, отмораживая пальцы и каждые пять минут бегая в будку к буржуйке, всё-таки нашли закладку размером с обычный транзисторный радиоприемник, проверили ее на предмет заминирования и самоликвидации, сняли ее и занесли в будку. Далее была уже моя работа. Как единственный легальный местный, я должен был обеспечить не только охрану, но и конфиденциальность мероприятия, используя для этого все возможные, в том числе и личные средства.

После небольшого совещания, в ходе которого Виталий Иванович предложил каждому изложить своё мнение и планы, терпеливо всех выслушав, он, наконец, данной ему властью прекратил базар и сказал:

– Всем спасибо. Я принял во внимание ваше мнение, а решение принимаю следующее: под подписку о неразглашении раскрыть сам факт проведения операции КГБ перед начальником Згуровского узла связи. Без него будка машины связи в чистом поле за селом, да еще и в метель будет сильно приметной. Привлечь начальника местной милиции, а также участкового

Евтушенко, к организации милицейского ограждения места стоянки прицепа, предупредив, чтобы те ни в коем случае, даже под страхом смерти, не додумались останавливать грузовики TIR.

Пока я ездил в Згуровку «вербовать» начальника местной связи, а также ставить задачи Мише Евтушенко, отрывая его от его же работы (чему он был только рад), в чистом поле произошла «замена игроков». Будка «министерства связи» была только немного другая, хотя и с теми же номерами что и у предшественников, но самих ОТУшников уже не было. Вместо них в будке уже без буржуйки, но с современным автономным электрическим отоплением, сидели крепкие ребята с толстыми шеями и накачанными бицепсами, с тяжелой и громоздкой сумкой, полной воронённого железа. Они не скрывали, что они не обременены аналитическими способностями, далеки от чисто умственной деятельности, да и вообще, «не ведают, что в мире есть печаль».

Это были разведчики и группа захвата управления наружно-наблюдения.

Начальник райузла связи, с которым я приехал на его же служебной машине и которого в «нашу» будку не допустили (мол, там нет ничего интересного), тут же на карте показал, что в этом районе есть НУП – необслуживаемый усилительный пункт магистральной линии связи. Это была бетонная будка на обочине дороги, засыпанная землей, и находилась она в километре отсюда в зоне прямой видимости через поле. Там, под видом ремонтников, можно обустроить временную базу и пункт наблюдения за объектом. Для нас это был выход! Это и было наилучшим решением всего нашего «геморроя» с маскировкой и легендированием операции.

К вечеру чистое поле был осаждено двумя якобы милицейскими ГАИшными постами, которые находились от прицепа на максимальном расстоянии (однако в поле прямой видимости), и двумя бригадами гбэшного наружного наблюдения и групп захвата. Причем одна из них сидела через поле в будке «машины связи» у НУПа, а другая с противоположной стороны, в другой будке, которую тот же начальник райсвязи «занял» в местном колхозе «для обеспечения особо важных ремонтных работ на магистральной линии связи государственного значения». Ясно, что «автономного отопления» или хотя бы буржуйки в другой

будке не было, а потому группа захвата грелась у тут же разложенного костра, от которого вкусно пахло шашлыками. Из самого Киева специально были привезены для всех (!) новенькие бараньи тулупы и валенки, а на завтра обещали ещё и буржуйку. Особый шик придавал операции трактор «Беларусь» из конторы райузла связи, которым притащили сюда колхозную будку (ну и начальник райсвязи! я не знал, что он ещё и тракторист).

Когда мы закончили работу по организации всего этого антуража и собрались поздно вечером в будке, где командовал уже не наш Виталий Иванович, а полковник из управления контрразведки центрального аппарата, то узнали, что наша затея – это надолго. По закрытой линии радиосвязи шифром передали, что итальянский тягач TIR марки «Скания» без прицепа только час назад пересек государственную границу СССР через Мостиску в направлении Европы, так что было неизвестно, когда он вернется. Ну, и в целях обеспечения конфиденциальности проведения операции нам с Василием Васильевичем было приказано завтра и в последующие дни дефилировать по своим городкам обязательно на виду у районного начальства, демонстрируя тем самым, что «в Багдаде все спокойно».

Все остальное уже происходило без меня.

Четыре или пять дней я занимался своими обычными делами. Ежедневно два-три раза, принимая озабоченный и деловой вид, появлялся в райкоме, райисполкоме, местной милиции, военкомате, старался попасть на какие-то будто бы «нужные» совещания. А между тем еще и «охотился» на своих агентов, не успевших спрятаться, требуя от них сигналов об антиобщественной деятельности рядовых советских граждан, а также революционной бдительности в выявлении «врагов». В сторону же Аркадиевки и Середовки ездить мне было запрещено.

Потом, уже в обыденном режиме мне позвонил начальник и приказал прибыть такого-то дня и в такое-то время в наше областное управление в Киев на Аскольдов переулочек для непосредственного участия в «наказании невиновных и награждении непричастных».

На итоговом совещании лиц, причастных к «пресечению шпионско-диверсионной операции НАТОвских спецслужб на территории нашей страны», я узнал, что задержанных в Середовке итальянских водителей-дальнобойщиков, приехавших за

своим прицепом с компрессором для какого-то сумского завода, пришлось отпустить под страхом международного скандала и реальной возможности расторжения чрезвычайно выгодного для московских чиновников договора о сотрудничестве между сумскими машиностроителями и какими-то там итальянскими фирмами. Найденная нами радиозакладка так и не была привязана к кому-то конкретно. Не было доказано, что использовалась она с подрывной целью. Также было сказано, что мы полностью провалили операцию, не проведя полную разработку подозреваемых с конкретными иностранными именами и фамилиями (каковые я слышал впервые) и не завербовав в их рядах надежного источника информации.

Нам также рассказали, что командование в основном нами не удовлетворено, но отмечая рвение, преданность и старание, а также полученный контрразведывательный опыт, вся наша группа представлена к поощрениям. Некому полковнику, о котором я услышал впервые, было присвоено звание генерала. Того полковника, которого я всего раз видел в будке с автономным отоплением в тулупе и валенках, наградили орденом «Красная звезда». Дальше были перечислены с десятков фамилий спецов (в том числе и моего однокашника капитана Володи Павловского), которые были награждены медалями «За боевые заслуги». И уже напоследок в числе ещё не менее двух десятков фамилий, сотрудников Конторы, получивших от Родины денежные вознаграждения в размере от 100 до 40 советских деревянных рублей, шёл ваш покорный слуга. Моя фамилия была предпоследней, последним был наш водитель, сержант Федя.

После совещания ко мне подошел Володя Павловский и предложил:

– Махнём не глядя: твой сороковник против моей бранзулетки! – все кто это слышал, искренне рассмеялись.

Затем, пропивая в надежном месте честно заработанные сорок рублей, к которым Володя доложил еще что-то из своего жалования, мы обсуждали это событие:

– Представляешь, – говорил он, – и это называется «защита отечества»! Были бы дураками те итальянцы с НАТОвцами, если бы узнав, что на их головы планируется атомная бомба, да еще и проводится генеральная репетиция апокалипсиса, не полезли бы к нам. Вот подумай сам. Наши доблестные разведчики, ворую

у них практически все, что те прячут в своих сейфах, с сороковых годов так ни разу и не добыли планов «нападения на СССР». Почему? А потому, что нет таких сатанинских планов у нормальных людей! Это только у нас, со времен великого Ленина постоянно совершенствуются планы «мировой революции». А главное, почему мы так бедно живем? Да потому, что кремлевские планы, кроме всего прочего, требуют для своего осуществления еще и многомиллиардных средств из государственного бюджета! Это кровь, пот и слёзы наших с тобой родных и близких. Это хлеб и будущее, которое украли у нашего народа...

– А я подозреваю, что планов защиты нашей страны в московском генштабе до сих пор так и не придумали – не было команды. Так же как и в 1941-м. Их, на самом деле, никогда не было.

– Что тут скажешь, – закончил Володя, чокаясь со мной, – одно слово, СССР – империя Зла!

ПОВЫШЕНИЕ ПО СЛУЖБЕ

Человечество всегда мечтает о гармонии, о золотом веке, об ответственных правителях, о совершенном устройстве общественного правления, которое станет гарантом и основой всеобщего благополучия и высокого уровня жизни. К сожалению, моему народу этого не досталось.

Чем подлее, наглее и вороватее наша власть – тем больше в ней самовосхваления, самолюбования, угодничества и лжи, в том числе и на государственном уровне. Никого уже не удивляет ложь в школьных учебниках, в газетах, радио, на телевидении. Один лжец соперничает с другим, а побеждает третий, тоже лжец... Ложь – это бизнес и большие деньги. Ложь – это способ держать в повиновении. Ложь – это золото, оружие и кандалы. К сожалению, мы живем в мире лжи, которая называется государственной идеологией.

Так было, так есть... Неужели так будет всегда?

То же и с начальниками.

За мою недолгую военную службу в органах КГБ у меня было пять начальников. Двух из них я описываю в своих рассказах,

потому что они слишком запомнились своим самовлюбленным самодурством, нелогичными действиями, идиотскими приказами и... безнаказанностью. Они вечны, ибо вечна система, их породившая. Они нужны системе, потому что они и есть система.

Остальные три начальника прошли через мою службу и жизнь как-то незаметно и тихо, без ярких воспоминаний, без героизма, для которого в моей службе, слава Богу, места не нашлось, без громких скандалов. Это были обычные нормальные мужики, попавшие в начальственные кресла из-за элементарного упущения системы, или же из-за катастрофической нехватки необходимых системе самодуров, которых, опять же, слава Богу, в нашей жизни значительно меньше, чем людей нормальных, образованных и ответственных.

Одному из таких начальников, тихому подполковнику Николаю Николаевичу, я и обязан повышением. Ну и, конечно, тем, что вырвался вместе со своей семьей из глухой провинции, получив перевод на службу поближе к столице. Хотя зачем обижать провинцию? Юлий Цезарь говорил: «Лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме». Впрочем, он был императором, а у них немного другая жизнь.

Собственно, Николай Николаевич своим переводом спас меня или от тюрьмы, или же от пули в затылок. В наше мирное и тихое время очень популярны «самоубийства» и «автомобильные катастрофы» с участием лиц «приближенных к императору», страдающих муками совести, морали или чести. Порой они избегают этой участи, но только для того, чтобы потом проклинать свою некогда сытую жизнь где-то в сырых тюрьмах в окружении лиц, моралью, честью и совестью не обремененных.

Николай Николаевич появился в Згуровке через год после Чернобыля, когда наш край был окончательно определен как место поселения сельского населения Чернобыльского района. И у нас началось массовое жилищное строительство. В район потянулась строительная техника из Запорожья и Днепропетровска, наехало строителей, подсобников, специалистов, нужного и ненужного люда множество. Сразу на девяти строительных площадках велось строительство тысяч стандартных домиков – сельских усадеб.

Население района практически мгновенно выросло более чем в полтора раза, и, соответственно, выросла и нагрузка на

все районные службы – от коммунальщиков до работников торговли, от связистов до бытовиков.

Тут не лишне будет вспомнить годы моего обучения в спецшколе КГБ и семинары у полковника Артура Викторовича Черткова, в то время нашего любимого преподавателя и одновременно политического обозревателя московской газеты «Правда». Через некоторое время он уже был профессором Колумбийского университета в США и, опять же по совместительству, политическим обозревателем тамошнего солидного издания «US News and World Report». Так вот, он как-то поставил нам вопрос: к какой сфере общественной деятельности можно отнести службу госбезопасности? Это все-таки не оборона, потому что воюет больше со «своими», это и не правоохранительный орган, потому что чаще практикует беззаконие... После жарких дебатов мы пришли к выводу, что КГБ – это все-таки сфера услуг. Услуги мы, видите ли, предоставляем родному обществу. Ставя его раком.

Но вернемся к Згуровщине – части Яготинского района, которая когда-то в какие-то тяжелые времена уже являлась районом и которую на самом высоком уровне (без всяких там дебатов в Верховной Раде – золотые времена!) вдруг решено было снова причислить к районным центрам. Естественно, с организацией полноценного райцентра в городке Згуровка. Ну а если район, то первое – райком, второе – райисполком, потом еще раймилиция, райпрокуратура, и еще не раз рай..., вплоть до райотдела КГБ. Отделению, ясно, нужен начальник, а это уже солидная должность для целого подполковника. Так у нас спешно, галопом, по недосмотру и появился Николай Николаевич. Он был однозначно не самодур, потому что читал книги, думал, сомневался и... боялся. Как все нормальные люди.

Работу мы начали с обеспечения всех старых и вновь рождающихся районных служб контрразведывательным обслуживанием и проверки кандидатов на ответственные должности (в основном – трутней, ринувших сюда тучей). Благо, сам Первый дал четкое указание: без согласия с КГБ райком никаких кадровых решений принимать не будет.

Мы были рады. Чего бы нам не «прокинуть» кандидатов по оперативным учетам, справочным картотекам и информационным массивам, не запросить о них мнение коллег на их старых местах работы? Но не тут-то было. Первый, видимо, был

слишком уж неопытен. Ему просто казалось, что с КГБ можно поиграть. Но когда на каждого его кандидата мы стали выдавать то, что нам присылали, Первый, да и весь райком, спёкся.

Нам с Николаем Николаевичем однозначно было ясно, что кадровая политика любого райкома – это святая святых. Туда нельзя пускать никого, даже КГБ, потому что именно здесь прячутся корни любых коррупционных схем. Быстро крепнущие догадки подтвердило внезапное появление в нашей глуши генерала собственной персоной. Он тихо, без крика объяснил нам, что на военной службе главное это держаться подальше от начальства и поближе к кухне. И попросил нас не лезть со своими предложениями. Дело в том, что кандидаты на районные должности – это прерогатива области, а там даже банкующий не всегда знает, какая игра пойдет после сдачи – покер или подкидной.

– Не лезьте в райкомовское болото, лучше помогите милиции и прокуратуре разобраться с «чернобыльским» строительством: поставки, приход-расход материалов, пройдитесь по проектам и финансам. Не мне вас учить. Как говорят – фас! – завершил свое наставление генерал.

Ох, генерал, генерал... Лучше бы он этого не говорил. Ведь сельское строительство, на которое, под шумок аварии планетарного масштаба, были брошены сотни миллионов неучтенных чернобыльских рублей, превосходило по доходности любой Клондайк и Эльдorado вместе взятые. Правда, об этом тогда ни он, ни мы не знали.

Вообще-то контролировать такое масштабное строительство – это все-таки прерогатива прокуратуры, но наш прокурор, Аида Андреевна, не обременяла себя хлопотами. В прокуратуру она пришла из райкома, где пересидела свои неприятности пятилетней давности. Госпожа прокурор была уж слишком опытная, чтобы не знать, что это такое – большие и легкие деньги. За них получали по голове не только прокуроры. При случае Аида Андреевна тактично указала Николаю Николаевичу, что генерал – это хорошо, но он далеко. А вот на нее не следует рассчитывать – она все-таки женщина, у нее семья, дети и всякое другое. Мол, ребята, я вам, вполне возможно, в чем-то помогу, но голову свою не подставляю, уж как хотите.

Местный милицкий начальник – тот «рад стараться». В качестве начальника он только еще начинал. И ему казалось,

что если на его стороне и КГБ, то руки у него развязаны. «А для чего нам прокуратура? – самоуверенно заявлял он. – У меня следки – орлы! Сплетут лапти любому. И не сомневайтесь!»

Но самое страшное – мы осознали, что слабым звеном оказались именно мы! Ведь специфика контрразведки все-таки отличается от специфики следствия, в которое мы окунулись с головой. Однако, как говорят, «блажен, кто верует».

За неделю мы перенацелили нашу агентуру, приобрели еще парочку агентов, а если быть точным – кандидатов на вербовку (одного опытного строителя, другую – финансистку со стажем). А еще мы располагали двумя старыми милиционерами-участковыми, которые формирование на их землях райотдела милиции с каким-то там начальником во главе приняли за личное оскорбление. Я давно был с ними в деловых дружеских отношениях (так называемом «оперативном контакте»). Они помогали мне в работе «по иностранцам», дальнобойщикам и «вшивой интеллигенции», однако на «свою территорию» не пускали. Мол, ловите себе шпионов, на здоровье, а тут мы сами как-нибудь разберёмся.

Именно один из них, Миша Евтушенко, и стал ключевой фигурой в этой истории.

Собственно, и истории здесь не было никакой. Не было планирования операций и комбинирования агентуры. Не было и самого следствия. Просто, когда я «подкатился» к Мише, тот сразу поставил условие: на своих стучать не буду, а на райкомовских – отдам всё, что имею. Условие – реализация полученной информации. После улаживания формальностей (клятвы, подписки и пропитые вместе деньги из девятки), старший лейтенант милиции Миша Евтушенко выдал нам «бомбу».

Бомбой была солидная, основательно потрепанная папка, содержащая оригиналы товарно-транспортных накладных и путевых листов автомобилей, почти ежедневно привозивших в район газовые плиты, баллоны и холодильники для сотен строящихся домиков. Привозили дефицитную плитку, керамику, краску и т. д. И все это порой отгружалось, а иногда прямым ходом шло, как говорится, «налево». За всем этим стояли ловкачи высокого по районным масштабам ранга во главе с... Первым – то есть первым секретарем местного райкома партии.

Перехват и перенаправление десятков грузовиков с ценностями требовало солидной и четкой организации, а любая

организация невозможна без документации. Такую «бухгалтерию» вели только проверенные и особенно надёжные люди. Миша же не просто дал точную наводку, но и лично «завербовал» центральную фигуру, оказавшуюся, по совместительству, его кумом.

В полученной папке также были ещё и пачки расписок (потому что, видите ли, они друг другу ещё и не доверяли).

Проверить предоставленный фактаж было делом нескольких рабочих дней. Параллельно мы с Николаем Николаевичем сравнили добычу Миши-участкового с ранее полученными данными на районных кандидатов, которые все еще продолжали поступать по заказу того же Первого и накапливались моим запасливым начальником до лучших времен. Именно кандидаты Первого на ключевые районные посты и были главными фигурами в грандиозном разграблении бюджетных средств, выделенных на обустройство пострадавших от Чернобыля. У нас было всё: их близкие и дальние контакты, домашние и служебные адреса до Згуровки и после, все возможные телефоны – возбуждай дело, устанавливай прослушку и документируй...

Идти с этим к прокурору – значит засветиться. К местной милиции – тоже. Размеры денежных сумм были такие, что стало реально страшно не только за свои жизни, но и за жизнь своих родных. Наглость, «крыша» и безнаказанность фигурантов поражала. Ясно, что за згуровским Первым стояли ещё более значимые фигуры, ибо вряд ли его власти было бы достаточно для организации такой аферы. Мы решили на время «залечь», пока Николай Николаевич на высшем уровне не «прокачает» ситуацию.

Но Миша Евтушенко ждать не собирался. Он ежедневно меня «бомбил» – звонил, перехватывал на улицах и в окружающих селах, заезжал ко мне домой и даже приходил в отделение. Участковым он работал уже лет десять, девять из них – полноправным хозяином района, а потому привык не прятаться, не кланяться, привык брать на себя даже не свойственные милиции полномочия и нести за их выполнение полную ответственность. Однажды он даже принимал роды у женщины! Все знали: если Миша рядом – будет населению помощь или же её эффективная организация. Это как раз тот редкий, исключительный случай, когда власть не разворачивает, а окрыляет человека. Если бы Миша стал Первым, или, скажем (можно же немного пофан-

тазировать), Президентом нашего государства – то тогда действительно в стране наступили бы золотые времена.

Когда я начал ему доказывать, что в нашей деятельности необходима «технологическая пауза», Миша мне почему-то не поверил. Зря я его убеждал, зря организовал встречу с Николаем Николаевичем. К сожалению, даже мой шеф против Миши оказался бессилён – ну не давить же на него через его милицейского начальника.

Миша обиделся и затих.

А между тем Николай Николаевич эти недели пропадал в столице. Сначала разведывал, к кому можно зайти, а потом уже и заходил. Нашей целью было возбуждение уголовного дела не местной районной прокуратурой, а прокуратурой области или даже выше. Однако все разговоры заканчивались одним: мол, ребята, вы нам отдайте добытые материалы, а мы уж тут как-нибудь сами разберемся. Наконец, Николай Николаевич согласился.

Следующие недели две мы готовили материалы, ведь практически к каждой принесенной Мишей бумажке надо было подготовить справку (кто, что, когда, откуда, каким образом, при каких обстоятельствах, свидетели, доказательства). С каждым таким свидетелем (а их набралось уже около полусотни) нужно было встретиться, убедить, предоставить гарантии. И когда все было готово, подшито и сложено, вдруг по телефону внутренней оперативной связи нас попросили передать материалы наверх без... внутренней регистрации. Это означало, что нас, правильных, преданных и честных, накрыли мокрой тряпкой и указали нам просто и доходчиво, на кого мы на самом деле работаем.

Николай Николаевич положил трубку и посмотрел на меня:

– Слышал?

– Слышал.

– Что будем делать?

– Сдаваться в плен, – невесело пошутил я.

Начальник долго думал, потом попросил у меня сигарету (хотя, я знал, что он бросил курить лет десять назад) и вышел из кабинета.

Я остался сидеть на месте, тупо глядя на стол, заваленный бумагами, реально стоившими миллионы.

Материалы мы пока еще никому не передавали, здесь уже Николай Николаевич уперся принципиально, мол, я человек

военный, приказывайте – выполняю. С Мишей же я встретился на следующий день и терпеливо выслушал всё, что он думает обо мне лично, «сраном» КГБ, коммунистической партии и советской власти. Шить ему антисоветчину как-то не хотелось, да и начальство почему-то тоже не настаивало.

А еще через день Миша притащил к нам в отделение свою старую печатную машинку «Ундервуд», стоявшую в его опорном пункте ещё со времен военного коммунизма.

– У нас, видите ли, ремонт, – сказал он, – а если я отдам её в райотдел, то назад не получу. Вы же знаете, какие у нас шакалы. Ну, а дома дети, они её быстро «отремонтируют». Пусть дней десять у вас постоит?

Я сначала удивился, но потом согласился. Однако машинку в кабинет не заносил, а оставил в коридорчике, предварительно сняв с нее отпечатки шрифта.

Здесь надо бы сказать, что описываемое время характеризовалось ожесточённой борьбой КГБ со всевозможными «антисоветчиками», которые любили распространять свои «пасквили». Но это была официальная версия. Правда заключалась в том, что обкомы и райкомы были завалены «письма трудящихся» без подписи. «Трудящимся» было обидно за тот бардак, который в стране установила партия, однако сигнализировать верхам они все же предпочитали без подписи. Партия же боролась с анонимщиками. Почему-то никому не хотелось проверять то, что они пишут. Нас натравливали на авторов, поступающих в органы «писем», которые, мол, клеветают на социалистическое отечество.

Через день или два Николая Николаевича (ну, и меня за компанию как районного опера) пригласили к Самому.

Товарищ Первый, шаркая ножкой, гостеприимно пригласил нас садиться за стол, секретарша уже несла кофе и тихо вышла, плотно прикрыв дверь.

– Дождались, – задумчиво сообщил Первый и показал нам печатный лист, – первая ласточка. Получил из области. Надо бы найти машинку, а там и автора.

Шеф взял письмо, а я конверт с напечатанной на машинке адресатом... И замер: машинка, на которой была напечатана анонимка, стояла у нас в отделении в коридорчике. Это было мне ясно без всякой экспертизы, так как ещё недавно я сам лично снимал с неё оттиски.

Поговорили, заверили, раскланялись.

Когда мы вышли на улицу, Николай Николаевич даже не смотрел в мою сторону. Он-то был уверен, что это всё я подстроил. И что я ему сейчас не говорил, что бы ни доказывал – было бесполезно. Я бы и сам на его месте не поверил.

Так молча мы прожили ещё дней десять, которые начальство провело где-то под Киевом, оставив вверенные ему районы на подчиненных. Когда вдруг нам поступил письменный приказ: «за высокие достигнутые показатели... капитана... (то есть меня) перевести в Бориспольское районное отделение на должность старшего оперуполномоченного».

Пока я его читал, Николай Николаевич сказал:

– Кстати, там квартира тебя ждёт, трёхкомнатная, в центре города. Так что поздравляю вас, товарищ капитан с честно заслуженной майорской должностью.

Уже спустя годы я понял мудрость моего тогдашнего шефа: воевать с нашей советской системой – бессмысленно. Она непобедима. Её можно только изменить.

А подборку с «бомбой» он (мне так кажется) отдал «наверх» без регистрации, свалив несанкционированный сбор документов на меня. Но меня-то там уже не было. А если нет человека, то нет и проблемы.

В 1973-м, перед очередными президентскими выборами, команда тогдашнего президента США Ричарда Никсона, который баллотировался на этот пост вторично, наняла отставных агентов для проведения несанкционированного обыска в офисе политических конкурентов. Их там и задержала полиция (государственные спецслужбы в солидных государствах служат исключительно интересам государства, но отнюдь не частным лицам, даже если те и являются президентами).

Чтобы замаять скандал, на следующее утро руководитель президентской администрации решил напрямую позвонить дежурному следственному офицеру ФБР с просьбой прикрыть расследование, на что тот, сославшись на норму закона, отказался.

– Вы представляете, что вы только что сказали? – вскипел чиновник. – Вы отказали президенту Соединенных Штатов! Вашей карьере конец...

Однако, несмотря на угрозы, расследование продолжилось и завершилось почти через полтора года громкой и позорной отставкой президента США в результате начатой Конгрессом процедуры импичмента.

Даже первое лицо великой мировой державы бессильно перед строгим законом и демократической процедурой. Либеральная демократическая система власти в лице какого-то там дежурного офицера стала непреодолимым препятствием перед нарушителями закона и привела к фиаско мошенника, занявшего президентское кресло.

Там совсем другая страна и другие общественные стандарты.

Там тоже есть проблемы с демократией, имеют место нарушения закона, преступность. Однако один раз давно и надежно выстроенная система власти в состоянии бороться с этим вполне эффективно. А упомянутый здесь скандал вошел во все мировые учебники юриспуденции под названием «Уотергейтское дело».

ИНДЮКИ ДЛЯ ПРЕЗИДЕНТОВ

Вообще-то любая работа, которую нужно выполнять ежедневно изо дня в день, надоедает, какой бы она романтичной ни была. Так и для меня «контрразведывательное обеспечение» Бориспольского района не способствовало положительным эмоциям – с постоянными поисками и придумыванием призрачных «врагов», с вербовками никому не нужных агентов, со склоками с нашим бравым начальником, подполковником Петром Михайловичем, вечным комсомольцем и откровенным самовлюбленным дураком (видимо, до сих пор свято верящим в «светлые и непорочные идеи коммунистического строительства и пролетарский интернационализм»).

Отдушиной были «литера». «Литера» – это специальные авиарейсы высших чиновников, тщательно охранявшиеся в первую очередь от народа, зевак и случайных очевидцев, потому что охрана, чтобы оправдать свое недешёвое существование, постоянно придумывала какие-то покушения или теракты, кото-

рые на самом деле ни покушениями, ни тем более терактами не были и быть не могли.

Иногда и меня привлекали к учениям охраны. Наши, гэбэшные «террористы» проходили все возможные заградительные мероприятия, как нож сквозь масло, успешно завершали свои условные «теракты», в результате чего мы все дружно получали нагоняи в зависимости от ролей и должностей. Моя же роль была в этих спектаклях чисто символическая, а потому и серьёзных разносов я никогда не получал.

У аэропортовых были еще и другие «литера», но нас, районных, привлекали только и исключительно для обеспечения тихого и мирного «следования» лиц, охраняемых «девяткой», то есть 9-м управлением КГБ УССР. Оно самоотверженно охраняло и обеспечивало комфортное существование только одному человеку в Украине – первому секретарю ЦК. Другие были вне нашего внимания и внутрь периметра попадали только в случае, когда они находились вместе с первым.

Это уже в наше время число охраняемых лиц официально выросло до трех. А если взять еще и министров-депутатов-губернаторов, и олигархов-нуворишей, то от бесконечных VIP-ов и от их охраны у рядового киевлянина рябит в глазах. Сама бывшая «девятка» выведена из подчинения Службы безопасности (которой, видно, уже не доверяют) в отдельное независимое ведомство – Управление государственной охраны при Президенте. Управляет ею уже не генерал-майор, а целый генералитет во главе с генералом армии (кому смех, а кому коррупция).

В свое время Леонид Кравчук своим волевым решением упростил личную охрану и даже ездил в простой серой «Волге» в сопровождении бригады охранников на красных «Жигулях» без всяких там «мигалок». А попотеть пришлось тогда аналитикам «девятки» и оперативникам-агентуристам, которые обеспечивали не само «передвижение» охраняемого лица и обыск приближенных, а информацию об этих «передвижениях и приближенных», а также организацию «непровокативной деятельности» объекта. Когда «охраняемое лицо» движется не в кортеже, а в единичной машине, нет ничего проще, как организовать целый ряд точно таких же машин, движущихся одновременно по нескольким разным маршрутам. Даже мы, посвященные, зная все «эти фокусы», практически никогда не угадывали, в каком именно авто следует «тело».

Генерал Мудрак, тогдашний шеф нашей киевской «девятки», чтобы сохранить своих бойцов от сокращений, собирался посылать их на Запад, чтобы они изучали опыт «бодигарда». Ведь охрана вверенного лица от теракта – это не охрана от народа. Это другие задачи, другая технология и... немного другие (гораздо меньшие) деньги.

А отсюда и вывод: чем недемократичнее власть, чем она коррумпированнее и наглее – тем масштабнее и солиднее охрана. Она уже не является обеспечением власти; сегодняшняя охрана работает сама на себя. Она и есть настоящая и реальная власть.

Каждый говорит больше о том, к чему причастен, что лучше знает. По роду своей службы я почти не сталкивался с бригадами непосредственной защиты – телохранителями. Это были люди иного круга. Мы, оперативники, интеллектуальная элита спецслужбы, работали убеждениями, уговорами и «предложениями, от которых невозможно отказаться», фиксируя наши в многотомных делах. Но спецслужба не могла обходиться и без «квалифицированных ремесленников», не утруждавших себя умственной деятельностью, а оттачивавших свою квалификацию на борцовских коврах, боксерских рингах, стрельбищах или трассах автодромов.

Однажды мне пришлось столкнуться с представителем этого класса спецов, и я сразу же перестал смотреть на них пренебрежительным взглядом аристократа. Где-то за год до описываемых событий я должен был срочно попасть из Святошино в Борисполь, а ничего лучшего, чем машина «семерки», не подвернулось.

– Поехали, – браво скомандовал я сорокалетнему водителю-сержанту, – часа нам хватит?

– Этого достаточно не только доехать туда, но и вернуться обратно, – ответил водитель.

Я со скепсисом посмотрел на хвастуна.

– Вот только пристегнитесь, товарищ офицер, и держитесь крепче. А ещё, пожалуйста, не мешайте моей работе и молчите, потому что на ваше нытьё и мольбы я не буду обращать внимания, – добавил он.

Мне пришлось собрать в кулак всю свою выдержку, чтобы не ответить на такую дерзость. «Ничего, – подумал я, – мы с тобой

еще встретимся». Однако его просьбу благоразумно выполнил: пристегнулся и...

Далее способность думать и рассуждать я временно потерял. У меня остались только ощущения. А чувствовал я страх, ужас, отчаяние. Сейчас, честно, не скажу, кричал ли я тогда, скулил или мужественно молчал. Как-то было не до того. Серенькая невзрачная «Волга» с форсированным роллс-ройсовским движком летела по улицам Киева в среднем со скоростью 150 км в час, несмотря на светофоры, регулировщиков, знаки или разметку. Обгон слева, объезд справа, взмах рукой через открытое окно, обращение на себя внимания миганием фарами или настойчивым звуковым сигналом. За рулем водитель РАБОТАЛ! Мы пролетали в каких-то сантиметрах перед бамперами грузовиков и крюками трамваев, водители которых не успевали нас не только обругать, но и вообще заметить. Если бы не ремни безопасности, меня бы с десятков раз выбросило машины, и ещё такое же количество раз я, вероятно, пробил бы ветровое стекло нашей «Волги» собственным лбом... Когда же, двадцать минут спустя, мы остановились в аэропорту «Борисполь», я еще долго не мог отстегнуться от ремней непослушными и дрожащими руками.

– И чего ты так гнал? – спросил я, чтобы снять напряжение. – Чего было напрасно рисковать?

– Извините, но иначе я не могу, – ответил спец. – У меня дома «Жигули», но я за руль и не сажусь, в основном водит жена. Да и нельзя мне ездить «нормально», потому что потеряю «квалификацию», а её очень трудно приобрести.

Вот такие были специалисты в нашей спецслужбе (хотя на каждого аса найдется свой ас). Говорят, что уже перед самой независимостью на Бессарабке, на том месте, куда падал взгляд «ещё живого тогда» гранитного Ленина, в момент паузы желтого света сошлись лоб в лоб две легковушки. Искалеченных и раненых не было, все пятеро погибли мгновенно. В карманах погибших нашли пачки удивительных удостоверений с настоящими фотографиями владельцев и мокрыми печатями солидных ведомств, но протоколы об этом составлять не стали, потому что это были две бригады наружного наблюдения. Одна наша, гэбэшная, другая – наших милицеевских коллег.

Но вернемся к нашему повествованию.

Портовским и охранным операм, милиции и многочисленным аэропортовским службам эти «литера» были бельмом в глазу, дополнительными «вводными», вносившими дисбаланс, путаницу и никому не нужные разборки в выверенный и тщательно отработанный график полетов и приема-отправки пассажиро- и грузопотоков. А вот для меня это были законные часы ничего-не-делания. На протяжении их я торчал памятником на площади перед аэровокзалом, периодически выслушивал доклады прикрепленного милицейского начальства, обеспечивавшего «порядок и спокойствие» на территории, прилегающей к аэропорту. Такой же «порядок и спокойствие» внутри портовского муравейника обеспечивали своя собственная милиция и безопасность аэропорта, к которым я не имел ни малейшего отношения.

Вообще-то, если что и случалось, то, как правило, исключительно внутри «периметра». А вокруг была тишина и благодать. Надо было только следить (однако это делали мои милицейские подчиненные), чтобы наши пакостные портовские коллеги вдруг не вынесли к нам, за бордюр периметра какое-то пьяное аморфное тело. Тогда разборки с этим «телом» целиком и полностью ложились на нашу службу.

Надо сказать, что законные дармовые «литерские» часы я использовал для изучения портовского хозяйства, потому что мне, как офицеру КГБ, было «не запрещено» бродить по разнообразным службам, обеспечивавшим полеты, а этих служб было множество и каждая имела свою изюминку и была мне интересна. Мне нравилось заходить в зал для авиадиспетчеров и со стороны наблюдать азарт и ажиотаж их будничной работы, отыскивать на здоровенных экранах радиолокаторов самолёты в зоне аэродрома. Интересно было наблюдать за чётко выверенной и грамотной суетой инженерно-технических служб, заправщиков, стартовиков, маршалов, сопровождающих самолеты по рулежкам. Я увлекался работой никелированного хронометра служб обеспечения полетных завтраков, мойщиков самолетов и их салонов и даже ассенизационных служб. Все было продумано, распланировано и выполнялось чётко и грамотно... И только «литер охраняемого лица» делал все это шумным, базарным, бестолковым и матерным.

Излишне, пожалуй, упоминать, что «бестолковыми и матерными» эти пресловутые «литера» были только внутри аэропортового хозяйства. В залах же ожидания и зонах прилета-отлета, где находились сотни пассажиров, встречающих и провожающих, они были не просто стихийным бедствием, а каким-то катаклизмом или даже апокалипсисом, потому что все рейсы почему-то вдруг на долгие часы задерживались, переносились и отменялись. Даже сейчас, когда слышу, что где-то что-то одновременно и надолго по «независимым от соответствующих служб» причинам разладилось – знаю, что это постарались «наши».

То, что этим нагло нарушается график полетов и служебные планы, создаются аварийные ситуации на дорогах, взлетных полосах и воздушных трассах, тратится драгоценное время, портится настроение, а то и здоровье простых людей, «обеспечивающими службами» в счет не берется. Охраняемое же лицо должно лицезреть только чистое на сотни километров от аэродрома небо, пустые взлетные полосы, освобождённые от народа дороги, льстивые улыбки обслуги и верноподданный восторг кортежных лакеев.

Для меня же эти «литерские» часы были часами ценнейшего общения с коллегами, когда остроумные и сальные анекдоты надоедали и начинались разговоры «за жизнь и по душам». Именно здесь мне довелось услышать тайные подробности из жизни «власть имущих» – от пересказов смешных непридуманных случаев до рассказов об утончённом самодурстве, умноженном на безнаказанное хамство.

Основным моим визави-собеседником был начальник агентурно-оперативного обеспечения «девятки» подполковник Михаил Тимофеевич. Это не собственно охрана, а её разведка, выискивающая и анализирующая возможности покушений, их предпосылки, вероятных заказчиков, организаторов и исполнителей. Мало того, что он был непревзойденным и остроумным рассказчиком. За свою более чем двадцатилетнюю службу он нередко принимал непосредственное участие в решении нестандартных служебных ситуаций. По роду службы ему нужно было их предотвращать, спасая от позора высокопоставленных самодуров. Ясно, что «Тимохеич», как мы его звали между собой, мог и приврать, но делал он это грамотно и аккуратно, без накладок и ляпов. Его можно было поймать на точности только

тогда, когда эту же историю тонко также от первого лица рассказывали другие спецы, в другой компании и, естественно, с другими персонажами. На таком «совпадении» я его поймал только однажды, однако его вариант рассказа был на порядок остроумнее и литературнее, чем сермяжная правда жизни, за что он был заранее прощён.

А еще Тимохеич знал толк в наших копчёных индюках. Я-то в Борисполе служил всего каких-то полгода и как-то не принимал во внимание, что район имеет три индюшачьи фермы, вокруг каждой из которых наладили свое производство кооперативные единоличники, специализирующиеся на приготовлении этих птиц в копчёном виде. Товар был настолько качественным, что наши пилоты, стюардессы и их начальство предлагали разным нужным им партнерам-иностранцам наши копчёности как украинский местный неповторимый продукт. Тимохеич тоже, имея по роду службы широкие контакты с заморскими бодигардами, не раз скармливал им наш неповторимый деликатес. Для своевременного же получения копчёных индеек в необходимом количестве, ассортименте и в нужный час дня и ночи, он без всяких угрызений совести использовал меня, чему я, конечно, не сопротивлялся, потому, как всегда мог легально прихватить на одну тушку больше, чем заказывалось. В те благословенные советские времена пустых магазинов и голых полок (об этом как-то уже сейчас забылось) такие «служебные возможности» изрядно повышали мой личный авторитет в глазах собственной жены.

Однажды, в то знойное лето, во время очередного «литера» Тимохеич проговорился, что наш столичный город Киев включен в перечень объектов, которые должен посетить во время очередного саммита тогдашний американский президент Джордж Буш-старший. Он сказал, что подготовка к визиту началась на уровне посольств, и они уже ждут передовой отряд штатовских телохранителей, которые должны вступить в контакт с нашей «девяткой» для обеспечения охраны саммита по согласованному плану.

Надо ли говорить, что тогда любые, пусть даже официальные контакты между спецслужбами СССР и США были вещью неслыханной. Взять хотя бы официальный, под роспись каждого офицера КГБ, приказ, отмененный только в конце 1990 года. Согласно ему, обо всех деловых, служебных, случайных или, не

дай Бог, частных контактах с любым иностранцем мы должны были в обязательном порядке письменным рапортом докладывать непосредственному начальству. Если же кто-то тянул с докладом, санкции его ожидали самые серьёзные, вплоть до увольнения. Без оглядки на чины и заслуги.

Ну и само собой, что о предстоящем визите надо было сохранять полное молчание. Если дойдет до дела, то нашему начальнику об этом сообщат официально. А еще Тимохеич добавил, что лет пять назад ему выпала честь сопровождать нашего первого секретаря Щербицкого на Генеральную ассамблею ООН в Нью-Йорк и пришлось лично вступать в контакт с местными охранниками. Был там среди них некий седой афроамериканец (не дай Бог брякнуть «негр»), толковый «бой» по имени Сильвестр, знавший немного русский язык. Работать с ними было одно удовольствие. Искренние, откровенные, бесхитростные парни, ничего не скрывая, дважды в день представляли в русском переводе данные об оперативной обстановке на объектах и трассах следования. Местная полиция беспрекословно подчинялась без напоминаний начальства. Вот где настоящее профессиональное применение власти для пользы дела, а не ради пыли в глаза.

Ну, поговорили, почмокали языками и разошлись.

И вот вскоре наш районный начальник, подполковник Петр Михайлович, с самого утра в «алярмовом» порядке предписывает обложить милицией и всей имеющейся в районе живой и архивной агентурой местный бориспольский базар. Позвонили сверху, сказали, мол, прилетела американская бригада охранников, отрабатывает наш аэропорт на предмет прилета их президента, переговоров и пресс-конференции в портовском зале официальных делегаций. Здесь Петр раздулся, как пузырь и начал нас накачивать, размахивая только что полученной бумажкой, мол, вы понимаете, не охранники нас интересуют, а от пятидесяти до ста иностранных корреспондентов, и все они установленные или подозреваемые агенты или даже сотрудники спецслужб, вот уже наша разведка добыла с их пресс-центра список аккредитаций.

Далее он начал зачитывать с той бумажки, сыпля названиями знаменитых во все мире газет, журналов, новостных агентств: «Нью-Йорк Таймс», «Уолл-Стрит Джорнэл», «Асошиейтед Пресс», «Юнайтед-Пресс-Интернешнл», «Ройтер», «Би-Би-Си»,

«Франс-Пресс»... Прерывать Петра или напоминать ему, что серьёзные мировые конторы никогда не подвергнут риску своё профессиональное реноме, что они никогда не заигрывали и не будут заигрывать со спецслужбами, было бесполезно. Петр был в ударе. Его пролетарская ярость могла даже передаться и нам, если бы я не посмотрел на своего коллегу, майора Гену, до этого с десяток лет прослужившего в Германии. Его лицо так комично передавало серьёзность и ответственность момента, что мы едва не покатались со смеху. После совещания Гена только и сказал: «А как еще с этим дураком можно бороться?».

На обеденный базар была срочно вызвана вся наша агентура. Вызывали даже из сел, с работы, из-за накрытых по случаю свадеб-похорон-крестин столов, срывая даже со святого дела – рыбной ловли.

Инструктировали, мол, на базар приедут из самой Америки ихние шпионы якобы покупать мясо для капиталистических шашлыков. Не исключена возможность вербовочных подходов к нашим несознательным гражданам. Эти последние за какие-то доллары, или просто по глупости, могут выдать страшную советскую тайну об условиях откорма наших коров или водоплавающей живности. Не знаю, какими словами инструктировали своих «штыков» мои коллеги. Я же, чувствуя полный идиотизм положения, откровенно добавлял – это приказ руководства, извините, милые, это моя работа, приказы не обсуждаются.

Базарная эпопея, правда, обошлось без эксцессов. Полдюжины американских боев в одинаковых строгих черных костюмах, во главе с нашим расхристаным Тимохеичем, колоритно гогоча, намеренно путая украинские, русские и английские фразы, купили почти целую разделанную свинью, пару копчёных индеек и кучу зелени. Они затащили все это благолепие в доселе невиданный нами джип с красными посольскими дипломатическими номерами и благополучно отбыли «под негласным надзором» экипажа нашей служебной «Волги», в лице нашего водителя и лично начальника Петра. Те «незаметно проследили» маршрут американцев до портовской гостиницы. Мы же, по возможности незаметно, перехватывали каждый своих агентов, чтобы назавтра хоть какими-то «шкурками» (так мы называли письменные агентурные сообщения, количество которых зачис-

лялось нам в качестве боевого результата) отчитаться перед Петром о проведении агентурно-оперативного мероприятия.

Однако в тот вечер еще мне позвонил Тимохеич:

– Срочно на утро до вылета надо загрузить на «Боинг» с десяток пудовых копченых индеек! Представляешь, тот Сильвестр, о котором я тебе как-то рассказывал, сейчас возглавляет их президентскую охранную службу, не могу же я его не угостить. Твой Петро меня уже «послал» и если ты не выручишь, я могу остаться без пенсии...

Подполковничья пенсия штука серьёзная, поэтому я оседлал свой старенький, но ещё живой «Москвич» и рванул, на ночь глядя, в Головуров (в нашем есть районе такое село, которое днем поголовно трудится на индюшачьей ферме, а ночью замачивает и коптит украинский колоритный деликатес в экспортном исполнении). Появление районного опера в сопровождении председателя сельсовета и местного участкового, которых мне пришлось извлекать почти из кроватей, местными жителями после минутного ступора, который был снят предложением щедрой оплаты (именно эта компания ещё на прошлой неделе «боролась с хищениями социалистической собственности») была воспринята с большим пониманием. Рано утром Тимохеич радостно пожимал мне руку, благодаря за спасенную пенсию, обещая обязательно проставиться на следующем «литере».

Несмотря на тщательно проделанную спецслужбами обеих стран подготовку саммита, мировые лидеры почему-то раздумали ехать в Киев. Какое-то время «литера» были только в московском направлении, куда почему-то зачастило наше киевское «охраняемое лицо».

Я же был занят неотложными руховскими «происками». «Рух» так некстати решил провести свой съезд, на который дружно отправились все мои «объекты». Надо сказать, что основной моей деятельностью в отделении было противодействие «украинскому буржуазному национализму», который в последнее время разросся как на дрожжах и за который всех ответственных, меня в том числе, «дрючили» в хвост и в гриву. Потому я был изрядно озабочен «подготовкой совместных с портовскими гэбистскими и милицейскими силами агентурно-оперативных мероприятий по противодействию ожидаемым руховским провокациям в Бориспольском аэропорту при транспортировке

для перезахоронения останков осужденных советским судом националистов Стуса, Тихого и Литвина». Потом было еще что-то такое важное, что и не запомнилось...

Фактом было то, что Тимохеич так не получил возможности «проставиться», а я, соответственно, утратил возможность послушать очередные побасенки под дармовую выпивку. Каждый занимался своим делом: Тимохеич успешно охранял «тело», а я безуспешно спасал «систему».

Но вот как-то рано с утра у меня дома зазвонил телефон, и волшебный женский голос пропел на ломаном, но понятном английском: «Здесь Мальта, Ла-Валетта-таун-порт. Можете говорить, пожалуйста». Последнее слово «пли-и-из» прозвучало неестественно обольстительно.

Это меня не испугало, хотя и озадачило. Только что я просмотрел утренний выпуск программы «Время», где сообщали о саммите глав США и СССР, который проходил на морском лайнере «Максим Горький», пришвартованном в мальтийском порту Ла-Валетта и предполагал, что Тимохеича, как специалиста по контактам с американскими бодигардами, могли привлечь к этому историческому событию.

Далее в трубке хрюкнуло, протрещало, после чего родной и бодрый голос Тимохеича изрёк:

– Володя, через четыре часа у вас в Борисполе будет московский борт на Мальту, сядет специально за твоими индюками, так что, друган, не подведи, организуй с дюжину, по-здешнему.

– Тимохеич, а там случайно не было команды на личное сопровождение стратегического груза? А то я бы с превеликим удовольствием, – пошутил я, лелея слишком слабую надежду, и вдруг вспомнил, как еще вчера вечером меня «накручивал» Петро на проведение очередной срочной утренней публичной «контрразведывательной антируховской комбинации», и добавил, – алло, алло, извини, но я не могу, потому как с самого утра «задействован». Ты же знаешь Петра, боюсь, с ним не договорюсь.

– Давай дуй в отделение, и пока ты туда доедешь, Пётр получит соответствующие указания. А ты из отделения отзвонись сюда по вертушке, вот номер! – и он продиктовал всего четыре цифры, которых, по-видимому, было достаточно, чтобы отозвались в окружении «самого».

Когда я приехал на работу, Петро уже в своем кабинете готовился представить нам очередные ценные указания к накануне утвержденным планам противостояния руховскому произволу. Я начал было говорить ему о Тимохеиче и о Мальте, да куда там:

– Мать-перемать, что важнее? Связался с пижонами из «девятки», а тут голытьба к власти рвется – и слушать не хочу!

Все говорило о том, что ожидаемого звонка из Мальты по вертушке ещё не было.

– Так позвольте хотя бы доложить о срыве! У меня вот номер вертушки, Тимохеич ждёт...

Здесь Пётр уже не выдержал и разрядился громами-молниями, мол, салага, прослужи с моё! Понимаешь, рвется к личной связи начальника, а тут дела серьезные государственные. Ничего, мол, перебьются и без наших индюков. В кабинет потихоньку начали заходить другие опера, рассаживались и прислушивались к Петиному монологу, пытаюсь понять, в чем же тут дело. Пётр притих.

Наконец все были в сборе, наш подполковник торжественно поднялся и взял слово. Он что-то говорил об исторической важности момента. О том, что сейчас или никогда, или мы их, или они нас. И так далее, и тому подобное...

Это было откровенно скучно. Я уже приготовился быть в этот день мишенью кривых взглядов и недоброжелательного шепота за спиной, который давно привык не замечать. Когда задачи были поставлены, роли расписаны, а все непредвиденные случаи предвидены, раздался мелодичный звонок вертушки.

– Вот видите, ни свет не заря, а Киев уже беспокоится! – Петино лицо выражало готовность к выполнению служебного долга.

Звонили и правда из Киева и, судя по тому, что Петя начал учтиво вставать, было ясно, что беспокоит сам генерал. Его лицо вдруг сморщилось, съёжилось, покраснело и, наконец, перекошенный и испуганный начальник поманил меня пальцем, молча передал трубку телефонного аппарата закрытой, строго шифрованной и секретно кодированной переговорной системы, на диске наборника которого сиял золотом герб СССР и сказал упавшим голосом:

– Это тебя!

Мне же высочайшим повелением было приказано забрать у Петра его служебную «Волгу», ехать в село и доставить на спецборт стратегический спецгруз в соответствующем количестве и ассортименте. За качество спецгруза я отвечал головой. Всё нужно было сделать на высшем уровне.

– Упаковку не забудь современную обязательно! Обратишься к портовской безопасности – они будут в курсе, помогут. И не спеши там, если будет надо, самолет задержат!

– Есть! – отрапортовал я.

Выскочил из кабинета, стараясь не смотреть Петру в глаза. Однако смотреть, собственно, было некуда, потому что начальник старательно перекладывал на своем столе какие-то очень важные бумаги.

А Тимохеич все-таки сдержал слово и «выставился», да так, что после этого нас с ним, несмотря на наши солидные ксивы, едва не затащили в местную буцегарню.

Но это уже совсем другая история.

ИТАЛЬЯНСКИЕ КАНИКУЛЫ

Советское общество – закрытая система, которая существует во «враждебном капиталистическом» окружении. Этому в течение десятилетий учили нас классики марксизма-ленинизма и кремлёвская пропаганда. Однако в «определяющие и решающие» восьмидесятые годы в это верили уже только штатные агитаторы, да и то не все.

Партийцы, офицеры госбезопасности, если не считать редкие обязательные профессиональные тренинги, вообще-то были освобождены от агитационно-пропагандистской промывки мозгов, которая называлась партийным обучением. Но еще до службы, будучи комсомольцем, а затем кандидатом в члены КПСС, я старался не пропускать эти партийные посиделки. Не брезговал и изучением научного коммунизма, искал объяснений касательно «преимуществ» коммунизма над капитализмом. Еще в институте, помню, охотно принимал участие в диспутах на разныне щемящие темы. Например, «почему автомобиль в Америке дешевле автомобиля в СССР» или «особенности развития

рабочего движения в капиталистических странах». Углубляясь в теорию, осознаешь ее нестыковку с практикой. Ясно видишь, какие именно факты официальной пропагандой откровенно подтасовываются. В общем, не зря именно теоретически подкованные знатоки научного коммунизма становились позже самыми яркими обличителями преступлений большевизма и убежденными антикоммунистами.

Именно эти штудии, а также постоянное сравнение ответов на некоторые принципиальные вопросы кремлёвских маразматиков и «вражьих голосов» формировали протестное сознание думающей части советского общества. Я отчетливо понимал разницу между такими, как я сам, и «не думающим» населением. К примеру, перед самым новым 1980-м годом было объявлено о введении «ограниченного контингента» советских войск в Афганистан. Коллектив, в котором я имел честь тогда находиться, воспринял это как начало большой беды, а вот мои товарищи «рабочих профессий» – наоборот, с восторгом, энтузиазмом и «патриотическим подъёмом».

Это потом, спустя годы, когда эту беду уже было невозможно скрыть, недовольство действиями вождей на международной арене добавилось к общему недовольству советской системой, а тогда...

И тогда, и сейчас имелась разница во взглядах на происходящее в стране и в мире между элитой и простонародьем. Задачей элиты всегда было лидерство. И потом, кто и к кому должен прислушиваться: Сахаров к Горбачёву или наоборот? Кто из тогдашних властителей прислушивался в своё время к словам генерала Петра Григоренко, диссидента Валерия Марченко, поэта Василия Стуса, журналиста Вячеслава Чорновола? Кому сейчас стыдно за то, что мы, как бараны, аплодировали откровенной бредятине Брежнева, Суслова и Щербицкого? Кому сейчас стыдно за наших нынешних вождей? За тех лидеров, что, разругавшись между собой, предали наши идеалы? За тех, которые ими откровенно пренебрегают?

Боже, как легко можно манипулировать общественным мнением. В те времена протестные мнения подвергались обструкции так же, как и в 1937-м, когда одурманенные граждане с энтузиазмом голосовали за расстрелы «изменников родины».

Это сейчас мы можем говорить на такие болезненные темы, а тогда... Тогда на страже системы стоял КГБ, направляя свою

агентуру на негласное выявление носителей «неправильных» мыслей, их оперативную разработку, которая заканчивалась или их раскаянием, или тюремным заключением, или тихим самоубийством, или «случайной», «неожиданной» гибелью.

Пропаганда социализма за рубежом была одной из важнейших задач партии, а потому организовывалась и контролировалась соответствующим образом.

В те времена рассказывали такой анекдот:

«Спрашивают американца:

– На каком автомобиле вы ездите на работу?

– На собственном «Форде».

– А на каком едете к любовнице?

– На служебном «Бьюике».

– Ну, а за границу?

– На арендованном «Крайслере».

Допрашиваются о том же у нашего «совка»:

– Как вы добираетесь на работу?

– На рейсовом автобусе.

– А к любовнице?

– На колхозном ГАЗоне.

– А за границу?

– На боевом танке.

Поездка простого советского человека за границу рассматривалась как событие неслыханное. Обычно туда ездили только избранные, достойные и проверенные. «Недостойным и непроверенным» доверяли же только танки, на которых тамошним «порабощённым и угнетённым» капиталистами рабочим надо было нести «советское счастье».

А потому, когда потихоньку начали открываться «замки на советских границах», за «недостойными», которые вдруг кое-где начали вылезать в свободный мир, должно было неусыпно наблюдать око, роль которого и выполнял родной КГБ.

Ясно, что одиночные поездки не проконтролируешь, здесь всегда есть риск невозвращения, поэтому отбор «достойных» был строжайшим. А вот контроль групповых поездок был поставлен на поток.

Официально контроль поездок за границу выполняли **первые** разведывательные службы и отделы, которые были в каждом областном управлении. Они, вообще-то, по замыслу, должны были вести разведывательную работу из внутренних

позиций. То есть изучать прибывших иностранцев, посольские и консульские службы, торговые представительства, туристов и частно-родственные посещения нашего государства. Они живо плели интриги, а нередко и вербовали некоторых нужных иностранцев в качестве своих агентов. Одновременно же брались за разработку инструктажей и для наших выезжавших за границу граждан, направлявшихся туда для прояснения тех или иных вопросов, а часто и секретов, как военного, так и политического характера.

Этот же «контингент» изучался и **вторыми** контрразведывательными службами, которые выискивали среди них вражеских шпионов. Занимались они и инструктажем выезжающих.

Но когда стало ясно, что официальные и служебные, а также частные выезды стали использоваться нашими родными внутренними «скрытыми врагами» для побега из социалистического рая, контроль за «выезжающими» взяли в свои крепкие железные руки пятые идеологические службы. Именно в них со времен репрессий остались недобрые традиции недоверия и подозрений к своим гражданам, а принадлежность к работе по «пятой линии» и у самых офицеров госбезопасности вызывала тихое скрытое неприятие, хотя эта «пятая линия» в работе «территориалов» КГБ УССР и была профилирующей. Нередко в частных разговорах между собой ребята жаловались на эту «жандармскую» работу и мечтали перебраться в отделы чистой разведки или контрразведки. Но разведка – это «голубая кровь», элита спецслужб. Эти «хлебные» места уже давно закрепились за генеральскими и секретарскими сыновьями, которые в свой круг чужаков не допускали, поэтому нам, серым, оставалась работа грязная и неблагодарная. Мы часто цитировали слова Михаила Булгакова, который устами генерала Хлудова из «Белой гвардии» цинично спрашивал: «А вешать? Вешать – кто будет?»

В середине 80-х поездки за границу уже не рассматривались как чудо, хотя и оставались для советских людей розовой мечтой. В те времена туда потянулись группы военных, технических и научных специалистов, спортсмены, театральные и концертные коллективы, прорывалась художественная богема, за которой нужен был «глаз да глаз». За всеми этими категориями выезжающих был организован постоянный контроль. Появились молодые и вежливые кадровики, консультанты

разных режимных отделов, которые на самом деле были офицерами действующего резерва (ОДР КГБ), контролирующими надежность коллективов и выявляющими возможных «невозвращенцев».

Начал развиваться и организованный туризм, который тоже надо было контролировать. Во всех туристических группах штатных ОДРов не заведешь. Работники туристических фирм наполовину перевербованные, но что такое неуправляемый агент? Не надо быть опером, чтобы знать, что именно подкупленный, силой или обманом завербованный агент является первым потенциальным нарушителем. Если не убежит – то в лучшем случае станет профессиональным контрабандистом, а в худшем (какой ужас!) пропагандистом капиталистического способа жизни. Именно агентура КГБ в «Спутнике» (была такая единственная на весь Союз турфирма) под прикрытием своих же оперов, а часто и без их ведома, наладила почти промышленные поставки в СССР печатной, аудио-, а потом и видеопродукции «антисоветского содержания». Записи «Битлз», «АББА», «Бони М», классический джаз, экзотические тогда эротические и порнографические журналы, литературу ОУН или монархического Народно-трудового союза, эмигрантскую прессу, статьи и монографии западных советологов, запрещённые в СССР книги...

Если в начале туристической эры, еще в 60-е, ОДРов хватало для сопровождения туристических групп, то уже в 80-х они направлялись только в большие команды или коллективы. Работа была, как всегда, подленькая, но перспективы имела иные. Можно было контролировать «фарцовщиков» со всеми их финансовыми возможностями. Этим словом называли валютных спекулянтов, которые в агентурной сети КГБ находили защиту от вездесущего БХСС. Также в поле зрения находились и валютные проститутки, которых во все времена использовали спецслужбы – как для получения контрразведывательной информации, так и по их прямому назначению. В 1982-м грандиозный скандал всколыхнул наше столичное управление. За подобные «грешки» выгнали из органов и приговорили к заключению целого полковника, заместителя начальника управления. Подробности о его победах над женщинами за счет зелёных долларов из девятой статьи оперзатрат сельским операм остались неизвестны.

Среди киевских оперов тоже ходили непридуманные истории об одном одээре из столичного театра, который за право

выезда на престижные гастроли пропустил через свою постель половину кордебалета (кто что делает, тот то и имеет). Доведя этими домоганиями одну из балерин до самоубийства, цинично оправдывался оперативной необходимостью приобретения спецагентессы для работы с иностранцами. И единственное, чего смогла добиться наша хваленая «кристально чистая» инспекция – это перевод его на другую, не связанную с женщинами, оперативную работу.

Основную же массу туристов «обслуживали» первые службы областных управлений, самостоятельно подбиравшие для этого оперов. Ясно, что очередь на «блатную» работу сопровождающего туристической группы в капиталистическую страну существовала нешуточная. Каждый опер грезил о счастливом билете, ну, а для районного опера это была почти несбыточная мечта. Нас даже в очередь не ставили, особенно если начальником был подполковник, который настоящую границу видел только на морском горизонте в Крыму в отпуске.

Но в любом деле есть свой исключительный случай.

Собственно, я и не ставил себе таких задач. Получилось как-то само собой.

Сначала начальник попросил отвезти в Киев для «нужных людей» несколько ящиков яблок. Затем эти люди сами наведались ко мне в райцентр, где вдруг увидели, что дармовыми яблоками заведует наш особо ценный агент, а колхозной свежиной – тоже агент, только уже милицейский. Познакомились ближе, оказалось – оперативники первого разведывательного отдела, ребята интеллигентные, эрудированные и смыслёные. В очередь на за границу поставить не брались, но при случае обещали посодействовать...

Первые полгода ждал и надеялся, а потом и забыл.

И вдруг посреди золотой осени, среди аромата созревающих яблок, когда я из какого-то села докладывался по телефону своему шефу, почувствовал в его голосе неприкрытую тревогу по поводу моего срочного вызова в областное управление в распоряжение начальника первого отдела. На завтра, уже в разведотделе областного управления, мне сообщили, что я, как офицер, владеющий итальянским языком, получающий за это официальную доплату к жалованию, должен подменить больного сотрудника и срочно подключиться к сопровождению группы

искусствоведов и художников на специальный шестидневный научно-музейный круиз в Рим, Флоренцию и Болонью. Инструктаж во втором и пятом отделах и ознакомление с литературными и личными делами агентов, передававшихся мне на временную связь, состоится уже сегодня, а завтра самолётом следовало вылететь в Москву, дабы познакомиться с группой и получить дополнительный инструктаж от пятых служб центрального аппарата.

Сообщение было настолько неожиданным, что мне как-то не пришло в голову доложить, что вообще-то я доплату за знание языков получал года три назад, когда успешно, хотя бы на «четверку» сдавал летние языковые экзамены. После того же, как очередной экзамен сдал на «тройку», доплата была снята, а в следующем году я уже и не претендовал. Знатоки языков знают, что это такое годами поддерживать надлежащий уровень, не имея никакой языковой практики. Кроме того, доплату-то я получал за знание языка фарси (персидского), который изучал ещё в Ташкенте!

Но об отсутствии языковых доплат и о том, что фарси, вообще-то, мало похож на итальянский, я как-то сказать не успел. Не стал никого разочаровывать. Надежда у меня была на английский, который я знал в рамках программы технического вуза, законченного, правда, ещё раньше. Главное было – попасть в Европу, а там как-нибудь выкрутимся.

Знакомлюсь с личным делом агента «Коструб», которого мне передают на временную связь: художник, профессор-искусствовед, завербован в результате реализации профилактических мероприятий. За границу ездил часто в составе выставочных делегаций и туристических групп еще до профилактики. Склонен к фарцовке и контрабанде. Имеет связи среди украинской националистической эмиграции Канады и Франции. Сотрудничеством не тяготится, ранее представлял сигнальную информацию, к работе по делам оперативного учёта не привлекался.

Быстро бегу в отдел кадров управления, оформляю командировку, получаю надлежащую валюту, потом галопом домой. Перепугал домашних срочностью заграничной командировки. Даже жена не сразу поверила, что я бросаю на произвол судьбы своих родных сельских сексотов для сопровождения гламурно-богемного контингента в Италию.

Ночью было не до сна. Подумать только – завтра я буду дышать воздухом вечного города, колыбели цивилизации. Но утро добавляет уверенности. После перелета из Борисполя в Шереметьево в крохотной комнатке отделения местной портовской безопасности я прохожу последние инструктажи и знакомство с литературными версиями этого маршрута от центрального (московского) аппарата КГБ.

Здесь же от бывшего московского опера, провожавшего мою группу, получаю и житейские установки «туристу-чайнику»: диковинные подарки из-за границы не тащи, все купишь на обратном пути в беспешинном валютном магазинчике аэропорта «Шереметьево». А чтобы на «тряпки и погремушки» хватило валюты, то в каждом музее, который будешь посещать, покупаешь по два экземпляра художественных фотоальбомов с репродукциями тамошних экспонатов.

– Альбомы отдашь мне! За каждый получишь по пятьдесят (!) зеленых американских «рублей». Всего полтысячи долларов, которые (все) потратишь в местной лавке. Домой полетишь без гроша в кармане, но с мешками иностранного товара.

– Согласен?

– Конечно!

Так что всё было нормально. В группе восемнадцать художников и искусствоведов из Украины (преимущественно из Киева и Львова) с обязательным московским агентом. У каждого своя работа: я занимаюсь группой, а он – мною. Во главе – московская минкультовская инструкторша. Она же старшая группы, она же – наша доверенная, имеющая опыт более двадцати поездок и привыкшая даже своих кураторов из КГБ считать подчинёнными. Пока слушал её менторски-презрительную речь столичной штучки, говорящей с провинциалом (меня она почему-то за хохла не считала, видно, потому, что я для нее был «кагэбист»), фельдсвязью привезли личное дело агента «Фокин». Дело было, правда, с новыми переплетами и свежими белыми бумажными страницами. Однако я не проверяющий, на такие «несуразности» внимание обращать не стал.

Фокин – опытный стукач, которому доверяли «соглядатайствовать» за «соглядатаями». В его рабочем деле хранилось несколько собственноручных хвастливых отчетов о подобных поездках, о роли в них. Удивила характеристика основного куратора, утвержденная высоким начальством. Речь шла о том, что

агент привлекался к выполнению заданий и запросов Первого главного управления центра (политическая разведка) – ого! Сделал соответствующую запись об ознакомлении с делом и взятии агента на временную связь. Собственноручная подпись, звание, фамилия и даже здесь легендированная должность: оперуполномоченный первого отдела киевского УКГБ.

Всего в группе два агента, а также доверенная – руководитель группы. Об агентах она знать не должна. Все остальные – «подозреваемые». Моя же легенда – заведующий районным домом культуры из глубинки: хотите – верьте, хотите – нет.

За заботами, инструктажами, делами и справками, знакомствами и расставаниями пробегает день. Оставляю на ответственное хранение своё крутое удостоверение (за рубежом им никого не испугаешь) и присоединяюсь к утомленной ожиданием, «налитой» спиртным и кофе группе, расположившейся в зале ожидания аэропорта. Выслушиваю накачку старшей за опоздание (этим она меня «зашифровывала»), после чего все дружно повалили к стойке регистрации рейса «Аэрофлота» «Москва-Рим». В те благословенные времена без Москвы мы не могли никак. Киевский «Аэропорт Борисполь» свою собственную таможенную, пограничную и карантинную службы имел в таком количестве, что они могли обеспечить, пожалуй, один или два международных рейса в сутки, а может быть, и в неделю.

Остаток дня вышел приятным: вышколенная обслуга красавца лайнера, рулём, разбег, взлет, заложенные уши, водичка, полетный завтрак, газеты, журналы, ленивые разговоры, вечерняя заря за иллюминатором, дремота, снова в ушах заложило и... Вот он, Рим, вечный город!

И вот позади прилёт, суета и размещение в отеле, где мы оказались уже за полночь. А утро уже целиком и полностью принадлежало мне. Во всяком случае, мне казалось, что утро моё. Но как только мы пришли в кафе на завтрак, старшая сразу же начала командовать:

– При мне говорить только по-русски, – безапелляционно заявила она, услышав ненавистный ей галицкий акцент, проплывавший над столиками вместе с чавканьем и звоном ножей и вилок. Моментально «мои киевляне», до этого живо общавшиеся на «общепонятном», перешли на литературный украинский:

– А что, дама совсем тупая, не понимает язык «братского» народа? – послышалось из-за моей спины.

– Владимир Николаевич, – это уже она ко мне, – наведите порядок в своей группе.

Мне так и хотелось ей ответить, мол, спасибо за расшифровку. Если амбициозным, обученным и заслуженным указывают на их погонщика, «завклуба из глухого села», то даже дураку становится ясно, кто здесь хозяин. Решил не втягиваться в бессмысленный спор, а дождавшись её в коридоре после завтрака, объяснил, что это моя первая и, пожалуй, последняя поездка. И если госпожа желает ездить за границу и в дальнейшем, то она должна действовать в соответствии с инструктажами. А если у меня возникнут в отношении госпожи какие-то замечания, то они обязательно будут изложены в моем письменном отчете, потому как я, знаете, писучий. Генералы, читающие мои доклады, навзрыд заплачут. А напоследок добавил, что на меня не подействуют никакие ее столичные связи, потому что дальше районного отделения меня всё равно не сошлют.

Таким образом «контакт» с доверенной был налажен. Теперь оставалось отловить для «интима» своих агентов. Профессору «Кострубу» повезло передать привет от его киевского опера в туалете, когда рядом стояли у писсуаров, а вот с «Фокиным» возникла проблема. Один на один он как-то мне не попадался, а, может, и не хотел попадаться, ведь он теперь знал, кто я такой.

А ну их, этих агентов! Вокруг бушует Рим! А мы отправляемся в Ватикан в знаменитую Сикстинскую капеллу.

Дворец для церковных торжеств, где разместился этот знаменитый музей, поражает великолепием, а главная достопримечательность даже не полотна, фрески или статуи, а двойная винтовая лестница, – единственный в мире неповторимый архитектурный шедевр. Скорее к нему!

Группа разбрелась. Некоторые здесь уже были, другие об этом много слышали или читали... Вот полотно Микеланжело, вот Караваджо, а это Рафаэль...

Туда-сюда – остался один. Посмотрел на часы – до конца осмотра ещё более двух часов, можно расслабиться и полюбоваться прекрасным.

По залам проходят группы и отдельные посетители, везде приглушенно звучат чужие языки. Эх, хотелось бы каких-то объяснений знатока или гида. Именно в этот момент стало несканно жаль, что европейских языков, на самом деле, я так и не сподобился выучить. «Как проехать, как пройти» – разве это знание языка? А вот попробуй присоединиться к какой-то группе и послушать пояснения специалиста.

Загрустил.

Вдруг услышал тихую изысканно литературную русскую речь. Какой-то степенный, холеный и ухоженный дяденька (сразу видно – не совок), держа за руку мальчика-подростка, грамотно рассказывал ему о выставленных шедеврах. Я тихонько побрел за ними. В соседнем зале к нам присоединилось ещё двое незнакомцев, дальше – ещё. На выходе из музея дяденьку сопровождала уже группа из десятка любознательных русскоязычных зевак, уже на лестнице поблагодаривших его аплодисментами, к которым присоединился и я. Неписанный закон благодарности, который нам, совкам, непривычен, но попав в цивилизованное окружение, мы с радостью и готовностью следуем ему.

Здесь же в киоске возле дворца покупаю фотоальбомы Сикстинской капеллы. Это вам не то, что у нас. Каждый их музей издает максимально полные, привлекающие изысканным полиграфическим исполнением альбомы (почти каталоги) всех своих выставленных шедевров, а также тех, что хранятся в запасниках. Эти альбомы свободно продаются по ценам чисто символическим – покупайте, знакомьтесь, приходите ещё.

Спустившись с заоблачных высот «рафинированной» культуры, оглядываюсь на площади: наша старшая группы уже подстерегает членов группы. Присоединяюсь к ней, обмениваемся впечатлениями, считаем своих по головам. Вроде все собрались. Считаем снова: семнадцать, восемнадцать, девятнадцать... двадцатого еще нет. Ждём, ещё есть время.

Пока ждём, решаю провести «интим-беседу» с «Фокиным». Посмотрел туда-сюда – нет его. Ага, значит, это мы ждём именно его.

Подождали еще минутку.

– Кого нет? – раздается бодрый голосок старшей.

Называю настоящую фамилию «Фокина» – Егоров. Выслушиваем проклятия старшей в его адрес. Ждём ещё. Подошло обещанное время, в кафе уже нас ждут. Группа отправляется обе-

дать, а я остаюсь ждать. Прятаться нет смысла. Кому надо – тот уже давно знает кто я, а кто ещё не догадался – ему сейчас объяснят популярно.

Жду уже сам.

Через час прибегает посланец от группы. У нас в программе какая-то встреча. Бросаю всё и присоединяюсь к группе, но настроение от поездки уже крепко испорчено.

Ночевать в отель Фокин-Егоров не пришел. Где-то около полуночи звоню дежурному в местную посольскую резидентуру, по телефону, что вызубрил накануне, мол, у нас чрезвычайное происшествие, исчез один из туристов. Наутро встречаюсь с местным «компетентным» сотрудником консульства, докладываю, что исчез агент, которого ещё не успел принять на временную связь. Тот посочувствовал: бывает, не бери в голову, за это уже не расстреливают, ну, а по шее получишь, переживешь.

Группа продолжала посещать музеи, встречаться с художниками, искусствоведами, кто-то там с кем-то обменивался опытом, потом бегали по лавкам, магазинам и супермаркетам, а я ходил, как побитая собака. Старшая переживала, что этот выезд для нее станет последним, что её больше не выпустят. Туристы с интересом наблюдали за нами и тихонько посмеивались.

Потом была рукотворная красота Флоренции, затем Болоньи. Ежедневно по несколько раз меня дёргали те или иные «компетентные» консульские и посольские, требовали объяснений, каких-то действий. Некоторые успокаивали, проговаривали надоевшую присказку – мол, не ты первый, не ты последний. Я машинально осматривал музеи. Не таясь, считал своих по головам, переживал за свою служебную карьеру и не забывал покупать альбомы.

Шесть дней пролетели как один миг и если бы не этот проклятый Фокин-Егоров, то лучших бы каникул и не придумать. Из Болоньи в римский аэропорт имени Леонардо да Винчи мы ехали на автобусе, сплочённые неприятностью как одна семья. Наша старшая уже не реагировала на галицкий говор, а взамен обещала выучить украинский и возить московские группы во Львов, потому что за граница для неё уже явно была закрыта. «Коструб» добросовестно постукивал на всех одновременно, тоже, видно, перестраховываясь.

Перед аэропортом стояла разноликая и неопрятная толпа местных хиппи, которая ждала прилета знаменитых «Роллингов». Когда мы попытались все-таки протиснуться внутрь, вдруг толпа отхлынула и прямо на меня вышел Мик Джаггер, лицо которого по фотографиям я знал ещё со школы. Считая, что я один из его поклонников, он лихо выхватил один из моих художественных журналов, торчавших у меня за пазухой, быстро расписался на нем и ткнул мне в руки. Толпа тут же отнесла его дальше.

Подойдя к стойке регистрации, я с интересом рассматривал неожиданный трофей.

– Продай, дам сто долларов, – услышал я. Поднял глаза – передо мной стоял Фокин. – Командир, это хорошая цена. – Он ожидал моей реакции.

– Фокин, мать твою, – сгоряча выпалил я, – мы тебя обыскались.

– Егоров. Я – Егоров, чего раскричался? Даю двести. Больше не дам.

– Что двести?

– Двести долларов за альбом с автографом Мика Джаггера. Деревенщина, ты даже не знаешь, как тебе повезло, ведь это лидер знаменитой группы «Роллинг стоунз» собственной персоной. Жаль, что улетаем, а то бы я все бросил ради их концерта.

– В морду хочешь?

– Не хочю, – сказал он, поднял свой чемодан и отправился к стойке. – Где регистрация рейса на Москву?

В «Шереметьево» художественные фотоальбомы у меня были куплены по договоренной ранее цене, доллары я добросовестно истратил в валютной лавке.

Местные портовские опера, сажавшие меня на киевский самолет, почему-то завидовали: «Не всем дают такую премию». А когда уже в Борисполе, получая из багажа свою тяжеленную поклажу, слышал в спину от своих «подозреваемых»: «кагэбистские крохоборы». Но к «знакам внимания» от моего народа к представителям своей профессии я уже привык и не обижался.

Дома по своей поездке я официально подал рапорт с подробностями, но плакали ли генералы, читая моё произведение, не знаю. О «Фокине» меня больше никто не спрашивал, никто,

к тому же, и не объяснил: премию я получил в валютной лавке или взятку? Странно...

А где-то через полгода после поездки мне вдруг объявили благодарность от командования. Ребята из разведотдела объяснили, что об этом постарался... «Фокин», который на самом деле был генералом нашей внешней разведки. В его насущных шпионских делах нужно было срочно пошастать с неделю по Риму в качестве нелегала, а потому он и придумал эту комбинацию. А еще он просил подобрать себе сопровождающим опером какого-то добросовестного сельского «лопуха», для которого такая поездка будет первой и последней, который будет «рвать и метать» и поднимет настоящий, необходимый для легендирования разведчика «переполох».

Фотоальбом же с автографом Мика Джаггера я так и не продал. Во-первых, не давали такой цены, а во-вторых, – было жаль. На весь наш райцентр такой раритет был только у меня.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ

Деятельность органов государственной безопасности всегда была и остается засекреченной. Нам объясняют, что от «врагов». А вот я (и не только) утверждаю, что именно они, то есть, «враги», прекрасно осведомлены о деятельности отечественных спецслужб. Настоящая таинственность в этом деле нужна в первую очередь для того, чтобы об их деятельности как можно меньше знали подданные своей страны. Конечно, часть образованного населения догадывается, чем же занимаются спецслужбы, однако есть большая часть граждан, которым это невдомёк. По крайней мере, когда я оформлялся на службу в КГБ после нескольких лет «тайной стажировки», то не имел четкого представления о настоящих «целях и задачах», а также о «формах и методах» деятельности советских чекистов.

В цивилизованном обществе, где власть находится на службе у общества, тоже имеются секреты и тайны. Однако эти тайны имеют определённый законом срок давности, а ещё действует законная и контролируемая процедура «засекречивания». Под

неё довольно сложно с целью сокрытия подвести неприглядные действия, проступки или откровенные преступления конкретных представителей власть имущих.

У нас же в этом смысле «власть имущим» полностью развязаны руки.

«Засекреченность» – это возможность находиться вне контроля, вне государства и общества. Это государство в государстве, некий параллельный мир.

Итак, зададимся вопросом, что же является предметом заинтересованности и контроля со стороны спецслужб в нашем обществе, которое так «успешно» в течение последних десятилетий, «развивается»?

В системе госбезопасности все сферы заинтересованности строго разграничены в соответствии с действующими подзаконными актами, т.е. актами, которые должны обеспечивать выполнение закона, а на самом деле, уже самим своим существованием, призваны к их нарушению во имя каких-то «высших интересов».

Каждый блок вопросов зашифрован уже внутри системы.

Так под цифрой «1» скрывается внешняя разведка, всё, что с ней связано и всё, что её обеспечивает.

Цифра «2» обозначает собственно контрразведку, то есть всё, что инициирует, организует и способствует выявлению и обезвреживанию противоправных действий со стороны иностранных «партнёров». Это касается как закрытой информации, политических, технологических или научных секретов, политической заинтересованности, так и обеспечения собственной деятельности власть имущих и спецслужб.

Третье («3») направление деятельности спецслужб – это военная контрразведка, то есть обеспечение охраны собственных вооруженных сил от разнообразного влияния иностранных государств. Военная же разведка не является предметом деятельности отечественных спецслужб, а обеспечивается самими военными благодаря существованию в армейском хозяйстве собственного разведуправления, деятельность которого распространяется и на возможные в будущем театры военных действий, и на расположения вероятного противника.

Далее идет цифра «4». Это так называемое «контрразведывательное обеспечение» деятельности отечественных, в том

числе закрытых и правительственных, информационных сетей, средств связи, транспорта, путей сообщения и т.д.

«6» это аналогичное «обеспечение» противодействия внутреннему беспорядку и мировой конкуренции на отечественную экономику, ее секретов и приоритетов.

Далее следуют вспомогательные службы, обеспечивающие вышеупомянутые сферы деятельности.

«7» это так называемое «наружное наблюдение» с набором всех доступных государству научно-технических средств.

«8» – собственные шифровальные службы, организационное оформление и бесперебойное функционирование которых обеспечивает реальный суверенитет и независимость власти и государства.

«9» – кажется, сейчас не актуальна. При Союзе эта цифра обозначала подразделения охраны высших должностных лиц государства и обеспечение их эффективной деятельности, комфортное существование как их самих, так и многочисленных членов их семей. Сейчас эта служба выделена в Государственное управление охраны при Президенте, а куда дели освободившуюся цифирку, извините, не ведаю.

«10» – основа основ, которая в советские времена являлась самой закрытой и охранялась наиболее рьяно. Это собственно архивы, информационные и оперативные массивы, постоянно обновляющиеся, накапливающиеся и упорядочивающиеся. Доступ к ним должны иметь только руководители государства, руководство спецслужб и уполномоченные ими лица. К сожалению, сейчас (это ни для кого уже не секрет) именно эти архивные данные являются предметом «крутого торга», основными участниками которого являются наши бывшие сотрудники, верой и правдой работающие на сомнительные и щедро оплачиваемые частные охранные структуры, содержащиеся отечественным олигархатом или откровенным криминалитетом. В этой ситуации «вражьи» разведкам в наши архивы открыта широкая дорога.

Итак, подытожим. Что мы пропустили? А пропустили, вернее, отложили напоследок самое главное. Под цифрой «5» прятались главные интересы власти и спецслужбы, то, ради чего она и была создана. В советские времена это направление называлось «контрразведывательным обеспечением противодействия идеологическим диверсиям иностранных центров и антиобщественной деятельности отдельных граждан». Советская

спецслужба была даже не государственным органом, а, в соответствии с Положением о Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР, «...вооруженным отрядом партии». Какой? Для тех, кто не знает, поясню: в Советском Союзе была только одна легальная партия, коммунистическая, с собственно коммунистической идеологией имеющая мало общего, потому что была партией власти, а у власти всегда есть интересы, которые выше любой идеологии.

Власть любого государства, даже наиболее демократического, всегда нацелена на обеспечение собственных «шкурных» интересов. В цивилизованных странах существуют специальные, законом определённые механизмы контроля. На противоречии интересов власти и общества, регулируемом действенной конституционной и судебной машиной, и базируется демократия, обеспечение прав человека и тот уровень жизни, о котором мы так мечтаем. Как говорят, демократия – это в первую очередь соблюдение процедуры. В Российской же империи, с которой мы все так хотим попрощаться, существовали и до сих пор существуют многовековые традиции пренебрежения властной верхушкой общественными законами.

Но вернемся к нашей считалке. Это пятое направление, в свою очередь имело свои подразделения. Внимательный читатель уже догадался, что профильным направлением в деятельности украинских советских спецслужб было «противодействие буржуазно-националистической идеологической диверсии». О нём уже много было сказано. Не забуду об этом направлении и я.

Надо сказать, существовало ещё особое направление, о котором сейчас стыдливо предпочитают не упоминать (хотя достижения именно на этом поприще, как правило, обеспечивали карьерный рост тогдашним операм, и потому такая работа была заветной мечтой практически каждого офицера). Это направление скрывалось под цифрой «4/5», то есть четвертый отдел пятого управления: направление борьбы с идеологической диверсией со стороны церковников и сектантов.

Одну из своих первых вербовок я провел именно в этом направлении. Мой кандидат, пресвитер сельской баптистской общины был человек уже в годах и, мягко говоря, не очень образованный. Кроме Библии, он так и не осилил, пожалуй, никакой

другой книги, за исключением «Положения о технике безопасности при обслуживании коммунальной котельной», где почти всю свою жизнь служил кочегаром. Он и не скрывал, что от тягот жизни, семьи и односельчан привык прятаться или в котельной, или в христианской вере баптистского толка, унаследованной от родителей. Всю жизнь он был верным рядовым членом церкви и только волей случая, вследствие нехватки соответствующих кадров на селе, ему выпала честь стать пресвитером. Другой кандидатуры просто не было.

Мой вербовочный подход он воспринял как факт признания властью его лидерских амбиций, что очень тешило его самолюбие. Именно поэтому на сотрудничество с органами КГБ он пошел, «ломаюсь» только для видимости. Вербовка была, как говорится, для галочки. Однако тот факт, что новый агент являлся действующим пресвитером, резко подняло мои «акции» в глазах не только коллег, но и начальства.

Какой-то оперативно значимой информации он не представлял (да и не мог предоставить, поскольку мог что-то рассказать только о нескольких десятках стареньких сельских бабуль и о десятке детей школьного возраста). Однако мною, как оказалось, была закрыта позиция, мозолившая областному начальству глаза уже несколько лет. Меня отметили в приказе, вспомнили на общем собрании оперативного состава управления, а офицеры отделения «4/5», так называемые «управленцы», стали со мной здороваться уважительно и за руку. Из «молодого» опера я сразу же превратился в признанного «специалиста».

Однако лавры не только радуют, они еще и обязывают. Оказалось, что в моём районе в одном из крупных сел имеется незакрытая агентурным аппаратом православная община. Там долгое время был опытный священник, он же многолетний опытный агент. Однако несколько лет назад его перевели в управление областной епархии, а на его место прислали молодого, амбициозного попа, выпускника столичной духовной академии.

Ясно, что не только непосредственное, но и прямое начальство рассчитывало на мои новые достижения. Что делать? Ответ – действовать. И я безо всяких угрызений совести приступил к делу.

Сначала провел архивное изучение объекта. Запросил характеристики по месту его учёбы и рождения, а также информацию

от особистов с места военной службы. Тогдашний мой начальник, незабвенный Дмитрий Григорьевич, получал ответы, которые назывались «телегами» из-за большого объёма информации, докладывал их в отделение «4/5», а потом отдавал их мне для накопления в подборке, потирал руки и подбадривал, мол, вот мы покажем этим «направленцам», что и мы занимаемся настоящей контрразведкой.

Полученные «телеги» сообщали, что объект в поле зрения органов не попадал. В армии он служил при кухне, в семинарии тоже ничем не отличился: учился, молился, женился. Происхождением был из многодетной поповской семьи, где воспринял Христову веру как единственно стоящую цель своего земного существования. Ни в октябрятах, ни в пионерах, ни в комсомоле замечен не был. Всё больше находился при кухне, при церкви, при хоре, при Божьей службе.

Я не был уверен в успехе, однако вида не подавал и сдуру «забил» эту вербовку в план работы на следующий отчётный период как обязательную. Однако устанавливать контакт не спешил. Очень мне не понравились характеристики на него от моих родных милицейских участковых. У него, как оказалось, не было ни машины, ни мотоцикла, ни велосипеда. Всё время ходил пешком по всему приходу, а приход – почти половина района. С властью и с местными хозяйственниками от имени общины общались только сами старосты, он же никому ничего лишнего, кроме «Слава Иисусу Христу», не сказал.

Время шло, мой шеф Митя стал деликатно напоминать, что пора братья и за попика, тем более что в этой части района агентов вообще не было. Делать нечего, готовлю соответствующие рапорта, получаю санкции и... И здесь стала проблема, а как же и где его поймать? Несколько дней катался нужным селом на служебной «Ниве» и караулил. Думал уже проконсультироваться у «направленцев», когда и где священников собирает епископ, но тут начальник уперся, мол, ты что, они сначала засмеют, а потом перехватят уже готовую вербовку себе, отчитаются за неё, нам передадут готового агента, а мы останемся с носом.

Ещё с неделю покрутился вокруг этого села в тяжелых раздумьях и наконец, решил – пошел прямо к нему домой. Это я сейчас знаю, что место первого контакта профессионалы выбирают придирчиво, потому что это влияет на тему разгово-

ра, на его настроение и тональность, а главное, на результат, а тогда...

Говорить, что меня встретили в штыки, это значит не сказать ничего. Посмотреть на прибывшего «гостя» вышла матушка, а с ней ещё три старенькие церковные активистки. Об откровенном разговоре или о вербовочном подходе не могло быть и речи, оставалось только выторговать новую встречу, однако попик был непреклонен: разговаривать буду только при свидетелях. Несолоно хлебнув, пришлось уйти.

Начальник, как ни странно, только посочувствовал, но ничего путного не посоветовал и не добавил, ничего кроме того, чтобы зайти при случае к направленцам, может, подсобят.

В четвертом отделении 5-го отдела областного управления меня встретили с философским пониманием:

– Во-первых, разберись, а нужен ли он тебе? Если это очередная галочка – отступись. Завербовать его завербуешь, отчитаешься, а дальше? Что он будет давать? То, что и твой престарелый баптист? – говорил бывалый опер в звании подполковника.

– Во-вторых, разберись с уровнем его веры, – это уже продолжил молодой майор с университетским значком на лацкане. – Если он действительно «от Бога», если нет в нем меркантильной жилки – отступись. Тайны исповеди нам ни к чему, да и в чём будет ему открываться какая-то молодуха, как и с кем она согрешила? Верующий человек, тем более батюшка – это человек не от мира сего. Такие живут не среди нас, а в каком-то непостижимом нам, параллельном мире. Для того чтобы такого понять, надо самому таким стать. Кстати, а ты сам крещёный? А в церкви когда-либо был? А знаешь ли ты, что такое духовник, кто такой исповедник? Для того чтобы работать с таким контингентом, надо не атеистическую литературу читать, а духовную. Сначала следует прочесть хотя бы Библию.

– А где же её взять?

– Правильно, вот в церкви и возьми. И ещё, помни, этот контингент сам факт вербовки воспринимает как большой грех. И не просто грех, а грех отступничества, грех измены своей вере, своим убеждениям. А ещё такие священники на каждый свой шаг, а тем более на такой шаг, обязательно просят благословения. Так что будь готов, что через все обещания, данные тебе, он переступит с чистой совестью, потому что благословение отца-духовника для него выше любого обещания и клятвы.

Библию в те времена действительно найти было проблемой, поэтому я начал всё-таки со «Справочника атеиста». Оказалось, в нем тоже имелось достаточно нужной информации. Хотя бы о том, что советское правительство во главе с Лениным с 1918 года находятся в анафеме Русской православной церкви и никакие «обновленцы» её так и не отменили. Здесь же были данные о церковной иерархии, монастырях, монашестве, схиме, епископате, клире и т.п. Заинтересовала меня история Православной церкви, только сведения о ней были скудные, а больше и взять их было негде.

Стало ясно, что в этом вопросе у меня катастрофическая нехватка элементарной информации. Служивцы, начальство и направленцы только отмахивались. У них были другие проблемы и интересы, а срок вербовки уже подпирал. Но вдруг слепой случай, или на церковном языке – провидение.

Забегая как-то по делам в местный райотдел милиции, а тут из кабинета в кабинет гоняют моего попа. Я к милиционерскому начальству, мол, выручай, организуй. Вообще-то милиция нам не очень помогала, но тут такая возможность прогнуться и подставить «идейно-вредного врага», и безразличного, и в то же время безопасного...

Попик как раз получал разрешение на строительство нового церковного строения, а в те времена нужно было собрать целый воз ненужных разрешений и подписей практически во всех инстанциях, существующих в районе. Через какое-то мгновение попаки загнали в специально освобожденный пустующий кабинет, где имелись только стол, два стула, зарешеченное окно и скучающий опер, то есть я.

С гражданином Митрофаном Богодеевым, так его звали в миру, мы общались более трёх часов, пролетевших как одно мгновение.

Первый час молчал он, а говорил я. Говорил, как учили, как знал, как должен был говорить, старался и пытался, но без надежды, что это приведёт к какому-то приемлемому результату. А вот ужё следующие два часа я был неожиданно для себя поглощён глубиной интеллекта моего собеседника, его эрудиции, красноречия, доброжелательности и, без пафоса, любви.

Нет, он не обратил меня к Богу (мое высшее техническое образование и заложенные в свое время преподавателями-коммунистами материалистические воззрения противятся это-

му до сих пор), он не читал и не толковал мне Слово Божие, не укорял и не проклинал. Разговор как-то незаметно зашёл о той катастрофической нехватке информации о церкви, с которой я столкнулся. И мой поп добросовестно, не жалея времени прочитал мне лекцию об истории христианства, происхождении русского патриаршества, приводил простые, но впечатляющие примеры разницы православия константинопольского от православия украинского и русского. Он это делал так непринуждённо, с радостью от того, что его внимательно слушают и еще с большей радостью от того, что его понимают.

Мы оба были удовлетворены общением друг с другом, и только одно отравляло мне радость от общения с ним. После этой беседы я знал наверняка, что вербовать его не буду. Во-первых, его никто и никогда не завербует, даже если будет загонять иголки под ногти. Во-вторых, вербовать его, настоящего, хотя и молодого по возрасту, христианского пастыря было бессмысленно. Он просто искренне не верил в то, что такое человеческое коварство вообще возможно, а как можно делать то, во что не веришь, что невозможно и чего нет в этой жизни?

Несколько следующих дней я находился под впечатлением от этой беседы. От плановой вербовки, уже не помню под каким предлогом, откарасался. И в последующие годы, прошедшие до перевода из этого благословенного края, всегда выкраивал себе какое-то время, чтобы просто приехать в это село и пообщаться с этой удивительной, во многом непонятной, однако нестандартной и незаурядной человеческой глыбой.

А на тот факт, что он, настоятель православного храма, долгими часами общается с местным опером, наш попик просто не обращал внимания. Бывают же такие.

Осенью 1990-го украинский православный мир кипел и клочкотал. Еще бы, наш киевский митрополит из рук самого московского патриарха торжественно получил собственноручно подписанный и скреплённый всеми церковными печатями документ, «томос», о создании независимой в управлении и автономной Украинской православной церкви.

Это событие было в нашем отделении воспринято как должное, в духе тогдашней «перестройки». Однако посетив давно знакомых направленцев в управленческом подразделении

«4/5», сразу же почувствовал тревогу и напряжённость. Почему? Да потому, что здесь сидели знатоки своего дела, асы, которые, по крайней мере, для самих себя, уже предвидели будущий катаклизм. Моя наивная реплика о «братстве единовременных народов» была воспринята с кривой ухмылкой:

– Ты бы лучше подготовил оперативные позиции на этом фронте. У вас там есть амбициозный игумен, церковь строит. По нашим данным, у него серьезные нелады с Филаретом, вот ты его и поизучай, подготовь... Пригодится. Оперативный процесс, он, дружище, непрерывный, ведь мы должны работать на опережение.

Эта информация меня озадачила. Нет, я не бросился никого изучать, хотя бы потому, что церковь была в городе, а город был «не моей территорией». Там работал другой опер, с которым я уже переговорил по этому поводу.

– Нет, – сказал он, – никаких планов по игумену у меня нет, да и шеф якобы об этом не упоминал. Однако сам знаешь, шеф есть шеф. Он тоже имеет агентуру и тоже может вербовать.

Нашего настоятеля знал весь город. Он был настоящим православным авторитетом без всяких там кавычек: пастырь, врачеватель, строитель, художник, поэт, публицист. К нему люди шли валом, власть уважала и боялась. Всего год назад горком партии отказал ему в представлении участка в центре для строительства церкви (четыре, когда-то украшавшие город местных церкви, были разрушены ещё в тридцатых, последняя, пятая, пала в конце шестидесятых), а уже сейчас на краю города стояли высокие стены крупнейшего в области храмового сооружения.

А еще игумен, он же местный благочинный, то есть старший священник местного округа православных приходов, симпатизировал руховцам, выступал за независимую украинскую поместную церковь не только своими публичными проповедями, но и газетными статьями, радио- и телевыступлениями. То есть фигурой он был не просто заметной.

В церковном расколе, разразившемся вскоре, он сыграл лидирующую, по-преимуществу так и не понятую тогда широкими политически ангажированными массами роль, что вызвало сомнения у многих его искренних сторонников. Людям маловерующим трудно, если вообще возможно, понять разницу между верой и идеологией.

При погонах я подойти к нему так и не посмел, однако, сняв их, сразу же отправился к святому отцу. Наши отношения развивались на фоне бурного церковного раскола украинского православия, где я, уже чиновник областной госадминистрации, стоял за киевский, а он, руховец... за московский патриархат!

Несмотря на наши различные политико-религиозные предпочтения, мы продолжали общаться, и уже следующим летом он пригласил меня с женой в один из главных храмов Киева на собственную хиротонию, торжественную всенощную по поводу рукоположения его в епископы. До сих пор не могу себе простить, что не пошёл. Сейчас с годами уже забылась та, какая-то очень важная причина, помешавшая мне быть гостем на его хиротонии.

Через некоторое время мне выпала возможность знакомить уполномоченного Кабмина по вопросам религий с новоиспеченным епископом. Знакомство проходило во дворе, где строился новый храм, среди куч кирпича, извести, бревен, щепы, где витал запах свежеструганных досок и дух настоящего украинского православия. Владыка пытался убеждать чиновника (и меня заодно) в тщетности попыток преодолеть всеукраинский церковный раскол властной поддержкой какого-либо одного православного течения. Существенного результата он не достиг, зато прочно завоевал наши симпатии. Возвращаясь в Киев в комфортном служебном автомобиле, я услышал от чиновника:

– А знаете, мы сегодня, кажется, беседовали с нашим будущим патриархом.

Потом были выборы, где наш епископ баллотировался в народные депутаты, а я был доверенным лицом его конкурента... Выборы владыка проиграл, мы стали встречаться все реже и реже, наши встречи становились все суше, официальнее и менее содержательными.

Затем его и моя службы развели нас по разным городам. Мы до сих пор добросовестно передаем друг другу приветы, иногда перезваниваемся, а вот виделись, наверное, год или два назад.

Бытует мнение, что все православные епископы времен СССР были агентами КГБ, а история «обновленчества» это только подтверждает. Трудно это комментировать, ведь московского патриарха Тихона, не признавшего Советскую власть, анафемствовавшего большевистское правительство и сопротившегося

ему, сколько было возможно, откровенно уничтожили. Говорят, этому нет доказательств, однако, знакомясь с обстоятельствами его кончины и зная «своих», не сомневаюсь. А дальше... Дальше церкви как общественной народной институции надо было просто выжить. И не просто выжить, а быть вместе с народом, именно с той его частью, которую истребляли. Кто кроме церкви мог это сделать?

Как-то знакомые направленные рассказывали, что вербуя одного агента из попов, они проверяли его через другого такого же агента и узнавали, что кандидат на вербовку просил благословения на вербовку у... действующего агента. И получал его. И соглашался на вербовку. И сотрудничал с органами. И служил, как мог и как понимал, Богу и своему народу...

Так вина ли душепастыря в том, что он жил в такие страшные времена, что он переступил через гордость и совесть ради веры, не покинул паству, чтобы жить или погибнуть, но вместе с ней. Многих священников сломали чекисты, но не всех. Всегда были те, кто сумел устоять, и те, кого вербовать не посмели. Поэтому и выжила церковь, поэтому и закончилась та власть, поэтому и стали возможными эти строки, эти размышления. Пусть они кому-то покажутся не заслуживающим внимания мнением интеллигентши, который из-за своего чистоплюйства не удосужился сделать карьеру в службе безопасности нашего «свободного демократического» государства.

ОСТРЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Наблюдательный и любознательный читатель может спросить, как может автор так смело и, главное, безнаказанно писать о тайном, запрещенном и сокровенном?! Все понимают, что, когда человек увольняется из органов государственной безопасности, кто бы он ни был и какую бы должность не занимал, он обязательно оставляет на память кадровику расписку о неразглашении. Неужели здесь имеет место предательство государственных интересов? Предатели были и раньше, но они все больше вещали из-за границы. И пускай, моя расписка датирована сентябрем 1991-го, однако все равно это ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ. И не просто обязательство, а обязательства перед государством.

Что ж, объяснюсь.

Читатель может успокоить себя тем, что государства, перед которым автор обязывался что-то там не разглашать, уже нет. Было, как говорится, и прошло. Но, опять же, скажет читатель, у того государства есть правопреемник, ведь специальным постановлением, принятым сразу же после Акта о государственной независимости Украины 24 августа 1991 года, нашим парламентом было констатировано, что до принятия соответствующих законов в Украине действуют законы СССР. Так что у государства есть все основания иметь ко мне претензии.

– Ну и что ж, – отвечу я, – пусть этот правопреемник и попробует их предъявить.

Ведь я раскрываю не формы деятельности нашей разведки и контрразведки, между прочим, прекрасно известные всем иностранным шпионам-агентам-резидентам, которые сидят в нашей столице. Я раскрываю технологии деятельности советских (тоталитарных) спецслужб, выполнявших карательные функции, воевавших против собственного народа, отстаивавших интересы кучки нелюдей, которые своё людоедство прикрывали коммунистической демагогией. Иск в отношении меня был бы однозначным доказательством преемственности идеологии у нынешних и советских спецслужб, служивших не народу, а преступной власти. Я надеюсь, что наша украинская власть, хотя её и трудно назвать собственно украинской, всё же не является преступной. Да, у меня к нашей власти много претензий (а как же иначе, кто из нас доволен ею?). Однако даже сомнительные лица в нашей украинской власти – это еще не преступная власть по своей природе, как было при советах, когда даже порядочный человек у власти должен был против своей воли совершать преступления или же, став жертвой системы, погибнуть. И выбора не было.

Ещё в предисловии к этой книге я охарактеризовал себя как лицо, которое ориентируется в вопросах государственных, ведомственных, служебных или частных секретов. Впрочем, этими знаниями должен обладать любой грамотный юрист. Однако это у них, а у нас...

Начнем с того, что у нас, по Ленину, государство – это аппарат насилия. Ленина уже давно нет. Нет и той свободе-, человеко- и украиноненавистнического государства. Но аппарат насилия нет-нет, да и применяется чиновниками высшего и высочайшего

государственного уровня. Ясно, что такое применение юридически бездоказательное, а потому и безнаказанное. Поэтому дожило и до наших времен. Примеры?

Дело Гонгадзе, автокатастрофа с Вячеславом Чорноволом, запугивания депутата Ельяшкевича или избиение журналиста Подольского, исчезновение руховского активиста Бойко, самоубийства министров Кравченко и Кирпы. Все эти события имеют устойчивые и явные признаки спецопераций. Если бы у нас в Украине действительно имела независимая правовая и судебная система, то в таком случае по этим событиям и фактам проводились бы официальные независимые расследования. Однако, поскольку исполнительная власть имеет рычаги влияния на эту, якобы независимую ветвь власти, то следствие или не проводят, или же проводят так, как хочется определенным лицам, облеченным властью.

Так что же за тайны раскрыты в этой книге? А никаких тайн! Всё, о чем я пишу, вы легко сможете найти в зарубежных и отечественных детективах, соответствующей ОТКРЫТОЙ литературе отраслевого или ведомственного назначения, не говоря уже об интернете. Там в открытом доступе есть ВСЁ не только о КГБ, но и о современных действующих спецслужбах всех стран мира. И если шпики или их начальство «дало маху» и что-то тайное «прошляпили», то оно тут же открывается в интернете. Такой закон жанра, такие условия игры: «Что с воза упало... — никто не виноват», потому что охрана государственных тайн это дело государственных служащих, а не отставных борзописцев и голодных журналистов.

Охраняемыми «тайны» стали лишь тогда, когда коммунистический тоталитарный режим стал широко применять вне- и противозаконные возможности спецслужб и подчиненных ему вооруженных сил для усмирения народа, для репрессий, запугивания, депортаций, голодоморов, выборочного уничтожения представителей оппозиции, неугодных, непокорных и сочувствующих. К примеру, победу над вооруженным украинским «буржуазно-националистическим» сопротивлением сталинизм одержал после физического уничтожения ОУНовских лидеров, а также после депортации в отдаленные и малозаселенные районы СССР более чем 1,5 млн. лиц западноукраинского населения (1944-1950 гг.), поддерживавших или сочувствовавших повстанцам.

Это была война, которую вела советская власть против украинского народа. Война на усмирение, о чем современный официальный учебник истории умалчивает. И это уже преступление власти нынешней.

Усмирять и удерживать в повиновении значительную часть населения большой страны можно было только силой. Силой тайной, коварной, всеобъемлющей, от которой невозможно было защититься или спрятаться, которую невозможно было игнорировать. Инструментом спецслужб были не только агенты или оперативно-технические средства. Таким инструментом была сама власть, начиная с любого сельского совета, парткомитетов всех уровней, с неприметной ячейки управления предприятием или его подразделением, на эту задачу работали даже управдомы и жилые конторы. Спецслужбы являлись неким внесудебным органом отмеривания и распределения наказаний, и судебная ветвь была только одним из многочисленных принудительных и карательных средств.

Всё это беззаконие и внесудебную вакханалию советская власть прятала от человеческого глаза не потому что кому-то было стыдно (какой стыд, господа!), а для того чтобы ничто не мешало проводить массовое промывание мозгов. Ведь необходимо было воспитывать покорённых в рабском и верно-подданническом духе. Нужно было как-то доказывать цивилизованному человечеству свою причастность к цивилизации. Любая власть воспитывает ту часть общества, на которую может опереться, которой может доверять, из числа которой может рекрутировать для реализации своих планов миллионы исполнителей, сторонников и сочувствующих. Надо сказать, что с этой задачей российская имперская и советская власть успешно справлялась. Тому доказательство и то, что я сам был в своё время в этих рядах, чем в известной степени даже гордился.

Однако так долго продолжаться не могло. Это было состояние «неустойчивого равновесия», нарушение которого могло быть фатальным как для власть имущих (носителей преступной идеологии), так и для большого народа могущественной страны, претендующей на мировое лидерство. Об этом власть знала. Знала не только она, знали думающие, честные и талантливые представители покорённых народов. Об этом откровенно говорилось во всех многочисленных школах партийного, комсомольского и агитационного активистов. Это являлось основным

предметом, изучавшимся в спецшколах не только спецслужб, но и органов правопорядка или даже вооруженных сил. Нас приучали быть бдительными и выявлять врагов или тех, кто потенциально может стать врагом или по незнанию помочь врагу. Разговоры про «мировой империализм» и об «угрозе ядерного нападения» на нас тоже влияли, но не настолько. Главными всегда были враги внутренние.

Основным предметом подготовки контрразведчиков в наших чекистских вузах («осиных гнездах») была все-таки не разведка или контрразведка, а «защита социалистического общества от идеологической диверсии». К «идеологическим диверсантам» причисляли не только всех, кто не с нами, но и тех, кто не такой: не верноподданный русский, не коммунист-комсомолец-пионер, не советский патриот или не патриот социалистического Отечества (ключевое слово «социалистический»).

Если вдруг заявишь, что ты советский, но Украина для тебя роднее, милее и главнее, чем Россия – ты враг. Если ты усомнишься в правильности и истинности идей коммунизма-большевизма-социализма и их апологетов – ты враг. Если будешь задавать вопросы об эффективности и правильности советского общественного строя, его идеологии или способе хозяйствования – ты враг.

Если ты ищешь и находишь возможности реализации научных, технических или гуманитарных достижений пусть даже самого высочайшего мирового уровня не в СССР – ты враг! «Верноподданный империи» все свои достижения должен приобщать к сокровищам «нашей социалистической Родины». Изобретение, открытие или достижение при «совке» могло использоваться только «во благо» советской власти, иначе ты предатель и опять-таки, враг...

И конкретных примеров тому великое множество.

Тренироваться и набивать руку в борьбе с «врагами» мы учились по учебному делу оперативной разработки «Пров». Все, кто был в свое время причастен к КГБ (а возможно, и сейчас к СБУ – об этом, если честно, мне неизвестно), дело «Пров» знают как верные Библию. Сначала им зачитывались, как супердетективом, потом его тщательно изучали и зубрили, затем анализировали и моделировали на практических занятиях. Дело изучалась, пока его не начинали тихо ненавидеть. Но уже после

окончания спецшкол, когда «тасовать» человеческие судьбы нам приходилось лично, его забывали. Забывали, чтобы помнить отдельные фрагменты, чтобы уметь автоматически определять необходимость применения в своей деятельности тех или иных «острых контрразведывательных мероприятий».

Итак, что такое учебное дело «Пров»? Это совершенно секретный учебник, в котором описано настоящее дело оперативной разработки реального шпиона, агента вражеских спецслужб Олега Пеньковського. Дело стало учебным именно потому, что в ходе его оперативной разработки, то есть в ходе активного сбора доказательной базы его преступления негласным путем, контрразведывательными органами КГБ были применены и проведен весь известный чекистской науке комплекс острых мероприятий: агентура, подглядывание (фото- и кинофиксация его действий), подслушивание уличных разговоров с помощью слуховых пушек и прослушивание разговоров в офисе, перехват его телефонных переговоров как дома, так и на работе, перлюстрация почтовых отправок и корреспонденции, негласное автомобильное сопровождение, физическое наблюдение, выявление меток, закладок, неоднократные негласные обыски его автомашины, помещений, как дома, так и на службе... И главный нюанс был в том, что был Олег Пеньковський не кем-нибудь, а полковником Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР.

Почему «Пров»? Сокращенно-зашифровано на русском – «проверяемый». Уже проводя санкционированную генералами оперативную проверку, объекту долгое время не давали псевдоним, потому что не верили в его измену.

Я не буду касаться сути самого дела. Оно блестяще описано еще одним «шпионом», писателем Виктором Суворовым в книге «Кузькина мать» (кстати, рекомендую). Автор предлагает достаточно оригинальную версию «измены» советского боевого офицера-фронтовика. Олег Пеньковський, по утверждению Суворова, вступил в контакт с разведслужбами вероятного противника, выполняя прямые задачи заместителя министра обороны СССР маршала Сергея Бирюзова и руководителя советской военной разведки генерала Ивана Серова. Именно так высшие руководители советских вооруженных сил могли убедить военное и политическое руководство США и НАТО в неадекватности высшего советского руководства (Хрущева и компании),

слабости и небоеспособности военного потенциала СССР и тем самым не допустить нанесение превентивного ядерного удара по Советскому Союзу.

Версия интресная, что и сказать, и она (как и все у Виктора Суворова) снова попала в яблочко. В то яблочко, к которому я в свое время прикоснулся лично.

Зная учебное дело «Пров» (а вот бывший советский военный разведчик Владимир Резун, он же писатель Виктор Суворов, о нем и не догадывался), я помню описание в учебнике уровня секретной информации, которую передавал Пров-Пеньковський американцам. Это были химические формулы и количественные показатели наполнителей и добавок в топливо советских ракет, а также карты с метками дислокаций практически всех наступательных боевых ракетных соединений Советской армии и армий стран Варшавского договора. А еще это были копии распоряжений советского правительства и приказов силовых министров. Как-то тогда, нам, слушателям-лейтенантам, было все ясно и понятно. Вот он, предатель, сдал всё, что мог.

Однако когда мы сами начали уютить свои «участки работы», то оказалось, что добыть нужную информацию не так-то просто. Это только в детективах, сказках-прибаутках и в учебных делах все пазлы сами собой складываются в единую и ясную картинку, а в жизни так не бывает. Добыть информацию, которую хочешь достать – дело одно. Другое дело – добыть ту информацию, которую охраняешь. Извините, но я сам, офицер-оперативник столичного управления КГБ о чернобыльской трагедии от своего командования официально узнал... дней через пять-шесть после случившегося. Никто из руководства не додумался проинформировать нас, считалось, что информации и так достаточно. А оказалось, что подавляющее большинство офицеров управления, непосредственно не задействованных в аварийных мероприятиях, «выпали» из информационного поля своего управления и потом выкручивались, кто как мог. Это уже позже наш генерал свалит свой «ляп» на секретаря парткома.

Итак, чужое можно ещё как-то украсть, а вот о своём без санкций и разрешений можно узнать только случайно. Целенаправленно добыть информацию своего ведомства – слишком проблематично. А то и невозможно, если эта информация закрыта (секретная «С» или совершенно секретная «СС»), особенно важна («ОВ», это генеральский уровень) или помечена как

«особая папка». «ОП» – высший уровень государственной тайны, к которой допущены только президенты, премьеры и приближенные лица.

Поэтому уже позже у меня и возник вопрос: а откуда в карманах у обычного полковника, пусть даже шпиона такого ранга, завалялись копии постановлений правительства? А карты дислокаций пусковых столов ракетных дивизий? Это же не его профиль. Его шпионский профиль – это пароли, адреса, явки, псевдонимы и имена агентуры, ключи от сейфов-квартир-автомобилей и пистолеты-кастет-презервативы... Да, в его карманах могут заваляться карты дислокаций стартовых площадок ракет, аэродромов и военных баз... Но не свои, а армий вероятного противника. Могут быть и копии постановлений правительства. Могут. Только правительства должны быть чужие, пусть даже и дружественные. Но отнюдь не своё.

Олег Пеньковський не мог быть агентом-одиночкой, как его представляло цитируемое мною учебное дело. Объект дела оперативной разработки «Пров» был не «агентом-кротом», а «агентом-связником», таким передающим или связующим звеном между кем-то неизвестным, информированным и влиятельным в Москве и разведцентром страны противника. Этот кто-то не фигурировал ни в учебном деле, ни, в своё время, в советском суде. Этот кто-то надолго, на десятилетия выпал из истории, чтобы воскреснуть в книге Виктора Суворова.

Почему до этой мысли мы, такие умные и любознательные, не додумались тогда? А потому что предметом изучения был собственно не «Пров», а многочисленные и разнообразные острые мероприятия, подготовка, организация и проведение которых касалась нас, будущих их инициаторов и исполнителей. Мы изучали другое.

Главное беззаконие спецслужб, о котором ни прокуратура, ни суд, ни общественность, ни СМИ и не подозревают – это острые мероприятия и спецоперации в арсенале оперативных подразделений спецслужб.

Вот, например, оперативно-техническое мероприятие «Т», или «Татьяна». Это видеофиксация. Она может быть фото-, может кино-, а может и просто, для физического наблюдения под протокол, журнал или и без него – как скажет начальство.

Например, надо провести «Татьяну» определенной квартиры. Отсюда задача: срочно надо организовать наблюдательный

пункт в соседней квартире (комнате), имеющей с означенной общую стену. Как организовать его, а еще и залегендрить там своё присутствие – целое дело. Им занимается конкретный офицер или целый отдел, и план действий по нему утверждает-ся руководителем в ранге не ниже полковника.

Другой вопрос – это способ наблюдения. Можно с помощью системы зеркал (это целое искусство их установить, защитить от обнаружения, убрать после использования). Можно через отверстие в стене, которое должно быть незаметно для объекта и его окружения и должно быть сделано незаметно, беззвучно, без следов и без последствий (желательно). Отсюда инструмент – специальное сверхтонкое и сверхпрочное сверло и дрель, достижение отечественной науки и техники, возможно, изготовленное в единственном на весь Союз экземпляре. Дальше – больше. Нужно обеспечить установление соответствующей миниатюрной камеры, а для этого нужны соединительные провода, батареи или блоки питания, необходимо обслуживание, установка фокусов, замена плёнки, кассет и т.д., их перевозка, расшифровка. Затем всё это хозяйство нужно так же незаметно для объекта и окружающих демонтировать, вынести, замести следы и при этом, в результате, все заинтересованные лица должны быть уверены, что спецслужбами здесь и не пахнет.

А сколько раз бывало, что работа сделана, всё подготовлено, отлажено и выверено, а объект на подготовленном месте не появляется. А значит, вся работа выполнена напрасно.

Или, опять-таки, например, оперативно-техническое мероприятие «С», или «Сергей». Это аудиофиксация. Бывает с записью на магнитофон или... Прошу прощения, магнитофон в то время был вершиной инженерной мысли, ничего другого еще планировалось. Впрочем, уже имелись слуховые пушки, позволявшие слушать на улице с расстояния 30-40 метров, но опять же, не гарантировано. Лучше обстояло дело с «жучками» в помещениях или с «жучками» на одежде или в личных вещах объекта. Однако их кто-то должен был тайно ставить, обслуживать, а потом так же тайно и незаметно для окружающих изымать. Правда, уже тогда центральный аппарат московского центра пользовался приборами, снимающими вибрацию с оконного стекла и воспроизводящими разговор или звуки в комнате. Говорят, что защититься от этого можно было просто открыв фор-

точку. Однако в одном из фильмов уже перестроечной поры показана работа устройства, успешно функционировавшего именно при открытой форточке. Можно было бы все свалить на непрофессионализм постановщиков фильма, если бы в его титрах не значился как консультант некий генерал Иванов. Кто скрывался под этой фамилией, была ли она настоящей, или это псевдоним – неизвестно. Однако наличие консультанта с генеральским званием (а это, по-моему, единственное чему можно верить) говорит о профессионализме и достоверности показанных фактов. Рядовой зритель, как правило, не обращает внимания на такие мелочи, как, например, на то, что консультантом фильма «Семнадцать мгновений весны» был некто генерал-полковник Днепров. Под этой фамилией стыдливо прятался тогдашний замглавы КГБ СССР генерал армии Семен Цвигун. Сами понимаете, к его замечаниям режиссер фильма Татьяна Лиознова внимательно прислушивалась не потому, что боялась его тайной власти, а потому, что знала: в данном случае бывалый конь борозды не испортит.

Наши ОУшники откровенно завидовали «коллегам» из иностранных разведок, которые свои средства слежения не забирала, а оставляли на произвол судьбы – им было не жалко. Ну и что с того, что когда-то их найдут, подумаешь... Мы же, советские, из-за своей бедности и скупости, вынуждены были организовывать целые оперативные мероприятия с участием десятков исполнителей для снятия и возврата уже использованных технических средств. Иногда доходило до маразма с идиотизмом. Когда не удавалось демонтировать устройство оперативного контроля тайно, тогда приходили с милицией (или со «своими», одетым в форму милиционеров) и нагло изымали техсредства. А чтобы не попало от начальства, заставляли объект подписывать ещё и расписку «о неразглашении».

А еще есть такое острое мероприятие «Д», «Дмитрий». Это негласный обыск. Если негласный, следовательно, без изъятий. Просто надо выявить, есть ли здесь что-то и что именно. Иногда нужно ЭТО удалить (украсть), иногда наоборот, подложить, подбросить, чтобы потом найти с понятиями, зафиксировать в протоколе с подписью прокурора для решения суда. Поэтому надо подготовить, исключить лишних фигурантов, в том числе собак, попугаев и котов, которые могут выскочить (или вскочить), когда туда входят или выходят «наши». А для того чтобы войти, надо

не забыть ключи (украсть, сделать дубликат, отмычку, или нагло взломать замки или двери, имитируя ограбление). Это надо сделать, не оставив следов и обнаружив метки, которые потом все нужно вернуть на место. Метки ставят в своих «кублах» бывалые криминальные авторитеты или специально обученные и натренированные агенты – это волосы на замковых щелях, нити на дверных косяках и т.д.

В арсенале спецслужб был и «полиграф». Да, да, это не вымысел. Устройство, которое отделяет правдивые ответы от попыток обмана. Это было ещё во времена совка и действовало эффективно. Мы, районные оперативники его, безусловно, не применяли, но это не говорит, что этот прибор не использовал Центр против тех, кого власть считала реальной угрозой.

А ещё были, правда, опять же, не в нашем районе, таблетки, нейтрализующие алкоголь. Или микстуры, расслабляющие человеческий организм до фазы глубокого сна. Где-то у боевых офицеров отдела активных разработок (так называлось во время моей службы самое засекреченное подразделение КГБ) на вооружении было оружие, стреляющее ампулами с ядом или сильными транквилизаторами, способными моментально вызвать апатию, ступор или паралич. Ну а если ошиблись – промахнулись – недосмотрели, мог случиться и передоз, а то и смерть.

Уже тогда шли разговоры об успешном испытании бесконтактного генератора высокочастотного излучения направленного действия, который имел такие же возможности, как и таблетки или уколы транквилизатора (т.е. мгновенно парализовал волю или вводил человека в состояние ступора). Представляете себе, бесконтактно, то есть, на расстоянии. Например, из автомобиля, едущего вслед за тем, которым управляете вы. Если тогда его испытали, то можно предположить, что двадцать лет спустя (то есть сегодня) его могли применить для ликвидации Вячеслава Черновола или председателя Укрспецэкспорта (единственная украинская «лавка», торгующая танками, самолётами и ракетами) Валерия Малева.

Прошу внимания! Я ничего не утверждаю, просто размышляю на заданную тему. Можете говорить, что меня «занесло», не обижусь.

Ну, а если мы уже заговорили о кино, то давайте пофантазируем дальше. В одном из современных американских кинема-

тографических триллеров показано, как спецслужбы отслеживают местонахождение подозреваемого с точностью до нескольких метров, фиксируя сигнал его мобильного телефона. Если сравнить увиденное с рассказом одного моего знакомого, реального действующего шпиона (а у меня имеется такой), который проговорился о том, что даже отключенный мобильный телефон отслеживается, то вывод напрашивается сам.

Уже тогда на вооружении спецслужб были технические разработки, позволявшие для прослушивания использовать обычный телефонный аппарат, стоящий в любой квартире или офисе в режиме ожидания. Даже если телефонная трубка лежала на клавишах аппарата, можно было с телефонной станции подключиться к микрофону и слушать. Это было уже тогда. А кто может гарантировать, что сегодня таким образом нельзя использовать вашу мобилку?

А коль мы уже заговорили про мобилки и компьютеры, то надо сказать, что сейчас у спецслужб развязаны руки. Ведь уже не нужно рисковать, договариваясь с начальником узла связи, главным инженером и вездесущей «несознательной» обслугой о несанкционированном подключении к телефонным проводам, кроссам, реле и контактам. Разворачивай станцию прослушивания (легко приобретаемую через интернет – были бы деньги) в любом месте, где есть надёжное покрытие сетью интересующего тебя мобильного оператора, и ничего не бойся. Перлюстрация электронной почты, персональных страниц в социальных сетях или содержания СМСок и ММСок не просто реально, но и в сотни раз дешевле телефонных разговоров.

Я не хочу вспоминать Эдварда Сноудена. Он вел речь о прослушивании американскими спецслужбами ЗАКРЫТЫХ, ЗАЩИЩЕННЫХ и зашифрованных линий связи. Мы же с вами открыты всем ветрам. Как «серому» защититься?

Хотя, чего волноваться. Успокойтесь и не отчаивайтесь хотя бы потому, что спецслужбами перехватывается такой массив информации, что в его потоке просто нереально отследить и выделить какой-то ваш личный грешок. И наконец, ищут же не вас, а тех, кто им интересен или на кого уже есть сигнал. Ну, а если уже ищут и слушают вас, то выход очень прост: избавьтесь в быту от электроники, а также от кофемолки, утюга, пылесоса и прочих бытовых приборов. Не забудьте также отключить аккумулятор своей мобилки – вот теперь пусть попотеют.

Но давайте вернёмся в благословенные времена позднего застоя.

О волшебных возможностях спецслужб мы, хозяева деревенской жизни, любили посплетничать, потому что в то время ничего такого у нас не было. А если вдруг что-то такое было нужно позарез, приезжали «чужие дяди» и сами всё делали. Наша роль заключалась в обеспечении, легендировании, прикрытии и организации отвлекающих мероприятий. Правда, последующие пять или десять лет эта тема была главной в разговорах «за жизнь».

Острые мероприятия – это простор для творчества, фантазии, это адреналин, азарт, торжество или отчаяние. А еще это – наш боевой результат, награды, звездочки, гордость и тщеславие, а также реальные сроки заключения, публичные покаяния или, наоборот, непубличные и бесследные исчезновения, самоубийства, «несчастные случаи» или внезапные убийства объектов, попавших под тяжелую руку советской контрразведки.

Было такое и в моей практике. Как-то прямо на згуровской улице случайно без подготовки встречаю припаркованную и упакованную под завязку «Сканию» итальянских грузоперевозчиков. Кругом никого, кроме молоденького милицейского сержанта. Его, как оказалось, оставили сторожить иностранную машину. Боже, какой фарт, это же можно сейчас, одним махом чем-то поживиться, ведь оперативная разработка «Дальнобойщик», которую вело наше областное управление, в самом разгаре, а разработчик, мой товарищ, капитан Володя Павловский, захлебнётся от зависти и определённо будет доволен любым результатом. Я ему, сержанту, под нос свою крутую ксиву-удостоверение, а он мне в лицо... дуло своего пистолета.

Я ему: «Согну в бараний рог, погоны сорву», а он: «Товарищ капитан, извините, я при исполнении...». Ну, не драться же нам на пистолетах посреди Згуровки? Тогда мобилок не было, пока добрался до его начальства... Оказалось, что можно было и не добираться. И в бараний рог не согнул, и погоны не сорвал, а извинился и даже похвалил.

Итак, для проведения острых оперативно-технических мероприятий необходимо иметь объект дела оперативного учета. В те прекрасные времена второй половины восьмидесятых сельские районы иногда имели несколько объектов. Наше ново-

сформированное райотделение в городке Згуровка с момента своего создания и до моего отъезда в другое подразделение (почти два года) дел оперативного учета не вело, а поэтому не имело и объектов.

Острое мероприятие – это, во-первых, определение необходимости его проведения, во-вторых, представление мотивированного рапорта самому генералу, мол, есть враги, надо их зафиксировать (задокументировать). Тогда, уже с генеральской санкцией направляемся в соответствующую вспомогательную службу и выясняем, что у них нет средств (бензина, масла, аккумуляторов), или в ремонте основное устройство слежения (специальный фото- или киноаппарат, магнитофон или микрофон), или же люди в командировке (в отпуске, в декрете, на больничном). Если всё есть, оказывается, существует очередь, потому что именно такое же острое мероприятие проводит подразделение центрального аппарата или резвая команда оперов из соседнего района, потому что к ним, видите ли, припёрся объект главка из самой Москвы и его разработка производится вне очереди.

Именно по этой причине у нас не было никаких формальных оснований для проведения любой оперативной разработки с привлечением вспомогательных служб, способных профессионально провести оперативно-техническое мероприятие контроля или фиксации преступления или его признаков. Свои «масштабные» расследования мы проводили только и исключительно с помощью своей родной агентуры. И ничего, знаете. Иногда получалось так, что дух захватывало у тех же оперов центрального аппарата с ОТУшниками.

Собственно, подобная ситуация, как мне иногда рассказывают бывшие коллеги, сохраняется и сейчас в нашей СБУ. Только заявки на проведение острых мероприятий от Управления Государственной охраны при Президенте Украины, то есть современной «девятки», выполняются без очереди. Говорят, что даже сам первый зампреда Службы скромно дожидается, чтобы дать санкцию на ведение какого-то нью-йоркского, мюнхенского или иерусалимско-питерского. О СБУ вообще рассказывают такое, о чем мы в тогдашнем КГБ и не представляли. Вот послушайте.

Соответствующий, то есть профильный генерал дает по спецсвязи начальнику отделения безопасности на международном

транспортном узле устную команду провести вне таможенного контроля такого-то человека с небольшим чемоданчиком. Начальник отделения слушается, инструктирует своего опера и ставит его в работу. Но фокус в том, что сейчас не те времена. Таможенники СБУшников уже не боятся, а потому цепляются, проверяют человека и... Ого! Обнаруживают в его небольшом чемодане ну очень большую, как для этого чемодана, контрабанду. Заканчивается всё это настоящим арестом и человека, и... опера. Про «человечка», то есть насчёт его дальнейшей судьбы, не знаю ничего. Может, до сих пор сидит, а может, как у нас сейчас часто бывает, отпустили по звонку или же откупился. А вот опера... Уволили с должности и со службы, как говорится, без выходного пособия. И никто не вступился. Пусть ещё скажет спасибо, что не посадили. А могли бы...

О том, что скромно оплачиваемые оперативники украинской спецслужбы воруют агентурные дела и дела оперативного учёта на продажу, я уже упоминал ранее. И это, к сожалению, уже не редкость.

Мои сослуживцы, дослужившиеся в СБУ до нынешних времен, тоже рассказывают чудеса. Рассказывают, правда, на ушко, чтобы информационную утечку нельзя было отследить и раскрыть рассказчика. Так один, уже почтенный полковник, офицер действующего резерва солидного министерства, как-то рассказывал, что в «оранжевом» 2004-м в связи со служебной необходимостью знакомился с первичным протоколом осмотра места происшествия самоубийства одного из министров. Застрелился, бедняга. Так вот, в этом протоколе фигурировало 12 (двенадцать) пулевых ранений. Бывает же такое.

Или вот еще один однокашник. Сегодня он генерал, начальник управления. Тоже плакался, что несколько лет назад лично жёг в специально для этого предназначенной печке многотомное дело на одного очень удачливого в последнее время и известного в стране олигарха. Так вот, в этом деле фигурировало 54 (пятьдесят четыре) кончины насильственным путем различных причастных к делу лиц.

– А как же следствие, прокуроры?! – заикнулся было я.

– Ну, ты, дружище, видимо, совсем на гражданке классность потерял, – рассмеялся однокашник, – дело ведь не уголовное, а оперативного учёта. А такие, как ты должен помнить, прокурорам не показывают.

А ещё в моей практике районного опера был один единственный случай перехвата телефонных переговоров объекта. Тогда у нас в райцентре имелся объект – немецкий специалист, работавший на одном из наших предприятий. Если иностранец, значит шпион, хотя дело было в том, что немецкие специалисты пытались запустить приобретенное нами зарубежное оборудование, а оно не хотело работать, все нервничали, мы всех подзревали... Дело кончилось пшиком и мы не доказали ничью вину по причине закрытия этого дела, потому что все имевшиеся в районе оперативные силы и средства были переброшены на пакостных руховцев. Я лично дело не вёл, был на подхвате, встречал, легендировал и селил в гостинице работницу ОТУ, присланную для организации прослушивания. А еще лично договаривался с начальником райузла связи и с его главным инженером о выделении возможности для подключения ОТУшников со своей аппаратурой к линии связи, которой пользовались немцы в переговорах с Германией. Помню, как возил магнитофонные кассеты для их расшифровки и перевода с немецкого в центральный офис киевского ОТУ. А еще помню, что цена прослушивания одного часа телефонных переговоров стоила аж (!) 400 (четыреста) советских рублей.

К чему это я? А к тому, что сейчас, как оказалось, все заслуженные руховцы стали бывшими объектами КГБ, всех «прослушивали», «преследовали», всем «создавали преграды», всех «травили», «душили» и не давали жить.

Уважаемые господа, я не хочу уменьшать ваши заслуги в деле обретения Украиной государственной независимости, но не делайте из тогдашнего КГБ всесильной «инквизиции». Да, он таковым задумывался, таким организовывался. Мало того, иногда Комитет таким и был, а именно – подлым, сатанинским и человеконенавистническим. Иногда, и даже довольно часто, результатом деятельности комитетчиков были убийства и смерть преследуемых, их болезни, расстройства психики, специально организованные жизненные и семейные неурядицы. Но в тот исторический момент, то есть, в конце восьмидесятых на дворе стояла совсем другая эпоха. На момент развала совка КГБ страдал импотенцией по причине пребывания в нем критического, как для тоталитарной спецслужбы, количества морализирующих интеллигентов, среди которых находился и ваш покорный слуга.

Хотя в специально организованную смерть поэта Василия Стуса мы, оперативники Киевщины, откровенно не верили. Нам казалось, что мы (советская спецслужба) на такое не способны, что это – очередная «клевета».

Однажды, сразу после Чернобыльской катастрофы, наше киевское управление стало объектом комплексной проверки со стороны главной московской инспекции КГБ СССР, а нас, оперов районного отделения, проверял московский полковник по фамилии Сергеев. Знаете, что такое комплексная проверка? Сначала экзамен на знание основных и вспомогательных приказов, действующих разработок-ориентировок-инструктажей. Затем следует: «Ключи от сейфов на стол – и идите, покурите». А потом мы заходим и даём объяснения, скажем, на справку, написанную полгода или год назад. Или отвечаем на вопрос, почему три месяца назад мы не провели обучение агента по определённой в приказе теме?

– А где письменные отметки об инструктажах агентов по розыску такого-то? Вы инструктировали и не сделали запись? Тогда мы проведем вместе с вами контрольную встречу с вашим агентом и спросим его, получал ли он тогда тот или иной инструктаж!

Сами понимаете, что до конца комплексной проверки полковник с каждым из нас был уже почти на «ты». Проверка отделения, как и всякая проверка, заканчивалась в местном ресторане, где Сергеева, как говорится, понесло. Оказывается, он был основным разработчиком самого... Высоцкого. Да, да, того самого Владимира Высоцкого, артиста «Таганки», песенника и поэта. Мы разинули рты и не дышали. Для нас тогда Высоцкий был даже не кумиром, он был божеством, и вдруг...

Заговорил Сергеев. Что он рассказывал? Ничего особенного. Его рассказ потом чудесным образом совпал с содержанием книги Марины Влади «Владимир или Прерванный полёт». Книга оказалась для нас, поклонников его творчества, холодным душем, потому что была правдой. А правда была в том, что знаменитый артист был слабым человеком со своими недостатками, страхами, зависимостями и ошибками. Кто захочет – тот книгу прочитает, но тогда ЭТО мы услышали впервые и были изрядно возмущены.

А еще Сергеев рассказывал об оперативных комбинациях с острыми мероприятиями по делу Высоцкого. Возможно, в архиве ФСБ или в личных архивах его уважаемых ветеранов до сих пор хранятся «записи с Высоцким». Нет, не с песнями, а с его покашливаниями-матами, пикантным звуковым рядом любви с женщинами, или, прошу прощения, посещения туалета. Полученные результаты отнюдь не тянули на «шпионскую» или «антисоветскую» деятельность, а свидетельствовали об элементарной безответственности представителя творческой богемы, непризнанного, гонимого и несчастного творца, кумира миллионов. Силы, а главное немаленькие средства были потрачены на порчу крови артисту по прихоти какого-то высокомерного и злопамятного чиновника, употребившего свою власть не к месту. И кто был в этом деле крайний? Конечно КГБ.

Пока я верно служил, бегая по своему району за очередным дерзким рухвцем, нестыковки дела «Пров» меня беспокоили мало. Вернуться к нему пришлось уже в конце моей службы, в Борисполе. Городок, как я уже писал, уникален тем, что здесь на пятьдесят тысяч населения сидит семь серьезных подразделений специальных служб, занимающихся агентурно-оперативной деятельностью. Перечислим их еще раз: районная милиция и районная безопасность, аэропортовская милиция и такая же безопасность, оперслужба аэропортовских пограничников, особый отдел местной воинской части и, наконец, военная разведка той же воинской части. И всем необходимы резиденты, конспиративные и явочные квартиры, явочные места и десятки агентов для поиска, для проверки, для прикрытия, для разработки, для работы... И для «галочки» тоже надо. Что-что, а для «галочки» надо всем и обязательно. Ещё раз повторюсь, агента используют один раз. Бывает, что используют повторно или одновременно. Такое в моей практике тоже бывало. Однако всё же эти случаи являются, скорее исключением, чем правилом. И надо же было такому случиться, что именно в моей карьере случилась такая досадная накладка.

Итак, уже в Борисполе планово ищу явочную квартиру. Явочная – это обычная оплачиваемая нами квартира с лояльным к нам хозяином для встреч опера с агентурой.

Подобрал несколько кандидатур, проверил их через все доступные мне оперативно-справочные картотеки и информационные массивы. Всех агентов-резидентов-содержателей явочных квартир нашего подразделения знает наш начальник, поэтому с ним советуюсь с первым. Если он дает добро – значит кандидатура чистая. Когда вдруг попадаешь на архивную «кавычку», («в кавычках», то есть имеет псевдоним – так мы называли «подсобный агентурный аппарат»), архив выдавал его номер, и можно было запросить дело для ознакомления. Случалось, что дело поднимали из архива, выходили на контакт с агентом и снова использовали. Когда встречались «кавычки» действующие (не нашего подразделения), то ставили в известность не меня, а владельца «кавычки», то есть действующего опера: мол, вашим агентом (резидентом-содержателем) интересуется такой-то сотрудник такого-то подразделения. Тогда звонили по спецсвязи мне (вернее, моему начальству) и кричали: «И какого чёрта?». Когда же попадали на «кавычки» милицейские, то нам так и сообщали: вы интересуетесь агентом отдела уголовного розыска (или БХСС) такого-то подразделения внутренних дел, и мы уже сами решали, беспокоить милицейское начальство или можно обойтись и без этого.

Но на этот раз случилось иначе. Через несколько дней после рассылки запросов-«мотыльков» относительно моего кандидата на вербовку во все возможные информационные массивы, к зданию нашего райотдела, которое мы делили вместе с горрай-прокуратурой, подлетел «козлик» с чёрными военными номерами и дерзкий прапорщик-летун в военной форме с закатанными рукавами без галстука (верх наглости) «подкатил» ко мне, мол, давай выйдем, поговорим. Я оторопел, не понимая причины. Вспомнились школьные годы, юношеские мордобои, заняло под ложечкой и зачесались кулаки. В помещении из оперов никого, начальник тоже куда-то заваялся, только одна секретарша дремала над пишущей машинкой. Еще раз выглянул в окно: за рулем УАЗа «голубенький» солдатик Советской армии, а в тени брезентовой кабины два майора авиации, числившихся за разведуправлением воздушной армии, одна из воинских частей которой дислоцировалась в нашем городке. Успеваю позвонить нашей закрытой спецсвязью их особистам, они хотя бы коллеги-гэбисты, то есть свои, может что посоветуют, однако дежурный сержант ответил, мол, на месте никого, все «в поле».

Автоматически, по науке, хотя и неудобно, боюсь, бужу секретаршу: «Там ко мне приехали из военной разведки, я скоро». Знаю, она любознательная, будет подсматривать в окошко, в пиковом случае ударит в колокола. Выхожу во дворик – меня приглашают в машину. Колеблюсь, заглядываю внутрь... а там уже наливают в гранёный стакан что-то желто-коричневое, или коньяк, или «Старокиевскую»... Отлегло.

Помните «Старокиевскую»? Это «красная». А «белая» – это «Московская», «Столичная» и так называемый «Коленвал». Почему «коленвал»? Потому что слово «ВОДКА» на этикетке бутылки было напечатано прыгающими буквами, будто бы шейки коленвала. А еще непрозрачная водочка в бутылках без этикеток? Ну, неужели не помните? Самогоном называлась.

Не успел допить, как они поинтересовались: сколько налить, чтобы отстал от нашего агента? Предложение было настолько легким и непринужденным, что поперхнулся. Пока откашливался, закусывал лимончиком и приходил в себя, откупорили уже вторую бутылку невиданного ещё мною настоящего французского коньяка.

– Эй, ребята, стоп, стоп, не гоните, – взмолился я, – Дождитесь хотя бы моего начальника, ведь я простой опер. Такие вопросы хотя и в моей компетенции, однако, ответ дает только шеф. Да и разговоры о «кавычках» вести при прапорщиках и солдатах у нас не принято, – майоры-летчики дружно рассмеялись.

– Не бойсь, – похлопали по плечу, – главное договориться, а тайны надо беречь не от своих, а от врага.

«Наивные и счастливые, – подумал я, – военная разведка к агентуре на своей территории относится беспечно, как к своим. Они дома, даже в своей, советской военной форме, какие здесь могут быть секреты? Это там, «за бугром», они «гражданские», залегендированные, собраны и насторожены, рискуют, потому как знают, что провал – это долгий и настоящий тюремный срок в комфортабельной зарубежной буцегарне. И менять на таких же неудачников их никто не будет, времена не те. Чаще, правда, случалась обычная депортация, но это почти однозначная дисквалификация дома, потеря профессии, перспектив, а еще за это их просто выгоняют из армии без пенсии. Да и вообще, известно ли им о самом существовании многомиллионного института агентуры советской контрразведки. Откуда?»

Таким образом, я познакомился и подружился с настоящими разведчиками нашей зарубежной военной разведки, с ребятами, которые относились к нам как к своим, искренне не понимая самого явления под названием «жандармский гэбизм». Они хотя и остерегались нас, хотя и пытались где-то и что-то не досказать, не договорить, однако больше верили в то, что мы с ними на одной стороне. Я-то, даже чокаясь с ними, или обнимаясь, знал наверняка, что страна у нас с ними одна, а вот «стороны» разные, и остерегался – не столько их, сколько их искренней наивности, о которой так и не представилось случая их предупредить. Да и поняли бы они?

Летом 1990-го один из этих «голубых» майоров переводился для дальнейшего прохождения службы домой в Приволжский военный округ, где, как он шутил, уже не будет бороться с мафией, а сам станет ее уважаемым членом. Наша недолгая дружба, начавшаяся со служебного конфликта и переросшая в искреннюю дружбу, подходила к концу. Я, как офицер, занимавшийся «украинским буржуазным национализмом», на прощание подарил майору-разведчику украинскую вышиванку, отвечая на шутку, что если его место в мафии, то мое, пожалуй, среди украинских националистов. Растроганный таким неожиданным подарком, майор на несколько часов исчез и уже вечером объявился у меня дома с небольшим пакетом, перевязанным голубой лентой.

Это была англоязычная карта европейской части Советского Союза с пометками целей-мест ядерной бомбардировки. Эту карту похитили из НАТОвских архивов советские военные разведчики еще лет десять назад, то есть где-то в 1980-м. Эта карта в свое время наделала много шума, стала причиной, видимо, не до одного скандала и инфаркта, а всё потому, что никто сгоряча не «навел резкость» на конечную дату срока ее действия – 1959 год. Это была последняя карта агрессивных планов НАТО. После ареста Пеньковського в октябре 1962-го необходимость в Третьей мировой войне со стороны США и НАТО отпала. Советский Союз еще тужился, хорохорился и задирался, однако после Карибского кризиса 1963-го его военная мощь на американцев впечатления уже не производила. Они медленно, но уверенно доводили Холодную войну до чистой победы истощением скрипящей советской военной машины. Сначала космической гонкой, затем лунными проектами, за-

тем ангольскими, вьетнамскими, арабскими и другими военными конфликтами, чтобы уже в конце восьмидесятых добить СССР нокаутом в виде космической стратегической оборонной инициативы (так называемое СОИ). Этого СССР уже не выдержал. Ещё никто не верил в стратегический проигрыш и позорный развал великой страны и «агрессивная карта превентивной атомной бомбардировки» 30-летней давности ещё была эффективным доказательством нашего «миролюбия» и «правоты». И мы тогда в это искренне верили.

Эта похищенная карта была или забыта НАТОвскими стратегами в своих сейфах на долгие годы (что маловероятно) или же, наоборот, подброшена нашим шпикам их контрразведкой для того, чтобы поиздеваться над нами. Копии карты, изготовленные фотоспособом в собственной лаборатории в нужном количестве экземпляров, руководство разведуправления воздушной армии еще долго дарило всем своим друзьям-товарищам-знакомым, а также влиятельным лицам, начальству и наивным гражданским, чтобы поугасть их «суровой правдой Холодной войны». Она, видимо, до сих пор висит на стене кабинета начальника отделения СБУ в моем городке как напоминание нашим защитникам о тех несвободных, колониальных и зависимых временах, когда наши родные украинские города и села являлись частью красной «империи зла» и были настоящими целями возможного упреждающего ядерного удара.

ХУДОЖНИК-ВЕРХОЛАЗ

Не ошибусь, если скажу, что всем оперативным работникам Комитета госбезопасности УССР, в течение семидесятых-восьмидесятых годов несшим нелегкую службу по противодействию украинскому буржуазному национализму, не надо напрягать память, чтобы вспомнить ДРА (дело розыска анонима) «Художник-верхолаз».

Это была одна из самых масштабных операций, которую вел КГБ УССР в те годы. На это дело работали сотни офицеров-оперативников, аналитические подразделения, лучшие эксперты-криминалисты и психологи, тысячи агентов. Долгое время

это дело стояло на особом контроле КГБ СССР в Москве, ежемесячно о проделанной работе отчитывались Центру все областные управления КГБ Украинской ССР.

Двенадцать (!) лет напряженной работы были увенчаны неоспоримым признанием абсолютного поражения системы перед отчаянной и жертвенной любовью одного слабого человека к своей земле, к своему народу. К Украине.

Кто же он, такой, этот «Художник-верхолаз»?

Назовем его «Седой».

В семьдесят седьмом ему исполнилось тридцать. По призыву – художник, скульптор. Интересовался украинистикой, читал всё, что попадалось ему по этому поводу печатное и непечатное. Непечатное интереснее. Оно ужасает, пробуждает разум, поражает сознание.

Он ищет единомышленников, специалистов, находит и знакомится с ними. Открывает для себя мощный культурный национальный пласт, имеющий право на жизнь только за рубежом, а дома, на родной земле подвергающийся замалчиванию, клевете, извращению. Именно знакомство с произведениями Шевченко и Грабовского, Франко и Гринченко, Нечуя-Левицкого и Симоненко наталкивает на мысль о трагичности этой культуры. А сколько запрещённых имен, которые вспоминали только шёпотом: Грушевский, Винниченко, Багряный, Стус.

Он знает уже, что начало семидесятых в Киевском университете ознаменовалось жестокими репрессиями и преследованиями. За попытку осмысления своей культуры, распространения самых элементарных, базовых знаний о ней – десятки осужденных, сотни исключённых.

Не ведают посполитые, что это и есть результат чётко выполняемого, заранее продуманного плана, находящегося среди бумаг одного из толстых томов ДГОР (дело групповой оперативной разработки) «Блок». Целью масштабных оперативно-агентурных мероприятий по «Блоку» и является уничтожение почвы, на которой могли бы произрасти ростки национального сознания и украинского патриотизма. Санкцию на проведение «Блока» дает лично Щербицкий, о чём докладывает на очередном заседании московского политбюро.

Дело «Блок» является одним из пунктов еще более масштабного плана интернационализации, а если откровенно, русифика-

ции украинского народа. Вспомните, пятидесятилетние, именно этот промежуток времени ознаменовался переводом на «общепонятный» язык преподавания тысяч средних школ Украины, десятков вузов и университетов, а также запретом защищать на украинском языке кандидатские и докторские диссертации нефилологического профиля. Исчезли украиноязычные фильмы, кастрировано национальное телевидение и радио, наполовину уменьшились тиражи украиноязычной литературы и прессы. Даже вспомогательные школы для глухих, и те переводились на русский. На очередном съезде КПУ отчётный доклад читается на русском.

Протестующие автоматически становятся объектами ДГОР «Блок».

Украинцы запуганы, русским до лампочки – не своё, не болит. Одно слово – национализм. Массы боятся и молчат. Через несколько лет на свободу возвращаются первые осужденные по делу «Блок». Но не на волю, не в университеты, а в грузчики, сторожа и художники. И не в столицу, а на «сто первый» километр. Так и сошлись два художника «Седой» и «Чужой».

Долгие разговоры на кухне, вздохи под водочку, а на утро – снова тяжёлый поиск хлеба насущного. Какое-то время «Чужой» даже живет у «Седого» дома, всеми силами стараясь быть полезным его жене и детям.

Однако «Чужой» только «откинувшийся», то есть, недавно освобожденный из мест лишения свободы интеллигент-художник, пострадавший за радикально-национальный склад мышления. Он еще и объект ДОН (дело оперативного наблюдения – ведётся, как правило, территориальными подразделениями КГБ на тех, кто отбыл тюремное наказание и осужден по инициативе КГБ). А по ДОН операм надо работать: требуется постоянная информация, а значит и постоянный компетентный источник. А лучше источника, чем «Седой», и не придумаешь.

Сначала было санкционировано «случайное», но душевное знакомство «Седого» с опером. Одновременно несколько агентов всесторонне изучают художника: отношения в семье, на работе, увлечения, пристрастия, собираются сведения о малых грешках, которые можно после обработки превратить в страшное преступление. По этой простенькой схеме, старой, как мир, и поймался наш «Седой» в сети идеологической контрразведки.

Оказывается он, какой ужас, без оформления заказа нарисовал какому-то колхозу какого-то Ленина и взял деньги. После обработки компетентными органами грешок превратился в дело о получении взятки. Свидетели, вещественные доказательства – всё, как положено.

Забилось у виноватого в груди сердечко, заработал безумно мозг. И – спасительная память: опер! Почти друг! Может, спасёт? Скорее к нему.

Опер не спешил: «Прекращение дела – нарушение закона. Вот если бы вы нам помогли бороться против вражеских разведок...».

– О чем речь, я ведь патриот. Подписаться? Где?

Настоящим операм читать следующий отрезок моего рассказа неинтересно. Рутинная тяжелая работа по убеждению несознательного агента, что настоящий враг находится не за границей, а здесь, у нас, почти дома.

«Седой» сопротивляется. Фактически рубикон он уже перешел, однако, совесть ещё незапятнанная. И когда разговоры зашли о «Чужом» – заболел. Не дай Бог вам такой болезни, когда видишь выход только в петле. А дети, жена? Кто же их будет любить, и кто о них станет заботиться?

Решение пришло внезапно. Пришел желанный покой, уверенность в своих действиях. В действиях не предателя, но действиях воина.

За очередной рюмкой спровоцировал ссору с «Чужим» и выгнал его из дому. Затем в мастерскую, где нашел два куса ткани – желтой и голубой. Через некоторое время флаг готов. Осторожно его свернул и за пазуху, к сердцу. Затем бегом по холодным вечерним улицам. Вот вокзал, поезд. Под грохот колес в полутемном вагоне осматривал поздних пассажиров. Назвал бы его кто героем, если бы знал, куда и зачем он едет? Вряд ли. А может, это не они, может, это он чего-то не понимает?

Вот и Киев неприветливо затихает после трудового дня. Дождь, снег с опавшими листьями на мостовой. Но надо идти вперед. Кажется, эхо шагов приковывает к нему чужие взгляды, однако нет, это только страх.

Скорей, скорей. Наконец нужный дом на Крещатике (давно о нем думал). Вверх по лестнице, потому что лифт может привлечь внимание. Выше и выше. Ещё усилие – и он уже на

крыше. В лицо дождь, ветер, страх. Кровля взялась льдом, но он этого не замечает. Дрожащими руками ухватился за шпиль...

Пришёл в себя уже на улице. Посмотрел туда, где только что был. Верхние этажи только угадывались, а где-то там, на крыше, на шпилье – желто-голубой флаг. Его флаг. Сейчас его не видно, а завтра... Завтра все будут знать, что «еще не вмерла Украина».

Чтобы погасить возбуждение, идет пешком через парк. Вот и Днепр. «Седой» вышагивает по набережной. То, что он сделал, не успокоило его. Возбуждение не угасает.

В темноте наткнулся на какую-то будку ремонтников. Почему-то заглянул в нее – смола, старые сапоги, краска... Краска! Схватил банку и малярную щетку, которая была рядом и к Днепру. Небольшой парк опоясан бетонной стенкой, на удивление сухой в эту непогоду.

Слова сами пришли в голову. «Хай живе самостійна Україна».

Надпись растянулась метров на восемь. Банку с краской бросил тут же. Руки попытался вымыть снегом. К сожалению, его мало. К утру, пожалуй, совсем истает.

«Седой» бросился через набережную, вскочил в трамвай.

Наутро успокоился ветер, вышло из-за туч солнце и заглянуло в окно одного из кабинетов серого сооружения на Владимирской улице. Лучи упали на лист бумаги и просушили надпись: «Совершенно секретно. Постановление о заведении дела розыска анонима «Художник-верхолаз». Размашистая генеральская подпись: «санкционирую». Затем лист положили в новую плотную картонную папку и в описи документов зарегистрировали «стр. 1».

Далее сюда лягут документы о проведении различных экспертиз: почерка, отпечатков пальцев, химический анализ краски, ткани, определение мест их изготовления, предприятий поставщиков, психологический портрет объекта, предварительное его описание. Будут здесь и ориентировки всем подразделениям КГБ УССР по поиску лица, подпадающего под описание объекта. А еще будет здесь и приказ: все объекты по всем делам, которые были, есть и будут, необходимо «примерять» под «Художника-верхолаза».

Поступившие первоначальные данные были просчитаны в вычислительном центре, обработаны в аналитических подразделениях. Вывод: «Художник-верхолаз» не проявился.

На поиск объекта по специальному приказу было брошено главнейшее оружие комитета – агентуру. Тысячи агентов опрашивались по специально выработанному опроснику. Лучшие и самые преданные были привлечены к поиску с частичным раскрытием предмета события. Полные же сведения же о «преступлении» были засекречены.

Чтобы не навлечь на себя подозрение, «Седой», который тоже был опрошен на предмет поиска самого себя, начинает сотрудничать. Поначалу долго и нудно ищет город, в который выехал «Чужой». К его удивлению, за выполнение этой задачи он получает вознаграждение.

– Вот вам тридцать рублей за труд.

– Давайте лучше уже тридцать три.

– Если вам так сильно надо, то возьмите сорок, – не понимает иронии опер.

Далее «Седого» обязывают расширить свои знакомства с художниками, как в своем городке, так и в Киеве, и искать, искать, искать лицо, подходящее к соответствующему описанию. Его обязывают узнать, кто из художников знает о произошедшем событии, кто из них занимается альпинизмом, акробатикой, кто одобрительно отзывается об украинском буржуазном национализме, кто в тот день был в Киеве. При этом «Седой» ни в коем случае не должен стать для них источником информации об этом событии.

Шли годы. А сколько значимых событий происходило в тогдaшнем Союзе – Олимпиада-80, ее футбольный турнир в Киеве и... Афганистан, Московский фестиваль 1983-го, съезды КПСС, КПУ, комсомола, научные и культурные форумы, визиты зарубежных лидеров. На страже безопасности всех этих мероприятий стоит КГБ. На всех инструктажах по несению службы на одну доску с возможными террористами все те годы ставится и «Художник-верхолаз». Никакой террорист не разыскивался с таким остервенением. Мало того, наш герой для власти знаменует собой образец терроризма. Годами офицерам-оперативникам и агентуре прививается убеждение, что терроризм у нас может исходить только из украинского буржуазного национализма.

На этом тезисе воспитывается целое поколение офицеров. Им вдалбливается, и не без успеха, что любить Родину можно только искренне ненавидя украинство.

Да и сегодня попытка обратиться к объективному изучению таких фигур как Петлюра или Бандера расценивается как проявление воинствующего украинского национализма и антиросийской политики.

Страх и замкнутость становятся чертами «Седого», он пытается уйти в работу, поздно приходит домой, рано уходит, ограничивает свои отношения с друзьями и единомышленниками. Но как ты их ограничишь, когда началась перестройка. Сколько надежд, новостей, начинаний. Единомышленники собираются в Украинский культурологический клуб, заявляет о себе Украинский Хельсинский союз, возрождается хор «Гомін», общество «Громада».

Опер требует от «Седого» общаться с их участниками, изучать, информировать, противодействовать. Но «Седой» уже не тот, его слабый протест в дальнейшем только усиливается. А между тем факты пробуждения национального сознания вызвали и обратную реакцию спецслужб:

«Совершенно секретно. Активизировать работу по противодействию украинскому буржуазному национализму. Наличие у объектов идей самоопределения Украины рассматривать как отягчающее обстоятельство. К данному направлению служебной деятельности привлечь наиболее опытных работников. Даже если это будет происходить за счет ослабления работ на других участках. Вспомогательным подразделениям заявки Пятого управления, организующего работу по этой линии, выполнять немедленно».

«Совершенно секретно. Активизировать работу по поиску объекта «Художник-верхолаз». Многолетний безрезультатный поиск дает основания полагать, что объект находится внутри агентурного аппарата КГБ, знаком с инструктажами, поисковыми и розыскными мероприятиями. Изучить на предмет причастности к объекту всю агентуру, работающую и работавшую по этому делу».

В этом месте надо упомянуть, что районные, так называемые территориальные подразделения – это вовсе не центральный аппарат. Здесь далеко до генералов. Имеется всего пять-восемь офицеров, неделями пропадающих или в селах с агентурой, или

у кума на печи – попробуй, проверь. Поэтому проверка «Седого» на причастность к «Художнику-верхолазу» проводилась из рук вон плохо. Не было проанализировано его психологическое состояние на момент акции, поведение после акции и настойчивый интерес к деталями дела, проявлявшийся в виде вопросов к оперу.

Да еще и слепой случай вмешался в проверку. «Седому» официально заказали (в маленьком городке у художников нет конкуренции) обустроить помещение райотдела и в момент, когда его дело тщательно изучалась, именно он в соседнем кабинете рисовал газету «Чекист».

Пришло время, и оперативника, на связи у которого был «Седой», перевели на работу в другой город. На его место прислали нового. Процесс приёма-передачи агентуры всегда наиболее благоприятный для исключения балласта из агентурной сети. На этот раз из числа агентов, наконец, был исключен и «Седой». У обеих сторон эта процедура вызвала только облегчение.

Исключение «Седого» произошло в начале восьмидесят девятого. А через несколько месяцев новое указание по делу: «Совершенно секретно». На предмет причастности к объекту проверить всех (!) членов Руха, тогда ещё хоть и немногочисленного, но уже громко заявившего о себе.

Одиннадцатилетнее вынужденное сотрудничество с органами наложило свой отпечаток на «Седого», поэтому идти в Рух он воздержался. И снова, в который раз пристальное внимание госбезопасности обошло его стороной.

А между тем вокруг уже бушуют страсти. Желто-голубой флаг вызывающе трепещет над головами отчаянных и будит, будит, будит «Седого». Через некоторое время он снова с теми, кто несёт этот флаг. Он снова среди единомышленников, но радость бытия омрачается осознанием своего отступничества. А тут еще в кругу руховцев и ухаэсовцев (УХС – Украинский Хельсинский Союз) распространяется шпиономания, кого-то постоянно подозревают в сотрудничестве с КГБ.

Народный Рух нарастал лавинообразно и замалчивать это уже было невозможно. ЦК и КГБ оказались в патовой ситуации, дела по украинскому национализму стало вести опасно. Рядовые офицеры-оперативники откровенно саботировали эту работу, однако руководство КГБ еще летом 1989-го требовало

на каждого активиста Руха, члена УХС вести ДОО (дело оперативной проверки – предварительное изучение и сбор компрометирующих материалов), собирать информацию, которую в дальнейшем использовать для компрометации объектов. Так готовились выборы в Верховную Раду.

Но бацилла национализма проникла уже и в КГБ. «Совершенно секретно. Начальникам подразделений. Для ведения указанных дел отобрать наиболее преданных социалистической и интернационалистической идеям сотрудников».

«Ненадежным» офицерам потихоньку стали «создавать условия» для освобождения от занимаемых должностей. А с учетом того, что «ненадежные» были, как правило, не самые худшие, приняли дополнение к статьям, касающимся увольнения офицеров с действительной воинской службы. Скрывать, что самых офицеров-оперативников стали делить на «своих» и «чужих», даже не пытались, ведь здесь не тот контингент. Все ждали «жандармских чисток».

Осенью восьмидесят девятого стало ясно – информационные утечки о ведении такого масштабного дела как «Художник-верхолаз», могут серьёзно подмочить репутацию КГБ и КПУ. А потому было принято решение оставить этого неуловимого художника в покое, мол, пусть себе живёт, уже не до него.

«Совершенно секретно. Всем оперативным подразделениям КГБ УССР. Дело (ДРА) «Художник-верхолаз» прекратить. Материалы уничтожить. Акты об уничтожении материалов дела направить в КГБ УССР».

Что делал в то время «Седой»? Кто знает. Видимо, бегал на собрания Руха, готовил к выпуску подпольную газету, изучал страшную правду нашей советской истории и рисовал. Ведь он художник. Он рисовал плакаты к выборам в Верховную Раду 1990-го года, распространял листовки, «болел» за своих. И боялся.

После выборов в городок прибыл новоиспеченный народный депутат, бывший политзаключенный. Сегодня он герой. Среди пришедших засвидетельствовать ему своё почтение был и «Седой». Как положено – митинг, потом встреча в тесном кругу с хлебом-солью, а потом уже и с водочкой. И тут, словно оса укусила «Седого». Вдруг, рванув на себе рубашку, он в горячке стал рассказывать, как тогда, двенадцать лет назад рискнул, и над Киевом, на Крещатике веселый ветер

заполоскал желто-голубой флаг! Хай живе самостійна Україна! Рассказал и том, как его безуспешно искало КГБ... Двенадцать лет боялся, а сейчас – нет!

Эту ночь он, видимо, спал спокойно. Пусть и не совсем, пусть вполонину, но он все же герой. Ну, а если и не герой, то все равно – отчаянный смельчак!

Он еще спал, а агент «Легинь», в течение многих лет ориентированный на поиск «Художника» (он, кстати, и организовывал этот митинг), уже отписал оперативнику, что наконец нашел «Верхолаза».

Следующее утро в райотделе КГБ был бурным. Вместе обсуждали незаурядное событие, ведь только что было закрыто дело, которое в течение предыдущего десятилетия являлось основным содержанием их деятельности. И вот оно получает такой разворот. Целое поколение украинских чекистов рассказывало о том, что, мол, мы не можем поймать «Художника-верхолаза», потому что в спецшколах нас учили ловить Пеньковського.

Понеслись досужие разговоры:

– А я говорил...

– А я же предупреждал...

– А я печенью чувствовал...

– А может, смеха ради, пошлём? Порадуем деда-генерала?!

Сказано – сделано. Копию агентурного сообщения агента «Легинь» – в Центр. А через несколько дней трубка специальной оперативной связи, которую поднял тамошний начальник, вкусно ругалась на государственном языке с общепонятными вставками из слов иностранного происхождения. Побелевший начальник сообщил оторопевшим подчиненным: «Выговор нам всем. Выходит, перестарались!»

О времена, о нравы! Новость вызвала бешеный взрыв смеха. Такой, что стекла дрожали. Редкие прохожие удивленно смотрели на окна неприветливого учреждения. На улице стояло лето девяностого.

– Слава Богу, что я вас встретил, – сказал мне «Седой», – разве такое можно в себе удержать? Ни жене сказать, ни детям передать, боясь расплаты то от одних, то от других. А потом приходишь к выводу, что никого, кроме тебя, это не интересует. Вот послушайте, в очередях говорят: «Зачем нам такая независимость?»

– Не хочу вас обидеть, – отвечаю ему я, – но под «Художника-верхолаза» может сейчас подстроиться любой грамотный и наблюдательный бывший агент.

– Знаю, куда вы клоните. Ну что же, согласен на следственный эксперимент. Вот только следователи и свидетели нам не нужны.

Мы останавливаемся у памятных «Седому» мест, затем снова выходим на Крещатик. Напротив Киевсовета на высокой мачте величаво развивается государственный желто-голубой флаг.

– Кто бы мог тогда подумать... – вдруг после некоторого молчания тихо проговорил «Седой».

Обернувшись, я увидел в его глазах слёзы.

ПОДОЗРЕНИЕ НА ТЕРАКТ

Эта история случилась тогда, когда на новом месте я прослужил всего лишь полгода. И хотя здесь был еще новичком, но чувствовал себя уже более или менее уверенно. Потому что это вам не какая-нибудь сельская глубинка. Районный городок, хоть и небольшой, но престижный. Как-никак, единственный в советской Украине международный аэропорт, да еще и воинская часть при нём...

Хотя, если быть объективным, то надо бы перечислять наоборот. Сначала воинская часть, вернее их существовало тогда целых пять: военно-транспортной и разведывательной авиации, учебный полк, подразделение аэродромного обеспечения и спецподразделение связи, а потом уже и аэропорт. Это позже, во времена независимости, он станет действительно международным и основным по значимости объектом нашего района. Его реконструируют, здесь появятся настоящие, действенные, соответствующие его статусу, службы, подразделения и инфраструктура. А тогда было одно название.

И аэропорт, и военный гарнизон имеют свои собственные отделения госбезопасности. Хотя у военных они называются «особыми отделами», но суть, а, следовательно, формы и методы те же. Это не наша территория, туда мы не лезем, хотя «окрестности и окружение» военных и авиаторов мы, районные, отрабатываем по отдельному плану. За этим следит не только наш

начальник, но и областное руководство, которому мы отчитываемся.

С коллегами-оперативниками мы дружим, иногда подставляем им плечо, реже они нам. И не потому, что они нас не уважают. У них другие задачи, более конкретные, такие, результатами работы по которым можно легко отчитываться. Ведь у особистов профилирующее это «обеспечение боеспособности войск» и противодействие «устремлениям разведок вероятного противника к овладению военными тайнами», а у портовских – обеспечение безопасности полетов и разведывательная деятельность с наших позиций, то есть отработка своей агентурой, летающей «за бугор», разведывательных и контрразведывательных задач. Ясно, что и результаты у них были несколько иные, более весомые и солидные.

У нас же главное – печально знаменитая пятая линия: идеологическая борьба и украинский буржуазный национализм в виде Руха, только родившегося, но уже изрядно надоевшего нашему руководству и нашим «партийным заказчикам».

Признаюсь, с программой Народного Руха Украины времен перестройки я ознакомился в конце 1988-го, еще в Згуровке, как только она была напечатана в прессе. Оппозиционность обнародованного текста поражала, но никаких разъяснений на этот счёт от наших отцов-командиров не поступало, а в русле текущих задач, инструктажей и ориентировок о Рухе не вспоминали. Это уже потом нам стало известно, что руководство нашего республиканского центра именно в те времена неустанно работало, почти ежедневно бомбардируя контору Щербицкого аналитикой, анализом и конкретными предложениями. В частности, предлагалось «эффективно и без осложнений» ликвидировать или хотя бы локализовать неслыханную в советской истории легальную политическую оппозицию. Однако, как говорится, «команды сверху не было», а проявлять инициативу в таком раздражающем вопросе не решалось даже единственное на весь УССР охраняемое лицо.

Эта эпоха и стала той, что вошла в историю как эпоха «перестройки». Именно она, на мой взгляд, «расхолодила» советский репрессивный аппарат, ведь отсутствие команды на противодействие совпало с «гласностью», то есть с масштабным и впечатляющим идеологическим информационно-пропагандистским «нашествием». Мы, оперативники, как и весь советский народ,

читали эпатажный тогда журнал «Огонёк», смотрели телепрограмму «Взгляд» и прямые трансляции московских съездов народных депутатов. Республиканское телевидение и пресса тогда отставали и только подвирали невпопад.

Мы тоже спорили, тоже разделились на «голубей» и «ястребов», что, как известно, кардинально повлияло на боевую эффективность не только отдельных подразделений, но и на Комитет в целом. Не только мы, но и высокие партийные бонзы не были готовы к выполнению конкретных репрессивных призывов и приказов. Да и при наличии таковых, по моему предвзятому мнению, даже самые настойчивые и верные работники репрессивной машины в это время уже были дезориентированы и потеряли способность к эффективным действиям.

Однако, как бы там ни было, в обществе нас в это время пока ещё однозначно воспринимали «верными дзержинцами-ленинцами», хотя мы таковыми уже не были. Особенно остро я это чувствовал, когда случайно становился свидетелем «перестроечных» диспутов среди милицейских, военных или местных райпартапаратчиков. Еще на подходе к группе спорщиков я слышал: «Ша, кагэбист идет!» А когда меня не замечали вовремя, то мое внезапное появление вызывало мгновенную оглушительную и напряженную тишину. И тогда я должен был каким-то несущественным иногда ироническим замечанием дать окружающим сигнал о том, что я ничего не слышал, а если и слышал, то считаю их разговоры их частным делом, которое мне «до лампочки».

Иногда мне на грудь бросались с плачем настоящие «верные ленинцы». Они кричали о том, что «всё пропало». Иногда пытались откровенно «стучать» на всех и каждого конкретно. Сами понимаете, что оперативная ценность таких, с позволения сказать, «полученных сигналов» не стоила ничего даже в том случае, если бы я на самом деле захотел подавать их в качестве докладов своему начальству. То, что мы еще вчера выискивали и документировали, вдруг стало массовым, не запрещённым и обыденным. Где-то через год «украинский буржуазный национализм» будет официально изъят из наших классификаторов, в соответствии с которыми мы давали «окраску» всем нашим сигналам, а «антикоммунизм» не будет удален и до самого путча. Однако с рождением Руха как официальной политической оппозиции делать по пятой линии нам было почти нечего.

И только где-то в начале лета 1989-го на совещании оперативного состава управления нам было доведено устное (!) предложение о необходимости приобретения оперативных позиций в неформальных молодёжных коллективах и руховских организациях. Также требовалось все действия по работе по этому направлению документально оформлять, как приобретение информативных позиций по противодействию использованию оппозиционных течений и движений враждебными зарубежными идеологическими диверсионными центрами.

– Наконец, – потирали руки «ястребы». «Голуби», к которым я себя почему-то причислял, только мрачно сопели.

Уже дома, в родном отделении наш начальник, с которым ещё тогда у меня складывались более-менее нормальные рабочие отношения, не скрывая удовлетворения от предвкушения настоящей чекистской работы, деловито начал совещание, где поставил конкретные задачи. С учетом того, что я был здесь ещё как бы новичок, а все мои «местные» коллеги были при «долгоиграющих» делах, стоявших на контроле у областных полковников и генералов, главным борцом с городскими и районными руховцами пришлось стать мне.

Ну, что ж, – утешал я себя, – надо же кому-то выполнять и неблагодарную, но необходимую обществу работу. С другой стороны, именно я смогу быть высшим судьей и где-то как-то предотвратить непоправимое.

С такими мыслями и засел за план агентурно-оперативных мероприятий по приобретению информационных позиций по контролю оппозиционного к существующей власти Народного Руха. Этот план должен был стать составной частью плана нашего районного отделения, а затем войти отдельным разделом в план областного управления, чтобы быть утверждённым генералами пятого главного управления центра. По этому плану не предусматривалось изучение по делам оперативного учета, а потому все возможные вспомогательные, в том числе и острые мероприятия, должны были проводиться, опять-таки, по устному распоряжению руководства.

Это к тому, что сейчас некоторые профессионалы и любители уже добрались до некогда строго закрытых архивов, однако какого-то документально подтвержденного следа о противодействии Народному Руху там не находят, а потому и ставят под сомнение воспоминания участников тогдашнего политического

процесса. Наконец, если сам план оперативных мероприятий и может где-то храниться сейчас, то, скорее всего, не в открытых архивах. Самые интересные папки и бумажки в первые дни после путча вывозились из архивов. И горело, говорят, там тоже хорошо.

Итак, писанина, наконец, завершена, планы написаны и утверждены. Пора за работу.

Начинаю изучать местных руховцев: сколько их, где собираются, кто возглавляет, возможности, адреса, должности, поиск компрометирующих материалов, в том числе и через архивы и оперативно-справочные картотеки...

И вот тут на тебе! Начальник даёт для ознакомления только полученный ответ на мой ранее направленный в архив ОСК «мотылёк»: один из самых активных руховцев – наш агент. Правда, агент архивный. Завербован лет десять назад, когда он был ещё студентом. Но не просто студентом, а комендантом общежития и председателем студсовета педагогического вуза. Сотрудничеством не тяготился, а наоборот. Кроме того, неоднократно поощрялся. В его послужном списке фигурировало многовато, как для агента, не работавшего по делам оперативного учета, денежных поощрений. Возникло подозрение, что он щедро делился «девяткой» со своим опером, чем и заслужил исключение из агентурной сети сразу же после окончания вуза. Начальник стал вспоминать, что этот учитель как-то часто попадался нам на глаза, не раз цеплялся, заговаривал, однако ни наш шеф, ни другой – наш уже бывалый опер – так и не поняли причин этого слишком уж навязчивого внимания. Вербовать его не было необходимости, так как местная школа, в которой он работал, глаза нам тогда не мозолила и была перекрыта другими возможностями, а потребности в очередной галочке не было.

Но теперь, когда «Наташа», такое архивное псевдо имел агент, оказался в самой гуще интересовавшей нас среды, его ставки на сотрудничество выросли до небес.

Нет ничего проще, как истребовать его личное дело в наше отделение. Далее должна произойти тайная встреча с откровенным разговором-предложением («коль сойдемся в цене – то мы поладим»). А затем – рапорт руководству на возобновление использования конкретного гражданина в качестве агента.

«Наташа» с первой встречи начал давать столь ценную информацию о местной организации и многочисленным контактах

со столичной оппозицией, что мы стали опасаться, как бы не забрали у нас нашу «находку» более ловкие коллеги из области или даже из центрального аппарата. Уже не раз за эти летние месяцы ко мне на контрольные встречи с ним приезжали невиданные доселе мною полковники и генералы. Рабочее дело агента с новыми корочками (старые, видимо, ушли в архив или были уничтожены) начало угрожающе разбухать, а наша секретарша уже втайне проклинала меня, ежедневно перепечатывая для Киева копии его многостраничных агентурных сообщений. «Наташа» до конца этого лета уже официально перешел в ранг особо ценного агента, а расходы на его содержание стали превышать расходы на содержание всего нашего отделения. Затем поступил приказ центра, чтобы мы способствовали продвижению агента «Наташи» в руководящие структуры столичной оппозиции через другие наши возможности.

Мы конечно, старательно создавали видимость того, что всё сделаем, как нам велят. Однако других позиций не имели и не могли иметь. Начальник, чувствуя шаткость такого расклада, предложил мне подыскать среди руховцев другого кандидата на вербовку, чтобы в случае чего, иметь пусть и неполноценную, но замену. Однако какая могла быть ему замена, если агент вёл себя так, будто не он, а мы у него были на подхвате?! Он лихо ставил нам задачи, сам планировал мероприятия по получению информации. Доходило до того, что мы по его требованию сами организовывали транспорт для перевозки руховской литературы из Прибалтики, где она тогда свободно печаталась.

Я с разрешения и по требованию начальства забросил все остальные дела, других агентов и дважды, а то и трижды в день, бывало и ночью, бегал на встречи к «Наташе». А встречи он назначал то в нашем райцентре, то в его окрестностях, то в Киеве, то даже во Львове. Там нам с ним в первый (и в последний раз за время моей недолгой службы) была предоставлена возможность посетить не какую-то там явочную, а настоящую конспиративную квартиру, которую берегли для иностранных разведчиков и генеральских любовниц.

Несмотря на работу с «Наташей» мои ставки в глазах начальства не очень-то и выросли, потому что все понимали: ценен не опер, ценный универсальный агент. Моя же роль была исключительно в обеспечении своевременной и бесперебойной связи с ним, поддержании его возможностей и мобильности. Хотя

благодаря такому агенту у меня появилось много новых и очень ценных знакомств как среди областных, так и среди центральных направленцев, а также их начальства. Эти связи я мечтал использовать для своей дальнейшей блестящей карьеры.

«Наташа» становился уже не столько ценным источником информации, сколько агентом влияния. Он уже не без успеха излагал высоким руховским руководителям свои «мудрые мысли», удивительным образом совпадавшие с желанием моих шефов, давал рекомендации по партийным мероприятиям. Рекомендовал или отводил те или другие кандидатуры «крикунов», рвавшихся порулить массами. Не без его личного участия (вот где высокий класс!) удалось даже продвинуть на должность в Центральную избирательную комиссию от оппозиции человека, руховский авторитет и добродетели которой «совпадали» с положительными характеристиками нашего уважаемого начальства. Был это «наш агент» или нет – утверждать не могу, но однозначно, этот человек для власти был не чужой.

Отдельно надо упомянуть о моих с ним взаимоотношениях. Это было не сотрудничество и даже не дружба. Это была любовь. Нет, до половых отношений не дошло. «Наташа», несмотря на псевдо, которое было именем его жены, преданно любил женщин. Всех, с которыми имел дело или которые просто попадали в его поле зрения. Женщины для него были всё и всем. Он и не скрывал, что «девятка» ему была нужна именно для них, и, по моим наблюдениям, он всё честно тратил соответствии с принятыми обязательствами. Это, как ни странно, приносило ему немалые дивиденды и увеличивало эффективность его деятельности.

А еще «Наташа» обладал уникальным даром заискивания. Никто не мог так убедительно выпрашивать, уговаривать, практически, заставляя человека сделать ему лично что-то полезное. В любом вопросе он всегда видел свою выгоду и умел ее выжимать. Любому другому человеку было бы стыдно, как-то неловко так стараться угодить себе любимому. У нас не повернулся бы язык и не поднялись бы руки... Но это у нас, а не у него. У него всё это проходило только потому, что он меня любил. Именно поэтому я не мог ему отказать и выпрашивал для него у начальника дополнительные средства, транспорт, связь и другие возможности. И я, и мой начальник часто смотрели на него глазами кролика, покорно идущего в

пасть удава, и отказать ему просто не имели никакой возможности.

Он не стеснялся делиться с нами своими крамольными идеями (а надо сказать, что руховцем он был преданным), также не скрывал, что сотрудничество с КГБ использовал для карьерного продвижения, потому как не имел планов и желаний оставаться обычным учителем. То, что путь к государственным должностям лежит через сексотство, он узнал не из тайных учебников контрразведки. Об этом он знал с детства, об этом мечтал, это было смыслом его жизни. А ещё он щедро и с готовностью предлагал мне часть полученной «девятки», а также женщин. Правда, всё как-то тех, которые уже не возбуждали его мужские желания. Он искренне удивлялся моей неуступчивости в этих вопросах, даже тогда, когда я сообщал о двойном контроле наших с ним взаимоотношений со стороны моей службы.

Без сомнения, «Наташа» благодаря своему выдающемуся и незаурядному таланту и при содействии спецслужбы всё-таки добрался бы до желанных должностей. Но в историю вмешался случай, перечеркнувший и его, и моё карьерное восхождение.

Итак, пока мы с ним пристраивали организационную структуру оппозиционного Народного Руха Украины, строили планы и подыскивали возможности их воплощения, в нашем сельском районе, который стал нами забываться и уже воспринимался нами как очередная ступенька нашей с ним державной поступи, произошло досадное происшествие. В одном из небольших прудов, которые природа обильно разбросала на окраинах, утонул молодой человек.

Случай глупый и обидный. К сожалению, такое случается не так уж редко. Кому-то не повезло, для кого-то это стало трагедией, но для окружающих – просто событие из ряда других. И мы бы его тоже не заметили, если бы не должность утонувшего человечка. А погибший оказался первым секретарем районного комитета комсомола!

Как это бывает? Поехала группа молодых парней и красивых девок в жаркий августовский выходной отдохнуть. Взяли, понятное дело, определённое количество спиртного. Выпили, вкусно закусили, весело попели. Пока играли-купались, не заметили, как один из них пропал. Искали-искали – не нашли. Вечером общили соответствующим районным службам, а сами разъеха-

лись себе по домам, потому как все были приезжими. Участковый пару дней вместе с местными бывальыми мужиками таскал прудом невод, пока не поймали утопленника. И только когда нашли тело, выяснилась личность потерпевшего.

Когда же дошло до начальства, что погиб первый комсомолец района, да ещё и при невыясненных обстоятельствах, да ещё в присутствии неуставленных свидетелей, которые убежали...

Милиция, однако, быстро установила, что среди свидетелей-отдыхающих находился модный тогда молодой киевский писатель, друживший с покойным. Это он тогда был молодой и модный, а сейчас он известный писатель и почтенный гражданин, а потому в моём рассказе он будет носить имя Олекса Крыжановский.

Олексу быстро вычислили, и уже через пару дней он потел в кабинете следователя, где писал свою «бессмертную прозу», не подлежащую публикации. Не сразу до высоких чинов дошло, что этот молодой человек – один из активнейших руководителей только что рожденной оппозиции. А попутно вычислили, что он и мой агент «Наташа» не просто знакомы, а близко знакомы, ибо оба принадлежат к числу небольшой, но авторитетной команды неформальных лидеров оппозиции, находящихся в негласной разработке комитета. Крыжановский не вылезал с экрана телевизора, а «Наташа», хотя и не лазил на трибуны, зато был одним из «серых кардиналов» организации.

И вот только тогда, видимо, уже через неделю после события, мне был поставлен вопрос, прозвучавший, как фраза из одного тогда сверхпопулярного киносериала: «А не было ли здесь умысла на теракт?» Обидный летальный случай с комсомольцем дал пищу для фантазий комитетских аналитиков и стал фоном для творчества оперативников.

После ознакомления с делом, а также после нескольких встреч агента с Крыжановским и для меня, и для «Наташи» было ясно, что это досадное происшествие было ничем иным, как несчастным случаем, вызванным винными парами. Однако наше начальство имело иное мнение. Всем нам была поставлена задача: с помощью агента организовать доказательства для громкого судебного разбирательства, в ходе которого была бы доказана причастность руховской оппозиции к умышленному убийству.

Двухэтажное здание на улице Советской, где наверху примостилось наше отделение, а первый этаж занимала межрайонная прокуратура, превратился в штаб операции. Хорошо, что в будни и наши, и прокурорские не носили форму, а то бы своими лампасами и большими звездами изрядно напугали бы местный базар, примостившийся рядом, между нами и вышкой радиосвязи. Черными «Волгами» был плотно заставлен наш внутренний дворик, но я этого не видел, потому что бегал по городу за «Наташей» с одной явочной квартиры на другую. Дважды, а то и трижды в день организовывал щедрые застолья в отдельном кабинете единственного тогда на весь город ресторана «Альта». А еще в моем распоряжении всегда было несколько тогда дефицитных машин такси, непрерывно сновавших в Киев и обратно. Однажды, уже гораздо позже, я подсчитал, что на полученные в течение того месяца следствия средства по «девятке» можно было бы приобрести шикарную новую «Волгу». Иномарка тогда, помнится, на весь наш райцентр была только одна, американская, потрёпанная, а новые ещё не продавались.

Крыжановского не задерживали и не арестовывали, как этого требовал закон и прокуратура. Он и так был сломлен и испуган, потому что слишком хорошо был знаком с бывшими фигурантами дела «Блок» и их незавидными судьбами. Нет, о том самом знаменитом деле он, может, в то время и не догадывался. Но почти все его объекты были его близкими товарищами или коллегами по перу, или партнерами по бутылке, или сомечтателями по головокружительной государствообразующей идее. Это сейчас мы воспринимаем новорожденный Рух как серьёзную оппозицию, а тогда они себя считали сорвиголовами, чем-то вроде повстанцев-смертников советского концлагеря «Кенгир», гениально описанных Солженицыным в «Архипелаге ГУЛАГ».

Поэтому, когда Олексе сообщили о подозрениях в «умышленном убийстве советского государственного деятеля», он не возмущался и не устраивал сцен. Вырваться и не пытался, понимая бесполезность любых попыток. Он готов был идти на всё ради свободы. Готов был сотрудничать, но этого ему никто не предлагал. Власти нужны были не его доносы, а его жизнь, и он это понимал.

С другой стороны, засадить в следственный изолятор популярного оппозиционного деятеля власти опасались, поэтому был выбран именно такой вариант следствия. А ещё в тюрьме к

нему невозможно было бы подвести квалифицированного внутреннего агента, которому бы он доверял полностью и безоговорочно. Ясно, что он бы в каждом сокамернике подозревал стукача и тщательно взвешивал бы каждое сказанное слово, а нашей задачей было отнять у него такую возможность. Несмотря на то, что Олекса имел квартиру в Киеве, всё это время он жил дома у «Наташи», не подозревая, что подвергается круглосуточному давлению и прессингу. Ему не давали возможности побывать дома и передохнуть. С другой стороны, его арест мог бы вызвать нежелательные последствия, а тогда этого боялись.

Всё было сделано якобы правильно и начальство ожидало результат, но...

Но и агент «Наташа» всё понимал. Он понимал, что реализованное спецслужбой уголовное дело по обвинению Крыжановского в умышленном убийстве станет лично для него концом его политической карьеры. И хотя он до сих пор был всего лишь заместителем председателя местного отделения Руха, его амбиции небезосновательно стремились к депутатскому креслу не где-нибудь, а в парламенте.

А ещё он интуитивно чувствовал большую опасность. Уже после громкого провала так удачно проведённой нами оперативной комбинации нам с шефом стало известно, что «Наташу» тоже не планировали беречь: если так ляжет следственная или судебная карта, то и он должен был пойти соучастником. А выйдет ему срок или нет – это уже не так важно. Главное – доказать теракт или что-нибудь такое, в чём действительно можно было громко на весь Союз обвинить Рух.

А поскольку я и мой начальник с агентом работали в постоянном режиме, то нас просто не ставили в известность по поводу принятых решений. Да и для чего? Ведь мы могли где-то проколоться. Мы не прокололись, но всё пошло как-то не так.

Следствию не удавалось ничего доказать. Крыжановский был готов признать всё, что от него требовалось, он искренне верил следователю и «Наташе», но фальсифицировать дело так, как раньше, не позволяло время и «перестройка». Суд должен был быть публичным, потому судебная «фальшивка» могла вызвать нежелательный резонанс и стать причиной неуправляемого развития событий.

На каком-то этапе по чьей-то инициативе (явно не генералов, куда там им) дело тормознули, однако фигуранты были

слишком запуганы. Крыжановский исчез из поля видимости и засел за свои бессмертные произведения, а «Наташа» вдруг почему-то разругался с руховцами, вернулся в семью и успокоился на должности завуча местной школы.

Почему? Потому что он видел больше, чем модный писака, которого, кстати, ему было и не жалко (подумаешь, потери на большом пути). «Наташа» понял, что это сейчас он оружие в чужих руках, а завтра он будет на месте Олексы Крыжановского и тогда ему уже не помогут ни годы эффективного сексотства, ни былые заслуги, ни предложения в будущем быть ещё более полезным. Лично я никогда не видел такого исполнительского мастерства в выполнении роли друга и советчика, как со стороны нашего агента. Ежедневно будучи рядом, инструктируя «Наташу», поддерживая его, снимая его стрессы и напряжение, я где-то на каком-то этапе почувствовал перемену в наших взаимоотношениях. Наша «любовь» закончилась, началось напряжённое и вынужденное сотрудничество, неприязнь и плохо скрываемая ненависть.

Очень быстро после этой истории агент «Наташа» перестал быть особо ценным, и через полгода был переведен в разряд содержателей явочной квартиры, потому что ничего интересного не писал, а перед самым моим увольнением с военной службы, в 1991-м его и вообще списали из агентурного аппарата. Его личное дело снова отправили в архив, а рабочее я по приказу начальника сжег в нашей печке, сожалея, что генералы не признали его имеющим оперативную или историческую ценность. Сейчас оно гарантированно читалась бы с большим интересом, чем бессмертные произведения Олексы Крыжановского.

Тогда многое сожгли по глупости.

ВЗГЛЯД ИЗ-ЗА БАРРИКАД

«КГБ – вооруженный отряд партии»

Из Положения о Комитете государственной безопасности СССР

Когда я служил офицером-оперативником в Бориспольском отделении КГБ УССР, я отвечал за Пятую линию, что в то время означало «украинский буржуазный национализм». Надо ска-

зать, что в отделение я перевелся из другого подразделения на шестом году службы уже в апреле 1989-го года, как раз через полгода после знаменитого обращения украинских писателей, опубликовавших в прессе программу будущего Народного руха Украины. Это уже потом, на учредительном съезде Руха в зале КПИ он несколько изменил название: «Народный рух Украины за перестройку», а тогда он был просто РУХ.

Во всех подразделениях КГБ существовал некий «Классификатор». Это была довольно солидная книга, текст которой был написан и выверен «компетентными специалистами» и утвержден Приказом председателя московского КГБ СССР. В ней были прописаны характеристики всех проступков «нелояльных граждан», которые можно (и нужно) было квалифицировать как подрывную или враждебную деятельность против советского государства и его общественного строя. Там имелся целый раздел, который назывался: «украинский буржуазный национализм». В нём, например, были такие перлы как (цитирую по памяти) «наличие у лица убеждений о самоопределении Украины и построении независимого украинского государства рассматривать как основание для его изучения через ведение по отношению к нему дела оперативного учета».

Если подразделение КГБ получало оперативные данные (то есть собственные агентурные сообщения, данные перехватов оперативно-технических средств, заявления и сообщения партийных и советских органов или «сознательных» граждан и т.п.), то после соответствующей проверки, на проведение которой давал санкцию начальник подразделения, составлялся обоснованный рапорт на имя начальника областного управления КГБ о целесообразности ведения дела оперативного учета. Это могли быть ДОП (дела оперативного проверки), ДОР (дело оперативной разработки) или ДОН (дело оперативного наблюдения). В рамках этих дел разрешалось проводить текущие или острые оперативные мероприятия, целью которых было получение доказательств для возбуждения уголовных дел по статьям уголовного кодекса УССР «Измена Родине» или «Антисоветская агитация и пропаганда».

После возбуждений уголовных дел дела оперативного учета считались «реализованными», а его «легализованные» материалы (т.е. такие, которые можно было показать прокурору и суду) приобщались к уголовному делу. Все остальное уничтожалось.

Реализацией дел оперативного учета считалось также окончание такого дела «профилактикой», то есть письменным или публичным (радио-, теле-, в прессе) покаянием и осуждением своих действий и убеждений. Однако вершиной «оперативного искусства» считалась «реализация» вербовкой объекта дела в качестве агента КГБ.

Надо отметить, что «самодеятельность», т.е. несанкционированное проведение по отношению к рядовому гражданину любых оперативных мероприятий (агентура, наружное наблюдение, в том числе и оперативная фиксация его действий и намерений) строго пресекалось руководством. На страже стояла собственная инспекция КГБ, подразделения которой были в каждом областном управлении на особых правах – и это не «красное словцо». Именно работа этой инспекции, контролируемая лично Юрием Андроповым, и способствовала тому высокому авторитету КГБ, который спецслужба имела в то время в советском обществе. Ясно, что этому также способствовала ценная и эффективная пропаганда чекистской деятельности, инициированная тем же Андроповым, в которую были вовлечены лучшие советские литературные, театральные, радио- и кинематографические силы.

Движение шестидесятников, гуманитариев-диссидентов или добровольных общественных контролеров хельсинских соглашений было тогда, благодаря деятельности того же КГБ, откровенно маргинализировано, не имело авторитета, огласки, прессы и действенной поддержки общества.

Показателем эффективности работы каждого офицера-оперативника КГБ было наличие дел оперативного учета в личном производстве. Ясно, что это являлось собственным желанием и задачей каждого офицера, ведь он, «сыщик-разыскник», именно этим доказывал свою «значимость и полезность» обществу. Это был естественный азарт легавой-борзой.

Это все я пишу не для того, чтобы подразнить сегодняшних граждан и сознательных украинцев. Мало того, я даже самого себя сегодня отнес бы к сознательным украинским патриотам. Тогда мы ВСЕ были другими. Возможно немного, но все-таки другими.

Сейчас некоторые ветераны-руховцы публикуют воспоминания о своей борьбе против «ненавистного советского режима».

Да, всё правда, боролись. Боролись, как могли, как умели, как понимали ситуацию на то время. Это сейчас кажется, что мы тогда, по обе стороны «баррикад», всё делали сознательно, «чистыми руками, холодной головой и горячим сердцем». На самом деле оценить тогдашние свои действия мы можем только сейчас, оглядывая их с высоты прожитых лет, после анализа полученной информации, которую сейчас называем новейшей историей Украины. Особенно периода XX века.

При президенте Ющенко исследователям стали, наконец, доступны материалы партархивов и архивов КГБ-НКВД. Много выплыло наружу. Но я хотел бы привести всего один документ: постановление политбюро ЦК КП(б) Украины от 31 июля 1946-го. Согласно этому документу, каждая украинская и (обязательно) украиноязычная советская (других не было) газета или средство массовой информации **в каждом номере (выпуске) обязательно должны были подавать** информацию о преступлениях украинских буржуазных националистов. Действие сего постановления было приостановлено специальной запиской ЦК КПСС «украинским товарищам», подписанной Л. Брежневым только в 1964-м году. И это был только один из многочисленных пунктов. В других же ставились задачи многочисленным штатным агитаторам, пропагандистам, лекторам общества «Знание», парткомам, 1-м и 2-м отделам всех учреждений и организаций, руководству и парткомам вузов, школ и даже детских садов.

Неужели 20 лет массивной, целенаправленной, оскорбительной лжи и дезинформации, подготовленной, утвержденной и контролируемой кремлевским агитпропом, а также последующие десятилетия информационной инерции ползучего сталинизма прошли напрасно, не повлияли на массовое, общественное и особенно бытовое сознание поколений, рожденное в сороковые, пятидесятые и шестидесятые годы?

Да, мы дети своего народа, постгеноцидного общества. Единички из нас не были пионерами и комсомольцами. А на поступление в коммунистическую партию, особенно среди интеллигенции и «претендующих» лиц, был конкурс – примерно четыре человека на место.

Не хотел бы, чтобы написанное оценивали как попытку бывшего гэбэшника «примазаться». Просто надо иметь в виду, что люди были везде и всюду разные. Так, оперсостав КГБ всегда

«славился» патологическим, убеждённым и сознательным украиноненавистничеством. Однако акцент надо делать именно на словах «сознательным» и «убеждённым». Многие из нас, и я в том числе, жертвенный вольный украинский дух вдохнули именно в школах КГБ. Именно там мы придиричливо изучали московскую трактовку истории украинской национально-освободительной борьбы на жестоких и бесчеловечных примерах «чекистско-войсковых операций» с «рейдированием агентуры и боевиков» и «перевербовкой бандитов» с помощью «близких связей». А это означало прямой шантаж жён, детей, родителей, с депортациями родных, близких, около- и малознакомых людей и соседей, использование для борьбы со своими перевербованных, перекупленных, угнетённых и сломленных.

Однако именно из среды «оперсостава КГБ» вышли и будущий премьер независимой Украины Евгений Марчук, и нардеп Владимир Сивкович, и нынешний мэр моего городка, и многие другие.

Да и я, кстати, тоже оттуда...

Но вернемся в тот незабываемый Борисполь 1989-го, когда мне пришлось принимать участок оперативной работы по «контрразведывательному обеспечению» Бориспольского района, заключавшейся в то время в «противодействии бессознательным неформальным и инспирированным политическим направлениям и движениям антикоммунистического и буржуазно-националистического толка».

Партия перед КГБ ставила конкретную задачу: любой ценой не допустить создания оппозиционных КПСС структур.

Еще раньше, когда только зародились Украинский Хельсинский союз (УХС), Украинский культурологический клуб (УКК) и другие «неформальные» структуры «националистического толка», они сразу же попали под тотальное изучение Пятым (идеологическим) управлением КГБ УССР и соответствующими профильными оперативными подразделениями территориальных органов, работавших по единому плану. Среди «неформалов» проводились не просто вербовки, но организовывались ещё и так называемые «провокационные вербовки», целью которых были провокации в будущем. Так, не только документально, но и на уровне якобы «утечки оперативной информации» «объектам» доводилась сознательная дезинформация о наличии сре-

ди них «агентов КГБ», которыми якобы являлись те или иные их представители, «авторитеты», рядовые члены. Попутно этим легендировались настоящие агенты, завербованные или введённые в их среду.

В подразделениях центрального аппарата, областных управлениях КГБ и всех районных подразделениях были подняты все архивные материалы по всем громким и резонансным делам, хотя бы таким, как ДГОР (дело групповой оперативной разработки) «Блок», многочисленные материалы «профилактик» с окраской «украинский буржуазный национализм».

В разгар работы аналитических подразделений по определению круга «врагов» в ноябре 1989-го мне пришлось встречать в Бориспольском аэропорту скорбный борт с останками Стуса, Тихого и Литвина. На следующий день областные офицеры-аналитики выпрашивали у меня открытки со стихами Стуса, которые распространяли руховцы в аэропорту и на полном серьёзе вчитывались в строки, пытаясь понять их смысл. Меня это поразило. Мои тайные симпатии к украинскому национализму, которые я не мог доверить даже самым близким, вдруг ставали модными и престижными, даже среди кагэбэшников. Я был шокирован.

К тому времени мой коллега, майор Геннадий уже вел два дела оперативной проверки на таких «заклятых националистов», как учитель иностранного языка Гнедынской средней школы Михаил Ратушный и инженер бориспольского завода «Прометей» Анатолий Ковальчук.

С Мишей Ратушным всё было ясно: западенец, «засланный казачок», откровенный националист, активист-руховец областного масштаба, контролировался с помощью «надежной» агентуры (т.е. люди, освещавшие деятельность Михаила, искренне его ненавидели и щедро давали «нужную» информацию). А вот с Толей Ковальчуком было сложнее. Если Миша был открытым, искренним, «рубаха-парень» с широким кругом товарищей и знакомых, в среду которых ему легко было подставить агентов, то Толик как раз наоборот: нелюдимый, замкнутый. Информацию «о враждебной деятельности» Ковальчука наше отделение получило от киевской агентуры, как «связь известного националиста и объекта ДОО (дело оперативного учета) Ивана Зайца» (в последующем народного депутата Украины от Руха). Проверить это было трудно, потому что надо было рейдировать своих

районных агентов в Киев, а сделать это было непросто, ибо подвести к Анатолию агента было проблематично. Завербовать кого-то из его близких друзей было еще труднее из-за практического отсутствия этих самых друзей.

Майор Геннадий, мой «сокамерник» (потому что сидели в одном кабинете) как-то в шутку предложил мне «замочить» Толика Ковальчука. Он ему не просто мешал, он «валил» одно из главных его дел. Причина была проста и банальна: Гена, кроме всего прочего, занимался «контрразведывательным обеспечением» завода «Прометей», за несколько лет до описываемых событий получившего закупленное государством за золото драгоценное оборудование для производства магнитных дисков из Западной Германии. Несмотря на все попытки нашей отечественной научной и производственной элиты использовать его по назначению, дело не двигалось с места, потому что московские распорядители бюджета «получили откат» от самих немцев и закупили оборудование, там, на Западе уже морально устаревшее и никак не желавшее работать «на перестройку».

Гена уже имел конкретных подозреваемых, практически полную доказательную базу и готовил перевести свою оперативную разработку в уголовное дело, когда его заставили изучать Ковальчука. И не просто заставили, а потребовали отчитываться в Пятое управление центра по делу Ковальчука еженедельно. Ясно, что при таком раскладе разработку по «откату» пришлось положить в долгий ящик. Геннадий прекрасно понимал несопоставимость этих дел, неоднократно ездил в область и в центр, что-то кому-то доказывал, однако, получив выговор, притихал, тихо мечтая передать дело мне или где-то как-то удавить этого Ковальчука, неизвестно откуда так некстати взявшегося.

Я был занят другим «чрезвычайно важным делом»: весной 1990-го года была получена генеральская санкция и заведено дело оперативной проверки на одного из активистов Руха, врача-психиатра Романа Никифорука. Он был инициатором и активным участником всех возможных пикетов и манифестаций в городе, которые так раздражали районное руководство, особенно идеологического секретаря горкома Тамилу Анисимову, которая почти ежедневно вызывала к себе «на ковер» нашего начальника.

Следует заметить, что Бориспольская районная больница давно была бельмом в глазу у райотдела КГБ. Там работало

несколько ранее профилированных «архивных объектов», которые в свое время быстро «покаялись в грехах» и подписали соответствующие признательные бумаги. Что они делали сейчас, и какова была их роль в нарождающемся Рухе – было неясно, ведь собственно посещение ими руховских собраний еще не являлось основанием для принятия решений. Поэтому меня бросили именно на этот «ответственный» участок работы.

Некоторые из профилированных (как например врач-педиатр Александр Бойчук), на наше счастье, тогда работали в Киеве, в Борисполе же только ночевали. Поэтому все информационные «телеги» с их участием, присылавшиеся нам, мы с чистой совестью отсылали в киевские райотделы, где они терялись в многочисленных томах «литерных дел» без надлежащей проверки.

По Гнединской школе информацию поставлял сам «горком партии», который требовал «пресечь» деятельность Миши Ратушного именно потому, что директором той школы была некая Валентина Стрилько, активистка украинского национального школьного образования, известная далеко за пределами Бориспольщины. Был использован обычный «производственный» конфликт между заведующим Бориспольским районо и непокорной директоршей, которой приписывалась «организация оппозиционных антипартийных структур» в районе. Под прикрытием этого конфликта течение 1989-1990-х годов райотделом КГБ было организовано «оперативное изучение и документирование противоправной деятельности» Валентины Стрилько и Михаила Ратушного как объектов дел оперативной проверки с окраской «украинский национализм и антиобщественная деятельность» с применением всех «разрешённых» оперативных возможностей и средств.

Сейчас трудно объективно оценить деятельность того или иного «объекта» по созданию ячейки Руха в районе. Действительно, Валентина Стрилько была среди его активных инициаторов и лидеров. Однако по моему субъективному мнению, настоящим вдохновителем и организатором украинского культурного, просветительского, а главное – политического возрождения в районе был член бюро Бориспольского горкома партии, главный редактор районной газеты Валентин Лисица. Он умело

использовал своё служебное положение, превратив обычную районку с неопределённым названием «Трудовая слава» в настоящую трибуну «перестройки и гласности», а главное – в настоящую украинскую газету, что называется, «от земли». Его кабинет превратился в штаб создаваемого Руха, а полосы газеты – в дискуссионную площадку политических сил. Газета широко подавала материалы о непростой и трагической истории родного края, открыто и активно выступала за открытие украинских классов в двух русскоязычных городских школах, вмешивалась в разнообразные экономические проблемы района, обговаривала характер международных контактов работников местного международного аэропорта.

Это не просто раздражало, а прямо-таки бесило как областное, так и районное «партийное начальство». В течение 1989-1991 годов давление на газету было сумасшедшим. Не брезговали прямыми указаниями бюро горкома и даже обкома. Секретарь горкома Тамара Георгиевна прямым текстом требовала от подполковника Петра Михайловича, начальника нашего отделения КГБ, «разобраться» с главным редактором. Тот же кивал на горком, мол, выводите его из членов бюро горкома, тогда я смогу всё.

Горком партии не имел реальной власти на своих же членов и не мог вот так просто вывести из своих рядов непокорного журналиста. Партсекретари хотели убрать Валентина Лисицу чужими руками, руками КГБ.

Но времена уже были не те. КГБ в то время уже не имел настолько «развязанных» рук. Руководство областного управления и центральный аппарат не смели переступить через инструкцию КГБ СССР от 1956-го года, которая обязывала оперативные подразделения возбуждать внутренние дела оперативного учета на членов партийных комитетов только с разрешения и санкции высших партийных органов.

В течение 1990-го наш босс, Пётр Михайлович, дважды обращался к генералу, начальнику нашего областного управления с рапортом о целесообразности «сбора доказательных материалов об антиобщественной и антисоветской деятельности члена бюро Бориспольского горкома, главного редактора районной газеты «Трудовая слава» Валентина Лисицы в рамках дела оперативной проверки. Но генерал не решался идти с этим к первому секретарю обкома. Времена уже были не те.

Когда же наш подполковник обратился с рапортом в третий раз, приложив к нему ходатайство горкома, подписанное первым и вторым секретарями, генерал не выдержал и вклеил Петру строгий выговор.

Объяснение этого «смелого» поступка не замедлило появиться: в ноябре 1990-го поступил совершенно секретный приказ председателя КГБ СССР о внесении изменений в «библию» контрразведчика – «Классификатор». Целые разделы, среди которых был пресловутый «украинский буржуазный национализм», были изъяты. Теперь «наличие у лица идей и убеждений о самоопределении Украины и построения независимого украинского государства» уже не были основанием для травли со стороны КГБ. Статья уголовного кодекса «Антивоветская агитация и пропаганда», а также часть вторая статьи «Измена Родине» в форме перехода на сторону врага съездом народных депутатов СССР были отменены.

Все дела оперативного учета с этим определениями были прекращены, сами дела были уничтожены по акту в присутствии не менее двух офицеров, а акты об уничтожении были направлены в специальный архив 10 отдела КГБ УССР.

Только одно дело оперативной проверки было реализовано действительно «по-чекистски». 7 ноября 1990-го за участие в акции по недопущению военного парада в Киеве на Крещатике «объект», Михаил Ратушный, был арестован, его офицер-разработчик, майор Гена, и наш начальник, подполковник Петр Михайлович, были отмечены в приказе. Все остальные «наши объекты» громко, и главное безнаказанно протестовали против ареста своего товарища. Ну, а нам было уже не до них. «Украинский буржуазный национализм» превратился в парламентскую партию и мы, как и все «советские люди», молча признали его право на власть. 6-я статья «советской» Конституции о «руководящей и направляющей роли партии» навсегда отошла в историю.

Менялись законы, изменялись правила, что-то не запрещалось, а что-то уже и разрешалось. Однако не отменялись любовь и ненависть. Раскол был не только в обществе, раскол был и среди личного состава КГБ. Именно тогда пришла еще одна тайная инструкция по подбору кандидатов на работу в органы КГБ: «отбирать исключительно преданных социалистической идее и интернациональному долгу» (тогда еще продолжалась жестокая и бессмысленная война в Афганистане). Силловые

структуры Украины продолжали пополняться «интернационалистами», которые либо не были украинцами вообще, либо искренне ненавидели так называемую демократию вместе с Украиной вкуче и являлись откровенными «приспособленцами». Именно тогда и в Бориспольском, и в других подразделениях КГБ, появятся молодые, отчаянные и правильные, голодные и зубастые коммунисты-лейтенанты, через десять-двадцать лет сформирующие безапелляционное СБУ, готовое выполнить любой преступный приказ циничной якобы украинской власти.

Давление на «неправильную» районку не прекращалось, несмотря на решения московских съездов. В день, когда страна слушала «Лебединое озеро», а над Борисполем кружились 40 бортов с десятью тысячами головорезов витебской дивизии ВДВ на борту, уже бориспольский горисполком принял окончательное решение: прекратить финансирование районной газеты «Трудовая слава».

Четыре месяца коллектив газеты будет работать без зарплаты. Все будут смотреть на своего главного редактора, а он не сможет в этой ситуации ничего изменить. Так будет продолжаться до декабря 1991-го года, до самого референдума, на который журналисты его газеты будут отчаянно работать. Дождавшись появления независимой Украины, не имея заработной платы, главред «Трудовой славы» в отчаянии застрелится.

После его похорон финансирование газеты возобновится.

Всё будет по-прежнему.

Не будет ли только Валентина Лисицы.

Двадцать лет спустя:

Объект ДОР «Тощий» Михаил Ратушный – народный депутат Украины трех созывов, председатель правления Института национального государственного строительства, а с недавних пор – председатель Украинского Всемирного Координационного Совета.

Объект ДОП «Стерва» Валентина Стрилько – была заместителем главы Киевской областной госадминистрации, сейчас президент Международного образовательного фонда им. Ярослава Мудрого.

Объект ДОП «Хмурый» Анатолий Ковальчук – был заместителем главы Бориспольской районной госадминистрации, сейчас помощник-консультант народного депутата Украины.

Объект ДОП «Пикетчик» Роман Никифорук – долгое время возглавлял Киевскую городскую клиническую психоневрологическую больницу № 1 (Павловскую), в настоящее время врач-практик.

Бывшие компартийные секретари, генералы и оперативники госбезопасности уже вышли на неплохие заслуженные пенсии, живут ничего себе и даже посылно участвуют в политической жизни своих районов, городов, а то и государства в целом.

Начальника местного отделения, подполковник Пётр Михайлович, учитывая его неумное рвение, уже неуместную даже в спецслужбе большевистскую преданность и страсть к алкоголизму, как потом мне рассказывали уже бывшие коллеги, впоследствии был отстранён от этой ответственной должности. Однако он не пропал, а быстренько перебежал в особый отдел СБУ местного военного гарнизона, где его ещё несколько лет откровенно терпели, пока не провели на заслуженную пенсию. Но когда его снимали, говорят, наш генерал публично заявил: «Не того мы в свое время уволили». Мне так и не предложили восстановиться на службе. Самое обидное для меня в этом было то, что я так и не был удостоен чести присягнуть на верность моей Украине!

А на Рогозовском кладбище города Борисполя над могилой Валентина Лисицы поют степные птицы.

«ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ»

По собственному желанию – и с работы, и на тот свет. Если оно совпадает с волей партии, КГБ и иже с ними.

Ушел из жизни Валентин Лисица. Ушел сам, по собственному желанию. В предсмертной записке просил не искать виновных. «Кроме газеты, я ничего не умею делать, и если она погибнет – мне не жить» – говорил друзьям.

Он умер, продлив жизнь газете.

Снова и снова смотрю на фотографию.

Он в центре – мой друг Валентин Лисица.

Валентин внимательно слушает выступление Левка Лукьяненко, только что избранного народным депутатом украинского

парламента. Говорит Левко Григорьевич, после него женщина из горкома партии и он обращается к ней: «госпожа секретарша». Этим и запоминается присутствующим его выступление и этот день, когда впервые за много десятилетий было вслух упомянуто бориспольское антибольшевистское восстание. В Борисполе впервые открыто прозвучало: «Наши деды выступили против большевизма ещё в 1920-ом».

Я в кадр не попал. Офицеру госбезопасности нельзя попадать в кадр. Я сидел на скамье автобусной остановки рядом с кладбищем и наблюдал за панихидой.

Перед окончанием панихиды из ворот кладбища вышли две разъярённые женщины.

– Вы записываете? Записываете? – Узнав меня, спросила одна из них, та самая «госпожа секретарша», надеясь, видимо, на то, что моя запись станет последним сокрушительным доказательством в суде или ещё где-нибудь при вынесении приговора «дерзким желтоблагитникам», которые – о, ужас! – дорвались до депутатских мандатов.

– Пишу, – соврал я, чтобы оправдать своё присутствие на заброшенном кладбище.

Люди молча расходились. Выступающие дружно задымили сигаретами. Сматывались сине-желтые флаги. Мимо меня прошёл «матерый националист» лет восемнадцати с плакатом про Бандеру. От произнесенных дерзких речей небо не упало, земля не раскололась. Часы показывали, что пора домой.

Ни я, ни Валентин Лисица не знали тогда, что именно этот день станет в нашей жизни решающим, станет началом дружбы кагэбиста с человеком, которого КГБ преследовало более двадцати лет.

Однако день еще не закончился. Левка Григорьевича местные руховцы пригласили к себе и почти до ночи они что-то друг другу доказывали, соглашались, спорили, ссорились и объяснялись в вечной дружбе. А главными фигурами на той встрече, несомненно, были двое: Валентин Васильевич Лисица – редактор районки, член бюро горкома, главный идеолог и организатор панихиды по жертвам антибольшевистского восстания в Борисполе и легендарный народный депутат Левко Григорьевич Лукьяненко – тоже бывший райкомовец, а в дальнейшем многолетний политзаключённый.

Наутро агент «Легинь» письменно отчитается начальнику КГБ (наиболее ценные, по мнению начальника, агенты подчиненным операм не передавались, а оставались на связи лично у него), что с членом горкома Лисицей связаны основные события вчерашнего дня. Так случилось, что копию агентурного сообщения печатал я. В нем все было вполне типичным, если бы не одно обстоятельство: что «вражиной» объявлялся член бюро горкома правящей партии.

В Борисполе я служил второй год и уже знал, кто есть кто. Осознавал и то, что Бориспольский горком должен гордиться своим членом бюро Валентином Лисицей. Он был на голову выше всех ростом и на три головы по уровню эрудиции, интеллигентности, образованности и порядочности.

Как и все мы, Валентин тогда ещё верил в партию, в коммунистические идеалы, надеялся на будущий поворот к общечеловеческим ценностям, к правде. Думал, что обращение к исторической правде вынудит функционеров пересмотреть идеологические догмы. Он прилагал много усилий, чтобы его газета заставляла читателей думать, пробуждал в них человеческое, историческое и национальное достоинство.

Тогда мне ещё не была известна фамилия генерала, начальника управления внешней контрразведки Первого Главного управления КГБ СССР (политическая разведка) Олега Калугина. Но я уже знал о капитане Викторе Орехове, сотруднике оперативной группы 5-го (идеологического) управления КГБ Союза в деле Орлова и Щаранского. Пытаясь в начале семидесятых помочь диссидентам, он потерял не только погоны, но и свободу на целых восемь лет. Знал также имя полковника Ярослава Карповича, который верой и правдой служил системе 25 лет, в отставку ушёл с должности начальника 5-го отдела московского КГБ. Публичная попытка в журнале «Огонёк» подвергнуть сомнению свою деятельность стоила ему пенсии, наград, обернулась откровенной травлей со стороны вчерашних коллег.

Они сделали свой выбор.

Теперь этот выбор должен сделать я.

Валентин Лисица ещё верил в партию, а ржавое колесо партократической системы крутилось дальше. Райотдел отписал начальнику обласного управления КГБ, brave генерал для размышлений – секретарю обкома, обком – горкому: принять меры, вывести из бюро, отстранить от руководства газетой.

Через день-два закрытое заседание бюро Бориспольского горкома партии констатирует: «Враг пробрался в наши ряды. Не раскаивается за вольнодумство, не оправдывает доверия... Выговор ему! Из бюро – прочь. Из газеты – прочь!»

Только забыли руководители, что на улице не тридцать седьмой. Из бюро выгнать можно, но из горкома – нельзя. Помехой был высокий авторитет Валентина Васильевича в Борисполе. Не согласились члены горкома, в основном люди порядочные, с приговором «измена» (так была охарактеризована встреча коммуниста с антикоммунистом). Тот факт, что антикоммунист Лукьяненко имел статус народного избранника во внимание, конечно же, не принимался.

Из газеты тоже просто так не выгонишь, прошли те времена... Поэтому и применили к Лисице испытанный метод – «по собственному желанию».

Хорошо знакомо Валентину это «собственное желание». Так его уже увольняли. Почти полгода он, профессиональный журналист и переводчик, «по собственному желанию КГБ» являлся безработным в стране, где безработных «не было». Памятным ему было и то, как вспомогательная школа, в которой училась его глухая дочь (его неутешное горе) «по собственному желанию» родителей учеников за одну ночь стала русскоязычной.

«По собственному желанию» тогда жили мы все. Он, коммунист Валентин Лисица, тоже обнаружил «собственное желание» под давлением бюро. Один из членов этого достопочтенного органа настаивал, чтобы «собственное желание» было засвидетельствовано сразу же, чтобы ничего уже не могло измениться. И Валентин вынужден был дать слово, что оставит газету.

До поздней ночи просидел тогда Валентин Васильевич в своем редакторском кабинете, упорядочивая бумаги перед передачей газетного руля в другие руки. От этой безрадостной работы его оторвал мой телефонный звонок.

– Какого черта? – Отозвался он на мой голос. Человек, потерявший главное, уже не боялась обидеть кэзэбиста. – Что вам от меня нужно?

– Что нужно нам – тебе известно, а что нужно мне – объясню при встрече, о которой я прошу срочно и тайно, – ответил я.

– О тайной встрече по телефону не договариваются, – парировал он моё красноречие.

– Я сам себя не прослушиваю, – успокоил его.

Хотя мы и были знакомы, но именно ту, проведённую по всем правилам конспирации, встречу можно было назвать нашим настоящим знакомством.

Валентин Лисица почти всю сознательную жизнь, чувствуя на своем горле руку КГБ, не мог, конечно, поверить, что капитан госбезопасности не готовит какой-то хитроумной провокации. Если бы этот четырёхчасовой ночной разговор в его расхлябанном «Запорожце» был записан, он стоил бы публикации. Меня тогда нёс на крыльях бог красноречия. Чтобы убедить Валентина порвать заявление «по собственному желанию», мне пришлось не только цитировать классиков от Эразма Роттердамского до Тараса Шевченко, но декламировать стихи и даже петь песни. Такого рафинированный интеллигент от кэзэбиста явно не ожидал. Но дело осложнялось тем, что Лисица дал слово членам бюро, а понятие чести для «гнилого» интеллигента совсем иное, чем для жандармского служаки.

За те четыре ночных часа мне удалось вывести Валентина из состояния безысходности и депрессии. К утру это уже был человек, готовый отстаивать свою правду хотя бы даже кулаками.

– Заявления писать не буду, – бросил перчатку партократам Валентин. – Снимайте, если сможете.

Для партбюрократов, умеющих лишь распределять и властвовать, но не способных на действие, это оказалось холодным душем. Снять редактора они были не в состоянии.

Горкомовские клерки вместе с различными активистами, наблюдателями, сочувствующими и злорадствующими вдруг увидели, что реальная власть коммунистов закончилась...

Чтобы понять одну из причин самоубийства Валентина, обратимся к взаимоотношениям честного интеллигентного человека с организацией, печально известной под аббревиатурой КГБ. Ещё в конце 60-х, когда на смену хрущевской оттепели приходил брежневский застой, студент Киевского университета Валентин Лисица, имевший широкий круг связей со своими единомышленниками, так называемыми украинскими националистами, был отобран для «благородной» роли агента КГБ. Но проявляя свое национальное сознание, он продемонстрировал политическую несознательность и сделку с КГБ отверг. Тогда на него давили сильнее, чем бориспольское партбюро. И Валентин поставил вопрос так: сотрудничество или жизнь. Прощание

с жизнью по собственному желанию он уже тогда рассматривал как форму протеста.

Мне, офицеру госбезопасности, которому приходилось неоднократно вербовать агентов, такая ситуация знакома до боли. Тот Мефистофель конца 60-х, которому, возможно, и я жал полковничью руку, своим непрофессионализмом и невежеством нанес Лисице тяжелую психическую травму, которая сказалась через 25 лет.

Последняя запись о Валентине Васильевиче в анналах КГБ датирована 1983 годом: его сняли с учета и прекратили наблюдение за его общественной и профессиональной деятельностью. Тогда и начался стремительный взлет Лисицы по служебной лестнице: ему не мешали.

Но он этого не знал. До последнего своего дня он считал, что его телефон прослушивается, корреспонденция перлюстрируется, неосторожные слова фиксируются. Думал, что именно он возглавляет список, составленный местной госбезопасностью для интернирования, арестов и ликвидаций во время путча.

Как только мог, я убеждал его, что нечего бояться, что его имени нет в печально знаменитых путчистских списках, потому что нет необходимости эти списки составлять – всё во внутренних архивах. Путч я лично встретил уже как лицо, отстраненное от должности и находящееся «в распоряжении управления кадров». 7 августа 1991-го меня отстранили от службы в органах КГБ. Формулировка традиционная – «по собственному желанию», но почему-то без права оставаться в запасе госбезопасности. До путча оставалось всего 12 дней.

А ещё через четыре месяца бориспольчане прощались с Валентином Лисицей...

КАК НЕПРОСТО БЫТЬ РОМАНТИКОМ

Не секрет, что те действительно счастливы в жизни, кто сумел сделать своей основной жизненной профессией дело, которое одновременно является и хобби, и страстью, и удовольствием. А если твоё увлечение, талант и умение, кроме всего прочего, еще дают средства к существованию – что может быть лучше?

У меня есть друг детства, который никогда не выезжал из сухопутного Яготина, но всю свою жизнь строит морские яхты. Ещё в школе, когда мы зачитывались романами о славных капитанах, пиратах и морских путешествиях, он рисовал паруса и, как мог, изучал морское дело, такелаж, ветра, течения и гидродинамику. До сих пор в нашем городе его считают чудачком, всё время подозревают в чем-то таком незаконном, потому что он, будучи почти сорок лет официальным безработным (таким он умудрялся быть ещё при советах), все эти годы строит уникальные прогулочные речные лодки и чайки, а также настоящие морские яхты. И не только их строит, но и обошел на своих судах Днепр, окрестные реки и даже Чёрное море. И сегодня яготинец Николай Самокиша является великим мастером своего дела и непрекаемым авторитетом республиканского масштаба, несмотря на то, что не имеет профильного образования. Но именно по уровню образованности в этой области человеческого знания ему, пожалуй, нет равных. И не только в его городке.

Он неопиcуемый романтик, которому мы, его ровесники, втайне завидуем.

Может ли быть романтиком человек на государственной службе? Может ли он выполнять ежедневную скучную и утомительную работу с удовольствием и восторгом?

А может ли быть доволен своей деятельностью человек, профессией которого является плетение замысловатых узоров из человеческих судеб, и в распоряжении которого разрешённые государством и рекомендованные соответствующей (почти академической) «оперативной» наукой шантаж, ложь, коварство, подлый обман и насилие?

Утверждаю: да.

Я таких видел и знаю. Их после тщательного отбора готовят за государственные средства в специальных учебных заведениях. Однако не все, даже успешные, выпускники такими становятся, потому что люди всегда были, есть и будут разными. Система пытается их сделать одинаковыми рабочими винтиками, способными справляться с задачами, которые перед ними ставит действующая власть.

Знаменитый английский киносериял о приключениях Джеймса Бонда до сих пор вызывает неоднозначную реакцию у ответственного и думающего человека. Есть вопрос в том, можно ли давать бесспорную индульгенцию и разрешение на коварство и

убийство? Может ли выгода, даже государственного масштаба, стоить простого человеческого счастья или самой жизни?

Юрий Андропов в своё время пытался решить эту проблему, требуя от своих кадровых служб отбирать в органы КГБ людей образованных, ответственных и моральных. Людей, которые могли бы в принципе в любой ситуации сами сознательно решать вечный вопрос: что такое добро, а что – зло. Это неоднократно подчеркивали в наших «осиных гнездах» – спецшколах. Это же было предметом партийно-политического обучения и воспитания, хотя данная проблема, как и вся остальная «гуманитарщина», не всегда откладывалась в головах и сознании офицеров-агентуристов. Главными все-таки были неотложные задачи партии и, в особенности, те, которые перед нами ставили наши непосредственные, вполне реальные руководители. А они, если откровенно, таких сложностей себе в голову не брали. Они ставили конкретные задания: «найти», «выявить», «изъять», «не допустить», «ограничить», «устранить» и даже «ликвидировать».

Ещё в спецшколе на стадии подготовки случалось, что некоторые из слушателей не выдерживали обнажённости и циничности получаемой информации. Порой не только руководство школы кого-то выбраковывало, но некоторые студенты сами откровенно отказывались от такой службы. На моем курсе один слушатель, лейтенант, прямо на лекции в присутствии генерала, начальника школы, заявил о недопустимости таких методов в работе спецслужб и тут же положил на стол своё удостоверение. Некоторые тихо оставляли службу «под благовидным предлогом», несмотря на высокий номенклатурный статус, зарплату, социальный пакет и будущие высокие пенсии.

Таких не преследовали и, видимо, не ставили на учет. Да и зачем их ставить – они сами всю жизнь будут молчать, пытаясь вытравить из памяти те ужасы, которые должны были стать их повседневной деятельностью. Ну, а если заговорят – то прекрасно знают, что их ожидает.

Мне же, умеренному романтику, казалось тогда возможным лавировать между социалистической моралью и общечеловеческой нравственностью. По правде говоря, темы чести и достоинства в наших откровенных разговорах на кухнях или за рюмкой были не редки, но основной контингент молодых чекистов не считал их принципиальными. Естественно, что само собой

возникло негласное мерило людей: эти говорят о чести и совести, а вот у этих таких разговоров просто не может быть. Это был тот водораздел, безошибочный принцип, по которому люди для нас делились на «своих» и «чужих». По этому показателю внутри системы выбирались товарищи и друзья. Исходя из него начальники подразделений, если они могли себе это позволить, подбирали себе подчинённых, формировали кадровый состав своих подразделений.

Затем, в 1989-м, когда телевидение транслировало прямые репортажи со съездов народных депутатов СССР, такие разговоры выплеснулись и в начальственные кабинеты. В зависимости от того, к какому лагерю принадлежал начальник, представители другого, так сказать, «залегали». Часто идейные противоречия между начальством и подчинёнными выливались в конфликты, нередко заканчивавшиеся не только громким выяснением отношений, но и переводами или даже увольнениями. Особенно это касалось подразделений, занимавшихся так называемой пятой линией: украинским буржуазным национализмом, церковниками-сектантами, творческой, образовательной, научной интеллигенцией.

Но окончательный раскол оперсостава произошел тогда, когда началась массовая реабилитация жертв сталинских репрессий. Собственно, реабилитация проходила и раньше, но проводилась она по решениям судов, пересматривавших уголовные дела: или слишком одиозные, или же по требованию пострадавших, а также их родственников. Сейчас точно не помню, но, кажется, решение о массовых реабилитациях принял съезд народных депутатов СССР. После этого «вооружённый отряд партии» стал шерстить старые архивы и дела с грифами «разглашению не подлежит», «хранить вечно» и «знакомиться только с письменной санкции ЦК».

Примерно тогда же в наш райотдел фельдъегерская связь доставила здоровенный совершенно секретный пакет с одним из таких дел. Все дружно начали его изучать и не сразу заметили, что у нашего начальника Петра Михайловича как-то пропал к этому интерес. Его почему-то не заинтересовал уникальный документ: приговор тройки, написанный на газетном листе поверх печатных букв красным карандашом, где обвиняемый приговаривался к «высшей мере социальной защиты – расстрелу». Обвинять в массовых преступлениях ленинскую партию и КГБ

могли только наши объекты, от нас же всегда, при любых обстоятельствах, требовалось её аргументированно и эффективно защищать. И тут вдруг такое...

Затем начальник дал распоряжение кому-то из нас, инициативных подчинённых, найти сына репрессированного, местного жителя с благородной польской фамилией. Его следовало вызвать в райотдел, предоставить ему для ознакомления, естественно, в нашем присутствии, уголовное дело и от имени Президиума Верховного Совета СССР (интересно, а почему не от имени ЦК КПСС?) принести официальные извинения и соболезнования.

Назавтра мы с нетерпением ждали первую нашу реабилитацию.

Пришел невзрачный мужчина лет сорока с десятилетним мальчиком. Несмело и даже робко прошёл в приёмную, где ему предоставили возможность полистать страшное дело. Было видно: он не знал, что искать. Страницы с грозными резолюциями, фамилиями и датами листал больше для приличия. Затем закрыл дело и спросил:

– А фотография отца есть?

Все бросились помогать: опять развернули дело, нашли подшитый конверт (в каких обычно хранятся фотографии) и вытрянули оттуда четыре или пять пожелтевших маленьких фотографий разных людей.

– А кто из них мой отец?

Мы стояли в недоумении и не знали что ответить.

Вдруг посетитель вскочил из-за стола, встал перед нами с крепко сжатыми кулаками, набрал полные легкие воздуха и... промолчал. Он стоял, не скрывая слёз, а его сын тоже вскочил со стула и испуганно прижался к отцу.

Когда они ушли, оставив на столе подписку об отсутствии претензий к органам КГБ, зашел начальник:

– Ну что там, всё нормально?

В разгар перестройки, во времена зарождения оппозиции правящему режиму, расцвета веры и надежд офицеры-агентуристы, работавшие с этой средой, нередко сами проникались «крамольными» идеями. Не было абсолютного неприятия преследуемых идей, из лексикона исчезало, становилось неуместным когда-то очень популярное в среде оперов понятие

«вражина», которым характеризовался яркий идеологический противник, «неподатливый» объект.

На моем рабочем столе под стеклом (тогда так было модно) как-то незаметно, и, главное, безнаказанно появились газетные вырезки с текстом Хартии прав человека 1948-го года и текст национального гимна «Ще не вмерла Україна». Областные офицеры-аналитики, не таясь, без страха и стыда выпрашивали у меня открытки со стихами Василия Стуса, пачку которых я притащил в райотдел из организованной руховцами встречи в Бориспольском аэропорту останков Стуса, Литвина и Тихого. Всё вдруг стало незапрещённым, нормальным и даже престижным. А однажды я застал своего коллегу майора Гену над несвойственным нормальному гэбисту занятием. Он делал свои правки в тексте «Декларации Народного Руха Украины за перестройку», ругал и поносил руховцев за то, что они, мол, крикуны, бездельники и алкоголики, действительно завалят такое нужное и неотложное государственное дело.

Стало модным искать в архивах и оперативно-справочных картотеках различных уровней (вплоть до самой Москвы) данные о своих родственниках. Как-то на совещании оперативного состава в областном управлении наш генерал распекал за это всех начальников подразделений, за чьими подписями мы посылали эти «мотыльки».

Вдруг оказалось, что многие из нас, «белых и пушистых», имеют родственников, на которых приходили из архивов целые «телеги» компрометирующих материалов. Как могло такое случиться – для меня до сих пор великая тайна. Видно, кадровики в своё время фильтровали их по степени тяжести, серьёзности и личной зависимости кандидата от их авторитета.

Для нас стало ясно, что архивно «чистых» представителей наш народ вообще не имеет.

В прессе появились откровения и размышления генерала разведчика Олега Калугина, полковника идеологической контрразведки Ярослава Карповича. Мы уже не так упорно листали знаменитую служебную, совершенно секретную, толстенную книгу с фотографиями и биографиями изменников Родины и невозвращенцев из-за границы, на розыск которых должны были постоянно направлять нашу агентуру.

Всё это провоцировало меня, подталкивало и побуждало выражать свои мысли письменно и публично. Нет, это не были

соображения относительно действующей государственной системы или методов деятельности спецслужб. Мой писательский зуд родился, когда я услышал по радио обычную литературную передачу о художнице Катерине Билокур, о её трагической любви, прерванной коллективизациями-индустриализациями. Наложив на услышанное свои смутные детские воспоминания, мне открылось, что в детстве я оказался причастен к её творчеству. Так появился рассказ «Цвет жизни», который был опубликован в местной бориспольской районке и перепечатан районкой яготинской. Но сам факт этой публикации стал последней каплей, которая переполнила чашу терпения моего начальника, подполковника Петра Михайловича. Этому также способствовал и мой неприкрытый сарказм по поводу его призывов голосовать за Союз на мартовском референдуме 1991-го года. В какой-то момент им почему-то было решено, что я неприкрытый руховец и предатель. Рядовые служебные совещания вдруг стали проводиться без моего присутствия, что откровенно меня задевало. Отношение начальника ко мне стало заметно коллегам, которые на всякий случай притихли. Нет, наедине со мной они были вполне дружелюбны, однако в присутствии «шефа» молчали.

Как-то мне передали, что наш подполковник возил мой уже опубликованный рассказ «на экспертизу» генералу. Тот, озабоченный своими гораздо более масштабными проблемами, не увидел в нем никакой крамолы. Но видимо, сам факт несанкционированной публикации его тоже не порадовал.

Межличностные отношения с моим начальником медленно, но верно портились. Ставя задачи, выражая замечания или пожелания, наш бравый подполковник-комсомолец умудрялся подчинённого всячески укорить, унижить или даже оскорбить. Это у него получалось легко и непринуждённо. Особенно доставалось майору Гене, которому наш шеф никак не мог простить десяти лет службы за пределами совдепии. Гене (а заодно и мне) доставалось за неуместную в нашем кругу начитанность, эрудицию и... украиноязычность. А еще Пётр никак не мог забыть моего открытого неповиновения и свободомыслия при подготовке к горбачевскому референдуму. Он был крайне недоволен отсутствием оперативной информации по оппозиционному, хотя уже и легальному, Руху. В этом выражалась его неспособность преодолеть идеологическую инерцию, благоприобретенную за годы СССР нетерпимость к инакомыслию. Это было тем риста-

лицем, на котором мы сходились на незримый поединок, даже не касаясь обсуждения этой темы впрямую. Конфликт не мог долго скрываться, назревала какая-то развязка. Со своей стороны я тоже проявлял нетерпимость к откровенному невежеству и самовлюбленности своего начальника. Но когда ему стало известно мое участие в деятельности инициативной группы по открытию украинского класса в местной русскоязычной школе, терпение Петра Михайловича лопнуло.

Вскоре без видимых причин, а на самом деле, как реакция на рапорт начальника по служебно-оперативной годности, на очередном совещании оперативного состава управления мне, как гром среди ясного неба, было объявлено неполное служебное соответствие, высшее наказание офицера перед отстранением его от должности.

Собственно, и само отстранение не заставило себя долго ждать.

Меня пригласили в управление и предложили... повышение. Можно было выбрать подполковничью должность начальника отделения КГБ в азербайджанском, а может уже и в армянском Нагорном Карабахе (где не просто постреливали, а велись настоящие боевые действия с привлечением артиллерии и авиации). Или продолжать службу начальником отделения в литовском Каунасе (где ещё не стреляли, но красноречиво обещали). Сам факт, что на ответственные должности в проблемные точки всесильный Комитет направлял «штрафников», которым я в то время считался, был показательным.

Ну, а если я не согласен, то мог выбрать себе должность опера в отделе, обслуживавшем Чернобыльскую АЭС. Там, правда, все должности начальников и старших оперов были заняты, но ничего – «подождешь год-два, вернешься на должность старшего опера, а там...».

Ну, а для того, чтобы было время поразмышлять над имевшимся выбором, меня отправили в очередной отпуск. Этот июльский отпуск 1991-го я провел без выезда на море или в горы. Почти ежедневно встречался со своими сослуживцами, которые тихо жаловались на самодурство нашего начальника и рассказывали об ужасающих информационных сообщениях из московского и киевского центров, о тревожных ориентировках, видимо, напоминавших лето 1941-го. Мой барышевский коллега майор Иван, в оперативном подчинении которого

находилась Березанская колония строгого режима, рассказывал о команде резко «уплотнить» условия содержания заключённых и освободить места для «пополнения». А старший лейтенант Витя «на ухо» сообщал, что лично знакомился с информацией, адресованной начальникам управлений, отделов и отделений, касающейся заказа двух миллионов наручников Министерству среднего машиностроения от КГБ СССР.

Списки подозрительных и кандидатов на «интернирование» и аресты не составлялись. Да и зачем? Подними оперативно-справочную картотеку – там все «маячки» в наличии. Выбери кого хочешь, а можно и не выбирать, а «закрывать» всех оптом.

Ясно, что имелась ещё целая масса весьма симптоматичных приказов. Например, проверить исправность имеющегося в отделении оружия (чего никогда не практиковалось – и так ясно, что за личное табельное оружие каждый отвечает сам). Срочно провели контрольные стрельбы личного состава. Начальника несколько раз вызывали на совместные совещания с милицеескими начальниками «для согласования возможных совместных действий». Также срочно писались планы согласования различных оперативных служб (а их в Борисполе было аж шесть: горрайонные отделения милиции и КГБ, отделения милиции и КГБ в аэропорту, оперативная часть аэропортовых пограничников, а ещё особый отдел КГБ в местном военном гарнизоне). А в придачу в приказном порядке все, и милиция, и КГБ, готовились к переводу работы с агентурой в режим «особого периода». Что такое «особый период» – объяснять не было необходимости: это война.

Отпуск закончился, и 7 августа 1991-го я появился в управлении в Аскольдовом переулке в Киеве. Пришлось долго сидеть в коридоре под кабинетом одного из кадровиков. Из-за неплотно прикрытой двери слышался мужской разговор на повышенных тонах, к которому я не прислушивался, но вдруг меня резанула фраза:

– Я сторожевой пес империи. Я всегда служил верой и правдой, я...

Что там говорилось дальше, меня не интересовало.

Мне не хотелось быть «сторожевым псом империи». Я почему-то вдруг осознал, что империя – это что-то гадкое, отталкивающее и чужое.

А служить чужим идеалам, да ещё «верой и правдой» – не хочу и не могу.

Желание продолжать службу, а тем более бросать квартиру в Борисполе и ехать с женой и детьми в Карабах, Каунас или Чернобыль у меня так и не появилось.

Когда я написал рапорт об увольнении по собственному желанию, в связи с переходом на работу в народное хозяйство, кадровики облегчённо вздохнули, ведь потребность прессовать меня отпала.

До 19 августа, до путча, оставалось двенадцать дней.

ПУТЧ, ПУТЧ, ПУТЧ...

В августе 1968-го спецназ разведуправления Балтийского флота всего за полчаса захватил Пражский аэропорт столицы Чехословакии, заменил всех их диспетчеров на своих, чем обеспечил молниеносную и беспрепятственную высадку Витебской воздушно-десантной дивизии Советской Армии.

Из инструкции по применению воздушно-десантных войск ВС СССР

19 августа 1991-го, воскресенье, пять утра, диктор ещё ничего не говорил, «Лебединое озеро» ещё не транслируется...

Пронзительно звонит телефон. Я по привычке срываюсь, не осознавая, что уже двенадцатый день, как подписан приказ о моем отстранении от должности старшего оперуполномоченного КГБ УССР. Месяца через два появится приказ о моем увольнении с военной службы по собственному желанию без права находиться в запасе органов КГБ СССР.

В военкомат я пойду позже, где на меня выпучит глаза тамошний начальник отделения по учету офицеров запаса – кагэбистов у них отродясь не бывало. Возник конфуз: ведь звание «лейтенант» мне присваивал министр обороны, а следующие звания – некий председатель чего-то там, что для военкомовцев не авторитет (меня просто перепутали с многочисленными милиционерами, чьих специальных званий они демонстративно не признают). Гэбэшные же запасники стоят на учёте в мобилизационных отделах своих гэбэшных областных управлений.

Уволенные за нарушение дисциплины, бездельники или пьяницы всё же остаются в запасе КГБ и только таким, как я, не пожелавшим служить дальше и уволившимся по собственному желанию, отказывали в праве быть гэбэшниками, пускай даже запаса.

Я, дурак, возмущился, начал качать права и, в конце концов, добился, чтобы мне оставили звание, указанное в военном билете. Вот если бы согласился стать тогда снова лейтенантом, сейчас было бы основание с ними судиться, ведь лишения воинского звания – это официальное наказание, удостоверенное соответствующим приказом и т.д.

О, какой бы был «шкандаль», огласка, пресса, высокопоставленные и высокоуважаемые сочувствующие – смотри, может, и сорвал бы какие-то дивиденды. Боже, ну чего мы такие умные задним числом?

Итак, я схватил трубку и услышал истерический голос моей хорошей подруги Лиды, авиадиспетчера международного аэропорта «Борисполь»: «К нам летит витебская воздушно-десантная дивизия на сорока бортах. Наш военпред бегаёт по залу, размахивает пистолетом и требует их срочно принять. Все оперативные и ответственные дежурные по авиарайону, области, министерству, совмину и ЦК республики извещены, однако все уклоняются от ответственности. Никто не даёт никаких команд. Борта мы сейчас ставим в круг, где они смогут повисеть ещё часа три. Что делать дальше? Что это? Переворот, путч, война?»

С Лидой мы живём рядом. Моей дочке и её сынку по семь годков. Вместе водили детей в соседский русскоязычный детский садик, а сейчас мы с ней создали так называемую инициативную группу по открытию украинского класса в русскоязычной школе. Мы поверили в только что принятый Закон о языках в Украинской ССР, где, в частности, указано, что при наличии восьми заявлений родителей в школе обязаны открыть класс с украинским языком преподавания.

Я, как офицер КГБ, старался не «светиться», а вот Лида, добрая душа, действовала активно. Лично обходила родителей будущих первоклашек и уговаривала, просила, агитировала, а сама всё меня спрашивала, а действительно ли Рух разрешат? А действительно ли украинский класс откроют? Она так тосковала,

что старшего сыночка вынуждена была отдать в русскую школу (ведь она здесь, рядом). Болела за украинский язык, потому что тот был официально запрещён и у неё, и у меня на работе. Хотя беда была не в этом – беда была во всё более наглom языковом поведении и её, и моего начальства, которое позволяло себе не просто громкие заявления, а и унижения, оскорбления и даже увольнение по языковому признаку.

Скажите – такого не было?

Ошибаетесь: такие прецеденты существуют и сейчас, на двадцатом году независимости. Существуют, потому что они безнаказанны.

Лида собрала 28 заявлений, и мы торжествовали. Вдруг оказалось, что открытие украиноязычного класса нецелесообразно, потому что «заявлений недостаточно». Лида подняла шум: она лично передавала эти заявления директору школы, но пока они дошли до гороно, их осталось всего шесть.

Лида побежала по людям и пришла ко мне в слезах. Все правильно. Родители отказались от своих заявлений. Одних стали «уговаривать», другим советовали «хорошо подумать», а некоторым откровенно заявили: если не хотите потерять работу (получить квартиру, машину, путёвку) – не раздражайте горком.

Положив трубку, я подумал – конец украинскому классу в нашей русскоязычной аэропортовской школе № 8. После такого разворота событий никто не решится его открыть, потому что... Потому, хотя бы, что на мою столицу движется целая боевая воздушно-десантная дивизия в полном снаряжении, при полном вооружении, с боезапасом, медикаментами и даже кухнями. Она уже кружит над Борисполем с готовностью выполнить любой приказ партии.

А на башне аэропорта – анархия. Ни один ответственный руководитель или дежурный специалист так и не даёт понятную и однозначную команду-приказ: принимать или нет. Опять Лида звонит мне.

– Здесь некоторые предлагают столкнуть борта, и тогда аэропорт закроется. Но дело в том, что только на одном борту – 250 человек. Живых людей!

– Боже, Лида, ты в своём уме? А ты знаешь, что все без исключения телефонные разговоры службы диспетчеров пишутся в постоянном режиме? И вообще, что вы там думаете? Требуйте решения руководства – в этом ваше спасение. Упирайте на то,

что вы только стрелочники... Неужели мысль о катастрофе действительно присутствует в ваших разговорах?

– А как ещё мы сможем открыть украиноязычный класс?

Ее упоминание об украиноязычном классе окончательно меня озадачило...

Дальше пошли короткие гудки – или Лида бросила трубку, или какой-то наблюдатель отключил телефон (автоматов слежения тогда еще не было, в это сейчас трудно поверить...).

Уже потом Лида мне рассказывала о беспорядке, творившемся в диспетчерской службе аэропорта: ведь никто не отменял рейсы с многочисленными отдыхающими, пассажирами других международных и внутренних рейсов. Приходилось совмещать ежедневный график с режимом чрезвычайной ситуации.

Аэропорт имеет две взлётно-посадочные полосы, одну из которых полностью контролировали военные. Но в то же время их живо эксплуатировали обе стороны. Взлётные полосы были параллельные, начинались зданием аэропорта с пассажирским терминалом и многочисленными вспомогательными службами, находящимися между ними, а заканчивались километрах в трёх далеко в поле различными «рулёмками», между которыми одиноко стоял туалет «типа сортир» – обычный «скворечник» на одно очко.

Военно-транспортные самолёты подходили к воздушному пространству аэропорта в одиночку с севера и их аккуратно ставили в «круг» на значительной высоте, чтобы не мешали повседневному графику работы аэропорта. Диспетчеры тут же вычисляли и передавали пилотам параметры эшелонов, высоту, скорость, дистанцию, направление и скорость ветра и т.д.

Вышколенные военные пилоты десантных Илов и Анов придерживались радиотишины. В то же время в телефонно-телеграфном режиме конференции между оперативными дежурными штабов Москвы, Киева, Минска и Витебска, основных и запасных аэродромов, дежурными министерств транспорта Москвы и Киева велись не просто переговоры, а стоял настоящий «базар» с ругательствами, матерщиной, угрозами, криками и истериками. Иногда он прекращался, когда кто-то из руководителей пытался принять какое-то волевое решение и всем что-то приказать. Однако эти приказы явно противоречили всем возможным инструкциям и разрешениям, что тут же в эфире комментировали диспетчеры, по всем писаным и неписаным

правилам имевшие решающий голос в этой какофонии. Участники этого уникального радиобазара умудрялись в перерывах между радиоруганью заглядывать в телевизоры, уже транслировавшие «Лебединое озеро», периодически прерывавшееся озвучиванием Указа вице-президента СССР о ГКЧП. Все дружно отказывались брать на себя какую-либо ответственность, ссылались на свою «соответствующую инструкцию», которую каждый держал у себя на коленях.

Время шло, у бортов, подошедших первыми, уже заканчивалось горячее, а единственно правильного решения не находилось.

В это время штатная военная охрана периметра аэродрома была приведена в режим «отражения агрессии». Вокруг взлетных полос появились грузовые будки «Уралов», «ЗИЛов» и «Газонов» вперемешку с бронетранспортерами и самоходными зенитными установками, счетверённые дула которых отражали солнечные зайчики и внушали невесёлые мысли. Эту многочисленную технику и цепочки бегущих солдат было прекрасно видно с вершины башни, где расположилась диспетчерская служба и их вид, мягко говоря, не способствовал её профессиональной бдительности и сосредоточенности.

Вдруг старший смены диспетчеров прилёта посоветовал «отодвинуть» эту военную армаду хотя бы на полтора-два километра от здания аэропорта, чтобы не спровоцировать панику среди пассажиров и сотрудников, которыми был до отказа набит аэропорт Борисполь в этот жаркий воскресный день разгара сезона отпусков.

Эта «совет» оказался настолько уместным, что был беспроблемно воспринят как приказ и принят к безусловному практическому выполнению. Именно «выполнение этого совета», по мнению многочисленных свидетелей события, послужило началом для некоторого урегулирования ситуации и видимым окончанием анархии. Поскольку эта команда прозвучала в режиме теле-радио-конференции, её с облегчением восприняли практически все участники «радиобазара». С этого момента все, без учета званий и должностей, обращались к старшему смены авиадиспетчеров как к главному командиру.

Стали поступать доклады передовых бортов о наличии топлива, из чего стало ясно, что они уже «прилетели» – топлива хватало только на посадку. Другого решения быть уже не могло.

После команды старшего смены: «Внимание, подготовить полосу для приема бортов» – базар вдруг прекратился, всё стало происходить привычно, обыденно и размеренно. Все знали, что делать. Команды поступали и выполнялись с точностью никелированного хронометра. Красивые металлические птицы с трёхминутным интервалом касались раскаленного бетона, мгновенно тормозили и скатывались на «рулёжки», освобождая полосу для следующего серебристого красавца.

А ну-ка, умножьте 3 минуты на 40 бортов и получите полных два часа – именно столько длилась посадка дивизии. И всё это вперемежку между взлетами и посадками пассажирских бортов на параллельной полосе, ведь график работы аэропорта никто не отменял.

Позже я спрашивал:

– Рисковали?

– Было немного, – отвечали мне. Однако это было, пусть и необычное, но всё-таки рабочее выполнение чрезвычайного режима. Такая работа.

За это время не было выкурено ни одной сигареты, не выпито ни стакана воды, не сказано ни одного лишнего слова... Ребята потеряли до 10 килограммов веса каждый. Когда они доберутся домой, попадают в свои кровати, забыв пообедать, а некоторые даже и раздеться. И у каждого из них появится прядь седины «на память».

На момент посадки последнего, первый борт стоял уже почти два часа под палящим августовским солнцем на раскалённой бетонной сковороде вспомогательной полосы, так называемой рулёжки. Все на местах: лётчики – в креслах пилотских кабин, а солдаты – в грузовых отсеках, спрессованные как селёдки в полной выкладке, с личным оружием, к раскалённому металлу которого невозможно было прикоснуться. Единственно, что смогли командиры – настезь открыть грузовые люки самолётов, чтобы люди внутри не сварились.

Если в зале диспетчерской вышки аэропорта и в диспетчерском пункте военных шла напряжённая, но привычная работа, хотя и в невероятно бешеном темпе, то за взлётной полосой, за полем, в диспетчерском зале военного терминала все присутствующие продолжали слушать радиобазар между генералами различных ведомств. Те никак не могли решить, что же делать

с прибывшим воинством, не получившим никаких задач, кроме как «прибыть в город Киев».

На разгрузку и движение на город – приказов не было, на отмену боевой готовности – тоже. О них словно забыли. Все попытки узнать о следующих действиях упирались в «ждите особого распоряжения». Обладатели больших звезд на погонах никак не могли воспроизвести какую-либо внятную адекватную ситуации команду. Время шло, жара не спадала... Настала пора обедать, когда вдруг кто-то из «отцов-командиров», наконец распорядился: «с бортов разгрузить полевые кухни, кормить личный состав» и, опять-таки, «ждать особого распоряжения».

Кухни разгружали долго, ведь по боевому расписанию они должны были десантироваться последними, на уже захваченный плацдарм. Солдаты вышли на свежий воздух под палящее солнце и повалились в траву. Конец полосы с табуном самолетов-красавцев затянуло облаком отработанных газов многочисленных моторов, ведь всем этим боевым машинам десанта, газикам, козликам и легкой артиллерии надо было выехать из самолетов, выпустить кухни, расположенные в самом конце, а потом снова въехать назад и спрятаться от солнца.

От самолетов в расположение местной военной авиационной части напрямую через поле по траве, потому что «рулёжки» предназначены только для воздушных судов, потянулись «газики-козлики». Почти десять тысяч молодых здоровых, но измученных жарой и жаждой ребят сейчас просили только одного – воды.

Вскоре задымили кухни. Через некоторое время у них выстроились очереди солдат... Затем обед тут же на траве, и хотя команды «отбой» не поступало, разморенное воинство уснуло в самых живописных позах, демонстрирующих умение советских солдат спасать свои стриженные головы и татуированные тела от прямого попадания солнечных лучей.

Комфорта, правда, не было, но так «воевать» ещё было можно.

А в это время местные начальники, разнообразные дежурные службы, ответственные работники дежурных смен, а также многочисленные пассажиры в аэропорту и вокруг него регулярно менялись. В зависимости от графика «прилётов-вылетов» они заглядывали в экраны телевизоров, прижимали к ушам транзисторные приемники и переспрашивали всезнающих

таксистов и водителей пассажирских автобусов шикарного в то время маршрута «Полёт» – что же там?

Однако каждому хватало своих забот. Кто-то улетал, кто-то прилетал, кто-то провожал, кто-то встречал. А для кого-то это была просто обычная рабочая смена. Ну, прилетели солдаты, ну улеглись на траве. Главное, что никто не стреляет и, кажется, пока не собирается. Шоу закончилось – всем стало не до них.

Уже поздно вечером, когда солнце закатилось за горизонт, и жара спала, командир батальона охраны аэродрома был поставлен в известность: «отражать» ничего не надо, агрессия отменяется, а потому – в казармы. Местная пехота с голубыми погонами живо загрузилась в свои «ЗИЛы» и «Уралы» и отправилась, наконец, домой. В конце колонны к ним пристроились самоходные установки противовоздушного огня с уже зачехлёнными стволами и аппаратами. Их отъезд вызвал облегчение у всех, кто это видел.

Затем наступила ночь, за ней – день. Ожидали, что же будет дальше.

Сначала ждали, что скажет Кравчук, потом – что скажет Ельцин. Как-то не верилось в серьёзность этого балагана, уже названного путчем. Кто-то ждал праздника, кто-то горя. Кто-то радовался, кто-то паниковал, кто-то об этом вообще ничего не знал – страна большая. А кто-то вспоминал слова поэта: «в России было воскресенье, но... очередей оно не отменяло», мол, ну, ну, воюйте, а мы посмотрим...

А воинство в конце взлётно-посадочных полос Бориспольского международного аэропорта продолжало загорать. О нём просто забыли – отцам-командирам было не до него. Генерал, командир дивизии, правда, как и положено, ежечасно напоминал о себе, но его быстренько ставили на место. Мол, ты чего всполошился? Лежите, спите, кухни кашу варят – вот и не мешайте, кому положено, решат державные дела.

Заночевать в августовской степи на ароматной траве – что может быть лучше? Правда, рядом взлётная полоса... Однако если знаешь, что воют на ней гражданские самолеты, то и рядом с бетонкой можно видеть сладкие сны. Ничто не помешает молодому парню нести во сне свою нелёгкую службу. Недаром говорят: «солдат спит – служба идет...».

На следующий день солдатики опять загорали, а следующей ночью – снова спали на траве. Самое удивительное, что никому из них, кроме, может быть, командира, начальника штаба и пилотов, спавших в своих креслах рядом с радиостанциями, даже в голову не приходило, что там, рядом с полосой, в зале аэропорта и далее – в сёлах, городах и по всей стране – люди чего-то напряжённо ждут.

Солдат, находящийся в состоянии «до особого распоряжения», по всем уставам и инструкциям лишен любой информации. Когда они вернутся в казармы, окажется, что их грубо обманули – они вернулись не домой, а в другую страну. Может, и не в чужую, однако точно в другую.

В конце взлётной полосы их продержат две ночи и три дня. Потом будет команда «Отбой. Домой». Они, как обычно, загружаются. И снова в неистовом ритме станут работать как военные, так и гражданские диспетчеры воздушного движения, но это произойдёт уже вполне буднично. Будто бы те же три минуты на взлёт, однако уже без страха. Просто, красиво и увлекательно. Позже авиадиспетчеры скажут молодым – вам такое и не снилось.

...На следующий день мы с женой, нашей хорошей знакомой Лидой и её мужем копали картошку на своих огородах-участках, выделенных для работников аэропорта в зоне отчуждения взлётных полос. Именно в поле по транзистору мы и услышали то исторически трепетное «Украина стала независимой».

Жара спала, на широком поле здесь и там копошились люди, собирая картофельный урожай. Когда ветер дул от конца взлётных полос – он приносил необычный запах, если это можно было назвать запахом. Говоря просто – это была ужасающая вонь. За три километра через поле ощущался стойкий запах экскрементов, не заглушаемый даже керосиновыми выхлопами авиационных двигателей, ревавших на форсаже.

– А это всё пришлое воинство, – объясняла Лида. – Представляете, посадили на поле на трое суток дивизию почти в десять тысяч человек и забыли. Говорят, лежите, спите, ешьте кашу. А туалет? Там же чисто поле и только один туалет для obsługi. И теперь уже третья смена, используя все возможные средства, пожарные машины и автообмывщики с реактивными пенными установками не может добраться до этого скворечника.

У каждого своё ощущение того или иного жизненного, семейного или исторического события. А у меня память о путче связана с опеределённым запахом. И вроде никаких аналогий или аллегорий. Хотя, с другой стороны, как тут без них.

А еще через неделю мы с Лидой вели своих детей в школу. В такой желанный и выстраданный украиноязычный класс нашей аэропортовской школы. И никакой путч или иная какая нелепость не могли помешать его открытию. А ожесточенными «ретроградами и русификаторами» впоследствии почему-то объявили местного завгороно и директора школы, как раз и приложивших титанические усилия для появления этого класса. У нас всегда так принято: виноваты соседи, коллеги, агенты или другие вольные или невольные слуги системы, а не человеко-ненавистнические имперские идеи, которые они не могли не воплощать в реальность.

Вы спросите – а какая связь между моим увольнением и тем, что происходило в эти три дня в Бориспольском аэропорту?

А имеется такая связь. И очень конкретная. Гораздо позже ребята из оперативно-технического управления КГБ при моем увольнении из комитета (или простите, уже из СНБУ, Службы национальной безопасности Украины – так временно называлась наша контора до 25 марта 1992-го) подарят мне на память магнитофонную запись нашего с Лидой разговора в утро 19 августа. Напоминаю, что в нем мы на полном серьёзе обсуждали возможность организации настоящей авиакатастрофы. Думаю, таким трофеем похвастаться могут немногие. Вот только никакие музеи не стоят ко мне в очередь за этим раритетом.

«ПСЕВДОНИМ СЕБЕ НЕ ИЗБРАЛ» ЛЕСЬ ТАНЮК НЕ ДОГАДЫВАЛСЯ, КАК НА НЕМ ЗАРАБАТЫВАЛ КГБ

27 ноября 1992 в киевской газете «Молодая гвардия» ректор Института повышения квалификации работников культуры Минкультуры Украины господин В. Чернец в своей публикации предоставил материалы КГБ, стремясь нас убедить в том, что народный депутат Украины, известный театральный режиссер, критик, писатель и драматург Лесь Степанович Танюк вроде является агентом всесоюзной «охранки».

Мне, бывшему оперативному работнику органов государственной безопасности с многолетним опытом агентурно-оперативной работы дали ознакомиться с копиями материалов КГБ по Л. С. Танюка и оценить их достоверность.

С чего начать?

Пожалуй, с того, что самой большой тайной каждой спецслужбы (и КГБ не исключение) есть настоящие имена её агенты. И не только действующей, но и архивной, то есть той, которая не используется.

По всем правилам, по которым, кстати, жил и КГБ, материалы на агентов, избранных депутатами различных уровней, должны уничтожаться («Инструкция по оперативному учету в КГБ СССР», доведённая приказом председателя КГБ СССР № 0076 от 1972 г.).

Если они не уничтожены, то есть основания спросить у руководителей спецслужбы (видимо в суде), как могли быть нарушены конституционно закреплённые права человека, а также собственные нормативные акты?

В каких случаях эти материалы могут храниться в архивах спецслужб? Отвечаю: только в том случае, когда документ (здесь – личное дело агента «Тарас») было в свое время признано имеющим оперативную или историческую ценность.

Логично было бы спросить: а куда делось рабочее дело этого агента, если всплыло личное? Для тех, кто не понимает, поясню: рабочее дело – это папка, где хранятся оригиналы агентурных сообщений, написанных агентом. Если бы «Тарас» был в свое время реальным агентом, не думаю, что написанное им было бы менее интересным, чем то, что написано о нём.

Если это действительно так, то вопрос к руководству Службы безопасности Украины: как могло случиться, что оперативные архивы, «святая святых» спецслужбы, стали проходным двором для различных политических шантажистов? Ведь не секрет, что умело ими оперируя, можно спровоцировать всё, что угодно – от политической нестабильности до гражданской войны.

Дело сохранности такого архива – забота не только спецслужбы, но и законодателей. Где закон об архивах? Где гарантии неиспользования государственных тайн в политической борьбе?

Теперь читаем сами материалы.

Первое, что бросается в глаза: «учитывая личные качества Танюка, подписка о секретном сотрудничестве от него не

отбиралась, псевдоним себе не избрал». Эта фраза мне как бывшему оперативному работнику говорит, что Танюка, возможно, действительно вербовали, но получили отпор. А для того, чтобы оправдаться перед начальством (т. к. вербовка была не только запланирована, но за нее, видимо, уже и отчитались), эти горе-вербовщики и решились на такую запись в деле. А Танюк-то, куда он денется? Ведь он на «железном контакте». Можно организовать даже контрольную встречу агента с начальством. Ну, а то, что его «завербовали» и выдали за агента, Танюку не известно.

Знаю конкретные факты, когда оперативные работники отчитывались о вербовках «авторитетов» или иностранцев, подозреваемых в подрывной работе против СССР, но при этом эти самые «агенты» ни сном, ни духом о том, что они завербованы, не знали, со спецслужбами не сотрудничали и вообще в жизни с операми не встречались.

В материалах отсутствуют тексты, написанные рукой Танюка для КГБ, а потому о его сознательном сотрудничестве со спецслужбами не может быть и речи.

Ещё один вариант.

В оперативной работе существует такой термин, как «агент втёмную». Это означает, что КГБ практиковало вербовку агентов, которые и сами не знали, что они сотрудничали с КГБ. Это, как правило, те люди, которые сознательно на вербовку не пойдут.

Представленные материалы пытаются убедить нас в том, будто Танюк Л. С. имел намерение обмануть КГБ, а ребята из «конторы», мол, всячески поддерживали это его мнение. Если дело обстоит именно так, то называть Танюка Л.С. «помощником КГБ» – просто некорректно! Не сравнивайте Танюка с профессионалами из ЦРУ, которых госбезопасность (мне известен такой факт) держала «агентами втёмную».

Детальный анализ текстов говорит о другом. Скорее, Танюк водил за нос тех, кто собирал на него компрометирующие материалы через агентуру, наружное наблюдение, прослушивание телефонов, перлюстрацию почтовой корреспонденции.

Сегодня же Танюк Л. С. имеет все основания подать в суд на правонарушителей из КГБ, чтобы ему возместили моральный ущерб от такого, с позволения сказать, «сотрудничества».

Ещё одно замечание.

Рассмотрим сведения о получении вознаграждения за сотрудничество. Главное – это не расписки Танюка, а отчётный документ оперативных работников о расходах денежных сумм.

Документ вызывает сомнение ещё и потому, что, например, записи №№ 1, 2, 3 и 4 сделаны за одним заходом (одно чернило и почерк), но первая датирована 1975-м, а последняя – 1978-м годом. Так же в один день сделаны записи № 6 и № 7 – одна за 1979-й, вторая – за 1980-й. И, наконец, запись № 2 – за 1978-й, а следующая № 3 – за 1977-й, хотя логично было бы наоборот.

Ну, а о том, чтобы Танюк Л. С. написал расписку о получении именно 30 рублей (тридцать серебряников! – такая сумма, указанная в ведомости, якобы была ему вручена впервые), простите, и вовсе не поверю. Это психологический вызов. Этот прием применяется оперработниками для закрепления психологического давления на агента. Но в любой спецшколе будущих оперов учат избегать этой магической цифры, особенно в работе с верующими и интеллигентами.

Суммы свыше 40 рублей выдавать агентам можно было только с разрешения не ниже заместителя начальника управления и с необходимой аргументацией (рапортом). Суммы по 100 рублей и более, фигурирующие в ведомости, могли давать только особо ценным агентам, но таким, как свидетельствуют предоставленные материалы, Танюк не был.

В материалах также фигурирует печатная копия агентурного сообщения Л. Танюка, подписанная буквой «Т». Как мы помним, Танюк себе псевдоним не избрал, а значит, его и не знал. Если бы знал, то подписался бы «Тарас». Да и сам псевдоним «Тарас» – свидетельство об уровне понимания специфики украинского национализма специалистами Пятого управления КГБ СССР (а там были специалисты действительно высокого класса) или теми, кто готовил фальшивку.

Вызывает удивление также и то, что в анкете «действующего и особо ценного агента», в качестве которого пытаются выставить Танюка Л. С., не заполнена графа «К личному делу №...». Если бы это был действительно действующий агент, которому платят аж по 100 рублей вознаграждения (тогда это были большие деньги), то его дело руководство просматривало бы не менее раз в два-три месяца. И за почти десять лет сотрудничества хоть одному генералу или полковнику бросилось бы в глаза

такое безобразие, как отсутствие номера личного дела агента (сам за такое свое время получал замечания).

То же видим в рапорте на вербовку агента, где упоминается отец Танюка, некий агент «Петров». Если бы это писал я, то меня бы спросили, а какой у этого «Петрова» действующий или архивный номер?

Особенно интересна та часть, где нам пытаются объяснить, что книги Танюка о Крушельницком, Кулише, Курбасе и других является заказом КГБ для «укрепления легенды агента». Здесь явно прослеживается тенденция прилепить к отчету всё подряд. Даже то, что не «вяжется». Но только таким образом оперативник мог объяснить начальству, почему Танюк, уже будто бы «перевоспитавшийся» и отошедший от национализма, всё же продолжает «националистическую деятельность».

Из бумаг следует, что Танюка готовили к засылке в центры ОУН, но за двадцать лет московской деятельности ни разу так и не выпустили за границу. Это говорит о том, что он, как и другие диссиденты, был невыездным. А вообще-то засылаемых агентов обычно предварительно «обкатывают», чтобы не возникал вопрос, как, с какого перепугу он вдруг приехал?

В бумагах много намеков на помощь Танюку в трудоустройстве. Но факты свидетельствуют, что Танюка увольняли из театра именно после решения партбюро этого театра. Следовательно, и здесь имеется неувязочка.

Таким образом, вывод первый: оцениваемые мной материалы – фальшивка, изготовленная со знанием дела, но без знания нюансов оперативной деятельности.

Вывод второй: Лесь Танюк, возможно, действительно использовался КГБ в качестве источника информации, в дальнейшем подлежавшей анализу (по оперативной терминологии «агент втёмную»), о чем сам агент не знал и не догадывался. Однако если бы это было так, то в личном деле обязательно присутствовало бы упоминание об этом с резолюцией руководства.

Вывод третий: дело действительно подготовлено в те времена с целью компрометации Танюка в будущем.

Вывод четвертый: это «липовая ксива» фальшивого агента, на которого нечестные оперативные работники списывали рас-

ходы и которым отчитывались о работе, в действительности не выполнявшейся.

Вывод пятый и окончательный: на основании оцениваемых материалов предъявлять Танюку Лесю Степановичу претензии в сознательном сотрудничестве с КГБ может только человек предвзятый или просто невежда.

Я бы посоветовал Лесю Степановичу требовать:

– Возбуждения прокуратурой уголовного дела по факту распространения в зале заседаний Верховной Рады Украины документов, компрометирующих народного депутата Украины;

– Объяснений от руководства СБУ: как могла произойти утечка материалов из архивов, и почему, собственно, не выполнено нормативное требование об уничтожении соответствующих документов, дискредитирующих честь и достоинство депутатов.

В заключение хотелось бы отметить в так называемых документах исследуемого агентурного дела упоминания о делах групповых оперативных разработок «88», «Сеть», «Блок», которые велись КГБ УССР в 70-80-х годах. Эти масштабные чекистские операции проводились по требованию и с санкции московского ЦК КПСС. Дела эти объединены одной целью: уничтожить почву, на которой могли бы прорасти ростки украинского национального самосознания, окончательно и бесповоротно дискредитировать украинскую государственную идею, русифицировать украинскую нацию, ассимилировать её в советский «общерусский» народ.

И ответственны за эти дела не агенты, которых соблазняли, обманывали и принуждали к сотрудничеству со спецслужбами, а уважаемые теперь генералы и персональные пенсионеры республиканского значения. Именно на их совести преступления против нации, а на их руках – кровь людей, вся вина которых заключалась в любви к своему народу. И на такие преступления в нашем законодательстве отсутствует срок давности.

А для того, чтобы прекратить в будущем всевозможные политические спекуляции относительно настоящих жертв этих операций (к которым я отношу не только объектов, но не в последнюю очередь и настоящих агентов всех уровней и категорий), надо набраться смелости и опубликовать материалы дел «88», «Сеть», «Блок», «Художник-верхолаз». Причем это должно быть выполнено в объёме, обеспечивающем неразглашение

настоящих имен их разработчиков, объектов и используемой агентуры.

Потому как эти дела были отчаянной попыткой компартийной промосковской верхушки реанимировать и повторить пригнопамятное «дело СВУ» (придуманого в НКВД дела «Спілки визволення України») 1930-х годов. Одновременно эти дела являются неумолимой констатацией отчаянной борьбы настоящих патриотов моего народа за его государственную независимость.

ФАКТЫ, ОТКРЫВАЮЩИЕ ГЛАЗА

*Интервью «Народной газете» в мае 1995 года.
Записано ее корреспондентом Владимиром Билкеем.*

В последнее время ко мне доходят сведения от моих бывших коллег по КГБ о планомерном уничтожении архивов, касающихся так называемого украинского буржуазного национализма. Не знаю, так ли это, но речь пойдет именно об этих архивах. В своё время через мои руки прошли сотни бумаг, имеющих неоценимое значение для воссоздания правдивой истории Украины. Пусть даже около тридцати, а то и пятидесяти процентов из них не соответствуют действительности, так как являются подделками офицеров госбезопасности.

Хочу подчеркнуть: всё, о чём сейчас говорю, – видел собственными глазами в документах и слышал непосредственно от свидетелей и участников событий.

Полковник Шарубалко (не знаю, жив ли он ещё), находясь уже на пенсии, читал нам лекции, в которых советовал, как легко определить и запомнить численность УПА (Украинской Повстанческой армии): 200 – 200 – 200. То есть 200 тысяч «бандитов» были уничтожены, 200 тысяч захвачено в плен, 200 тысяч ушло на запад. Следовательно, численность УПА – 600 тысяч.

А полковник Шарубалко был не каким-то там рядовым или даже средней руки энкаведистом, а офицером-«бандоловом» (слово-то, какое!), лично участвовавшим в ликвидации командующего УПА генерала Романа Шухевича. Затем, уже в шести-

десятые, он занимал генеральскую должность начальника 2-го (контрразведывательного) управления КГБ УССР.

Как-то я, уже во времена независимости, встретился с легендарным Николаем Лебедем, возглавлявшим службу безопасности ОУН, и тот рассказывал, что постоянно действующая повстанческая армия насчитывала 40-50 тысяч человек. А КГБ завывало данные о численности повстанцев. Против них было брошено 10 дивизий НКВД, а это, как минимум, 100 тысяч человек. Согласно последним данным из Интернета, численность группировки советских войск, подчиненных МГБ СССР в Западной Украине, насчитывала 350 тыс. военнослужащих, и это без милиции, пограничников и военнослужащих Прикарпатского военного округа, тоже привлекавшихся к боевым действиям. Документы, которые я видел, свидетельствовали, что активная борьба УПА продолжалась до 1957-го, и даже в 1962-м совершались отдельные боевые акции. Если взять число 600 тысяч – это, наверное, и будет количество бойцов, прошедших через УПА за 10-15 лет.

Я человек военный, поэтому мне знакомы цифры так называемой мобилизационной готовности. А именно – определено, что 15 человек мирного населения дают одного, кто по возрасту и здоровью способен носить оружие. Итак, умножив 50 тысяч на 15 лет, мы получим 600 тысяч, как приблизительное количество воинов, представлявших 8-9 миллионов населения западных земель Украины в то время.

Эта весьма приблизительная математика, но она свидетельствует о том, что против большевистской империи поднялся ВЕСЬ НАРОД! И именно этот факт тщательно замалчивался советской пропагандой.

Очень много документов из архивов КГБ и свидетельств очевидцев прошло передо мной в связи с известной статьей А. Сахнина в московской «Литературной газете» (1980 г.), где он разоблачил командира и «героя» партизанского отряда им. Щорса, будто бы действовавшего на Киевщине и Черниговщине – Александра Елисеевича Кривца. Сверху была дана команда доказать, что отряд такой был и храбро сражался.

Те документы открыли мне глаза на всю правду.

Мною лично было опрошено около 150 ветеранов, среди которых были и бывшие партизаны, и ветераны УПА, и ветераны Советской армии, проживавшие в Басани, Барышевке, Яготине, Згуровке. Работая в составе группы офицеров, я изучил много документов из архивов КГБ Киевской области. Затем на совместных совещаниях мы докладывали руководству о результатах работы, где отмечали: из документов следует, что весной 1942-го года на территории Киевщины (в основном это южные районы – Богуславский, Кагарлицкий, Ракитнянский, а также все районы Левобережья) на одного советского партизана в борьбе против фашистских оккупантов приходилось десять партизан ОУН-УПА. И так, практически антифашистское партизанское движение организовала ОУН. Я видел конкретные фамилии, биографии оуновцев, написанные позже уже советскими мобилизационными «работниками».

Откуда же взялся миф о массовой героической борьбе именно советских партизан, возглавляемых компартией? В значительной мере этому способствовало то, что осенью 1943-го, когда подошла Красная армия, многие просто поменяли отличия УПА на красные ленты и звезды. Вовсе не хочу унижить этих людей, но это было именно так. И их можно понять чисто человечески. Около половины опрошенных мною утверждали, что пошли воевать против немцев, не глядя на цвет отрядного знамени. Против немцев-оккупантов – это главное! А поскольку борьбу организовали и возглавили люди из ОУН, то и оказались они под синие-желтыми флагами.

А еще рассказы участников партизанской борьбы показали, что примерно половина бойцов была просто против немцев, а половина – сознательно боролась с оккупантами за украинскую национальную идею. Эти документы видели также свидетели, которые могли бы защитить меня в случае необходимости в суде.

Есть село Медвин в Богуславском районе. К началу войны населением составляло около 7000 жителей. В сентябре 1945 года из него выслали более 800 человек «на поселение в отдаленные районы СССР» как «банд-пособников ОУН-УПА». Это, считайте, вся молодёжь села. Я читал документ – только самой распространённой в этом селе фамилией «Смоляр» были заполнены 4 страницы, а другими – ещё 6-8 страниц. Представляете, 800 человек «пособников ОУН-УПА» (целый полк!) в одном селе и

не где-то на Западе, а в нескольких десятках километров к югу от столицы. И в основном это была молодёжь 1924-1928 годов рождения. Всё, что я сейчас рассказываю, основывается только на документах, которые лично держал в руках.

Коснусь и другой темы – отношений УПА и НКВД. В последние годы моей службы я имел на личной связи, из категории внештатных сотрудников, бывшего офицера НКВД-КГБ (назовем его Михаил Иванович). Этот дедушка жив, я его и вчера видел на базаре, здоровались. Ранее он, бывший подполковник, никогда никому этого не рассказывал, даже детям. Но однажды, в очередном разговоре со мной, и с чувством, как мне показалось, вины, рассказал интересную историю.

В 1953-54 годах его, как агента-нелегала, приписанного к одному из райотделов госбезопасности в Ровенской области, заслали в УПА на территорию Ивано-Франковщины. Его задачей было ездить по селам, выходить на связь с агентами НКВД и собирать информацию о действиях «бандформирований». И хотя он видел, что эффективность его работы крайне низкая, его почему-то постоянно поощряло командование. А когда, играя роль бандеровца, оперативник шёл знакомыми селами по второму-третьему кругу, то обнаруживал, что после его предыдущего посещения почти вся агентура НКВД была уничтожена службой безопасности ОУН-УПА. Спустя десятки лет он понял, какая подлая роль ему отводилась. А суть её заключалась в следующем.

Свою агентуру для нелегальной деятельности против УПА НКВД вербовала прежде из неопытных людей, присланных в Западную Украину из восточных областей (врачей, учителей, агрономов...). И вот своими «похождениями» Михаил Иванович, наверняка будучи «под колпаком» у службы безопасности УПА, не ведая, что так было задумано командованием, «светил» почти всю так называемую балластную агентуру НКВД на местах, «подставляя» её под службу безопасности УПА. В результате умышленно жертвуя жизнью десятков сотен завербованных людей, НКВД обеспечивало нужное количество жертв «бандеровского бандподполья». Это была иезуитская операция, которая, кроме «военного», имела еще и другой, «политический» мотив. На Восточную Украину шли сообщения, что их земляков, уехавших на Запад помогать местному населению строить мирную жизнь, уничтожили бандиты-бандеровцы. То

есть сознательно вбивался клин ненависти между разными регионами Украины, ведь когда совершается такое преступление против народа, надо создать образ врага, на которого можно всегда натравить своих же собственных жертв.

ВЫРВАННЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ УЧЕБНИКА ИСТОРИИ

Некоторое время назад мне в руки попала статья доктора истории, руководителя центра политологии Института политических и этнонациональных исследований НАНУ Украины Юрия Шаповала, темой которой была сверхсекретная и сверхважная операция, на свой страх и риск проводимая всемогущим шефом МГБ СССР Берией. Речь пойдет о весенних месяцах 1953-го, когда сразу после смерти тирана этот претендент на высший партийный и государственный пост решил круто изменить политический курс советского государства. Это была отчаянная попытка группы генералов советских спецслужб примириться со всеми на то время воюющими легальными и нелегальными боевыми антисоветскими движениями, попытка вернуться к давно официально провозглашаемым правящим режимом моральным и библейским идеологическим принципам.

Что же это за «группа генералов»?

За годы войны маршал госбезопасности грузин Лаврентий Берия окружил себя лично преданными и многократно проверенными помощниками, такими как:

– Генерал-лейтенант госбезопасности, украинец Павел Судоплатов, во время войны заместитель начальника советской политической разведки. Да, именно этот Судоплатов лично принимал участие в «ликвидациях», организовывал дерзкие «акции» против неугодных Москве политиков. Это тот Судоплатов, который, начиная с момента возникновения организованного украинского повстанческого движения в 1942-м, был бессменным руководителем карательной политики, проводимой Москвой в западных областях Украины;

– Генерал-лейтенант госбезопасности, украинец Павел Мешик, заместитель начальника знаменитой фронтовой контрразведки СМЕРШ, одновременно заместитель командующего 1

Украинского фронта. А с 1945-го и до самой смерти Сталина занимался «контрразведывательным обеспечением» атомного проекта СССР;

– Генерал-лейтенант госбезопасности, еврей Соломон Мильштейн, во время войны руководитель военной контрразведки (нач. 3 управления НКГБ), а с 1951-го начальник ГУЛАГа.

В команде Берии были также другие верные ему генералы: армянин Богдан Кобулов, грузин Владимир Деканозов, еврей Лев Влодзимирский, грузин Сергей Гоглидзе – и ни одного этнического русского! Был, правда, один русский по паспорту, генерал Всеволод Меркулов, рожденный в Азербайджане и выросший в Тифлисе (Тбилиси).

Это именно они планировали и организовывали подавление любых протестов и выступлений в СССР. Они составляли расстрельные планы и обязательства. Они ценой массовых репрессий невинных граждан обеспечивали успех советской индустриализации и «социалистического строительства». Они были исполнителями сатанинских планов кремлевского руководства, планов запугивания, угнетения, наказания и депортации целых народов. Они – создатели Соловков, Сандормоха, Катыни, Быковни и сотен менее известных мест массовых «ликвидаций».

Это в их головы пришел бесчеловечный план «банно-прачечных» эшелонов. Это, когда в зонах, забитых уголовниками, «разгружались» железнодорожные эшелоны, полные молодых женщин и девушек. Живыми из них оттуда не возвращался никто. История человечества знает случаи массовых убийств и массовых изнасилований, но мне неизвестны случаи массовых убийств именно изнасилованием. Такие «секретные эшелоны» шли в ГУЛАГ только в послевоенное время и только из Западной Украины.

Воистину, глупый человек часто бывает жестоким, однако умный – жестокий без меры.

И вот вдруг, именно они решили всё это **ОСТАНОВИТЬ**.

После смерти Сталина 5 марта 1953-го, будучи претендентом на «московский престол», член политбюро ЦК КПСС маршал Берия, размышляя над советским наследием, так неожиданно попавшим ему в руки, решает сделать уже не военно-полицейский, а чисто политический ход: осуществить план примирения с

антибольшевистским подпольем, еще продолжавшим организованное вооруженное сопротивление большевистской власти. Это «лесные братья» Прибалтики, отчаянные чеченцы, отдельные группы басмачей Средней Азии и, самое главное, украинские повстанцы, продолжавшие упорное сопротивление.

Анализ бериевских инициатив свидетельствует, что если бы у него все получилось, в истории, наверняка возникло бы понятие не хрущевской, а бериевской «оттепели». Хрущёв и Горбачёв, по сути, лишь осуществляли (и далеко не лучшим образом) его предложения. Вот основные его инициативы:

– Амнистия 28 марта 1953 года, по которой на свободу вышло 1,2 млн. осужденных и было прекращено 400 тыс. следственных дел;

– Проект, адресованный Президиуму ЦК КПСС, относительно широкой политической амнистии;

– Поднятие вопроса о передаче ГУЛАГа в ведение Министерства юстиции с последующей ликвидацией первого;

– Приказ по МВД от 4 апреля 1953 года «О запрещении применения к арестованным каких-либо средств принуждения и физического воздействия».

Он подготовил в Президиум ЦК заметки о серьезных ошибках в проведении коллективизации в Прибалтике и Западной Украине, о грубых нарушениях национальной политики, о репрессиях в Прибалтике, Белоруссии, Украине.

Он призвал отказаться от навязывания социализма тогдашней ГДР, из которой сотнями тысяч бежали жители, предлагал создать единую Германию.

Именно Берия первым в тогдашнем руководстве считал целесообразным исключить из политического лексикона слово «бандит», которым обычно называли участников повстанческого движения. Он говорил, что в Украине нет «никаких бандитов, а есть только националистически настроенная часть населения».

26 мая 1953 года Президиумом ЦК КПСС было принято постановление «Вопрос западных областей Украинской ССР». Этим решением были признаны серьезные масштабы неадекватных действий режима на западноукраинских землях и последствия этих действий. В частности отмечалось, что «борьбу с националистическим подпольем нельзя вести только путём массовых репрессий и чекистско-войсковых операций, бессмысленное

применение репрессий вызывает лишь недовольство населения...»

Под влиянием этого документа Пленум ЦК КПУ 4 июля 1953 года освобождает от поста первого секретаря ЦК КП Украины зачатого шовиниста и антисемита Леонида Мельникова.

Министром внутренних дел УССР уже 19 марта 1953-го стал Павел Мешик, а заместителем Соломон Мильштейн. Были уволены или отстранены от выполнения своих обязанностей практически все начальники ведущих подразделений центрального аппарата, 18 из 25 начальников областных управлений МВД, создана комиссия по расследованию деятельности Следственной части МВД УССР. Начинается проверка законности деятельности так называемых спецгрупп НКВД, действовавших (мягко сказано) на Западной Украине под видом повстанцев.

Новый министр сразу же зарекомендовал себя большим оригиналом. У членов парткома МВД глаза лезли на лоб, когда Мешик запросто заявлял: «...слушать «Голос Америки» и Би-Би-Си – не криминал, я и сам их слушаю». Или: «...с удовольствием изучаю «Историю Украины» Грушевского». «Как это так, – возмущались идейно закомплексованные, – министр принимает у себя для бесед «скрытых националистов» поэта Владимира Сосюру и писателя Остапа Вишню, отсидевшего 10 лет!».

А ещё министр изучал социально-экономическую ситуацию, прежде всего в Западной Украине. Обращал внимание на «перегибы» в колхозном строительстве, массовые необоснованные репрессии, преследования украинской греко-католической (униатской) церкви и на оперативную обстановку в «беспокойных» областях.

В результате 30 мая 1953 года Мешик подготовил для Москвы заметку, в которой руководство Компартии Украины прямо обвинялось в грубых действиях при создании колхозов, в насилии и безосновательных репрессиях. С резкой критикой партуправленцев он выступил и на упомянутом Пленуме ЦК КПУ в июне 1953 года. Руководитель украинской спецслужбы был категорическим противником некомпетентного вмешательства номенклатуры в оперативно-розыскную деятельность органов.

Как вспоминал генерал НКВД Павел Судоплатов, ставленник Берии мог дерзко посоветовать первому секретарю ЦК КПУ учить украинский язык или требовать от секретаря обкома вернуть «одоленный» для охоты катер пожарного надзора.

Новаторство новой «команды» МВД УССР сразу же сказалось и в области оперативно-судебной практики. 10 апреля 1953 издается директива о запрете применять войска МВД без личного разрешения начальников УМВД, тогда как ранее их применяли по любой просьбе райаппаратов. Чуть раньше, 23 марта, поступает указание об аресте членов ОУН только с санкции МВД. 4 мая министр распорядился приостановить исполнение смертных приговоров и аресты оуновцев, явившихся с повинной. Начинается пересмотр дел с целью возвращения осужденных «бандоуновцев», высланных членов их семей и «бандпособников». Кроме того, «непримиримым» давали понять, что в случае отказа от крайних методов борьбы диалог сторон возможен.

Однозначно, такие новации настроили против Мешика и Мильштейна значительную часть оперативного состава, особенно в Западной Украине. Ведь под сомнение ставилась испытанная годами тактика, базировавшаяся на массированных «чекистско-войсковых операциях», «активных допросах на месте», жестоких методах вербовки.

Под непосредственным руководством Павла Судоплатова разведструктуры киевского центра вступают в прямой контакт с руководством ОУН за границей на предмет консультаций по определению взаимоприемлемых позиций, при которых возможно прекращение вооруженного противостояния. В бездонных глубинах ГУЛАГа находят родных сестер Степана Бандеры и этапируют их в Киев. Сюда же из лагерей также переводят захваченных и пленённых ранее руководителей УПА и ведут с ними соответствующую работу, убеждая их в подлинности благих намерений с тем, чтобы они лично повлияли на решение лидеров ОУН в эмиграции.

Судя по опубликованным рассекреченным архивным материалам, намерения этой бериевской группы генералов были чрезвычайно серьёзными и готовились они на высоком профессиональном уровне. Имея практически все полномочия и возможности, новые власти поменяли не только руководителей украинских силовых структур республиканского и областного уровня, но также всех генералов внутренних и пограничных войск. И это касалось не только западноукраинского региона, но и аналогичных структур Польши, Чехословакии и Венгрии, где были поставлены соответствующие задачи.

Был у меня во время моей оперской службы некий «негласный помощник», руководитель резидентского звена моих агентов, подполковник госбезопасности на пенсии Михаил Иванович. На многочисленных встречах и ожиданиях агентов или просто во время плановых инструктажей у нас было достаточно времени для разговоров «за жизнь».

Вообще-то работа гэбэшного опера имеет такую специфику, что пенсионеры не только не могут, но просто не хотят вспоминать всю ту намеренную, спланированную подлость, которую они были вынуждены осуществлять или по принуждению, или же по собственной инициативе. Да и чем тут кичиться, чем хвалиться? Шантажем, угрозами, грубым насилием, принуждением или «ломанием» ни в чем не повинных граждан «через колено»?

На протяжении многих лет опер привыкает к этому, потому что основное время проводит на работе, среди таких же, как и сам. Его поощряют, оправдывают, хвалят или наказывают, однако никто никогда не подумает его пристыдить. Да и за что? Стыд приходит уже потом, когда «государева служба» остается где-то там далеко, когда сыновья или внуки, гордясь таким вот отцом-дедом, вдруг спрашивают, сколько шпионов он поймал. Вот тогда однозначно возникает дилемма: либо врать, либо молчать. Большинство молчит, ссылаясь на какую-то «государственную тайну». Хотя какие там могут быть тайны в деятельности сельского опера в украинской глубинке, который не то, что шпиона, – границу видел лишь в отпуске на морском горизонте?

Это к милицейскому пенсионеру-оперу не придираются, потому что знают – он работал с криминалитетом. Работа эта нужная, необходимая, хотя грязная, мерзкая и неблагодарная, однако достойная. А гэбэшный опер своё благородство только изображает, потому что боролся всю жизнь с собственным напором. И не просто так, а до крови и до смерти. Рядовые гэбэшные пенсионеры, как правило, или продолжают свою прошлую жизнь в качестве «негласных помощников», или наоборот, гласных партийно-пропагандистских функционеров, вынужденных ежедневно оправдываться в причастности к работе в Конторе. Однако подавляющее их большинство свою последующую жизнь живёт, совершенно порвав со своим прошлым, так, будто его никогда и не было. Не было, а значит – нет никаких

контактов с коллегами, бывшими или нового поколения, никаких встреч, никаких воспоминаний.

Мой Михаил Иванович принадлежал одновременно и к первым, и ко вторым. Я его ещё застал служащим в должности начальника районного отделения. Однако где-то через год после моего появления в этой системе он ушел на пенсию. Никто из нас, молодых, не знал, кто он, этот седовласый несколько прихрамывающий, но все ещё статный мужчина. И только спустя годы, когда попал в его прежнее райотделение и принял его «на связь», узнал о нём и его работе из его же собственных рассказов.

Начинал Михаил Иванович свою службу в 1952-м молодым авантюристом, любой ценой пытавшимся вырваться из своего села на Полтавщине. Ради этого он был готов на многое, если не на всё. Так, отрубив срочную службу, он, молодой пограничник после ускоренной курсовой подготовки попал на горящую Волынь ястребком-нелегалом в одно из местных райотделений МГБ. В те бурные времена вооружённого противостояния территориальные органы госбезопасности практиковали как легальные, так и нелегальные формы деятельности, для чего каждое райотделение имело в зоне влияния своих офицеров-нелегалов, преимущественно выходцев из восточных областей Украины, знающих язык, местные обычаи и работавших с агентурой из числа местных жителей. Работали так называемым «вахтовым методом», т.е. две недели в районе, легендируясь под какого-то инспектора или проверяющего, ночуя на явочных или конспиративных квартирах или вообще где придется, а еще неделю «дома», в райотделе, отсыпаясь и отписываясь о пережитом. А ещё их, как «свободных и непривлеченных», «взвэшники» (внутренние войска) привлекали к неотложным боевым операциям или вылазкам.

Больше года такой службы никто не выдерживал, и если кому везло дотянуть срок, то дальше их переводили отсюда «в тыл». О пережитых жертвах, крови, отчаянии и ненависти такие, как правило, не рассказывают. И о чем тут говорить. Или ты, или тебя. Других вариантов не было.

Райотдел насчитывал более десятка офицеров-украинцев, и только начальник с заместителем были русскими. Какие могли быть между ними взаимоотношения, когда все были

в одной лодке, когда за год службы состав отделения практически полностью менялся: на место погибших присылали других, каждый чувствовал, что следующим покойником может быть именно он. Одной командой пришлось быть из необходимости, ведь в боевых вылазках они не раз спасали друг друга жизни. Настроение внутри этого небольшого коллектива было удручающим. Между собой о высоком не говорили. Не выпивали. Молодым парням было не до девчат (знали, что и за то, и за другое можно поплатиться жизнью). Всё время находились в напряжении, в тревожном ожидании. Между собой дружили мало. Это уже потом, где-то в семидесятые, местные управления КГБ организованно приглашали ветеранов на встречи.

Михаил Иванович рассказывал, что смерть Сталина все восприняли с большой надеждой. Русских-начальников как-то сразу перевели куда-то «в тыл», на их места пришли офицеры рангом выше и преимущественно из киевского центрального аппарата. Сразу же актуальным стал вопрос о недопущении бесполезных или случайных жертв, особенно среди мирного населения и, что было вовсе неслыханно, об уголовной ответственности за это. То же происходило в других отделах, органах милиции и подразделениях внутренних войск, которые базировались здесь же. Всё это однозначно внушало мысли о кардинальных изменениях. С одной стороны, радовало, с другой – вызвало тревогу своей необъяснимостью.

Вдруг из центра поступил приказ: прекратить практику использования нелегалов. Михаил Иванович несколько месяцев просидел в райотделе, наконец, имея возможность познакомиться с такими же, как он сам, сотрудниками отдела, о существовании которых знал чисто теретически, поскольку не имел возможности не только общаться с ними, но и видеться.

Изменения государственной политики стали заметными не только им, силовикам.

Потихоньку сокращалась численность внутренних войск, наконец-то нашлась возможность для ремонта техники, которую начали организованно отправлять «в тыл». Одномоментно прекратились поисковые чекистско-войсковые операции и другие боевые вылазки.

Мероприятия по плановому разминированию и расчистке территорий городов, сёл, лесных и сельскохозяйственных угодий

от мин, боеприпасов и других атрибутов войны стали основными. Сообщения о «бандитских вылазках» становились не просто редкостью, а уже чем-то непонятным и неуместным. В течение всего двух весенних месяцев Указами Президиума Верховного Совета СССР было объявлено целых две амнистии для тех, кто прекратит участие в деятельности «банд-формирований». Тех же, за кем не числилось «совершенных преступлений», обещали после сдачи оружия вообще отпускать домой без проверки.

Местное население, находившееся в этом неопределенном состоянии то ли войны, то мира почти десятилетие, не верило. Но Михаил Иванович с товарищами уже были убеждены: НАКОНЕЦ мир...

Лето пришло в сладком ожидании, потому что за это время в отделении была только одна потеря, да и то на mine. Спать ложились уже без пистолета под подушкой, а перед сном можно было и кое-что почитать – свет в окне перестал быть опасным.

Следили за сообщениями из Москвы: кто же станет новым главой партии и страны. Между собой перешептывались, мол, ой, этот наш Берия, еще не государь, а уже как он закрутил...

И вдруг наступило это знаменитое «холодное лето 53-го». Как гром среди ясного неба прозвучали слова: «Берия – враг народа». В течение всего какой-то недели почти все офицеры силовых структур и подразделений выше майора были заменены на «рязанских» и «тамбовских». В отделениях вдруг появились московские «политработники», отродясь в госбезопасности не водившиеся. Они популярно разъясняли вопросы об «усилении политической борьбы», о коварстве и жестокости бандформирований и о том, что «нам дано оружие не для того, чтобы оно ржавело в пирамидах».

К счастью, год «нелегальной» работы Михаила Ивановича к этому времени уже истёк. Ему несказанно повезло, потому что он был одним из тех немногих, кому повезло планомерно заменить живым и здоровым, чтобы с чувством выполненного долга отправиться «в тыл» для продолжения службы. Через десяток лет его «подвиги» вспомнят, и он будет награжден орденом «Красная звезда», который носить никогда не будет. Офицеры госбезопасности наградами не кичатся.

В органы госбезопасности, тогда, в 1982-м, меня призвали «по прямому зачислению», то есть сразу же назначили на

должность «оперуполномоченного территориального подразделения» и только через полгода мне выпала честь овладеть теорией оперативного искусства в специальном высшем учебном заведении КГБ СССР. Но эти «полгода» мне пришлось что-то делать. И вот для этого в областном управлении именно для таких как я, дюжины «молодых оперов» с улицы, и было организовано с десяток лекционно-теоретических учебных дней, где нам популярно объясняли суть работы: что же нам придется делать в последующие годы нашей службы. А чтобы скучная рутина «основ контрразведывательной деятельности», зашифрованная от постороннего глаза под названием СД-1 (спецдисциплина 1), воспринималась нами приемлемо и в необходимом ракурсе, к нам с лекциями пригласили нескольких легендарных асов контрразведки, фамилии которых тогда нам ни о чем не говорили.

Так я в обыденном порядке прослушал лекцию какого-то пенсионера КГБ, бывшего начальника 2 управления КГБ УССР конца 50-х – начала 60-х годов, отставного полковника Шарубалко. Эту лекцию я добросовестно записал в своей рабочей тетради, на которой секретной частью управления был поставлен строгий гриф «совершенно секретно». Эта тетрадь всё время моей оперской деятельности, несмотря на переводы по службе, верно пересылалась мне вдогонку с предыдущего места на новое фельдъегерской службой страны. Эту лекцию я не раз и не два зачитывал моим товарищам по оружию, потому что просто пересказу того, что я слышал, не верили. Не каждому ведь в жизни выпадает такая возможность прикоснуться к ИСТОРИИ.

Свое карьерное восхождение бывший полковник начал боевиком в группе самого Павла Судоплатова. Когда в 1950-м «генерал-ликвидатор» вышел на след командующего повстанцев Романа Шухевича, в его личной команде оказался молодой капитан госбезопасности Шарубалко.

Несколько лет спустя он, уже подполковник, был непосредственно причастен к организации удачной оперативной комбинации с подставой перевербованного повстанца командующему УПА Василию Куку. Тогда Кука схватили, как говорится, «без шума и пыли», что позволило подать это событие общественности как его якобы добровольную сдачу советской власти.

Далее Шарубалко лично работал с Василием Куком, добивался от него покаянных заявлений, которые громогласно

тиражировались советской прессой на весь мир. Эти достижения вознесли полковника Шарубалко до генеральской должности начальника управления киевского центра. Однако, заслужив доверие чекистов, неблагодарный «агент влияния» Кук вдруг сбежал из конспиративной квартиры. Сбежал, правда, недалеко и ненадолго. В течение нескольких дней его снова задержали и отправили уже в тюрьму, однако именно этих нескольких дней хватило нашему без пяти минут генералу, чтобы потерять всё. Говорили, будто бы по личному распоряжению самого генерального секретаря ЦК КПСС он был разжалован и уволен из органов госбезопасности без пенсии. Ему вспомнили всё: и то, что был в команде Судоплатова, и то, что, будучи настоящим профессионалом и верным бериевцем, выполнял деликатные задачи своего нового шефа, министра внутренних дел УССР в 1953-м, генерала Павла Мешика. Говорят, эти «деликатные» задания не были даже упомянуты в его служебном формуляре офицера, однако о них было известно первому секретарю ЦК КПСС Никите Сергеевичу Хрущёву.

О, эта тревожная весна 53-го. Какой поворот судьбы, какие были мечты, планы и действия. Как близко была надежда на свободу, что придёт когда-то...

Горстка высших генералов госбезопасности при здоровье, в расцвете сил. Все образованные, опытные, обстрелянные, бывалые, прошедшие войны и всевозможные конфликты. Они уже не раз смотрели смерти в глаза. Они уже прошли через абсолютную власть и перешагнули через «не могу», сознательно оставаясь рабами бессмысленной и бездушной системы. Именно этого они и не простили той системе, которой верно служили.

Нет, не надо их идеализировать, делать героями или жертвами. Не надо их считать подвижниками или идеалистами. Они были на своем месте и им выпал шанс кардинально ИЗМЕНИТЬ СТРАНУ, и они рискнули.

Рискнули и заплатили за это жизнью. В том же 1953-м маршал Лаврентий Берия и генерал-лейтенант Павел Мешик были разжалованы, закрытым судебным заседанием осуждены и в темных подвалах тайно расстреляны, чтобы до сих пор не было ни могил, ни реабилитации, ни доброй памяти. После их смерти была проведена специальная операция по дискредитации их имён в будущем. Их так боялись, что уничтожали в спешке. И

только после этого спохватились: а следствие? Ведь речь шла о деятельности военных округов, находившихся в состоянии войны. Речь шла о десятках, если не сотнях иностранных агентов, уже менявших ПОЛИТИКУ СТРАНЫ.

Ещё двух, уже бывших генерал-лейтенантов Соломона Мильштейна и Павла Судоплатова непрерывно допрашивали в течение целого года. После этого Мильштейна расстреляли, а Судоплатова, учитывая его специфические особые личные заслуги и то, что он специалист именно по выборочному террору, к массовому отношения не имеющему, оставили жить, бросив в тюрьму на долгие пятнадцать лет.

В том же холодном пятьдесят третьем, закончили жизнь с пулей в затылке и уже бывшие генералы госбезопасности Кобулов, Деканозов, Влодзимирский, Гоглидзе и Меркулов. А еще были тихо расстреляны генералы Церетели, Мичурин-Равера, Сумбатов-Топуридзе, Савицкий, Шария, Людвигов, Мамулов, Ордынцев, Рапава. Так чекистов не отстреливали даже в тридцать седьмом.

В чем же их вина? За что такое наказание?

Нет, все они как были, так и остались верными московскими слугами. Однако они, выходцы с окраин Российской империи, имели смелость заявить о преступной и пагубной для великой державы откровенно шовинистической национальной политике, проводимой московским центром. То, что Советский Союз, мировая ядерная держава, стоит на грани развала, было ясно им ещё тогда, и они сделали всё, чтобы развал этот предотвратить. Они попытались осуществить это так, как могли, как понимали на тот момент. Одно они осознали ясно: без настоящей свободы национальных республик Союза нет перспективы у государства! Они однозначно заявили: ВОЙНА С УКРАИНСКИМ ПОВСТАНЧЕСКИМ ДВИЖЕНИЕМ – НЕ ПРОСТО ПРЕСТУПЛЕНИЕ, ЭТО ВОЙНА ПРОТИВ СОБСТВЕННОГО НАРОДА, КОТОРУЮ НУЖНО ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ ПРЕКРАТИТЬ.

Почему именно они? Почему именно те, кому приходилось до этого подавлять эти национально-освободительные движения лично? И не просто подавлять, а замарать свои руки невинной кровью по самые локти?

Да потому, что они знали национальные движения, против которых боролись, и их носителей, как никто другой. Потому, что

утверждая большевистские идеи, они были не шовинистами, а обычными наемниками-оборотнями. Как и национальная украинская старшина, которая столетиями утверждала своё право существовать, отвернувшись от своих корней и пропагандируя идеи имперской «русскости» наперекор памяти о сокроенном. Например, о маминых колыбельных, звучавших в их детстве на родном языке, что так и не вытравилось из потаенных глубин их памяти.

Безжалостные профессиональные палачи, они, генералы грузины, армяне, украинцы и евреи при первой же возможности отвернулись от навязшего в зубах господствующего шовинизма в пользу, как ни странно, общечеловеческих христианских ценностей.

Скорые расстрелы без суда и следствия практически всех высших руководителей тогдашней советской спецслужбы нужны были для того, чтобы всю вину за многолетний сталинский террор свалить именно на них. Нужно было найти конкретных виновников, чтобы вывести, таким образом, из-под возможной критики и обвинений большевистскую имперскую идеологию, её теоретиков и вождей.

Может кто-то не согласится с этим моим утверждением? Возможно. Но мне, тому, кто был в кругу таких, как они, кажется, что именно в этом вопросе я прав.

Читая лекцию, бывший полковник Шарубалко не провозглашал лозунгов. Он ни к чему не призывал, не раскаивался и ни о чем не жалел. Он просто выражал частное мнение участника событий, говорил, что ошибки и прихоти высшего руководства государства часто имеют тяжёлые последствия для миллионов... Помнится, в этом месте он остановился и поправился: для десятков миллионов наших граждан.

Увольняясь из органов госбезопасности, я сдал свой пистолет, удостоверение и, отдавая ключи, в последний раз зашёл в кабинет и осмотрел содержимое сейфа. И вдруг стало жаль оставлять там ту самую тетрадь с «совершенно секретными» крамольными высказываниями моих кровавых предшественников о ВОЛЕ, ЧТО ПРИДЕТ КОГДА-ТО...

Последнее действие, которое я совершил напоследок – лично сжег эту тетрадь по акту в специально для этого предназначенной печке в присутствии двух своих уже бывших коллег.

ГЕРОИ-ПРЕДАТЕЛИ

Первое издание этой книги начиналось с посвящения. Но готовя второе издание, мы с редактором после некоторых споров решили его убрать. По его мнению, это посвящение многословно и для рядового читателя не совсем понятно. Да и Виктор Орехов, собственно, лицо малоизвестное, ну, а для тех, кто его знает – фигура достаточно противоречивая. Пришлось согласиться, а уже вечером того дня появилась эта, еще одна новелла о том, кто предал заказчика, но не изменил присяге. Кто поставил честь офицера выше прихоти правителей.

И всё-таки Библия – величайшая книга. Каждый находит в ней то, что хочет. Так и я.

Библия – это первый в истории человечества учебник профессиональной разведки и контрразведки с описанием всех тонкостей агентурно-оперативной деятельности, и, кроме того, личной, а также общественной морально-правовой её оценки. Первого в истории героя-предателя тоже описывает Библия. Вспомните евангельскую историю о Сауле-Павле. Вспомните об истинных верующих, мучениках и святых, на которых будто бы вдруг сошло прозрение.

Можно ли кого-то из наших современников сравнить со святым Павлом? Вопрос слишком вызывающий. Но почему у меня он вдруг возник? Разведка и контрразведка использует различные валюты, но ценнейшие из них – доверие и конкретная разведывательная информация.

Начнем с первого.

Доверие – это не требование к участникам разведывательного или контрразведывательного процесса, сотрудникам (офицерам) или их «помощникам» (агентурный аппарат). Это обязательное условие. Не может сотрудник (агент) вот так вдруг выйти из игры. Он не может освободиться, самоустраниться или отказаться от осуществления своей деятельности. Поставленные задачи он обязан или выполнить, или умереть. С агентом проще: его можно заставить или ликвидировать (о чем его честно предупреждают). Однако и к сотруднику точно такое же отношение. И продиктовано оно ПРАВИЛАМИ ИГРЫ. А поэтому здесь ставим вопрос подбора исполнителей, вопрос в моей

Украине слишком важный, потому что существующий уже более двадцати лет независимости политический расклад предлагает диаметрально-противоположные позиции, ассоциирующиеся с изменой Родине.

Можно спорить, кто больший патриот – коммунист или националист, – однако ясно, что в одной команде спецслужбы они эффективно сотрудничать не будут. Современное руководство украинской спецслужбы это формально бывшие коммунисты. Почему «формально»? Потому что они в своё время избавились от партбилетов. Но ещё неизвестно, избавились ли от них своих бывших имперско-коммунистических убеждений. А служат ли в СБУ сегодня националисты без партбилетов и с соответствующими убеждениями? Вот этого я не знаю (но очень хочется, чтобы таковые там были). А ещё не знаю, как эти раздражающее вопросы решают их работодатели, современные руководители украинского государства, лидеры политических партий, течений и движений, потому что вопрос этот ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВАЖЕН. От ответа на него зависит ответ на вопрос: кому служит Служба, государству или частной персоне?

Из первого пункта следует и второй: правительственно-разведывательная информация.

На неё, кстати, очень большой спрос и немаленькая цена в вечно зеленых долларах. История знает немало громких имён шпионов, удачно продавших чужую информацию, чтобы потом жить безбедно. Однако мирно и, главное, сытно жить им, как правило, не дают. Такие «купли-продажи», как правило, очень беспощадно караются. Торговцов чужой информацией успешно отстреливают, несмотря на их попытки скрыться в иных государствах под охраной чужих правительств. Впрочем, извините за откровенность, предателей не жалко.

В каждом территориальном отделении КГБ моего времени имела толстенная, страниц так на триста-четыре, книга-альбом разыскиваемых изменников Родины с их фотографиями, краткими биографиями и описаниями «проступков перед Родиной». Эту книгу, учитывая нашу занятость неотложными делами, начальник давал нам полистать перед очередной комплексной проверкой или перед посещением нашего отделения секретарём парткома областного управления. Бывший второй секретарь какого-то столичного райкома партии, срочно призванный на службу с первичным воинским

званием «подполковник», очень уж любил проверить наши знания этого уникального, странного и совершенно ненужного в наших сельских районах предмета. Тогда, листая эту книгу-альбом, мы с удивлением замечали некоторые закономерности среди беглецов. Если рядовой-сержант-старшина или моряк-пилот-стюардесса – невозвращенцы, то преимущественно «беспартийные», реже «член ВЛКСМ». А вот бывшие офицеры КГБ-ГРУ и уважаемые чины дипломатии были сплошь «членами...» и количество этих «членов...» в книге было не меньше, чем рядовых-сержантов-старшин и других невоенных вместе взятых. Я уже не говорю о том, что среди «невозвращенцев» нередко были собственно партработники разных уровней.

Вот только в наших отделениях не было такой книги, где бы мы могли бы знакомиться с теми, кто бежал к нам. Говорят, что вообще-то, такие были, но их количество поразительно, в сотни раз меньше количества предателей советской системы.

В своё время выбор в пользу «вероятного противника» сделали немало советских разведчиков. У каждого была своя причина, но только у немногих эта причина стала делом всей жизни, смыслом земного существования.

Так, бывший советский военный разведчик Владимир Резун бежал на Запад, чтобы стать писателем Виктором Суворовым, восстать против советско-российской исторической лжи и донести до человечества страшную правду о Великой войне. Это было делом всей его жизни. И если это действительно так – можно перед ним снять шляпу. Полковник Олег Пеньковський, если верить тому же Виктору Суворову, сотрудничая с американской и английской разведками, сознательно положил свою жизнь ради предотвращения Третьей мировой войны. Или Олег Гордиевский. Узнав от него о панике советского руководства, вызванной убежденностью в том, что под видом учений НАТО готовит ядерный удар по СССР, Великобритания и США смогли изменить их параметры для успокоения московского политбюро и предотвращения политического кризиса.

По сравнению с реальной значимостью для всего человечества тех задач, которые ставили перед собой эти «предатели», верность ленинско-сталинским-брежневским идеалам заметно тускнеет.

Вопрос верности хозяевам перед разведчиками не стоит. Когда они попадают во вражеские руки, то сдают всё – и об этом их хозяева прекрасно знают. Ясно, что в случае провала их обеспечивают и ампулами с ядом, и застрелиться они обязаны... Однако не всё так просто. Человек всегда хочет жить, а настоящий разведчик ещё, к тому же, должен и выжить. Выжить даже через «предательство». В случае провала разведчик «изменяет», то есть сдает всё, что знает, а потому знать он должен немного – таковы условия игры. Когда же он выживает и «враги» ему начинают верить, да ещё и «перевербовывают», то есть ставят задачу (а значит, раскрывают свою заинтересованность определенными конкретными вопросами) – это само по себе уже серьёзная информация, подлежащая анализу. Это успех, с которым можно смело возвращаться ДОМОЙ!

Так, знаменитый английский шпионский ас Сидней Рейли, когда его в 1925-м году «прихватило» ОГПУ, тут же, уже при задержании предложил чекистам свои услуги. Впрочем, и просил он совсем немного – жизнь. Ему это было торжественно обещано, но его «выпотрошили» и... «шлёпнули». Своей бесславной кончиной британский горе-шпион доказал, что он всё же не ас. Настоящие асы, как оказалось, служат вовсе не интересам Её величества. Видимо поэтому позже и оказался востребованным в современном западном обществе киносериал о Джеймсе Бонде, некая иллюзорная компенсация реальных громких провалов и поражений спецслужб «западных демократий» разведкам «тоталитарных» государств.

А вот ещё кое-что из истории «органов».

В 1938-м году бесследно пропал главный советник по внутренней безопасности и контрразведке правительства вставшей республиканской Испании, он же резидент советской разведки Александр Орлов. У этого господина было много имён, но настоящее – Лейба Фельдбин. Только через четверть века оказалось, что он всё это время благополучно, а главное действительно «мирно» проживал в Америке. Он никому ничего не продал. Господин Лейба просто спасал свою шкуру. Он убежал даже не от сталинизма, а от азартных исполнителей репрессивного внешнеполитического курса СССР, повернувшегося в данном случае против своего верного адепта. Фельдбин, как был, так и остался верен ленинско-сталинским имперским идеалам. И даже уже через десятилетия, в шести-

десятих, передал КГБ список сотрудников ЦРУ и ФБР, которые, по его мнению, могли бы быть использованы советской разведкой.

Мало того, позже, в пятидесятых-шестидесятых, завербованная благодаря его личному участию и привлеченная к разведывательной работе в пользу СССР сеть агентов станет причиной громких провалов внешней политики английского и американского правительств. В историю она войдёт под названием «кембриджской пятерки», а один из них, тогда завербованных агентов, впоследствии станет выдающимся советским разведчиком Кимом Филби.

Кстати, автор этих строк имел честь лично слушать это незаурядное и, без сомнения, историческое лицо в Ташкентской школе контрразведки. Запомнился его уже неуместный даже среди нас, тогдашних молодых чекистов, большевистско-коммунистическо-геополитический пафос и сигареты «Памир», на которые Ким Филби, учитывая отсутствие настоящих сигар, к которым привык «в прошлой жизни», вынужден был перейти за годы пребывания в СССР. Мне показалось (извините, это моё личное, несколько предвзятое впечатление), что этот холёный британский джентльмен-денди, почти два послевоенных десятилетия руководивший английскими разведывательными резидентурами всего Ближнего Востока, проживая последние годы в Советском Союзе, потерял свой лоск. По-моему, его рубашка, галстук и московского покроя костюм были не первой свежести, а «клоповый» запах одеколона «Красная Москва» это только подтверждал. Он явно «отрабатывал номер». Одно только и осталось в нём британско-имперского: упорное нежелание учить язык страны проживания. Переводила мудрые мысли, воспоминания и наставления «легенды мировой разведки» его московская жена. Он удивительно напоминал замученного и усталого, когда-то породистого пса, из милости подкармливаемого снисходительным хозяином. Этакий пес Бровка на пенсии, из старинной украинской сказки.

Уникальна и противоречива фигура Богдана Сташинского.

Сначала, как и все мы, агент КГБ. Потом была киевская чекистская офицерская школа (на Большой Васильковской, бывшей Красноармейской), где его натаскивали на работу агента ликвидатора-боевика. Именно он был тем отточенным острием

четко спланированной и виртуозно организованной асом разведки Павлом Судоплатовым чекистской пирамиды, которая и выстрелила ядом в лицо Степана Бандеры.

Кстати, генерал Судоплатов – наш земляк, из Мелитополя. По сравнению с ним Отто Скорцени, гитлеровский любимец, похититель Муссолини – просто мальчик в коротких штанишках.

Мастерская (без кавычек) работа Сташинского была оценена орденом Боевого Красного Знамени и новенькими погонами капитана КГБ. Его ждали головокружительные приключения, близкие знакомые и далекие экзотические страны и блестящая карьера. Но вдруг в его жизни случилась настоящая любовь. Она была немкой. Её звали Инге Польш. КГБ поставило условие – сделать аборт и убить их ещё не рожденного ребенка. Сташинский убегает с любимой в Западную Германию и сдается полиции, а на открытом и публичном судебном процессе разоблачает кровожадность «миролюбивого» большевизма.

Именно в этот суд потом пошёл уникальный исторический документ, в котором черным по белому за подписью председателя КГБ СССР Владимира Семичастного – еще одного нашего землячка, из Днепропетровщины – утверждается, что КГБ СССР никакими компрометирующими материалами в отношении Степана Андреевича Бандеры «не располагает». Этот бумажку можно и сейчас увидеть в одном из маленьких мюнхенских музеев. Такие, с позволения сказать документы оперативники называют «липа» и даже спустя годы находят возможность опровергнуть их, провести по ним соответствующие исторические расследования. Однако современные московские «импердемократы» эти нестыковки «не замечают», а потому на них должна указывать уже наша, украинская спецслужба: это её святая обязанность.

Далее след Сташинского теряется надолго, якобы где-то в Южной Африке. Но вот недавно одна из эпатажных киевских журналисток, опять-таки «якобы», взяла у него интервью. Оказывается, он жив и здоров, проживает под чужой фамилией в Киеве, пенсионер СБУ. А мюнхенский суд 1962 года – очередная чекистская лапша на уши западных разведок.

Чем мне нравятся жизнеописания великих шпионов – это тем, что любые, даже самые невероятные, а возможно и ложные слухи мы должны воспринимать как полноценные версии и с ответственностью к ним относиться. Таков закон жанра.

Верю ли я всем этим Резунам, Пеньковским, Гордиевским, Фельдбиним, Кимам Филби, Сташинским и им подобным? Ответу: хочется верить. Хочется, потому что рассказанное ими вполне может быть. И причины их измены правдоподобны. Но даже если степень правдоподобия истинности причин их личной измены стремится к 100 %, все же это не 100 %.

Однако имеется в истории современных спецслужб персонаж, которому я верю абсолютно. Верю потому, что он никогда и никому не изменял, а свято, вопреки обстоятельствам, приказам и принуждениям исполнял одну, раз и на всю жизнь данную присягу. Этот персонаж никому ничего не объяснял и не оправдывался. Веру не доказывают, а идеалы исповедуют, потому что в них смысл земного бытия и дело всей жизни. Так живут только потому, что иначе не получается. Иначе и быть не должно.

Его имя – Виктор Алексеевич Орехов, капитан КГБ, офицер-агентурщик, родившийся (в 1944-м), выросший и состоявшийся как личность в украинских Сумах.

В органы пришел сам. После срочной службы солдатом-пограничником закончил второй факультет разведки и контрразведки знаменитой московской Высшей школы КГБ СССР им. Дзержинского, там же изучил турецкий язык. Службу начинал младшим оперуполномоченным в московском управлении КГБ. «Обслуживал» Институт текстильной промышленности, где, как и я в Згуровке в своё время, безуспешно выискивал шпионов. Плебейско-пролетарское происхождение не позволяло ему претендовать на престижные направления, т.е. зарубежную разведку или чистую контрразведку, однако усердие, педантичность, инициативность и преданность партии были замечены, после чего ему был доверен самый, с точки зрения руководства, ответственный участок работы: борьба с диссидентством.

Здесь он тоже не отставал, потому как поощрялся по службе заграникомандировкой, которая неофициально являлась отпуском – сопровождал гастрольную труппу Большого театра в течение более двух месяцев в Японии. Эта милая работа называлась «кирпич» (от предупредительного знака запрета движения: быть последним звеном предупреждения беглецов за границу).

Орехов искренне считал, что с диссидентами надо бороться, поскольку они распространяют клеветнические слухи, порочащие

великую советскую страну. Вербовал, вызывал на профилактические беседы, заказывал, когда было надо, прослушки.

– Прослушка, то есть установление в квартире аппаратуры, позволяющей знать всё – и видеть, и слышать, что в этой квартире происходит, – довольно дорогостоящее мероприятие, – объяснял позже Орехов. – Сначала ты должен выяснить, кто живёт в квартирах рядом, выше и ниже, а иногда и во всем подъезде. Затем надо найти возможность от этих жителей избавиться. Идешь на предприятия, договариваешься с кадровиками, чтобы этим людям предоставили отпуск – собственно, сам и находишь им путевки в приличный дом отдыха или санаторий. Кому-то просто объясняешь, что из соображений госбезопасности ему надо уехать на дачу или в командировку. Проблем обычно не возникало. Потом приезжает специальная бригада из 12-го отдела и устанавливает аппаратуру: микрокамера выводится через потолок верхней квартиры или устанавливается в неприметном месте – где-нибудь за шкафом в одной из комнат. Затем специальный художник из состава бригады подкрашивает поврежденные обои так, что вы никогда не догадаетесь, что они были повреждены. Всё это, безусловно, делается только в случае, когда объекта нет в городе. Когда же человек, которым мы интересуемся, никуда не уезжает, технология установления прослушки другая. Одна бригада комитетчиков находит способ заблокировать его на работе, другая – блокирует место работы жены, третья – проникает в квартиру и выполняет задание.

Приходилось Орехову выезжать и на обыски. И на негласные – тоже. Это означает, что того или иного диссидента решают посадить. Его квартиру обыскивают, когда владельца, естественно, нет дома. Определяют, где и что лежит, чаще ищут запрещённую литературу, а потом приходят уже на обыск официальный, с ордером на руках.

Орехов работал хорошо, и жил он неплохо: «Ты пойми, – говорил он журналисту, – я был элитой: зарплата 330 рублей – по тем временам неплохие деньги. В любой магазин заходил с черного хода (КГБ!), очередей не знал, к любому министру дверь открывал ногой (КГБ!). Все же боялись. Звонил любому начальнику: «Я Орехов из КГБ...».

Работал с диссидентами, читал литературу, которую у них изымал: тамиздат, самиздат, книги Солженицына, Авторханова, Зиновьева. В общем, в какой-то момент понял: всё правильно

они пишут! Ну, перегибают палку, конечно, не без этого, но в целом – всё правда. Беспорядок у нас везде и грязь, и сажаем мы людей, которые хотят добра этой стране.

Однажды пригласил Орехов «для беседы» Марка Морозова (КГБ узнало, что он распространяет антисоветскую литературу). Точнее, не пригласил, а задержал возле дома. В портфеле у Морозова – это было известно, ведь телефон его прослушивался – лежал «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына. Поговорили. Морозов стал поставлять капитану правозащитную литературу – с просветительской целью. Как-то Орехов сказал ему: предупреди такого-то – у него в одежде «жучок»-микрпередатчик. Затем позвонил из автомата (труднее зафиксировать, откуда звонок): тогда-то должны арестовать Юрия Орлова.

«Судьба довольно странным образом свела меня с Ореховым, – рассказывал в конце 1980-х известный правозащитник и главный редактор подпольной газеты «Экспресс-Хроника», выходившей долгие годы в СССР, Александр Подрабинек, – 10 октября 1977-го он в составе бригады сотрудников УКГБ проводил обыск у меня на квартире в Москве. А через два месяца он же (под псевдонимом) сообщил мне о подготовленных против меня материалах для возбуждения уголовного дела. 19 мая 1978 сотрудники его отдела арестовали меня, но о дне ареста я знал от Орехова еще за три дня до этого. Когда в декабре 1977-го КГБ заставлял меня уехать из СССР, угрожая возбуждением против меня и моего брата уголовных дел, Орехов дал информацию, предупреждающую о серьезности намерений КГБ. Количество обысков, о которых нас предупреждал Орехов, определяется двузначной цифрой».

Конечно, ни от обысков, ни от арестов Орехов диссидентов не спасал, да и не мог спасти при всём своем желании. Но было важно, что чекисты уже не заставляли людей врасплох. Они успевали что-то скрыть, успевали предупредить друзей и знакомых. Иногда успевали дать знать о планирующихся КГБ мероприятиях западным репортерам: значит, был гарантирован резонанс, а огласки КГБ не любил.

В январе 1977-го Орехов предупредил о предстоящем аресте Орлова. Тот на неделю исчез, хотя его квартира была под внешним наблюдением. Затем его всё-таки арестовали, но неделю жизни он себе отвоевал. Когда впереди тюрьма и годы лагерей, целая неделя свободы – это совсем немало. В феврале 1977-го

Орехов предупредил о проведении специальных оперативно-технических мероприятий по отношению к Щаранскому, о планирующихся обысках у других граждан.

Анатолий (Натан) Щаранский боролся за право евреев выезжать в Израиль. Чекисты установили на нём радиоактивную метку, чтобы отслеживать его перемещения и встречи. После предупреждения Орехова Щаранский спустил метку в унитаз, и она отправилась в плавание по трубам московской канализации, а «наружка» КГБ – за ней сверху, удивляясь хаотичности перемещения объекта – пока не выяснили, что он их оставил в дураках.

Виктор Орехов понимал и даже точно знал, что его вычислят, однако действия его перед арестом не были действиями обреченного, а человека, сделавшего осознанный выбор. Он не мог поступать иначе и готовился к публичному суду и к реакции общественности на этот суд. Со стороны обученного и подготовленного профессионала-оперативника – это примитивный, ничем не оправдан идеализм. Однако, положив руку на сердце, будем откровенны: а могло наше общество измениться, если бы не такие как он?

На суде Марк Морозов подробно рассказал о взаимоотношениях Орехова с диссидентами, что стало неопровержимым доказательством преступления предателя-чекиста и повлияло на жестокий приговор. Потом Марк повесился в Чистопольской тюрьме.

На вопрос: «Когда вы услышали приговор – 8 лет заключения, не стало страшно?» Орехов ответил: «Да что вы, я песни пел! Я был уверен, что вот сейчас и разберутся: всё-таки случай не рядовой – капитан КГБ. Узнают, разберутся и поймут, что помогал я не грабителям и насильникам, а людям, которые хотят лучшего своей стране».

Из тюрьмы Орехов писал письма: председателю КГБ Андропову, члену Политбюро, главному идеологу страны Сулову, генсеку Брежневу. Чистосердечно пытался их убедить, что действовал как раз в интересах государственной безопасности, ведь диссиденты – люди, заботящиеся о своей Отчизне, а борьба с ними – компрометация государства и разбазаривание народных средств.

Ответа не получил.

На свободу Орехов вышел в 1986-м: из определенного трибуналом срока ему не скостили ни дня, ни часа. Вернувшись в

Москву, Орехов создал кооператив и шил вместе с новыми коллегами осенние и зимние куртки. Хорошие куртки. Общение с текстильщиками в своё время не пропало зря.

В 1990-х годах Орехов приобщается к политической деятельности. Сотрудничает с комитетом «Гласность» Сергея Григорьянца, участвует и организует конференции «КГБ: вчера, сегодня, завтра». 19 мая 1995 года задержан сотрудниками ГАИ за нарушение правил дорожного движения. Его обыскали и нашли... пистолет «парабеллум» с семью патронами. Права на ношение оружия у Орехова не было. Дело не стали возбуждать, но пробили по базе и установили, что Орехов ранее служил в КГБ и сидел. А еще о его задержании узнал его бывший начальник по КГБ, генерал-полковник Анатолий Трофимов, начальник Московского управления ФСБ... Новый тюремный срок Орехову был обеспечен.

Он получил три года лишения свободы.

Когда о повторном осуждении Орехова узнал бывший диссидент, в то время гражданин США Юрий Орлов, он сразу же ударил в набат. Всё бросил, прилетел в Москву и уговорил взяться за дело первоклассного юриста Андрея Рахмиловича, а еще убедил Орехова срочно сменить адвоката (предшествующего ему подставила ФСБ). В результате кассационного рассмотрения дела у Виктора с трёх лет неволи остался год.

После освобождения Орехов пришел работать в «Гласность». Его собственный кооператив был разграблен, жена стала настаивать на выезде в США.

Виктор Орехов: вначале службы (1970) и после отсидки в Марийских лагерях (1986)

Виктору трудно было оставлять в России сына (от первого брака) и его мать. Он успешно работал в «Гласности», организовывал и выступал на конференциях «КГБ: вчера, сегодня, завтра», но его положение становилось всё более опасным. Для ФСБ он являлся предателем, а главное – правозащитный мир «новой» России не имел ничего общего с теми диссидентами конца 70-х годов, которые потрясли когда-то капитана КГБ Орехова абсолютной чистотой и самоотверженностью, готовностью к подвигу и любовью к своей стране, ради которой он и шёл на смерть.

После колебаний Виктор обратился за эмиграционной визой в посольство США.

Перед отъездом с Родины Орехов привёл в «Гласность» сержанта милиции, которого когда-то сам уговорил служить. Тот говорил с отчаянием:

– Приходится уходить со службы. Заниматься поборами и подбрасывать кому-то наркотики я не хочу, а без этого мои товарищи мне не верят, считают, что я стукач. Но я шёл в милицию, чтобы помогать людям...

Некоторое время Виктор Орехов жил в США, работал разносчиком пиццы. Но после того, как решился дать расширенное интервью-исповедь французскому журналисту Николо Жалло, от греха подальше сменил место жительства.

Писательские правила, которым я, свободный публицист-борзописец, несмотря на всё своё сопротивление и нежелание, обязан следовать, требуют, чтобы в этот очерк я ввёл или что-то своё, или предложил какую-то историю, крепко привязывающую описанное с темой моей книги. К сожалению, с Виктором Ореховым я, как во время своей службы, так и потом, не пересекался ни прямо, ни косвенно, ни опосредованно. Когда я призывался в чекистские ряды, он уже сидел. О нём нам тогда рассказывали как о дерзком и циничном предателе, посягнувшем на святое.

После той лекции, на перекуре, уже наедине и на ушко, мой «сокамерник» Гена, уже потом дослужившийся в СБУ до полковника, разговорился: «Да нормальный парень, этот Орехов. Он всё видел, всё знал и на всё шел сознательно. Ему бы не в КГБ, а в Политбюро... Хотя его там точно бы удавили. Не доросли мы до Орехова».

Виктор Орехов – это фигура мирового уровня. Это мораль и совесть спецслужб. Не везде такие есть, и не каждая земля таких людей рождает. И появился он не в супердемократической Америке и не в добропорядочной Англии. Он честно служил России. Однако туда он попал уже великим Виктором Ореховым, потому что его родила, взрастила и воспитала моя Украина.

Новелла содержит ссылки на тексты книги Николо Жалло «Диссидент из КГБ», воспоминания известного правозащитника Сергея Григорьянца и статьи журналисток Евгении Альбац и Зои Светов в «The New Times».

ИНКВИЗИТОРЫ-ЖАНДАРМЫ ИЛИ ЯНЫЧАРЫ-ОПРИЧНИКИ-ЧЕКИСТЫ?

Жандармерия (от фр. «geandarme», «gens d'arme») – люди оружия, вооруженная свита, почётная охрана.

Опричнина (от др.-рус. «особый» или от татар. «привязанный к седлу, раб, слуга, лакей») – система чрезвычайных мероприятий, осуществленных Иваном Грозным, а также его военно-полицейские силы.

Спецслужбы имеет каждое уважающее себя государство.

Это необходимый и даже обязательный атрибут власти, действенный инструмент защиты государственных устоев, идеологии, национальной экономики и образа жизни. Но это инструмент не просто острый – он обоюдоострый. И даже в цивилизованных и высокоорганизованных обществах, эффективно контролирующих свою власть, нередки случаи злоупотребления этим механизмом. В своё время ещё Феликс Дзержинский, идеолог и организатор большевистской ЧК (Чрезвычайная комиссия Совета народных комиссаров СССР по борьбе с контрреволюцией и саботажем), оправдывая жестокую деятельность своего детища, говорил: «В борьбе против контрреволюции мы используем все те доступные формы и методы, которые они используют против нас».

Эти строки пишу под впечатлением только что просмотренного оscarоносного фильма «Мюнхен» режиссера мирового

уровня Стивена Спилберга. В нем показано целенаправленное физическое уничтожение лидеров палестинского движения специалистами израильской спецслужбы «Моссад» в начале 70-х. Таков был ответ на теракт, совершенный на мюнхенской Олимпиаде-72. Виновных выискивали и уничтожали на территориях других государств, сознательно нарушая чужие законы, спокойствие и суверенитет. Давая команду на проведение этой страшной и жестокой операции, тогдашняя премьер-министр Израиля Голда Меир устами своей киногероини берёт всю ответственность за её проведение лично на себя.

Отвечала ли эта операция государственной политике и международному праву? Вопрос остаётся открытым, потому что это вопрос морали и личной совести политического лидера.

В фильме также поднят вопрос цены деятельности национальных спецслужб: и в долларах, и в человеческих жизнях. Любая спецслужба – это достаточно дорогая игрушка, которая некоторым нациям даже не по карману. Естественно, её деятельность должна соответствовать национальным идеалам и государственной идеологии.

Отсюда возникает другой вопрос: кто лично, какая политическая сила несёт ответственность за использование спецслужб своей страны против собственного народа?

Кто несёт ответственность сейчас, в моей независимой Украине, за эффективное, в интересах всего общества использование спецслужб?

Я понимаю, что эти вопросы не имеют ответа. Никто в истории человечества на такие вопросы никогда не отвечал и никогда не ответит.

Не всё в Советском Союзе было плохо. Имелся экономический рост, впечатляющие научные, промышленные и общественные достижения. Была гордость за своё государство. Не всё стоит отбрасывать. Самое ценное нужно забрать в будущее.

Жемчужина государственного организма – специальные службы – должны продолжать оставаться государственной структурой и верно служить моей независимой Украине. Однако без переосмысления советского периода нашей истории, без определения национальных приоритетов, приоритетов чести и патриотизма, без покаяния и вытравления из сознания общества постгеноцидного страха – это невозможно.

Благородные идеи коммунизма перекликаются с библейскими заповедями, которые были и остаются мечтой челове-

ства. Однако вера в социальную справедливость была цинично превращена в инструмент усмирения и угнетения народов небольшой кучкой авантюристов, возомнивших себя народными вождями. В этом и заключается величайшее преступление последователей коммунистической идеологии.

Например, кто-нибудь задумывался, почему так часто менялось наименование советской спецслужбы? Сначала ЧК, затем ГПУ-ОГПУ (объединённое государственное политическое управление). Далее его спрятали в недрах НКВД (народный комиссариат внутренних дел), где милиция пряталась за скромной вывеской ГУМ (главное управление милиции), а всё остальное, в том числе и ГУЛАГ (главное управление лагерей), находилось под руководством спецслужбы. Перед войной, в 1940-м, спецслужба была выделена в НКГБ (народный комиссариат государственной безопасности), которое с 1946-го трансформировалось во всесильное МГБ (министерство государственной безопасности). И только после смерти тирана и решений XX съезда партии, в 1956-м оно получило название КГБ (комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР). Интересно, что, изменяя название структуры, почему-то не меняли её день рождения. К этому времени «День чекиста» настоящие чекисты и у нас, и в России празднуют 20 декабря, в день подписания ленинского декрета о создании ВЧК в 1917-м.

Эти переименования и смены вывесок – откровенные попытки откреститься от преступлений предшественников и показать себя «белыми и пушистыми». Почему нет наследования традиций и преемственности? А нечем хвастаться, господа. Десятки миллионов замученных и уничтоженных своих собственных граждан говорят сами за себя. Спросите, откуда цифры? Из книги Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Известный российский писатель, совесть нации, Нобелевский лауреат задался целью посчитать все жертвы ленинско-сталинских репрессий. Вместе с войнами, Голодоморами, депортациями получил результат: не менее 50 миллионов советских людей.

Кто-то в шутку сравнил меня с Суворовым-Резуном. Отвечаю – не сравнивайте, ведь я совсем о другом.

Наш бывший соотечественник, кажется, этнический украинец Виктор Резун (писательский псевдоним – Суворов) – бывший офицер ГРУ ГШ (главное разведывательное управление

генерального штаба) Советской армии, а оно к КГБ не имеет никакого отношения.

Советская армия даже с воюющими развернутыми дивизиями, тысячами танков, самолетов и пушек всегда находилась «в плену» у КГБ. Так было задумано. Это единственная армия в мире, которая не имела собственной контрразведки или военной полиции. Их роль выполняли так называемые ОО (особые отделы), которые подчинялись 3-му главному управлению КГБ СССР. В годы войны особые отделы частей действующей армии носили интригующее название «Смерш» (смерть шпионам), на самом же деле наводя больший ужас на солдат Красной армии. В 1943 году созданы три структуры с одинаковыми названиями: СМЕРШ НКВД, а также СМЕРШи Наркомата обороны и Наркомата флота. В наше время, во время спекуляции историей той войны, началась преступная героизация СМЕРШа. Некоторые современные историки войны, справедливо осуждая деятельность СМЕРШ НКВД, допускают лояльность по отношению к СМЕРШах армии и флота. При этом они «стыдливо забывают», что именно «фронтовые контрразведчики» обеспечивали на протяжении всех четырёх военных лет показательные расстрелы «изменников Родины», проводившиеся во всех без исключения фронтовых подразделениях действующей Красной армии. А в 1945 году именно они выдернули с передовой и бросили за решетку боевого артиллерийского капитана Александра Солженицына, будущего Нобелевского лауреата и автора «Архипелага ГУЛАГ».

Говорят, что КГБ и ГРУ соперничали и даже иногда враждовали. Смешно это слышать. Ну, как может ГРУ соперничать с КГБ, когда ГРУ контролировалось именно Комитетом, в том числе и с помощью агентуры в их рядах?

Да, военной разведке многое позволялось. У неё даже была собственная агентура, соответствующая техника и средства. Имелись даже собственные посольские резидентуры в столицах иностранных государств. Но всё это контролировалось КГБ, потому что оно и задумывалось как всесильное. Больше года КГБ проводило разработку полковника военной разведки Олега Пеньковського, тайно собирая доказательства и доказав в суде его сотрудничество с английской разведкой MI5 (Military Intelligence sektor 5) и американской CIA (Central Intelligence Agency), т.е. Центральным разведывательным управлением

США (дело «Пров» 1963 года). А хвалёное ГРУ об этом ничего не знало.

В деятельности спецслужб не бывает затишья или перемирия. Оперативный процесс непрерывный и бесконечный, как сама жизнь. Пока есть государство, пока существуют собственные национальные интересы, находчивые и хитрые соседи всегда будут на них посягать.

Кто эффективно защитит наши народные интересы? Партнер, союзник или «православный старший брат»?

«У нас нет вечных союзников и постоянных врагов; вечны и постоянны наши интересы. Наш долг – защищать их» – заявил 1 марта 1858 года министр иностранных дел и премьер-министр Великобритании Генри Темпл Пальмерстон. Эти слова он произнес в палате общин во время обсуждения в парламенте британской внешней политики.

Откуда же взялся, как сформировался и по каким принципам или законам существует государственный институт доношительства, стукачества или секретного сотрудничества?

Профессиональные историки знают, что современные развитые общества или цивилизации условно делятся на два основных типа: западные и восточные, характеризующиеся разными принципами построения и функционирования. Эти принципы демократия и тоталитаризм.

Первая характеризуется преимуществом интересов человека над интересами общества, а вторая – наоборот. В демократическом обществе власть служит гражданину, а в тоталитарном – человек служит власти. В первом – правитель или президент на службе у общества, а в другом, к примеру, император – единоличный владелец, а жители – уже не столько граждане страны, сколько подданные. Исключения история знает – это маниакальные садисты Запада римский Нерон или немецкий Гитлер, и просвещенные правители Востока – самаркандский Улугбек, или, скажем, Ли Куан Ю, премьер-министр Сингапура 1959-1990-х годов, отец «экономического чуда». Но такие исключения только подтверждают основное правило. Русский Сталин, китайский Мао Цзэ-дун или кампучийский Пол Пот на Западе появиться не могли по определению, а если и появлялись, против них поднималось общество, по западным моральным и правовым канонам ИМЕЮЩЕЕ ПРАВО на восстание.

Когда власть служит человеку, обязанность гражданина помогать этой власти, а потому донести власти об уголовном преступлении, о любом нарушении закона, пусть даже и незначительном, нельзя считать некрасивым или подлым. Другое дело – в тоталитарных обществах («Восток – дело тонкое»). Здесь «стукач» – враг гораздо «коварней», чем его хозяин, чью волю и чьи задачи он выполняет.

Общество и отдельные его представители, то есть граждане, с удовлетворением помогают власти, в том числе и полиции, только тогда, когда они этой власти доверяют. В тоталитарных обществах правители всегда относятся к народу, как к неблагодарным подданным. В этом коренится причина тотального недоверия к власти.

В традициях украинского общества недоверие к власти гораздо большее, чем у тех же россиян, хотя бы потому, что «наша власть» уже более 300 лет вообще не украинская. И не только по языку, но и по рождению, происхождению, по ментальности и культуре. Именно эта власть бесстыдно несла народу ситуативные союзы с захватчиками (турками, татарами, поляками, немцами или москвитями), крепостничество, войны, реквизиции и Голодоморы. Именно эта власть на протяжении веков считала и считает «свой» народ бандитами, националистами, экстремистами или террористами, а потому и имеет в ответ соответствующую «народную благодарность».

В США активные и сознательные граждане на своих домах вывешивают специальные плакаты с изображением «глаза» (всевидящего ока), предупреждающие, что его владелец сотрудничает с полицией. Возможно ли такое у нас?

Тоталитарная власть – это не народ и не часть народа. Она не живёт народными заботами. Она находится на спецобслуживании (больничном, санаторном, курортном, пенсионном), а в советские времена (может, кто забыл, или не знает) была ещё и на спецобеспечении продуктами питания, легкой промышленности, так называемым «дефицитом» (к которому относились автомобили, импортные товары, поездки за границу). В терминологии советских спецслужб, в отличие от спецслужб западных, даже был (и благополучно существует до сих пор) специальный термин, которым различали стукачей властных от стукачей посполитых: доверенные и агенты. Доверенные не были, как агенты, связаны расписками, личными делами, и не

должны были в обязательном порядке писать агентурные сообщения. Доверенные также не стояли на учёте в архивах и оперативно-справочных картотеках.

На западе все «стукачи» – как наши доверенные. После использования их как источников информации, добровольных или же зависимых помощников спецслужб, им гарантирована безопасность, инкогнито, то есть неразглашение сотрудничества со стороны государства... А ещё им хорошо платят. По крайней мере, на порядки больше, чем нашим стукачам. А ещё, если западный стукач в ходе выполнения задач получает какой-то материальный ущерб (увечье, инвалидность, потерю работы, семьи и т.д.) – ему гарантированы государственные стипендии или пенсионное содержание от государства. Американская программа защиты свидетелей на 70-80 % рассчитана на обеспечение своего же агентурного аппарата.

Агентами же у них называют официальных сотрудников. Наши же сотрудники – это офицерство спецслужб, а наш агентурный аппарат – «стукачи» в виде бесправных рабов, со всеми вытекающими отсюда страшными и жестокими последствиями.

И если на Западе посполитому интересно, кому доносят, то на Востоке – кто же он, агент?

Где же находимся мы, с нашей родной и благословенной Украиной, на Западе или на Востоке?

По всем историческим, культурным и ментальным признакам наше общество западное. Как перекликается наше «моя хата с краю» с британским «мой дом – моя крепость»! Однако по признакам построения общества – мы однозначно на Востоке. И подтверждением этому наше отношение к «стукачеству». А вот народный фольклор:

*«С милицией не дружи,
Жене правды не скажи...» –*

Кто не знает этот стишок?

Но тот же фольклор и отвечает: «милиция» у нас появилась при российских большевиках, до того она не так называлась. А еще «милиция», все прекрасно это понимают, в данном стихе не полицейско-милицейский орган правопорядка, а именно орган политического сыска – ЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. Милиция тоже имеет агентуру, имеют её и налоговики, и пограничники, и

военные. Да и никакое серьёзное прокурорское следствие без неё не обойдется. Но конечный результат там другой, а потому сотрудничество с ней не носит настолько негативного восприятия в обществе.

Прокуратура – это орган поддержания обвинения в суде, а также она ведет следствие по всем без исключения преступлениям. Милиция имеет право на досудебное следствие, и она же, по заданию прокуратуры, проводит некоторые следственные действия и следствие по незначительным преступлениям. А ещё милицмейские оперативники, опять же, по заданию прокуратуры, проводят агентурно-оперативные мероприятия по расследованию уголовных преступлений.

Другое дело спецслужба (СБУ). Её задача – правоохранительная и контрразведывательная оперативная деятельность по предупреждению и расследованию государственных преступлений (Особенная часть Уголовного кодекса) и следствие по этим же статьям. Но изюминка спецслужб – это организация спецопераций.

Спецоперации – это и есть убийства, шантаж, подкуп, провокации, принуждение к нужным действиям и т.д.

Видимо, вы слышали из детективной литературы или из популярных сериалов такое понятие, как «Белая стрела». Это некое мифическое милицмейское подразделение, которое без суда и следствия ликвидирует (убивает) криминальных авторитетов или каких-то очень влиятельных преступников.

Авторитетно заявляю: милиция таких подразделений не имеет. Это противозаконно, а милиция (полиция), как бы там ни было, орган, подчеркиваю, исключительно правоохранительный. Нарушений там полно, но нарушения – они и есть нарушения, потому как наказываются, что предусмотрено тем же Уголовным кодексом.

А вот спецслужбы такие подразделения имеют.

В спецслужбе подразделение «А» (его еще называют «Альфа») действует на территории своего государства, а подразделение «В» (условное название «Вымпел»), действует на территориях других государств.

Военная же разведка, деятельность которой вообще никакими правоохранительными законами или нормативными актами не регламентирована, тоже имеет такое подразделение. И называется оно «спецназ ГРУ ГШ».

Ссылаясь на события последнего времени, связанные с Майданом 2013-2014 гг., мне могут возразить, что Министерство внутренних дел имеет свои спецподразделения «Беркут», «Сокол», «Грифон», «Титан», «Ягуар», «Кобра», первоначально подчинявшиеся милицмейским управлениям общественной безопасности и патрульно-постовой службы.

Отвечу: эти подразделения в украинской милиции являются вспомогательными. Они начали создаваться еще в 1987 году как силовая поддержка агентурно-оперативных и следственных структур уголовного розыска, автоинспекции, налоговых органов, прокуратуры и для борьбы с экономическими хищениями. Их использование возможно как законное действие с санкции прокуратуры в рамках расследования уголовных дел, для противодействия и обезвреживания организованных преступных группировок (ОПГ).

И хотя звучат аргументы о незаконном создании «Беркута» (приказом министра внутренних дел, зарегистрированного Министерством юстиции Украины только в январе 2014 года – что действительно, является слишком уж сомнительным), эти подразделения в структуре МВД имеют свою законную нишу. Применение их против митингующих было однозначно вне правового поля, и ответственность за это лежит на прокуратуре, а также на руководстве МВД и заказчиках из власти, чью волю они выполняли.

Быки нужны любой власти. Но быков следует строго держать в узде и... кормить, иначе они затопчут и забодают. Ну, а ответственность за быков несёт погонщик.

Вершина (а может и основа?) государственного механизма, спецслужбы, зародились не с приходом к власти большевиков. Их корни надо искать в глубине веков. Повторюсь, что основные принципы агентурно-оперативной деятельности прописаны ещё в Библии. А принципы этого общественного института в России заложены Малютой Скуратовым. Знаете такого? Всесильный шеф опричнины времён московского царя Ивана IV Грозного. Однако, слава Богу, на территорию литовско-гетманской Украины его власть не распространялась.

Сравнивать спецслужбу московского государства с той же самой западной папской инквизицией не совсем корректно. Цель была другая: борьба с ересью – это не удержание масс в

повиновении (хотя это и дискуссионно). В 1711 году Петр I тоже создал у себя «Приказ протоинквизиторских дел», просуществовавший всего 5 лет и ликвидированный, «как противоречащий православию».

С отменой опричнины внутренняя агентура московского царства не исчезла, а просто изменила окраску (этот прием уже в XX веке неоднократно будут применять большевики).

На протяжении некоторого времени о ней нет исторических сведений (а может и есть, но в России архивы даже 300-летней давности на замке). И вот вдруг она проявилась уже при Петре I, как структура «тайного приказа». Принадлежность к нему была столь социально значимой, что даже в «Табель о рангах» звание «тайный советник» вошло как обозначение генеральского звания.

После Петра «тайный приказ» расцвел и окреп, вобрав в себя «посольский» и «малороссийский» приказы. Благодаря его деятельности, «История государства Российского» тому подтверждением, неоднократно смещались, а то и устранялись цари или их правопреемники. В 1825 году именно благодаря эффективно действующей агентурной сети стало возможно разоблачение антигосударственного заговора, вошедшего в историю как «восстание декабристов». Жестокость его подавления объясняется наличием у царя всей информации о подпольном движении. Получить такие сведения можно было только с помощью надёжной, вовремя внедрённой и глубоко укоренённой профессиональной агентуры. Это просто хрестоматийный пример для учебника контрразведки.

На Западе в это время уже отбушевала Великая французская революция, закончились наполеоновские войны, реставрировалась монархия во Франции и укреплялась в Великобритании. Там тоже родились спецслужбы, руководимые аристократами, верными слугами престолов или преданными сторонниками республиканских идей. Служить королям и республикам там было честью.

В то же время в России, помните, у Бориса Акунина: «Граф, вы ведь дворянин. Почему в жандармерии? Разве нет иных способов служить Отечеству?». Впрочем, конечно, это только писательский вымысел. На самом же деле служба филером в «особого присутствия» канцелярии Его Императорского величества была не просто сомнительной, она была позорной! Возможно,

и существовали в России подобного рода аристократы. Однако автору, как исследователю, много лет интересующемуся темой, таковые до сих пор неизвестны.

История утверждает, что ранняя украинская государственность тоже имела свою контрразведку. Легенды ходили о чигиринском городском атамане времен хмельниччины Лаврине Капусте. Как и об одном из руководителей контрразведки УНР, а позже патроне контрразведки УПА Иване Литвиненко. А сколько чернил истрачено, да и сейчас расходуется верными псами московской империи на дискредитацию, несомненно, самого талантливого руководителя контрразведки ОУН Николая Арсенича? По каким документам исследовалась их деятельность? Где эти документы? В каких архивах?

Однако их агентура никогда не была и быть не могла инструментом репрессий и удержания в повиновении. В те непростые времена военного лихолетья их борьба была бескомпромиссная, немилосердная и жестокая (а как же иначе – на войне, как на войне), однако открытая и благородная. Они являли собой западный тип спецслужб.

Сейчас же украинская спецслужба только на словах освобождается от «Павликов Морозовых», героев, изменивших своим родственникам ради идеалов правителей, которые в восточных типах спецслужб бессмертны и являются основным отличием от западных.

Так ли это? Вопрос не ко мне. Я в СБУ не служил.

Триста пятьдесят лет пребывания в едином государстве, существующем по законам восточной деспотии, оставили в некогда западном украинском обществе неизгладимые следы. Теперь мы должны определиться сами: доносительство (стукачество) в пользу государства – это досадный пережиток прошлого, или же украинская национальная ментальная добродетель, которую мы возьмем в будущее?

В моей служебной практике был весьма показательный случай.

В каждом подразделении (а в нашем тем более) служили молодые, веселые и остроумные ребята, которые, несмотря на уровень занятости и секретности, всё же всегда находили возможность пошутить и похвастаться. Каждая такая компания (и наша тоже) изобретала некую терминологию. Как-то наш заводила в

Переяславском отделении, капитан Саша, придумал заменить распространённое слово «шкурки», которым мы называли письменные агентурные сообщения, словом «донос». Кто-то из наших даже возмущился, кто-то не стал реагировать на глупость, а как реагировал я – уже и не вспомню. Однако на следующей встрече со своим особо ценным агентом «Демон», после обстоятельной беседы, я предложил ему изложить рассказанное в... «доносе». Почему у меня вырвалось это неуместное и откровенно глупое в этой ситуации слово – не могу объяснить и сейчас.

Реакция «Демона» была соответствующая. Он был парнем тщеславным, в своё время на вербовку шёл трудно, обставляя помощь органам многими обязательными условиями, сотрудничеством заметно тяготился, расшифровки боялся... И тут вдруг такое определение его работы! Мне пришлось следующий час выпрашивать у него прощение, доказывать случайность и неуместность сказанного и т.д. и т.п.

А когда я рассказал эту историю ребятам в отделении, то капитан Саша поднял меня на смех: «Ну что ты с ними возишься, нашел кого выслушивать – кулаком между глаз, ногой по яйцам и в стойло. Пусть знают, что они падлы-стукачи-отбросы у нас могут заработать только на орехи, или же тридцать серебряников за предательство».

Недавно я встретил на одной из киевских улиц своего бывшего коллегу – «сокамерника» Гену, уже отставного полковника Службы безопасности Украины.

Зашли в кафе. Длинная неспешная беседа и вдруг в ней прорывается почти отчаяние:

– Кому мы служили? Старались, рисковали, выискивали сигналы, проводили комбинации, выводили на чистую воду казнокрадов, документально доказывали грязные чиновничьи сделки, хватали за руку высокопоставленных воров, и что? Наши материалы направляются в прокуратуру исключительно с санкции президентской Администрации. И так, у нас снова в государстве процветает «социалистическая законность»? А «крышевание» депутатских бизнесов? А участие в рейдерстве? А запугивание оппозиции?

ЗадOCUMENTировали оплату российским черноморскими особистам их агентуры из числа граждан Украины. Дело в прокуратуру не направлено. А мы молчим.

Израильский «Моссад» снимает в Полтаве с поезда «Киев-Харьков» украинского гражданина палестинского происхождения и вывозит его в Израиль. В СБУ никого не сняли, не понизили в должности и даже не наложили взыскания (подозреваю, не было даже служебного расследования).

Задержали в Одесской области офицера российской военной разведки, на нашей территории (!) арестовавшего гражданина Украины! И что? Отпустили по просьбе российской стороны!

– А ты не забыл нашего руховского агента «Легинь» из Борисполя? – вдруг спросил Гена. – Прибежал как-то ко мне, уже во времена независимости, просил заступиться. Сильно жаловался, что какой-то майор из СБУ шантажирует его и угрожает. Заставляет стучать на УРП (помнишь, была такая партия, украинская республиканская).

Контрразведка – это самоорганизующийся в соответствии с общественными требованиями и законодательством государственный механизм, который сам, без побуждений, реагирует на подобный беспредел. Ну, а если не реагирует – то, однозначно, сверху пошла команда «СТОП»! И, боюсь, такая команда поступала даже не из Кабинета министров.

Нет ответа на эти вопросы и быть не может по определению, пока существуют спецслужбы. Невозможен эффективный контроль за спецслужбами со стороны общества. И нет другого рецепта справедливости, кроме личной чести, совести и патриотизма наших государственных мужей.

Несколько слов об Эдварде Сноудене.

Если кто пропустил, то так зовут молодого романтика, не так давно служившего в Агентстве национальной безопасности США. Эта контора (аналог нашего 16-го управления КГБ СССР – управления радиотехнической разведки) на бюджетные деньги проводит тотальное про-, под- и выслушивание, подсматривание и документирование не только своих отечественных, но и всех мировых электронных средств связи и коммуникаций, которыми пользуются правительства, войска, спецслужбы, бизнес, преступность и простой люд. То, что эта деятельность незаконна и (внимание) МОЖЕТ (подчеркиваю, МОЖЕТ) стать угрозой для частной жизни любого гражданина, говорить излишне.

Господина Сноудена я охарактеризовал бы как «слюнявого увальня», которому американское государство доверило свою тайну, а он её продал. Продал, оправдываясь мифами и враньём о «правах человека» и «защите права личности на частную жизнь». Я не знаю, имели ли место в этом деле библейские тридцать серебряников. Судя по тому, что господин «правдолюб» осел в «красной Москве», видимо, да. Хотя в Бачурино (штаб-квартира Службы внешней разведки России) имеются асы, способные навешать ему лапши на уши и забесплатно.

Тотальной слежкой занимаются все уважающие себя спецслужбы. И закон этих спецслужб строг, но справедлив: если ты «прокололся», выполняя государеву службу – несёшь ответственность лично. Государство в лице твоей родной спецслужбы тебя сдаёт без сожаления.

Это знают все, кто был когда-либо причастен к любой спецслужбе мира. Об этом честно предупреждают тогда, когда возделенные тобой погоны ещё не примеряны. И если ты на это соглашаешься, а потом изменяешь – ты предатель. А потому преследование Эдварда Сноудена со стороны Соединенных Штатов логичное и справедливое.

Обнародование «форм, методов, кодов и паролей» этой «деликатной» деятельности, нанесло Америке слишком много материальных и имиджевых неприятностей. Такое не прощается.

Однако в этом вопросе надо отделять «мух» от «котлет».

Одно дело СЛУШАТЬ и среди услышанного и выведенного отыскивать признаки и доказательства преступлений, могущие повредить твоему обществу, а другое – ИСПОЛЬЗОВАТЬ незаконно услышанное и увиденное с недостойными и преступными целями. Например, с целью захвата чужого бизнеса, накоплений или для дискредитации политических конкурентов, или даже для захвата всей полноты государственной власти. Такое в свободном западном мире недопустимо, а когда оно случается – преследуется по закону. Уоттергейтское дело 1973 года это подтверждает.

Повторюсь: современные государства и общества не нашли и не знают эффективных, действенных и законных методов контроля за деятельностью спецслужб. Как можно контролировать агентуру, не зная о её существовании? Как финансировать технические программы проникновения в коммуникации, используемые правительствами, дипломатами или армиями

стран вероятного противника, конкурентов, нейтралов или даже союзников? Если правительство вдруг официально примет такое решение, это будет означать не что иное, как объявление войны.

Но кто сказал, что этого делать нельзя? И кто сказал, что этого делать не надо? Однако, где границы этих «нельзя» и «надо»?

Свободный демократический мир ОТРИЦАЕТ использование спецслужб против политических конкурентов, диссидентов и правозащитников. В то же время для советских (и, подозреваю, российских-украинских-африканских) спецслужб это основа их деятельности. Именно эта тема основная в моих размышлениях.

Честь спецслужбы не в самих фактах подслушивания и подглядывания, а в использовании подслушанного и подсмотренного ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО в интересах общества.

В этом и есть разница между ними и нами.

СОРОК ПРОТИВ СОТНИ

Как-то мне в руки попала книга «100 великих разведчиков» московского автора, ветерана советских органов госбезопасности Игоря Дамаскина. Упрекнуть его будто бы и не в чем, потому что он пытается быть максимально (по его мнению) объективным.

Здесь упоминаются Нат Пинкертон, Мата Хари и Алан Даллас, Вильгельм Канарис, Вальтер Шелленберг и Рейнхард Гелен. Не забыли Брюса Локкарта и Сиднея Рейли. В этом ряду мировые писатели с большим опытом шпионской деятельности: Даниэль Дефо, Пьер Огюст Бомарше, Джон Ле Карре, Грэм Грин и автор знаменитого «Агента 007» Ян Флеминг.

В «100 великих...» включено менее 10 россиян, среди которых заслуженно занимают места легендарные Николай Скоблин, Николай Кузнецов, Конон Молодой и Зоя Рыбкина (после службы она была известна как русская детская писательница Зоя Воскресенская). В московскую «элиту спецслужб» также включены такие «русские» профессионалы прошлых лет, как итальянец Артур Артузов (Фраучи), латыш Ян Берзин (Петерис),

грузин Лаврентий Берия, англичанин Ким Филби, евреи Наум Ейтингтон и Леопольд Треппер, немцы Рихард Зорге и Рудольф Абель (Фишер). Собственно, автор книги прав, ведь эти «нерусские» верой и правдой служили русскому большевизму и великой России.

Не забыт и Павел Судоплатов, в характеристике которого отсутствуют сведения о его украинских корнях. В книге украинцы вообще упомянуты только как мировая зараза или неизбежное зло, с которым честные, образованные и цивилизованные люди должны беспощадно бороться. А еще автор книги описал Судоплатова как верного большевика, с чем я категорически не согласен. Его хозяева (заказчики) выведены за скобки. А ведь именно наверху принимаются решения о проведении конкретных акций, а значит, именно «верхи» должны нести ответственность за них.

К сожалению, в те времена ещё не было украинского государства и он, Судоплатов, служил чужой державе. **Спецслужбы всегда работают в интересах своего государства.** Генерал НКВД Судоплатов честно воевал против украинского националистического подполья. Он жестоко и безжалостно карал как отдельных исполнителей, так и всё население края, это подполье поддерживавшее... Однако он, профессиональный разведчик, диверсант и террорист, получив приказ о необходимости примирения со своими врагами, этот приказ выполнил точно, без сомнений и колебаний. И если бы его шеф, Лаврентий Берия в 1953-м победил Никиту Хрущёва, то сегодня мы Павла Анатольевича Судоплатова почитали бы как одного из ярких борцов за украинскую независимость.

Книга Игоря Дамаскина, как и все «идеологически правильные», освещает не настоящую историю, а её трактовку с точки зрения имперского сознания, а то, что «не лепится» в иконостас кремлёвских героев – замалчивается. Выброшены из истории мировых спецслужб выдающиеся украинские контрразведчики – Лаврин Капуста, Иван Литвиненко и Николай Арсенич. И не принимается во внимание даже то, что достижения последнего, легендарного генерала безопасности УПА приводили в восторг Эрнесто Че Гевару и генерала-президента Шарля де Голля. Их до сих пор изучают в ведущих современных, в том числе и российских, военных академиях.

О тех, кого нельзя просто обойти вниманием, нагло врут.

Так произошло со скандально знаменитым Лёвой Задовым. Выдающегося и успешного самоучку-профессионала, специалиста мирового уровня сделали отрицательным героем многих популярных книг и кинофильмов. Большевистский литературный классик Алексей Толстой в своей трилогии «Хождение по мукам» вывел его беспринципным и кровавым бандитом, а известный кинофильм «Свадьба в Малиновке» показывает карикатурного Попандопуло, прозрачно намекая именно на Задова. Кем же он был на самом деле?

Он был начальником контрразведки Революционной повстанческой армии Нестора Махно, а также личным адъютантом Нестора Махно. Это он годами противостоял многочисленным «спецоперациям» белой разведки и красной ЧК. Он решал шпионские головоломки и защищал «народного батьку-атамана» от десятков профессионально организованных покушений на его жизнь. Удивительно, но после коварного разгрома махновцев и вынужденной многолетней эмиграции, он умудрился послужить и в зарубежной разведке ОГПУ. Однако даже уникальная еврейская хитрость не спасла его от расстрела в сталинских стенах. Евреи считают своими даже тех, в чьих жилах течёт четверть еврейской крови. Я не знаю, сколько украинской крови имел в своём сердце Лев Николаевич, да и имел ли он её вообще. Но занять заслуженное место в ряду героев-борцов за украинскую независимость он имеет полное право.

Позволил себе попытаться определить самых талантливых и выдающихся украинцев, причастных к организации спецслужб или в тайной борьбе за украинскую независимость, или же против неё. Я отобрал всего сорок человек и разделил их по различным колонкам. Ясно, что это деление условное, оставляющее возможность дискуссии, так сказать, не окончательное.

Можно было бы к этому списку добавить киевлянку Марию Фортус, разведчицу, ставшую прототипом героини фильма «Салют Мария»; полковника разведки Петра Гудимовича из Новгород-Северского; резидента советской разведки в Нью-Йорке Павла Пастельняка из Изюма на Харьковщине. Или, скажем, удачных агентов-нелегалов, охотившихся за атомными секретами: Якова Голоса из Екатеринославщины; одессита Семёна Семёнова и Фёдора Хилько из Мелитополя. О каждом из них можно писать книги. Они этого заслуживают, однако их деятельность с Украиной, с борьбой за независимость и

национально-освободительной борьбой украинского народа связана не была. Они служили чужим государствам и нациям.

А ещё, извините, не считаю героем-разведчиком Ивана Кудрю, которому звание Героя Советского Союза присвоили через двадцать лет после окончания войны, именно тогда, когда активно писались «сказки» про советских патриотов. Сам факт гибели от рук фашистов не является героизмом. Ниже, в новелле «Подлежит реабилитации?» я опишу свою встречу с одним бойцом из его группы. В неспешных разговорах он рассказывал, что задачей их «диверсионно-разведывательной группы» было уничтожение антифашистского ОУНовского подполья руками немцев. От себя добавлю, что до сих пор не опубликованы документы, где были бы доказаны «героические действия» этих советских разведчиков в борьбе против захватчиков. Напротив, я имею свидетельства об использовании НКВДистами фашистского гестапо в интересах Москвы. Не является ли это тем самым «сотрудничеством с врагом», в котором Москва до сих пор обвиняет украинских патриотов?

Может, у кое-кого возникнет возражение относительно Богдана Сташинского, которого я отнес к левой колонке. Но ответу, что суд над советской системой, практикующей политические убийства, был бы невозможен без его сознательного и отчаянного решения. Без суда не было бы международной легитимизации украинской вооруженного национально-освободительного сопротивления.

Если же у кого-то из читателей имеется другое мнение, прошу откликнуться.

Одно мы должны знать: это уже история. Наша история. История становления украинской государственности. А это её герои, которых мы, граждане новой независимой Украины, обязаны знать, помнить и чтить. Уважать, несмотря на цвета партийных знамен и политические симпатии.

Деятели национальной спецслужбы времен независимой Украины еще должны заслужить честь быть представленными в этом списке. Нынешние «рыцари плаща и кинжала», несмотря на свой пыл, серьёзных результатов на ниве защиты нашего государства не достигли. Бездарная и почти бесплатная сдача ядерного оружия и шельфа острова Змеиный, «кольчужный» и «кассетный» скандалы, скандал вокруг черноморских маяков,

отравление Президента, отказ Украине во вступлении в НАТО, позорная и болезненная газовая капитуляция – на их совести. Это провал, когда нужную правительству информацию разведка не может добыть. А ещё больший провал, когда, обладая нужной информацией, руководители спецслужб не могут убедить чиновников в необходимости тех или иных действий в интересах государства.

Почему это стало возможным? Может, потому что на службу в разведку невозможно попасть даже с погашенной судимостью, а вот в её заказчики ... Как говорится, «no comment».

Разведывательная и контрразведывательная деятельность, как ни одна другая профессия, непосредственно связана с личной честью, совестью и патриотизмом. И это не красивые слова, а обязательное условие отбора исполнителей тяжелого, ежедневного ратного труда.

Полковник Иван Нос (ок. 1655-1715), генеральный судья у гетмана Ивана Мазепы, московский резидент, агент влияния, содействовал сдаче гетманской столицы Батурина войскам Петра I (1708).

Иван Брюховецкий (1623-1668), двойной агент Москвы в канцеляриях Хмельницкого и Выговского, позже запорожский кошевой и гетман Украины, первым из гетманов посетил Москву, где подписал «московские статьи» (1665), сильно ограничившие самоуправление Гетманщины. Закончил попыткой организации анти-московского восстания, розорван заживо казаками за предательскую деятельность в пользу Москвы.

Богдан Хмельницкий (1596-1657), генеральный писарь Запорожской сечи; идеолог, организатор и первый начальник тайной дипломатии Гетманщины, позже гетман Украины.

Полковник Лаврин Капуста (ок. 1610-1658), посол по особым поручениям, начальник разведки и контрразведки в канцеляриях гетманов Богдана Хмельницкого и Ивана Выговского; начальник гетманської личной охраны.

(фото: кинореконструкция)

Юрий Франц Кульчицкий (1640-1694), украинский купец, солдат, переводчик. Во время осады Вены (1683) под личиной турецкого купца прошёл сквозь вражеский стан, передал объединённому европейскому войску данные об осажденных и о состоянии турецких позиций, а потом вернулся в осажденный город. После снятия осады впервые в Европе ввёл торговлю кофе.

(фото: памятник в Вене)

Граф Андрей Войнаровский (1680-1740), руководитель военной разведки гетмана Ивана Мазепы (1708-1709); советник гетмана Пилипа Орлика, идеолог и активный организатор антироссийской коалиции европейских держав.

Александр Безбородько (1747-1799), дипломат, талантливый аналитик разведки, канцлер Российской империи, организатор закрепощения Украины (1783).

Генерал-фельдмаршал Иван Паскевич (Пасько) (1782-1856), «упокоритель» Кавказа и Польши, организатор эффективных агентурно-оперативных мероприятий по дискредитации польского освободительного движения, русификатор западноукраинских земель.

Владимир Антонов-Овсенко (1883-1938), организатор вооруженной и тайной борьбы против УНР, позже посол в Чехии (1924), Литве (1928), Польше (1930), Испании (1936-1937).

Пантелеймон Калужный (1897-1936), профессиональный художник, эсер-«самостийнык», агент ГПУ «Консул», возглавлявший «украинскую линию» английской разведки в Бухаресте (1928). Продвигал разведывательные и дезинформационные материалы, побудившие Лондон к сближению с СССР в борьбе с гитлеровской Германией.

Генерал-лейтенант Франции Григорий Орлик (1702-1759), сын гетмана Пилипа Орлика; прилагал эффективные усилия к созданию антироссийской коалиции держав, чтобы с её помощью утвердить независимость Украины.

Генерал-адъютант Михаил Драгомиров (1830-1905), Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор. С его молчаливого согласия и при его тайной поддержке во времена действия Эмского и Валувевского указов (1875-1879) возрождалась украинское просвещение и культура.

Генерал-лейтенант Павел Скоропадский (1873-1945), гетман Украины (1918); инициатор создания государственных институтов: дипломатии, разведки, контрразведки. Организовал в Берлине (1944) тайное совещание всех украинских оппозиционных деятелей: председателя УНР в изгнании Андрея Левицкого, а также лидеров разных ветвей сопротивления – Степана Бандеры, Ярослава Стецько, Андрея Мельника, Тараса Бульбы-Боровца.

Полковник Федор Боржинский (1879-1919), филолог-востоковед, участник русско-японской (1904-1905); офицер разведки штаба Иркутского военного округа, составил первую подробную карту Монголии (1911), воевал в Польше (1915), на Кавказе (1917). Консул Украины (резидент гетмана) на Кубани (1918), убит белыми «за измену России», тайно похоронен в Юзовке (современном Донецке).

Виктор Петров (Домонтович, Бер) (1894-1969), агент НКВД-МГБ, использовался против ОУНовского подполья в оккупированной Украине (1941-1943) и Германии (1943-1949), кавалер ордена «Отечественная война» I ст. (1965), доктор археологии, украинский писатель.

Николай Глущенко (1901-1977), профессиональный художник, имел широкие контакты среди художественной богемы Европы, с 1944 года профессор Киевского художественного института. Завербованный советской разведкой в качестве агента «Ярема» (1926), он добыл данные о планах нападения Германии на СССР, которые были доведены до Сталина еще 10 июня 1941 года.

Полковник Сергей Карин-Даниленко (1898-1985), резидент советской разведки (1931), замнач отдела ГУГБ НКВД СССР (1936), арестованный (1937) и реабилитированный (1939). Организатор партизанского движения на территории Украины (1941), активный участник погрома греко-католической церкви (1946), украинский писатель.

Старший сержант Александр Лященко (1922-1998), боец дивизионной разведки, полный кавалер ордена Славы, на фронте с 1941-го, защищал Сталинград, освобождал Украину, Польшу, потерял ногу под Данцигом.

Генерал-хорунжий Александр Кузьминский (1884-1975); окончил курс Военной академии ГШ русской императорской армии, штабс-капитан (1917); штабной офицер армии УНР (1918), начальник разведуправления ГШ ВС УНР (1919), Главноуполномоченный украинской ЦК в Галичине (1921), в эмиграции с 1939-го.

Полковник Николай Чеботарив (1884-1972), начальник политического департамента Министерства внутренних дел УНР, начальник личной охраны лидера УНР Симона Петлюры (1919-1921), в эмиграции с 1939-го.

Лев Задов-Зиньковский (1893-1938), анархист-коммунист (1912-1924); боец-повстанец (1918), заместитель начштаба бригады, начальник контрразведки корпуса, замнач контрразведки повстанческой армии, адъютант Нестора Махно (1919-1921). В эмиграции (1921-1924), с 1925 оперативник иностранного отдела ГПУ, репрессирован и казнен (1938).

Яков Водяной (1886-1940), член партии эсеров, арест, заключение, ссылка (1906), эмиграция в Японию и Австралию (1911-1917), организатор Вольного казачества (1917), повстанческий атаман Холодного Яра (1920-1922), офицер разведки правительства УНР в изгнании (1927-1930), арест НКВД во Львове (1939), казнен НКВД.

Евгений Березняк (1914-2013), советский военный разведчик «майор Вихрь», спаситель Кракова. Арест НКВД, следствие (1944-1945). Как работник системы Минобразования СССР, активно занимался украинизацией полонизированных школ Галиции (1946-1950). Реабилитирован (1965), Герой Украины (2003).

Полковник Алексей Деркач (1914-2012), советский военный контрразведчик, руководил боевыми опергруппами НКВД, обеспечивал переговоры лидеров антигитлеровской коалиции в Тегеране (1943). Две его спецоперации занесены в перечень 50-ти самых интересных операций разведок мира.

(фото: киногерой Алексея Деркача – фильм «Тегеран-43»)

Полковник Леонид Линицкий (1900-1954), служил в разведуправлении Красной армии (1919). Раненого эвакуируют в Югославию (1920), где он проникает в руководящие структуры белой эмиграции и выполняет задание ОГПУ. Разоблачен полицией, арестован, осужден (1935), вывезен в СССР (1938), в дальнейшем офицер советской политической разведки: Югославия (1941-1945), Индия (1946), Китай (1949-1954).

Полковник Николай Прокопюк (1902-1975), Герой Советского Союза (1944), сотрудник ЧК (1921), пограничник (1923), офицер внешней разведки (1935), воевал в Испании (1937-1938), командир разведовательно-диверсионного отряда «Охотники» (1942-1945).

Генерал-хорунжий Владимир Змиенко (1886-1938), начальник штаба дивизии императорской армии, подполковник (1917), начштаба дивизии, командующий Восточным фронтом Действующей армии УНР (1918-1919), зам. коменданта обороны Замостья (Польша), где нанесено поражение Первой конной армии Буденного (1920), начальник разведки ГШ военного министерства УНР в изгнании (1927).

Полковник Иван Литвиненко (1891-1947), служил в политической разведке УНР (1918-1919), руководил контрразведкой правительства УНР в изгнании (1926-1940), начальник разведки краевого штаба УПА-Север (1942), начальник офицерской разведшколы УПА (1942-1945), захвачен и казнен НКВД.

Генерал безопасности Николай Арсенич-Березовский (1910-1947), фактический создатель военной разведки УПА и СБ ОУН (1941-1947), идеолог новой вооруженной тактики ОУН после окончания Второй мировой войны, погиб в бою с НКВД. Деятельность СБ ОУН изучали НКВД и гестапо, её и сейчас анализируют в специзданиях России.

Полковник Василий Вышиваный (Вильгельм Франц фон Габсбург) (1895-1948), участник переговоров со стороны УНР в Брест-Литовске (1918), конкурент Павла Скоропадского на должность гетмана Украины, заведомо зарубежных связей ГУ разведки ГШ армии УНР (1919-1920), председатель Украинского национального вольноказаческого общества в Вене (1921-1938). Сотрудничал с лидером ОУН Коновальцем (1937-1938), организовывал и координировал украинское антифашистское сопротивление в Европе с английской разведкой и с разведкой французского Сопротивления (1940-1945). Захвачен контрразведкой «Смерш» в Вене (1947), замучен в Киеве; украинский поэт.

Генерал-лейтенант ГБ Павел Судоплатов (1907-1996), профессиональный разведчик, непосредственный убийца лидера ОУН Евгения Коновальца (1938), организатор покушения НКГБ на Гитлера (1941) и политических «ликвидаций»: советского оппозиционера Льва Троцкого (1940), украинского советского деятеля Александра Шумского (1946), греко-католического епископа Теодора Ромжа (1947), командующего УПА Романа Шухевича (1950). Осужден (1953) и отбыл 15 лет заключения, реабилитирован в России (1992).

Генерал-лейтенант ВС Тимофей Строкач (1903-1963), начальник Украинского штаба партизанского движения (1943), первый украинский министр внутренних дел СССР (1946).

Генерал-лейтенант ГБ Павел Мешик (1910-1953), первый украинец-нарком ГБ СССР (1941), замнач ГУ «Смерш», замком 1-м Украинским фронтом (1943), замнач советской «ядерной программы» (1945), министр внутренних дел СССР (1953), организатор (по заданию Берия) примирения с вооруженным подпольем ОУН-УПА, казнен МГБ.

Подполковник Александр Святогоров-Зорич (1913-2008), готовил диверсионно-разведывательные группы, забрасывавшиеся в тыл фашистов (1941-1943), ликвидатор ряда немецких генералов (1944), работал под крышей «невозвращенца» в Берлине (1945-1948), резидент советской разведки в Праге (1953-1961); прототип героя фильма «Щит и меч».

Николай Лебедь (1910-1998), первый руководитель СБ ОУН (1940-1941), министр госбезопасности в правительстве Ярослава Стецько (1941), организатор антигитлеровского сопротивления (1941), вёл переговоры с польской Армией Крайовой о совместной борьбе против гитлеровцев (1941-1944), с 1948-го руководитель контрразведки иностранных частей ОУН-Р.

Капитан ГБ (?) Богдан Сташинский (род. 1931), агент-боевик, ликвидатор Степана Бандеры (1959), сдался мюнхенской полиции, на суде (1962) признал причастность КГБ СССР к организации ряда политических убийств. Сейчас, по некоторым данным, якобы проживает в Киеве, пенсионер СБУ.

Генерал армии Евгений Марчук (род. 1941), генерал КГБ СССР, организатор и первый председатель Службы безопасности Украины (СБУ), премьер-министр Украины (1995-1996), секретарь СНБО Украины (1999-2003), министр обороны (2003-2004), советник президента Ющенко (2008-2010).

Валентин Наливайченко (род. 1966), как руководитель Службы безопасности Украины (2006-2010) начал реформирование СБУ в спецслужбу европейского уровня, инициировал и организовал расследование геноцида украинского народа во времена Голодомора-33, в 2014 году возглавил антидиверсионное и антитеррористическое противодействие путинской вооруженной агрессии.

Генерал-лейтенант Кузьма Деревянко (1904-1954), организатор и первый командир спецназа ГРУ ГШ, начальник разведуправления армии (1942), начштаба армии ЮЗ, 1У и ЗУ фронтов (1943). От имени СССР подписывал Акт о капитуляции Японии (1945), первый иностранный разведчик, оценивший последствия ядерной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, заместитель начальника ГРУ ГШ (1951), умер от лучевой болезни. Герой Украины (2007)

Генерал армии Семён Цвигун (1917-1982), с 1939-го в органах НКВД, оперативник (1941), начальник особого отдела полка, дивизии, партизанский командир (1941-1945), зам. (1967), первый зам. председателя КГБ при СМ СССР (1968); консультант фильма «Семнадцать мгновений весны», киносценарист, писатель

Генерал-полковник ГБ Николай Голушко (род. 1937), последний председатель КГБ УССР, независимость Украины не принял. По его приказу уничтожены на месте или вывезены в Россию (1991) значительные массивы (десятки тонн) ценных оперативных и исторических архивов НКВД-КГБ УССР, первый директор ФСБ России (1993-1994)

ИНТЕРВЬЮ УКРАИНОЯЗЫЧНОЙ «ЗАКОРДОННОЙ ГАЗЕТЕ» (НЬЮ-ДЖЕРСИ, США), 28.02.2014

– Прежде всего – было ли СБУ активным фактором в последних событиях?

Давайте начнем сначала. Чтобы у вас были основания объективно оценивать мои ответы, вы должны знать, что я служил офицером-агентуристом КГБ с 1983 по 1991 год и освобождён от должности за 12 дней до путча, то есть 7 августа 1991 года «по собственному желанию» (была такая формулировка). В то время я был обычным оперативником и до должности начальника, пускай даже маленького подразделения, не дорос. С тех пор к спецслужбам отношения не имел, то есть не был агентом-резидентом-содержателем-консультантом-экспертом или публичным «отбеливателем» службы. Однако спецслужбы – моя «розовая» мечта, моё призвание, мой идеал и моё мировоззрение – до сих пор не отпустили меня.

Некоторое время я полностью порвал с ними. Однако со времен Оранжевой революции, после случайной встречи с коллегой, возродился мой интерес к ним. Возобновил общение со своими бывшими коллегами, некоторые из которых уже стали полковниками, а один даже генералом. Оказалось, что почти все они (украинские украиноязычные офицеры) были в скрытой оппозиции к власти и тихо сетовали на необходимость участия в войне против оппозиционных сил. То есть именно против политической оппозиции на стороне власти, а не против «отдельных радикальных или террористических проявлений».

Нет, никто мне ничего напрямую не рассказывал. Это было бы «разглашением» с их стороны. Я просто «поймал» ребят на «терминологии».

Термин «украинский буржуазный национализм» возник где-то в 1930-х, когда у московских спецслужб возникла необходимость серьезно «взяться» за ОУН. С тех пор это направление в работе советских спецслужб было профилирующим. Это касалось деятельности всех разведок, в том числе и военной, и контрразведок, а также всех специальных (линейных, т.е. отраслевых) территориальных подразделений. Этому уделялось

большое внимание при подборе кадров (важно было, чтобы на службу в Контору не попали скрытые украинские патриоты), это было основой воспитания и подготовки кадрового состава.

Мой товарищ, генерал как-то года три назад в беседе проговорился, что существует «крымскотатарское направление». Это сразу же мне о многом сказало. Я тут же задал вопрос: «А как же украинское националистическое направление?». И после того, как мой генерал смутился и замолчал, я сделал соответствующий вывод. Речь шла не о борьбе с «отдельными, яростными противниками существующей власти», а именно о политическом движении. Украинское националистическое патриотическое движение для нынешней власти являлось враждебным, и против него была организована настоящая тайная война со всеми вытекающими отсюда последствиями.

А теперь к Вашему вопросу. СБУ было не активным фактором, а одним из организаторов антиукраинской борьбы в Украине. Совершенно уверен в том, что специалисты из аналитических центров СБУ уже давно, сняв погоны, работали в Совете национальной безопасности и обороны Украины. Их планы и указания реализовались не только СБУ, а и Министерством образования и науки, Министерством культуры и всеми другими государственными ведомствами, в части, касающейся...

– Вы твердо убеждены, что украинские спецслужбы однозначно были на стороне Януковича?

За годы правления Януковича был заменен ВСЬ без исключения генералитет СБУ (также МВД, прокуратуры, подавляющая часть судей, практически все руководители других отраслей и ведомств). Вопрос – кому мешал нормальный, знающий, опытный профессионал, которому до пенсии оставалось лет 5-7, и который мгновенно, по звонку, мог решать самые сверхсложные вопросы?

Есть у меня близкий знакомый, сейчас подполковник. Он некоторое время назад переехал из города Хмельницкий (на

украинском Подолье). Рассказывал о маньяке, русском шовинисте в руководстве СБУ области, из-за которого оттуда сбежали, а то и уволились десятки офицеров. Недавние массовые протесты в регионах показали: единственным подразделением СБУ, открывшим огонь на поражение по демонстрантам, было Управление СБУ в Хмельницкой области. Может ли это быть совпадением?

К руководству СБУ (и не только) были допущены руководители «охранных фирм», с помощью которых мафиозные кланы, в первую очередь донецкие, «отжимали», присваивали чужой бизнес. Эти «силовики» стали настолько востребованными, что их услугами пользовалось даже... в МВД. Показателен случай с разгромом крымско-татарского базара на вершине горы Ай-Петри несколько лет назад, когда милиция в этот «конфликт» не вмешивалась – и данный случай не единичный. Они стали настолько влиятельными и всемогущими, что назначались на высшие руководящие должности в СБУ. Именно потому, что СБУ руководил... летчик, который просто не понимал специфики работы, к организации ликвидации Майдана были в качестве консультантов привлечены (опять-таки, якобы бывшие) российские специалисты.

– Можете сказать, какой процент сотрудников СБУ составляют идейные украинские государственники, а какой процент идейно ориентирован на путинскую Россию?

Здесь вопрос не в проценте, а в требованиях к кадровым службам. Требования к подбору будущих сотрудников ставит даже не глава Службы, а руководство государства. Генералы или кадровики могут пропихнуть «своего», но только тогда, когда этот «свой» будет отвечать «требованиям». Я помню в 1990-м нам была спущено требование по подбору на работу в органы КГБ «истинных партийцев, советских патриотов, не запятнанных сотрудничеством или контактами с оппозиционными КПСС структурами».

Я точно знаю, что президент Кравчук в своё время долго (около года-полтора) не подписывал такого требования и точно знаю, что Кучма подписал такое требование чуть ли не первым из своих официальных документов.

– Ваше мнение, насколько достоверную информацию имело СБУ о том, что творится на Майдане, в Правом секторе, в сотнях самообороны?

То, что СБУ имело полную и достоверную информацию о состоянии оппозиции и её боевых подразделений – нет сомнения. Однако вопрос не в том.

Вместе с руководством Службы (в котором, по моему мнению, были не профессионалы, а обычные бандиты) на «хлебные» места пришли такие же «аналитики» – руководители аналитических центров, которые всегда, даже при СССР в службе имели особый статус. Судя по планам операций «Бумеранг» и «Волна», опубликованным в интернете, они имели реальное представление об угрозе свержения существующей власти. Однако проснулось в народе усыпленное национальное подсознание, и именно на нем споткнулся «верный русскоязычный хохол», чьими руками власть хотела залить Майдан кровью. Разработанные аналитиками планы были реальными для выполнения, но они были рассчитаны на слепого, тупого и верноподданного исполнителя, а он оказался оказался немногим другим.

Да, этот исполнитель совершал преступления. Он топтал государственное желто-блакитное знамя и материл «бандеровце», но этот исполнитель не мог знать, что в поддержку официально реализуемого плана работает еще и шесть-семь снайперских пар, про которых ни МВД, ни СБУ ни слухом-ни духом.

«Беркут» сломался не от силы Майдана, а в результате потери десятка своих, убитых выстрелами в спину. Бойцы поняли, что их нагло предали. И они отступили. Покинули поле боя, защищая свою жизнь от активистов Майдана, будучи полностью деморализованными. Я их не оправдываю. Как правило, это тупые быки, ничего, кроме мордобоя, не умеющие. Но даже им хватило ума для осознания того, что их предали. Надо понимать, что на протяжении всей службы их командиры, сознательные московские шовинисты, безнаказанно промывали им мозги «украинским национализмом». Я сам был «промытым» и знаю, что это одномоментно не излечивается.

– Ваша оценка сенсационной новости, что лидер Правого сектора Ярош подпольно встречался с Януковичем?

Не вижу сенсации. Перед штурмом обстановка была напряженная, руководство государства и силовых структур не могло определиться с конкретными действиями по ситуации, ведь даже бандиту нелегко принять решение о пролитии крови. Протекал какой-то оперативно-переговорный процесс, в котором принимали участие все, от кого могло что-то зависеть. Сам факт, что лично президент Янукович решил на встречу с каким-то там Ярошем, свидетельствует о весомости возглавляемого им трёхсотенного отряда. Не вижу здесь ни измены, ни подвоха. Янукович был готов на всё, чтобы решить конфликт «без эксцессов». Однако «без эксцессов» он хотел не урегулирования, а своей собственной победы, потому что даже в этот момент требовал капитуляции Майдана.

Как оперативник, считаю, что тайные переговоры – нормальный инструмент реального руководителя. Янукович использовал этот инструмент для сохранения и утверждения своей власти. Ярош понял это, оценил адекватно, с кем имеет дело, и именно это стало точкой принятия властями решения о штурме Майдана.

Правильно ли сделал Ярош, пойдя на переговоры с Януковичем? Представьте: вас, гражданина государства, зовёт для консультации легитимный президент страны. Каковы будут Ваши действия?

– Почему информация о встрече Януковича и Яроша стала известна широким кругам общественности только благодаря работе журналистов?

Встреча была тайная. Потому Ярош и молчал. Утечка информации пошла не от него. Возможно, он доверил эту ТАЙНУ ближайшему окружению. А когда начались бои – всем стало уже не до тайн. И тут, видимо, один из его доверенных лиц «похвастался» тем, что знает (впрочем, я не знаю точно, как реально всё происходило – это моё предположение). Ну, а борзописцы, конечно, оказались на своем месте.

Отдельно хочу сказать о журналистах и об их роли. Ни Майдана, ни противостояния, ни победы без них не было бы. Правдивость, гласность и своевременность освещения в СМИ событий украинской революции во многом обеспечили её успех.

Это, пожалуй, один из тех случаев, когда не надо было быть министром внутренних дел, главой СБУ или Президентом, чтобы видеть полную картину происходящего. Роль агентуры, оперативников и технических служб с успехом выполнили журналисты, корреспонденты и репортёры, а комментаторы и политологи были настоящими аналитиками в прямом эфире.

И вот тут я отмечу – меня приучали работать на поставку аналитикам своевременной информации. Для меня аналитик это существо близкое к Богу, потому что он имеет право всё знать, обязан думать, прогнозировать и высказывать своё мнение. Сегодня, глядя телевизор, считаю, что политологи информагентств переиграли аналитиков из МВД, СБУ и СНБО. Переиграли в ноль. И новое руководство государства должно теперь сильно подумать, кому в дальнейшем платить за прогнозы.

– Ваше мнение, почему популярность Правого сектора и лично Яроша в последние дни так растёт. В то же время в СМИ началась безумная кампания против ВО «Свобода». А ведь «Свобода» имела на Майдане 5 сотен. Погибло ШЕСТНАДЦАТЬ членов и сторонников Свободы. Из сотни Правого сектора – ни одного человека, кажется.

ВО «Свобода» – парламентская политическая партия, которая за время своей легитимной деятельности имеет достижения, но имеет и громкие провалы. И это понятно, потому что, когда за неё голосовали – надеялись на большее. А еще «Свобода» – это одна из немногих (чуть ли не единственная, не считая коммунистов) партия со своей идеологией. Эта идеология неоднозначная и на сегодня в украинском обществе не весьма популярная.

Да, я тоже где-то хочу считать себя националистом, но вот по их меркам даже я, как оказывается, бывший, а потому будто бы навсегда недостоен высокого звания патриота. А ещё, оказывается, чтобы быть в рядах «Свободы», я должен доказать, что имею родителей украинцев. А если кто-то из них вдруг не украинец – обратно-таки, то кто я такой?!

А ещё я должен работать на Украину. Я и работаю на неё, подрабатывая (и не без успеха) на радиостанции «Эхо Москва»... И опять у «Свободы» ко мне появятся претензии.

По Правому сектору мне трудно определиться. Их роль в силовой защите Майдана ещё будет исследоваться, ведь кроме них в нужный момент и в нужном месте не оказалось других сил добра, которые могли бы противопоставить себя силам зла. Мне кажется, Правый сектор это молодые радикалы того же, что и «Свобода», направления, и ради достижения общей цели они обязаны срочно сплотиться. Потому что слишком много в Украине и вне её сил (в т.ч. и легальных политических), для которых раздоры между борцами за украинскую идею – подарок судьбы.

Теперь по погибшим Правого сектора. На сотне гробов не ставили меток, откуда погибший. А есть ещё три сотни пропавших без вести, тех, кого похищали, и чьи мертвые тела потом вывозили в неизвестном направлении.

Призываю – не делите мёртвых, потому что среди них и семнадцать стоявших на Майдане против вас. И они всего лишь выполняли приказ. По себе знаю: как трудно (если это вообще возможно) отличить приказ, который ты должен выполнить в соответствии с присягой на верность народу Украины, и приказ, выполнение которого будет считаться преступлением, а тебя за твою верность присяге будут преследовать как преступника.

Преступники – те, кто ставит людей перед таким выбором.

Преступники – те, кто не наказывает это зло.

Чтобы оно в будущей Украине стало невозможно, «Свобода», Правый сектор и все другие украинские патриотические силы должны быть на одной стороне.

– Видите ли Вы присутствие российских спецслужб в Киеве? Какие достижения и промахи российских спецслужб?

Официально кадровые сотрудники российских спецслужб в Украине есть только в Управлении особых отделов Черноморского флота (военная контрразведка РФ, которую неоднократно ловили на финансировании Коммунистической партии Украины). Консультируют СБУ «бывшие», в посольстве в Киеве и в консульствах есть шпионы под дипломатическим прикрытием: не укусишь. В России тоже не дураки – подставляться не будут.

На мой взгляд, спецслужбы России сработали на отлично. Но, во-первых, их партнеры к ним не очень-то прислушиваются, так как между ними есть серьезный элемент недоверия.

Во-вторых, в Украине им пришлось работать против реально противника. Должен открыться: я в своё время претендовал на должность консультанта спецслужбы одной из украинских патриотических организаций – пригнал конкурс генералу. Не думаю, что тот генерал, который меня обошёл, оказался плохим консультантом.

И в-третьих. В своё время я служил в «московской» спецслужбе и знаю их спесь, недоверие и неуважение к партнерам. Когда-то как офицер, я тесно общался с коллегой, который до того служил с десяток лет в Германии, где руководил звеном наших агентов в Министерстве госбезопасности ГДР. Это говорит об имперском принципе работы спецслужбы – не думаю, что за 20 лет что-то в этом смысле изменилось.

И еще. Русские (впрочем, как и любые другие) спецслужбы не будут работать там, где не имеют поддержки своих имперских интересов. А, следовательно, у нашей украинской контрразведки непочатый край работы.

– Как Вы думаете, спецслужбы каких других стран активно работают в Киеве в последние месяцы? Моссад, польская разведка, ЦРУ, немецкие спецслужбы?

Все уважающие себя спецслужбы работают в Киеве. Это нормально.

Дипломаты собирают легальную информацию, поддерживают легальные контакты для использования в своей работе, разведчики занимаются негласной сферой деятельности. В интернете прошла информация, что какой-то там будто бы второй секретарь посольства России почти обругал на официальном приеме нашу «министершу» юстиции, а та молча проглотила обиду. Почему? А потому, что её муж, руководитель украинской политической разведки, даёт основания так к ней публично относиться. (Намеренно эту последнюю фразу написал без кавычек и без скобок – читайте между строк).

Поляки недавно почти официально обнародовали результаты работы своей разведки. Моссад и ЦРУ – конторы с большим опытом и традициями ничего не станут комментировать. Потому, что подотчетны только своим правительствам.

Не надо считать, что работа шпиона – это что-то светлое и героическое. Это обыденное, грязное, часто подлое и всегда

незаконное. Это слишком некрасивая работа, чтобы ею занимались люди, лишенные честного, благородного, аристократического и патриотического духа.

– Владимиру Ушенко предложили отвечать в новом правительстве за перестройку СБУ. Что бы вы сделали бы прежде всего?

Где-то два года назад мою, ещё не изданную, книгу «Будни районного гэбиста» по рекомендации одного из наших общих друзей прочитал Валентин Наливайченко. Я колебался: можно ли такое печатать. Он же меня успокоил и практически благословил книгу к печати.

Без Валентина Александровича не было бы не только моей книги, но и нашумевшего судебного дела о признании Голодомора геноцидом украинского народа. Смог бы такое сделать я? Не знаю. Не уверен. А он смог. И я верю, сможет и всё остальное.

– При каких обстоятельствах (законах) новое руководство СБУ будет иметь право разоблачить сексотов в радикальных группировках, присутствующих сейчас на площади?

Категорически против. Оперативный процесс бесконечный, как сама жизнь. Агенты были, есть и будут. А для того, чтобы они эффективно работали на независимость моей страны, разоблачать сексотов нельзя. Соединенные Штаты имеют целую государственную программу защиты свидетелей, которую рекламируют через Голливуд, как только могут. Как лицо компетентное, утверждаю: эта программа рассчитана преимущественно для защиты агентурного аппарата ФБР, ЦРУ и других оперативных спецслужб американской демократии. Почему мы должны к своим «стукачам» относиться иначе?

Новое руководство несомненно до этого додумается, и заместители руководителя ведомства, из числа бойцов Правого сектора, не забудут ему это подсказать: СБУ должно провести силами Следственного управления своё внутреннее расследование. Необходимо в результате выявить все противоправные и противозаконные деяния конкретных лиц (не только агентов,

но и их кураторов, руководителей, аналитиков, консультантов и заказчиков) и задокументированные материалы передать в прокуратуру для представления суду.

– Ваше отношение к спискам и разоблачениям Москаля?

Как только я увидел этот текст в интернете – у меня ёкнуло сердце!

Я догадывался, что это существует. Прямо в лоб спрашивал своих «генералов и полковников», но они только смущенно отводили взгляд (собственно, они ли виноваты?). Думаю, что на 90 % знаю, кто именно набирал на клавиатуре этот текст плана агентурно-оперативных мероприятий...

Боюсь, это только верхушка айсберга.

ОТВЕТ НА НЕПОСТАВЛЕННЫЙ ВОПРОС

Всего лишь два дня прошло со времени моего интервью газете, а оно уже устарело, потому что в наш дом идёт война. Слова невероятные, но именно они характеризуют сложившуюся ситуацию.

По Крыму передвигаются неизвестные военные в российской форме с оружием, имеющимся в распоряжении российской армии. Солдаты не имеют знаков различия и называют себя «самообороной русскоязычного Крыма». Именно это побудило меня добавить ряд размышлений к тому позавчерашнему интервью, и, среди прочего, высказать версию, которую не решил тогда воспроизвести.

Где-то 24 или 25 февраля телеканал «1+1» показал сюжет, в котором я идентифицировал одного из военных, руководивший вооружёнными людьми, расстреливавшими Майдан. На всю страну было названо имя и показано его лицо. Именно его журналисты назвали одним из тех, на чьих руках кровь погибших протестующих. Буквально два дня назад этот же канал показал продолжение сюжета. Реальный полковник, начальник отдела МВД, и подполковник, командир спецподразделения «Омега», пригласили журналистов в расположение своей воинской части. Они объяснили, что действительно руководили подразделением, выполнявшим приказ по противодействию вооружённым (такие действительно были) активистам Майдана. Офицеры категорически отрицали свою причастность к расстрелам демонстрантов и высказали предположение о существовании некой третьей силы.

Моё упоминание в предыдущем интервью о шести или семи снайперских парах основывается на выложенных в интернете перехватах радиопереговоров этих самых снайперов, где явно слышится московский акцент. А ещё я имел в виду (хотя и не ссылался на него) интервью народного депутата Инны Богословской и имеющееся в прокуратуре видео, на котором снайперы в форме «Беркута» стреляют как в сторону демонстрантов, так и в сторону правоохранителей.

А теперь моя версия.

О снайперских парах на Майдане действительно не знали ни милиция, ни внутренние войска, ни «Беркут», ни СБУ. Подо-

зреваю, о них не знал ни сам Янукович, люди из его команды (министры, главы служб и командующие войска). Учитывая некоторый опыт оперативной работы и теоретическую подготовку на уровне спецшколы советской контрразведки, имею все основания утверждать, что снайперы являлись или российским спецподразделением, или наемниками, выполнявшими именно российский заказ. И заключался он не только в том, чтобы залить кровью Майдан, но и в том, чтобы замарать этой кровью Януковича с компанией.

Андрей Илларионов, бывший помощник президента России Владимира Путина, неоднократно говорил о садистских и сверхжестоких методах деятельности своего бывшего шефа. По его заверениям, Путину в Крыму нужны были горы трупов. Он безошибочно указывал на то, что и Майдан планировалось завалить ими.

Еще недавно мне казалось, что «небесная сотня» это только условное название сначала 77, потом 87 погибших. Вчера в реанимации от ран умер еще один, 23-летний киевлянин, а сегодня – 30-летний мужчина из Вишневого под Киевом. Цифра погибших безжалостно приближается к 100. Неужели их будет больше? И их убийство на совести Путина, а не Януковича. Это моя версия.

2.03.2014 г.

Написать текст, который будет читаться тогда, когда все уже завершится и будут известны ответы практически на все сегодня не понятные и ещё не поставленные вопросы, – вещь чрезвычайно тяжелая и неблагодарная. Ведь сегодня, 6 марта 2014, я оперирую только наличествующей информацией.

Вчера вечером на телеканале «Громадське ТВ» бывший заместитель Совета национальной безопасности и обороны Украины генерал СБУ Юрий Прокофьев озвучил данные об активной круглосуточной работе крематория Байкового кладбища в дни штурма Майдана. Массово сжигали обезглавленные тела. Чьи? Сегодня известны фамилии более 260 пропавших без вести майдановцев. Не буду выдвигать версии, ведь читатель уже знает ответ, а я нет.

Я не о версиях, а о вероятности, возможностях, о планах и о необходимости.

1. Необходимость.

Необходимость одна: разогнать непокорный Майдан и подавить мирные протесты, тем самым вернув ситуацию в стране к предпротестному состоянию казнокрадства власти, повальной коррупции, хищения государственного бюджета, безнаказанности и легитимизации преступной неукраинской власти в Украине. Потребность определяет высшее руководство государства, а в нашем случае лично президент Украины Янукович Виктор Федорович.

Опьяненный неограниченной власти диктатор утратил связь с реальностью. Свою зависимость от народной воли он считал не стоящим внимания рудиментом «демократии».

2. Планы.

Основным органом аналитического прогнозирования власти и разботчиком планов противодействия Майдану последнего времени был Совет национальной безопасности и обороны Украины, который срочно возглавил Андрей Клюев, а его заместителем был поставлен бывший офицер КГБ и многолетний народный депутат от Партии регионов Владимир Сивкович.

Как мы уже знаем, к руководству всех силовых ведомств Украины (Министерства обороны, Службы безопасности Украины, Службы внешней разведки, Министерства внутренних дел, а самое главное, аналитических центров государства, отвечающих за консультирование высшего государственного руководства и за разработку планов его действий) были допущены деятели чуждых украинской государственности структур Российской Федерации.

Именно эти «аналитики» и «консультанты» предложили варианты планов, отвечающие желанию и требованиям политического руководства страны. Что же это за планы такие?

Первый и окончательный (другие варианты если разрабатывались, то не дали ожидаемых результатов, или же были сразу отброшены как неэффективные) – силовое уничтожение протестного движения. В эти планы входила и пропаганда, т.е. телевидение, радио, пресса, интернет и другие методы информирования населения о нецелесообразности, неэффективности и опасности протестов для людей. Далее были применены возможности правоохранительных сил и государственной юстиции по задержанию и судебному наказанию протестующих за

нарушение требований действующего законодательства. Сюда же надо отнести лихорадочные действия по организации антимайданных мероприятий с привлечением максимально возможного количества активистов Партии регионов (причастных, нечастных, работников и зависимых), а также платных боевиков из подконтрольных власти охранных структур и криминалитета, иначе говоря «титушек». Относительно последнего, думаю, независимое следствие докажет, что все силовые акции против Майдана, Автомайдана, журналистов и руководителей протестного движения проводились по планам и при непосредственном участии сотрудников специальных служб государства, а именно СБУ, МВД, внешней разведки и их агентуры. Именно кадровые сотрудники были непосредственными организаторами и командирами многочисленных групп «титушек», которые создавали беспорядок на улицах, похищали отдельных активистов и поджигали припаркованные во дворах спальных районов автомобили. В интернете я наткнулся на показания киевской учительницы, которая узнала в предводителе группы дерзких хулиганов-дебоширов своего бывшего ученика, а ныне почтенного майора СБУ.

Были действия этих сотрудников законными? Это уже как сказать. Если они не имели признаков незаконной и преступной деятельности, т.е. не угрожали жизни и здоровью граждан, их имуществу, социальному статусу (через увольнение с работы) или материально-финансовому состоянию – возможно, и так. Однако в любом конкретном случае на эти вопросы ответ должно дать следствие. Так даже действия вышеупомянутого вооружённого подразделения МВД, применявшего оружие против **ВООРУЖЕННЫХ** митингующих, можно определить как законные и совершенно адекватные обстановке, сложившейся на тот момент.

3. Возможности.

Упомяну возможности использования специальных радиотехнических служб, являющихся неотъемлемой структурной частью СБУ. В недавнем публичном интервью бывший министр обороны Анатолий Гриценко проговорился, что украинские вооруженные силы располагают пятым по мощности в мире потенциалом радиоэлектронной разведки, и ее возможности позволяют определить фамилии всех офицеров войск

вторжения в Крым до командира роты. От себя добавлю: если такой потенциал имеет наша армия, наши спецслужбы обеспечены пусть не намного, но лучше. А это значит, что спецслужбы через радио и телекоммуникационный эфир, плюс интернет, полностью контролировали Майдан. Ведь прослушивались не только радио- и телефонные разговоры, прослушивались необходимые (заранее определенные разведкой) устройства мобильной связи активистов в режиме ожидания. Объем перехватываемой информации зашкаливал, однако при правильной организации работы имелись возможности не только подслушивать, но и блокировать разговоры или глушить их.

А еще была возможность вбрасывать дезинформацию. Классический случай с организацией ловушки для автотаймидановцев это только доказывает. Протестующие, находящиеся за рулем, не предполагали, что так легко и просто попадутся.

Отдельный вопрос – агентура. Подчеркиваю: агент – не предатель, стукач или подонок. Агент – это сексот (секретный сотрудник), тайный сотрудник специальной службы соответствующего министерства или ведомства, задействованный в соответствии с утверждёнными планами и выполняющий поставленные перед ним задачи. Агентов вербуют из соответствующей среды по идейным мотивам, за деньги или другие блага, или по принуждению. Агентов могут внедрять в группы майдановцев, в их актив или руководство для противодействия протестам или направления их в нужное русло.

Кроме того, задействуют архивный поиск для выявления в нужной среде архивной агентуры, то есть такой, которая уже не используется и сотрудничество с которой прекращено. Их вербуют заново (в том числе простым предложением возобновить сотрудничество), ставят задачи, обеспечивают возможностями, материалами (в частности оружием), по возможности способствуют их деятельности через иных агентов. Также могут агентов «сводить», т.е. знакомить их друг с другом для выполнения групповых задач, или организовывать так называемые «боевые агентурно-оперативные группы». Именно так действовало НКВД на Западной Украине в борьбе против УПА, используя группы пленных, захваченных и уже перевербованных повстанцев, которые возглавляли надежные агенты или же сотрудники или офицеры НКВД. Именно на них списывали зверства, массовые убийства и другие

резонансные преступления: тем самым дискредитировалось народное повстанческое движение. Мотивы их деятельности те же: идейные, материальные (финансовые), зависимость (угрозы, шантаж).

Именно поэтому я считаю, что план СБУ по агентурно-оперативному противодействию протестному движению, выложенный в интернете генерал-депутатом Геннадием Москалем, реальный. Может ли он быть фальшивкой? Да, может. Однако, по моему мнению, данный план слишком реален, и результаты его внедрения уже зафиксировали журналисты.

4. Вероятность.

В дни, когда Майдан ещё протестовал вяло, колеблясь и сомневаясь в целесообразности и эффективности своих действий, я имел разговор с одним бывшим коллегой, который практически убедил меня в наличии у СБУ плана морально-психологического давления на Майдан.

Этот план был тоже реальным, и перед этим планом Майдан, на мой взгляд, не имел шансов устоять. Майдан должен был... разойтись. Надо было только руководителям государства, Партии регионов и парламента не делать резких и глупых движений. За три месяца Майдана таких движений было много. Это говорит лишь о том, что страной руководили люди абсолютно некомпетентные.

Я не верю, что эти планы не были доведены до СНБО и руководителей государства.

НЕ ВЕРЮ.

Именно поэтому мне кажется вполне правдоподобной следующая версия: руководство страны, то есть Янукович лично, доверился российскому руководству и позволил собой манипулировать. Он потерял рычаги реального управления процессом. Его просто заставили выполнять планы иного государства.

О планах «иногосударства» я не буду распространяться. Отмечу только, что имперской России, несмотря на все ее заявления, очень невыгодна сильная Украина как государство. Не нужны и боеспособные украинские вооруженные силы, независимое и неуправляемое ими (москвитанами) руководство Украины и реальный рост благосостояния украинского населения, потому что это означало бы крах великодержавных имперских планов Кремля.

С какого-то момента Янукович и его команда стали исполнять волю Кремля, который силовым разгоном Майдана и подавлением протестного движения ставил президента Украины в прямую и окончательную зависимость от России. Зависимость экономическую, социальную, военную и политическую. Сам факт того, что Янукович публично предложил обсудить Европе планы ассоциированного членства Украины в ЕС при участии Кремля, говорит о многом. Это и есть подтверждение факта практической потери независимости Украины.

На мой взгляд, план уничтожения Майдана внедрялся уже без контроля со стороны Януковича. Санкция на работу снайперов против мирных протестующих, организованную несколькими независимыми друг от друга ведомствами, как и тайный вывоз и уничтожение трупов, не могли происходить без внимания первого лица государства. Даже тогда, когда он давал разрешение на использование оружия силовиками, он обязан был хотя бы бегло ознакомиться с планами и возможными последствиями его применения. ЭТО ЕГО ОБЯЗАННОСТЬ. И если его исключили из этого процесса, значит, были задействованы другие команды. И это Януковича не оправдывает, а наоборот, усиливает его ответственность. Он не имел права передавать свои полномочия (или не контролировать ситуацию) в такой напряжённый момент.

Когда в далеком 1945-м американский генерал-фельдмаршал Бернارد Лоу Монтгомери, комментируя побоище на Зеловских высотах в пригороде Берлина за две недели до Победы, где советский «полководец» Георгий Жуков за три часа бессмысленного штурма потерял погибшими 110000 и ранеными 400 тысяч красноармейцев, заявил: «Мне кажется, Жуков командовал не своей армией». Западный мир не понимает и не признает побед, достигнутых бесполезной, ненужной и неоправданной гибелью людей.

Можно много говорить о «нравственности» планов по уничтожению сотен людей, но есть чёткое ощущение, что никогда Янукович не был президентом Украины. Он был правителем чужой ему территории с народом, к которому относился с презрением и ненавистью.

Проводя дальнейший анализ деятельности спецслужб в противодействии массовым протестам, замечу, что российским спецслужбам удалось поставить украинского президента в за-

висимое и беспомощное положение. И это позорный результат бездеятельности нашей отечественной контрразведки. Убежден, что этот случай войдет во все будущие учебники контрразведок мира как пример измены, некомпетентности и непрофессиональной работы контрразведки.

Лично я считаю, что необходимо потребовать проведения специального служебного расследования деятельности всего без исключения руководства и генералитета украинских специальных служб. Будет такое или нет – мы с вами не узнаем. Такие вещи не обнародуют, а возможную утечку информации не станут даже комментировать. Однако я верю, что именно так и будет.

5. Заключение.

Как-то в начале независимости мы были шокированы нелогичным и невозможным шагом тогдашнего президента Леонида Кравчука, который ввёл в состав коллегии Службы безопасности Украины «махрового националиста», скандального, непримиримого и неуправляемого оппонента действующей власти Степана Хмару. Однако он там задержался недолго, его заменили каким-то смиренным и послушным народным депутатом. Работают ли теперь подобные люди в коллегии спецслужбы – неизвестно. Жизнь же ставит однозначное требование: в коллегии Службы непримиримая национальная оппозиция должна быть **ОБЯЗАТЕЛЬНО**. Иначе будет беда.

Тут же возникает и требование к оппозиции. Она должна быть непримиримой и национальной, а не проимперской.

Но как бы там ни было, каковы бы ни были сила, возможности, профессионализм и эффективность специальных служб, они всегда были, есть и будут бессильны против правды, против народа, восставшего за свою свободу и достоинство.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В Ташкенте я учился во 2-й группе курса подготовки оперативного состава КГБ СССР, в которой, помимо прочего, занимал должность секретчика, т.е. собирал и раздавал слушателям их совершенно секретные тетради, а ещё раздавал, собирал и сдавал в спецбиблиотеку Школы совершенно секретные учебники. К тому же имел привилегию посещать спецбиблиотеку (библиотеку тайной и совершенно секретной литературы) во внеурочное время, во время занятий. Иногда мне доверяли там дежурить в выходные. Это время я использовал для малодоступного и интригующего чтения.

Старостой нашей группы был старший лейтенант Володя, слушатель из Астрахани, а его заместителем старший лейтенант Саша из Ленинабада (сейчас город Худжанд в Таджикистане). Вообще-то Саша был украинцем, в свое время он окончил Харьковский авиационный институт и снова вернулся в родной Ленинабад, где работал в аэропорту и откуда уже попал в КГБ.

Жили мы с ним в одной комнате, сдружились. Делили и хлеб, и соль, и откровенные неслужебные (часто крамольные вплоть до антисоветских) мысли. По окончании Школы, прощаясь, я подарил ему на память подаренный мне моей женой талисман – дешевенького маленького игрушечного пластикового поросенка. С тех пор мы не виделись и не переписывались.

Вдруг, спустя годы, уже в независимой Украине, я увидел его в телевизоре в новостях, где он в качестве старшего офицера управления СБУ одной мощной промышленно развитой восточноукраинской области, комментировал какие-то достижения нашей украинской контрразведки. Я уже был вне системы и все думал, как же мне отыскать своего однокашника, как вдруг встретил своего бывшего коллегу по Бориспольском отделению, которого и попросил отследить Сашкин телефон через возможности СБУ. Удивительно, но коллега отреагировал почти сразу и предоставил его личный телефонный номер, при этом сообщив, что мой Сашка уже не Сашка, а Александр Владимирович, заместитель начальника управления, полковник.

Созвонились, признал меня, обрадовался, хотя по телефону не очень-то и разговорисься. Договорились встретиться, однако встреча наша состоялась только через несколько лет. Затем

встречались ещё несколько раз. Сначала он ко мне в гости навещался, потом я к нему.

Искренних разговоров уже не получалось, ведь он находился при ответственной государственной службе, а я ... Рискованные темы Саша старался обходить, а я, понимая ситуацию, не настаивал. Он пытался разбавить свою неискренность некоторыми сверхсекретными жареными сведениями, интересными только борзописцам-журналистам, а не бывшему, хотя и верному другу. Рассказывал о своем участии в гражданской войне в Таджикистане, о достижениях в своей агентурной деятельности на крымско-татарском направлении (!!!). Сообщал убийственные факты об олигархе Ахметове, губернаторе-премьере (тогда ещё) Януковиче, депутате-регионале Ефремове, наверняка зная, что я эту информацию нигде использовать не стану. А если до этого и дойдет дело, то всё равно не смогу на него сослаться и к следствию эту информацию не подошью.

Только из прессы узнал, что Саша дослужился до генерала, начальника управления, но поговорить даже по телефону не удавалось – генерал всегда сильно занят.

Однажды созвонились прошлой осенью. Саша вдруг высказал мне своё неудовольствие: «Не лезь не в своё дело». Это означало, что ему уже известно о моих скромных попытках консультировать контрразведку одной из сотен Майдана...

В тот день, когда после позорного бегства владельца золотого батона Рада избрала исполняющего обязанности председателя СБУ, снова позвонил Саше:

– Ну как?

– Да вот, сижу, скучаю, никто не заходит, раскладываю в компьютере пасьянс. Все телефоны, что киевские, что донецкие, молчат. Все мои оперативники толкутся в управлении, курят, сплетничают, нервничают. Никто не знает, что делать. Я тоже не знаю. Ожидаю отставки.

– Почему вдруг? Ты аксакал, всё знаешь, всё умеешь. Кто как не ты поможешь новой власти?

– Знаешь, надоело, не хочу, устал.

– Но всё только начинается...

– Для меня всё закончилось.

А на следующий день прочитал в интернете, что в этом обласном управлении СБУ назначен новый начальник.

Позже внимание приковал Крым, затем ожидание вторжения и заявление исполняющего обязанности председателя СБУ о предателях в рядах Службы, о засилье враждебной российской агентуры, о массовых отставках офицеров спецслужб, об отчаянных попытках новой власти восстановить управляемость структурой, о практических мероприятиях по организации новой украинской контрразведки...

Сегодня снова набрал Сашу:

– Ты дома?

– Да. И никуда отсюда не собираюсь.

– Ну, прокомментируй ситуацию.

– Для кого?

– Для меня, а не для прессы. Книгу я уже написал, добавить уже ничего, а в газеты не пишу, там и без меня тесно. Вот тревожусь о Донбассе, о референдуме.

– Украина у нас одна и Донецк – это Украина, – вдруг заговорил Саша лозунгами, – и на Донбассе тоже люди. До моей отставки, до 5 марта, в управлении не было выбито ни единого стекла, всё было управляемо и моя офицерская честь...

– При чем тут честь? – перебил я его. – Якименко, этот гопник, был на должности главы СБУ. Или он не твой ученик? Не ты ли натаскивал его, разве не ты пригрел вражеского агента, что сейчас в розыске? Ты упустил? Ошибся? Промахнулся? А может...

– Эту тему я не буду обсуждать.

– Почему? Контрразведка Майдана тоже имела в Службе своих информаторов. Даже не мы, а они нас искали, предупреждали и сливали нужную информацию...

– Они предатели!

– Неужели? Те, кто переступил через преступные приказы и осознал, что присяга украинскому народу выше команды гопников-предателей?

– Да, предатели, – и он снова продолжил лозунгами, – Украина у нас одна и офицерскую честь я не нарушил. Во время моего командования не выбили ни единого стекла...

– Саша, постой. Тебе ль о стеклах беспокоиться, когда твой Якименко бегал на доклады к российскому генерал-полковнику Сергею Беседе? Скажешь, что ты об этом не знал? Может не в твоей области формировались поезда на Киев с тысячами титушок? Ты тоже этого не знал?

– Не буду об этом. Не буду!

– Уже через неделю после твоей отставки оружие твоего управления раздавали шпане вместе с наркотиками. Неужели не осознаешь своей ответственности?

– Ни одного стекла... офицерская честь...

Далее мне стало неинтересно. Я понял, что мы по разные стороны и уже НЕ найдём общий язык. Я до сих пор питаю надежду, что он всё понимает. Просто ему тяжело, и от осознания своей ошибки и невозможности что-то исправить мой друг избрал такой вот способ защиты или самооправдания.

Не думаю, что его привлекут к ответственности. Формально ведь он чист. Он, как и все они, верил, что можно выйти сухим из воды. Что можно выйти чистым из болота спецслужбы. Но так не бывает.

На зеркальце моей машины болтается игрушечный пластиковый поросенок. Тот самый, из далёкого ташкентского 1983-го. Во время первой после долгой разлуки нашей встречи, Сашка вернул его со словами, что эта игрушка была с ним в самые тяжёлые времена его карьеры. Теперь его карьера закончилась и талисман ему уже не нужен.

В свое время мы выбрали разные пути. Выбрали сознательно, не ведая, что дороги когда-то нас сведут на штормящем Майдане по разные стороны баррикад.

Книга выходит в такое время, когда встал вопрос о сохранении и утверждении моей страны, государства украинского народа. Мы своими глазами наблюдаем распад государства, наступивший вследствие двадцати лет преступного к нему отношения. И сейчас у нас имеется армия, не желающая воевать и бросающая оружие, танки, которые не едут. Эсбэушники и милиционеры, выступающие на стороне сепаратистов. Пограничники, свободно пропускающие через границу врагов государства. Политики-предатели, безнаказанно грабящие наш бюджет долгие годы, и финансирующие из украденных средств войну против своей же страны...

Мы видели тысячи заплаченных предателей-титушок, брошенных против Майдана. Мы узнали, что расстрел народного Майдана планировала избранная нами власть с помощью инструкторов из российского ФСБ. Что стреляли те беркутовцы, которые не прятались и даже кичились своей ненавистью ко всему украинскому.

Жёлто-чёрные георгиевские ленты – это наступательная идеология против умеренности и терпимости, свойственной украинскому менталитету.

Я, бывший солдат идеологической контрразведки, утверждаю, что не может быть государства с какими-то там «нормальными общечеловеческими ценностями». Ценности бывают или НАШИ, или же ЧУЖИЕ. И эти ценности государство должно чётко определить, для того чтобы их защищать, чтобы они служили для своих, наших людей, граждан нашего государства.

РАССКАЗЫ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

ГЕРОЙ НЕДОПИСАННОГО РОМАНА

*«Меня часто спрашивают: не тот ли вы Высоцкий,
с которым мы выходили из окружения?
или, может, вы тот, что служил в соседнем полку?*

*Отвечаю: нет, не выходил, не служил, не воевал.
Я из другого поколения, из того, что довоевывает...»*
Из интервью поэта и барда Владимира Высоцкого

*«Война не закончилась, пока не похоронен
последний погибший солдат»*
Наполеон Бонапарт

В Яготине напротив железнодорожного вокзала стояла школа. Старая, двухэтажная.

Одно время там было медицинское училище, переведенное сюда из Чернобыля после аварии на ЧАЭС. Сейчас здание снесли. Слишком уж выгодное место для торговцев-перекупщиков и ростовщиков, чтобы обращать внимание на какие-то там национальные или исторические традиции в каком-то захолустье. А то, что это место святое для тысяч рождённых и выросших здесь, в этом городке (в том числе и для меня), до сих пор не понимающих, как так можно поступать с церковью, музеем, с родной школой – это никого не интересует.

Построили её в первые годы бурного XX века одновременно с железнодорожным вокзалом и местным сахарным заводом. И находилась здесь школа в течение 80 лет. Даже во время оккупации, когда на втором этаже располагалась немецкая железнодорожная жандармерия, на первом этаже в классе училась моя мама.

В начале 60-х и меня привели туда в первый класс. Я помню свою школу красивой, уютной и просторной.

Слева от школы приютился Почтовый переулочек – маленькая улочка, по которой никогда не ездили ни машины, ни телеги. Это был некий пешеходный проход, посреди которого когда-то росли роскошные деревья редкого по нашим временам глёда.

Заглянул в словарь и обнаружил, что, во-первых, правильно писать «боярышник» и, во-вторых, это не дерево, а куст. Однако язык не поворачивается произносить согласно правилам орфо-

эпии, потому что в моей детской памяти так и осталось: «боярышник – глёд» – большие, причудливо извивистые деревья, на которые мы, первачки, в перерывах между уроками, лазали, чтобы полакомиться сладкими приторными плодами.

Кто сажал и взростил этот боярышник – для меня большая тайна. Может быть, и достояли бы эти деревья до нашего времени, если бы не танки.

Где-то в середине или в конце 60-х, среди жаркого лета на местную железнодорожную станцию прибыли многочисленные эшелоны с настоящей военной техникой. Одних танков Т-34 было более полусотни. А еще были «КВ» («Клим Ворошилов»), «Исы» («Иосиф Сталин»), советские самоходные артиллерийские установки времен войны, «Тигры», «Пантеры», «Фердинанды», разрисованные немецкими крестами, установки гвардейских минометов «Катюша» на настоящих «Студебекерах», разнообразные артиллерийские системы, полторки и много солдат.

Вся пристанционная территория превратилась в большой военный лагерь: солдаты с автоматами, охрана, кухни, ремонтные мастерские и даже будка на современном тогда вездеходе ЗиЛ-157 с надписью мелом «ШТАБ».

Всё это приходило, разгружалось и скапливалось в течение трёх-четырёх дней, и для нас, подростков маленького городка, где военного человека можно было увидеть очень редко, это был настоящий праздник. Нас от техники часовые отгоняли только для вида, а потому всё-таки можно было залезть на танк, повисеть на его пушке, а некоторых (и меня в том числе) даже допускали внутрь, чтобы посмотреть в прицел и покрутить танковую башню.

Каково же было моё разочарование, когда забравшись в немецкую «Пантеру» и взглянув в перископ, я увидел стальной каркас, которым был обшит серийный современный танк Т-55. Настоящих немецких танков здесь не было, а имели место быть самоходные муляжи.

Ответ на вопрос: «как же так?» оказался простой, однако загадочно-романтический. Вся эта муляжная техника была предназначена для съёмок настоящего кино.

Кино собрались снимать где-то на Переяславщине, куда вся эта армада должна была добираться своим ходом. Батальные

сцены танкового Прохоровского сражения (на Курской дуге) и переправа через Днепр с участием десятков артистов, сотен статистов и тысяч настоящих солдат были отсняты именно там.

К тому времени автомобильного моста через железную дорогу ещё не было, а через переезд тяжёлую военную технику не пускали железнодорожники, поэтому и решили пересечь железную дорогу под ней, воспользовавшись старым мостом-тоннелем. А к нему можно было добраться только через Почтовый переулок.

Рассказывали, что плодами «глёда-боярышника» яготинцы спасались ещё в 1933-м. Выстояли кусты и во время немецкой оккупации, когда в городе уже начали рубить знаменитый репинский парк, тогда ещё соперничавший по красоте с белоцерковской «Александрией» и уманской «Софиевкой».

Деревья глёда даже не рубили – их снес первый танк. Следующие же просто растолокли их в прах. Деревья умирали молча на глазах любопытных горожан, детей и подростков, и только за забором какая-то старушка плакала. Она с ужасом смотрела на звездоносные и крестоносные танки, мирно двигавшиеся одной колонной, оплакивала деревья и свою жизнь, держа в руке горсть алых плодов глёда-боярышника.

Через год, когда все уже перестали вспоминать об этой истории, на экраны кинотеатров страны вышла киноэпопея «Освобождение». Вспоминая разгрузку танков в нашем городке, мы пристально вглядывались в кадры киноленты, где и у немецких, и у советских танков были почему-то одинаковые траки харьковского образца.

Позже я узнал, что одним из авторов сценария этой киноэпопеи был известный русский писатель Юрий Бондарев. В фильме был экранизирован эпизод одного из его военных романов. В 1985-м эта повесть ещё раз была художественно воплощена на экране под авторским названием «Батальоны просят огня».

В ленте речь шла об ожесточённых и драматических боях на Букринском плацдарме, сыгравших решающую роль в освобождении Киева. Главную роль капитана Цветаева в «Освобождении» сыграл Николай Олялин, а в «Батальонах ...» – капитана Ермакова – Александр Збруев. Известные и популярные артисты, всесоюзная слава...

Когда мне в своё время пришлось служить опером районного масштаба, то я имел честь познакомиться с прототипом этого киноперсонажа. Именно с него писатель Бондарев списал своего героя, именно его ратный подвиг увековечен в романах и фильмах. Но если бы экранизировали его дальнейшую послевоенную судьбу, то, считаю, «Оскар» за сценарное решение уже давно был бы в Киеве, а разные там Спилберги и Кэмероны повесились бы от зависти. Такого материала не имел даже сам Голливуд.

Принимая дела у своего предшественника, я получил новенькую тоненькую папочку, под скромным названием «Дело оперативного наблюдения с окраской «антисоветская агитация и пропаганда» в форме клеветы на советский государственный и общественный строй». Из документов, находящихся в ней, было ясно, что имеем дело с ожесточенным и почти профессиональным клеветником, который когда-то тянул ляжку в ГУЛАГе, затем неоднократно подвергался так называемой профилактике. Против него ещё дважды возбуждались уголовные дела, но почему-то на стадии следствия тормозились и снова объект попадал под надзор КГБ.

С одной стороны – «вражина», а с другой – его миловали в последнюю минуту. И так с... 1956 года (!). То есть под «колпаком» КГБ – почти тридцать лет. Он был уже «под наблюдением», когда я ещё только родился. Единственное, что мне было сказано устно:

– Не вступай с ним в контакт, через него погорел не один опер. И даже не два. Дело гнилое. Кроме агентурных справок, подшивай также очередные «пасквили», которые объект посылает в Киев и Москву и которые обязательно возвращаются к нам. А ещё каждые полгода с тебя план оперативно-агентурных мероприятий по делу и, ясно, что эти мероприятия будешь исполнять сам. На все остальное – не обращай внимания.

И я не обращал. Примерно за год мне «для концентрации на деле» передали два таких письма объёмом в две обычные школьные тетради в клеточку, каждая из которых служила строчкой рукописного письма. Ясно, читать эту «муру» никто не имел ни времени, ни желания. В том числе и я. Но однажды, заступив на суточное дежурство, от нечего делать, да и из любопытства, начал листать страницы старых литературных дел и всё-таки добрался до «крамольной писанины» этого надоедливого старика.

Во-первых, меня поразил стиль и литературное качество писем, а во-вторых... Неужели это никого не заинтересовало? Неужели никто за все эти 30 лет так и не дочитал их до конца?

Итак, рассказ капитана Цветаева-Ермакова после описанных Юрием Бондаревым событий штурма Букринского плацдарма.

На самом деле прототип киношного капитана Цветаева-Ермакова носил другое имя. В моем рассказе пусть он будет Аркадием Каниболоцким.

После разгрома смельчаков на Букринском плацдарме на тот, на «наш» безопасный берег добралось менее десятка бойцов из более чем полуторатысячного ударно-штурмового сводного полка, усиленного кто знает сколькими тысячами бойцов «черной пехоты».

«Черная пехота» – это не то, что вы думаете. Это не штрафники и не зэки. Это деревенские мужики из украинских сел Полтавщины, Черниговщины и Киевщины, которых без обмундирования, почти невооруженных гнали НКВДэшные заградотряды впереди штурмовых колонн на минные поля, на замаскированные ДОТы и ДЗОТы. Из них создавали «лже-штурмовые» наступательные колонны для отвлечения огня от основных групп прорыва. Это о них говорил маршал Жуков на совещании командующих армий, корпусов и дивизий 1-го Украинского фронта: «Чем больше мы их утопим в Днепре, тем меньше нам придется их ссылать в Сибирь».

Именно таким войском после гибели командования полка пришлось командовать Аркадию Каниболоцкому целый месяц обороны плацдарма. В составе остатков полка были не только штурмовики и «черные пехотинцы» – к ним также присоединились десантники, заброшенные советским командованием для организации диверсий в тылу немцев. Из нескольких тысяч заброшенных в немецкий тыл десантников назад к своим добрались всего несколько десятков. Остальные были или расстреляны еще в момент приземления, или же попали в плен, едва оказавшись в расположении немецких войск, или же были истреблены в неравных боях немецкой полевой жандармерией, зачищавшей свои тылы.

На захваченный плацдарм к «своим» пробирались и партизаны, и местные патриоты, и сердобольные женщины с кувшинами молока. И всё это происходило под ураганным пулеметно-

артиллерийским огнем, во время непрерывных, в том числе и ночных, ожесточенных атак войск вермахта.

Там, на плацдарме, взяв на себя руководство обороной, командир роты, ставший вынужденно командиром полка, капитан Каниболоцкий постиг глубину идиотизма, цинизма и бесчеловечного садизма советского командования, сознательно создавшего человеческую мясорубку, бросившего в бой десятки тысяч человеческих жизней. Десятки тысяч он насчитал тогда, во время боев на плацдарме, а затем, став энтузиастом-исследователем этих боев, ужаснулся, читая документы. Счёт шёл на сотни тысяч человеческих жизней.

Его отчёт о боях на плацдарме читал сам Сталин, передавший затем эти документы для ознакомления всем командирам дивизий Красной армии и к изучению в Академию Генерального штаба.

После боев на плацдарме его наградили орденом Суворова III степени, званием майора и перевели на должность инструктора Генерального штаба по планированию подготовки штурмовых и десантных операций. Еще через полгода он уже стал подполковником, а победу встретил в полковничьих погонах с приглашением на преподавательскую работу в одну из военных академий. Однако, будучи уже полковником, Каниболоцкий попросился в мобилизационный отдел, где добился направления служить на места Букринских боёв – военным комиссаром этого района Киевской области.

С лета 1945-го по 1950 год именно он возглавлял работы по разминированию почти 1500 гектаров береговой полосы и прилегающих полей и перелесков, нашпигованных смертельным боезапасом. Именно он организовал женскую роту минёров, в которую, после специальной подготовки, привлекали находчивых и способных местных подростков. Именно он был на каждых похоронах своих подчиненных, в течение почти пяти лет после капитуляции агрессора погибавших на родной земле от раскатов «эха войны». Именно здесь, разминируя минные поля через два года после окончания войны, погибла его любимая, лейтенант сапёрных войск синеглазая блондинка Галина.

Их страстную любовь миллионы зрителей увидят на экранах всего мира, но никто не будет знать, что она так трагически оборвалась, потому что автор сценария, русский писатель

Юрий Бондарев, будет писать книги о войне, а не о жизни после неё.

Еще летом 1945 года он соберет сотни солдатских медальонов, которые ни областной военком, ни мобилизационные генералы из Москвы не хотели принимать. Не раз и не два он откровенно говорил с ними, а они лишь разводили руками, мол, понимаешь, такая установка ЦК партии – нельзя все эти павшие миллионы признавать погибшими «при защите СССР», ведь тогда придётся платить страшные суммы пенсий семьям павших.

С ним ещё считались и уговаривали, до он и сам всё понимал. Для оправдания действий послевоенного кремлевского руководства он находил десятки аргументов. Как-то привёз в киевский облвоенкомат три мешка солдатских медальонов, найденных местными жителями и сапёрами на Букринском плацдарме.

Его еще терпели и понимали, но он уже знал, что не выдержит.

Но однажды ему в руки попал ещё довоенный или, может, даже дореволюционный журнал, где была статейка о защитниках Порт-Артура. И его поразила даже не эта небольшая заметочка, а фотография под ней, зафиксировавшая одну из многочисленных могил на кладбище в том далёком китайском городе. Могила была обустроена и ухожена, видимо китайцами. Надгробная плита из какого-то дорогого камня, скромный белый обелиск. На нем краткая надпись на русском языке: офицерское звание, фамилия и имя павшего, а ещё каллиграфически, черной краской, любящей верной женской рукой написано: «Я нашла тебя. Мария».

Под надписью была ещё и дата «12.IV.1912».

Целых семь лет верная жена искала своего мужа. Ей пришлось преодолеть тысячи сибирских километров, чужие границы, языки и обычаи, общаться с представителями других культур и религий, совершенно отличных от нашей. Однако везде она находила понимание и помощь в поиске своей единственной любви и единственной на всю жизнь судьбы.

И вот тут наш герой подумал. Что же это за режим такой советский, нечеловеческий, циничный и подлый, который обрекает не просто на забвение, он глумится над сотнями тысяч или, может быть, даже миллионами человеческих жизней, от-

данных именно за этот режим, именно за эту идею? С этого момента он потерял покой, перестал спать. Не понимал, что именно должен делать, однако знал, что делать что-то просто обязан. И вот тридцатипятилетний полковник садится за стол и пишет. Он пишет обо всём, что знает: о боях на плацдарме, о преступной подготовке командования к ним, о пренебрежении к человеческим жизням, как на фронтах, так и в мирное время после боёв.

Эти письма он шлёт в Москву, в Кремль, «Самому»...

Но полковник на этом не останавливается. Он достаёт солдатские медальоны, лежащие у него в мешках (притом, что носить фамильный медальон солдаты-фронтовики считали дурной приметой, притягивающей смерть), и пишет сотни писем на указанные в них адреса.

Письма он подписывает: «Районный военный комиссар полковник Каниболоцкий», ставит свою подпись и печать военкомата, тем самым давая основания родственникам павших солдат требовать законную пенсию от государства за потерю кормильца, погибшего «при защите СССР».

Вот этого ему уже не простили.

В сентябре 1950-го полковник Каниболоцкий был арестован, лишен воинского звания, всех заслуженных орденов и медалей, против него было возбуждено уголовное дело, завершившееся судом и приговором: 10 лет сибирских лагерей.

В 1957-м писатель Бондарев начал писать свой роман «Батальоны просят огня», но материал к нему стал собирать раньше, сразу после знаменитого XX съезда КПСС, на котором Хрущёв назвал Сталина преступником.

В 1956-м Бондареву в руки попадает отчёт временно исполняющего обязанности командира сводного ударно-штурмового полка капитана Каниболоцкого, а также (о, чудо) письма уже разжалованного, но того самого капитана, или извините, уже полковника к «великому вождю и учителю». Прочитанное поразило даже его, солдата-фронтовика.

Именно благодаря ходатайству писателя, который находился тогда в фаворе и выполнял важное партийное задание, наш герой был досрочно освобождён из мест лишения свободы, правда, без погашения судимости. Тогда же они встретились, и, по словам бывшего полковника, Бондарев дал слово описать его жизнь в романе.

Писатель выполнил своё обещание и роман написал. Произведение даже было экранизировано дважды. Однако не будем упрекать литератора, не описавшего второй половины жизни своего героя. Хотя, конечно, если бы он это сделал, то вместе с Александром Солженицыным стал бы совестью русской нации.

А бывший полковник вернулся жить в места своей военной молодости, утраченной любви и не сложившейся службы. Видимо, он и сейчас живет в селе, лежащем на том же Букринском выступе, с трех сторон омываемом Днепром. Он так и не женился, потому что не смог забыть свою единственную. Он уже не пишет никому ненужные письма в политбюро, потому что нет самого политбюро.

Однако он до сих пор пишет письма по адресам, найденным в солдатских медальонах, и подписывается «Районный военный комиссар полковник Каниболоцкий». Правда, печать под своей подписью уже не ставит. Эту печать у него забрали еще тогда, в 1950-м.

Над его письменным столом висят три фотографии. На первой – его незабвенная Галина. На второй – писатель Юрий Бондарев. А на третьей изображен один из тех десяти, кого он вывел на свой берег тогда, в 1943-м. Это рядовой-десантник Григорий Чухрай, который потом станет знаменитым кинорежиссером, а его «Баллада о солдате» получит американский «Оскар» и премию Каннского кинофестиваля 1961 года.

Григорий обещал снять фильм-продолжение о послевоенных мытарствах Аркадия Каниболоцкого. Но когда его смелое и откровенное «Чистое небо» в 70-х «ограничили в широком прокате», он больше не смог смотреть в глаза своему командиру.

8 мая 2011 года всеукраинский телеканал «1+1», предчувствуя будущий разворот украинской политики к московско-сталинскому тоталитаризму, на свой страх и риск публично продемонстрировал стране наспех скомпонованный и отредактированный четырёхсерийный документальный фильм «Уровень секретности 18». Этот фильм снят по рассекреченным во времена президентства Ющенко архивным документам, которые тут же, в кадре подтверждали историки, исследователи и свидетели событий. В фильме впервые была озвучена цифра человеческих потерь во время битвы за Днепр – 417 тысяч человек, а в боях за Букринский плацдарм – около 250 тысяч чело-

век (хотя некоторые историки предполагают, что жертв в разы больше).

Живые еще свидетели отмечают, что зимой 1943-1944 годов двухкилометровая ширина Днепра ниже Переяслава была перекрыта плотиной из замерзших человеческих трупов. Специально прибывшие сапёры взрывали заторы из льда и мяса, чтобы предотвратить наводнение и пропустить воду.

В мае 1965-го городу Киеву торжественно присвоят звание «город-герой». Людские потери никто считать не будет, потому что это – самая страшная сталинская тайна Второй мировой. Эта цифра – табу. За её обнародование смельчак получал 10 лет концлагерей и тридцать лет преследований, травли и обструкций, стыдливо называвшихся «оперативным наблюдением».

Оглядываясь на годы службы в КГБ УССР, вспоминаю только несколько эпизодов, в которых пришлось участвовать. Те эпизоды были и героические, и смешные, и даже такие, что и вспоминать стыдно, несмотря на то, что принимал в них участие по принуждению и по команде руководства.

Однако был один момент, стоящий в воспоминаниях особняком. В свое время как-то не придавал ему значения, однако сейчас, особенно, когда изменилась идеология, да и само государство, мне ясно, что я был причастен к великой тайне, противоречивой, неоднозначной, трагической.

Я и сам вижу некоторые противоречия и даже нестыковки в этом рассказе, однако решаюсь записать именно так, как его мне рассказывали.

ПОДЛЕЖИТ РЕАБИЛИТАЦИИ?

Последний гетман Украины (1750-1764) Кирилл Разумовский был состоятельным человеком. Его владения – это, прежде всего, Яготин и Разумовка Яготинского района, вокруг – земли его ближайших соратников – Згуровка, родовое поместье Кочубеев, и Тепловка Пирятинского района, родовое поместье личного царского соглядатая за гетманом графа Теплова.

В этих местах до сих пор живут люди со знаменитыми украинскими фамилиями. Одно из таких – Галаган. В Згуровке имеется даже небольшой микрорайон названный «Галаганы», где до сих пор живут современные потомки этого славного рода.

В 1984-1985 годах меня, как офицера КГБ УССР, привлекли к широкомасштабной проверке знаменитого дела А. Кривца, автора и героя книги «Багряными дорогами», описывающей неоднозначную деятельность партизанского отряда им. Щорса (1941-1943 гг.).

Дело в том, что после смерти Юрия Андропова, когда генсеком ЦК КПСС стал Константин Черненко, живой тогда ещё Александр Кривец, руководитель промышленно-аграрного объединения сахарной промышленности Киевской области (1945-1980), поддержанный высшим руководством ЦК КПУ и республиканской госбезопасности, обратился к генсеку с просьбой «разобраться» в деле о снятии с него звания Героя Советского Союза. Это был действительно исключительный случай в истории СССР,

когда награждённый, с соблюдением необходимой процедуры, после разгромных статей в московской «Литературной газете» Указом Президиума Верховного Совета СССР был лишен звания Героя Советского Союза.

Так в 1984-м в КГБ УССР была создана группа по проверке упомянутого дела. К этой группе был привлечен и я как оперуполномоченный Переяслав-Хмельницкого райотделения УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области, деятельность которого распространялась и на Згуровщину.

В течение достаточно длительного времени (примерно с лета 1984-го по весну 1985-го) мною лично было опрошено около 150 человек – ветеранов войны, ветеранов партизанского движения, бывших эзков, отсидевших в ГУЛАГе от 10 до 25 лет, свидетелей тех событий, проживавших на территории Згуровского и Яготинского районов. Кроме меня, такую же работу выполняли оперативные работники Черниговского УКГБ, обслуживавшие Бобровицкий и Прилуцкий районы. Мы не только опрашивали этих людей, но и записывали их рассказы и документировали письменные объяснения.

Именно тогда судьба свела меня с этой незаурядной личностью – Галаганом Борисом Григорьевичем. Тогда, в 1984-м, уже 80-летний Борис Григорьевич оставался одним из главных свидетелей скандальной деятельности партизанского отряда им. Щорса. Он не только лично знал А. Е. Кривца, но и помнил его «заслуги» перед Отечеством, а потому и не был обойдён вниманием КГБ.

Началось всё со знакомства. Итак, 1904-го года рождения, уроженец Згуровки, из крестьян, кадровый офицер, руководитель диверсионно-разведывательной группы (ДРГ) Главного разведывательного управления Генерального штаба (ГРУ ГШ) Красной армии. За плечами годы учёбы, организации подрывной и диверсионной работы в тылах японской Квантунской армии на Дальнем Востоке. После войны обвинён в пособничестве немецким оккупантам и в руководстве ячейкой ОУН-УПА, за что отбыл в сталинских лагерях 25 лет.

Из Згуровки Борис Григорьевич выехал где-то перед коллективизацией. Служил в армии, попал в разведку, учил восточные языки (говорил, что когда-то знал китайский).

Во время службы тосковал по родной земле, по своему народу. «Когда, бывало, услышу, как поют девушки по-нашему, – в горле сжимает...». О Голодоморе 1932-1933 слышал, но не верил. И вот в 1941-м судьба привела его домой. И что он увидел?

После Голодомора прошло всего восемь лет. От большой семьи никого не осталось: отец, мать, братья и сестры умерли. На родном подворье – чужие люди. Приютили его тётя и двоюродная сестра, у которых он и жил. Они рассказали ему о мученической смерти его семьи. Могилы родных ищет до сих пор.

Во время оккупации, как он рассказывал: «прости, Господи, воспользовался своим служебным положением немецкого ставленника и четырёх красных «активистов-ударников», которые тогда, в 1933-м году непосредственно отбирали у людей хлеб, самолично кончил».

Несмотря на свои 80, Борис Григорьевич имел ясный ум, хорошую память, был непревзойдённым остроумным рассказчиком. К моим вопросам отнесся с нескрываемым любопытством, а когда я по окончании разговора пообещал прийти ещё, потому что, мол, возможно, потребуются уточнения или подробности – откровенно обрадовался. Ещё бы, за последние 20 лет я, возможно, был единственным, перед кем ему можно было исповедаться. А исповедаться было в чём...

Уже 30 июня 1941 года во Львове руководители ОУН Ярослав Стецько и Степан Бандера неожиданно для немцев и вопреки предыдущим с ними договоренностям провозгласили восстановление государственной независимости Украины, чем спутали карты заранее спланированной войны, как Гитлеру, так и Сталину.

Гитлер дал команду на осуществление репрессий в отношении руководства ОУН, одновременно закрывая глаза на деятельность так называемых походных групп ОУН, действия которых впоследствии распространились на всю территорию Украины. Гитлеру не нужна была независимая Украина, ему требовалась Украина как протекторат рейха. Рядовые ОУНовцы во время военных действий должны были удерживать в повиновении украинский народ. Что делать с ними после войны – будет видно (как известно, Я. Стецько, С. Бандера и многие их соратники были брошены в концлагерь Заксенхаузен).

Сталин же в провозглашении украинской независимости увидел ещё большую угрозу для своей империи. Независимая Украина как союзник фашистской Германии могла выставить против Советского Союза не один десяток боеспособных дивизий и серьёзно повлиять на ход военного противостояния.

По словам Бориса Галагана, уже в июле 1941-го в Москве срочно организуются так называемые «курсы для постановки задач» элите советских спецслужб. Он присутствовал на межведомственных совещаниях, на которые были привлечены диверсанты, тыловики и кадровики Красной Армии, аналитики НКВД, генплана, оперативные работники из НКВД и Генпрокуратуры (всего около 50 генералов и офицеров).

С точки зрения современного исследователя советских спецслужб, такое совещание было невозможно из-за высокой вероятности утечки информации и межличностной расшифровки лиц-исполнителей будущих акций. Однако, учитывая срочность и неотложность возникшей проблемы и времени, в котором она появилась (начало войны), потерю управляемости и беспорядок – считаю, что есть все основания верить её участнику, майору Красной армии Борису Галагану.

Итак, нашего героя срочно отзывают с Дальнего Востока в Москву, назначают командиром ДРГ (диверсионно-разведывательной группы) и знакомят с её членами, среди которых был и его земляк из Бориспольщины, капитан госбезопасности Иван Кудря. Это ему через двадцать лет после войны будет посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, а именем его будет названа одна из улиц Киева.

Задача группы: физическая ликвидация руководителей и членов походных групп ОУН, противодействие образованию центральных органов ОУН в Киеве и дискредитация ОУН перед немцами. Надо сказать, что на Киевщину с этой целью забросили ещё три такие группы.

Для выполнения этой задачи нужна была база. Так, в августе 1941 года, перед самой оккупацией, в Згуровке появляется «только что освобождённый из мест лишения свободы политкаторжанин» Борис Галаган. Только первый секретарь райкома единственный знал об истинной цели его приезда.

Напомним атмосферу августа-сентября 1941 года на Киевщине и Украине: паника, надежда, злорадство, страх, мародерство, беспорядок и безвластие, легализация криминалитета с одновременными драконовскими мерами НКВД по наведению хотя бы какого-нибудь порядка, аресты и расстрелы по малейшему подозрению. Всеобщее отчаяние и разрушение социальной инфраструктуры. Распространение слухов немецкой агентурой, дерзкая пропагандистская работа активистов ОУН, появившихся неизвестно откуда. Потом оказалось, что все они местные, и среди них имелись даже сотрудники милиции и партийцы.

До прихода немцев надо было многое сделать. Галаган ежедневно ездит в Киев, где разместился костяк его группы. Он должен предусмотреть всё: проживание, средства к существованию, легализацию, документы, тайники, связь для работы, связь на случай провала, запасные места хранения, явочные и конспиративные квартиры. Самое сложное заключалось в том, что ему было запрещено вступать в контакты с представителями местных спецслужб.

Он организует три «закладки» для будущих партизанских баз в лесных массивах: возле села Пески Бобровицкого района на Черниговщине, а также возле сёл Софиевка и Туровка Згуровского района Киевской области, куда тайно завозится продовольствие, оружие, боеприпасы, медикаменты, одежда. Организовать «закладки» – легко сказано. А на самом деле надо найти исполнителей, которых гарантированно эвакуируют, дальше где-то что-то как-то получить, погрузить на подводы или авто, завезти, разгрузить, замаскировать, да ещё залегендовать происходящее так, чтобы никто из местных не догадался, что это такое.

С целью дальнейшей легализации Галаган лично знакомится с активистами ОУН как в Киеве, так и в области, выдавая себя за человека, в отчаянии ищущего выход. Он обеспечивает себя рекомендациями руководства ОУН для дальнейшей деятельности в качестве проводника ОУН в Згуровке.

Он сделал много, но не всё.

Сентябрь 1941-го. Танки гитлеровского генерала Гудериана замыкают кольцо в районе Лохвицы Полтавской области. В окружение попадает четырёхсоттысячная группировка совет-

ских войск. Згуровка в центре событий, однако помогать своим нельзя. Воспользоваться этим междувластием может только профессионал. И вот Галагана на сходке села выбирают сельским старостой, первым помощником оккупационной власти.

Заметим, что единственной структурой, работавшей тогда эффективно и слаженно, были походные группы ОУН. Проводника ОУН на Згуровщине Борис Галаган ни на следствии во время своего ареста и суда, ни через 40 лет после войны так и не назвал. Да и не удивительно, ведь он рассказывал о войне мне, офицеру госбезопасности. Единственное что сказал: «Может, этот человек ещё жив. Зачем ему неприятности?»

В течение полутора-двух месяцев проводя проукраинскую, антибольшевистскую и антифашистскую агитацию «на грани фола», под угрозой арестов и расстрелов без суда и следствия, ОУНовцам удалось невозможное: они создали среди населения резерв кандидатов для выдвижения во властные структуры оккупационной власти и в полицию. А если учесть, что этих людей не назначали, их избирало население – в это трудно поверить. Однако это неоспоримый факт, подтвержденный архивными данными.

Понятно, что далеко не все они служили «украинскому делу», не все выдержали бремя военных бедствий. Многие из них действительно причастны к выдаче немцам и расстрелам как партактивистов, так и просто случайных людей. По свидетельству Галагана, в том же Яготине староста и работники управы в 1942-м организовали настоящий еврейский погром, во время которого на берегу реки Супой в бывшем гетманском парке было расстреляно около 40 человек, в том числе женщин, детей, стариков.

Весной 1942-го згуровские и яготинские ОУНовцы, по его словам, устроили настоящую охоту за яготинскими старостами. Жестокость порождает жестокость. Их уничтожали вместе с семьями. На вопрос, причастен ли он к этому лично, помолчал, а потом как-то вяло выдал из себя: «жиды нам не мешали, а выслуживаться перед Гитлером, убивая детей – подлость».

Здесь надо дать пояснение. Дело в том, что осенью 1941-го, в тот короткий период межправления, когда красные только ушли, а ОУНовские походные группы спешно устанавливали украинскую власть, пришедшие немцы, как правило, должны были мириться с этой властью, возлагая на нее функции

своего оккупационного управления. Так, кстати, было и в Киеве, где городом почти до января 1942 г. руководила оуновская управа, даже пытавшаяся использовать свой легальный статус для протестов и препятствования массовым расстрелам в Бабьем Яру. За что и поплатились. В январе-феврале 1942-го членов киевской городской управы – Олега Ольжича, Елену Телигу, Ивана Рогача, Ореста и Анну Чемеринских, Ивана Корзину и Михаила Телигу немцы расстреляли в том же Бабьем Яру.

На местах ставленники немцев и ОУНовцев какое-то время мирились, но чаще жестоко враждовали. Так произошло и в Яготине, где немецкие пособники принимали участие в еврейских погромах, за что преследовались их «ОУНовскими коллегами».

Всю свою энергию Борис Галаган направляет на деятельность сельского старосты. По его словам, он берёт на себя руководство центром ОУН, пытается установить связь с УПА, передать руководству УГВР инициативу о создании УПА-Восток. Однако понимает, что инициативы надо воплощать в жизнь, а у него всего один единомышленник – згуровский подстароста Виталий Товстенко, молодой толковый парень, лично им завербованный.

Партизанский отряд им. Щорса, которым руководил А. Кривец, действительно существовал с весны 1942-го и до прихода Красной армии осенью 1943-го. Он расположился на месте тайника-«закладки», который организовал перед приходом немцев сам Галаган. В отряде было 10-15 человек, которые, по его словам, активных боевых действий не проводили, больше отлеживались и скрывались. Книгу «Багряными дорогами» Борис Галаган читал, но от комментариев воздержался, мол, давно это было. Надо было выжить любой ценой.

Софиевскую и Туровскую базы-закладки Галаган ликвидировал как не пригодившиеся.

Управлять киевской группой после взрывов на Крещатике в октябре 1941-го, проведенных по прямому сталинскому указанию без предупреждения своего же подполья, было почти невозможно. К этому привело поведение самого Галагана, однако иначе он поступать мог.

В группе начались ссоры и борьба за власть.

Вопрос, на чьей стороне он воюет, встал ребром, ведь надо было постоянно ездить в Киев, где в его руководстве нуждалась его группа. Его позиция стала заметна подчинённым, а закон

подпольной борьбы суров и жесток. Его должны были не просто отстранить от руководства, но его срочно должны были ликвидировать. Свои стали чужими.

И только благодаря тому, что он проживал в Згуровке, он уцелел. Некоторое время ещё работал по инерции, а затем просто перестал ездить в Киев.

Советский разведчик, майор Борис Галаган выполнял задание. Однако он выполнял его у себя дома, на своей земле, которая пережила страшный Голодомор. Эту войну он переживал вместе со своим народом, на своей земле.

Во время оккупации Борис Григорьевич видел следы преступлений большевиков в Згуровке и окружающих селах – преступления 1932-1933 годов – и ему было уже не до партизан и не до ОУН. Ему было даже не до немцев. Во время следствия смершевцы изымут у бывшего разведчика Галагана несколько толстых папок документов, которые он похитил в райкоме, райисполкоме, военкомате и милиции во время эвакуации, и несколько уголовных дел с показаниями и рассказам очевидцев Голодомора.

Борис Григорьевич уже не имел ни сил, ни желания что-то делать. Именно в это время он ликвидировал ударников-активистов времен 1932-1933 годов, каких-то случайных немцев или мадьяр. Потом ушел в запой и опустился на дно.

Во время войны даже на проверку информации о месте нахождения члена группы уходило очень много времени. Борис Галаган воспользовался этим. Еще некоторое время он автоматически исполнял обязанности главы управы.

В 1943 фронт подкатился к Згуровке.

Борис Галаган был профессионалом. Он мог бы легко уйти с немцами или просто исчезнуть. У него были деньги, оружие, здоровье... Не было желания. Да, собственно, и идти было некуда. На чужбине он уже был.

Знал, что его расстреляют и даже хотел этого. Не хотел лишь одного – следствия и суда. Однако именно это он и получил. Арест привёл его в чувство. Ему захотелось жить.

О разведчике Борисе Галагане еще тогда, в 1984-м я доложил по команде вышестоящему начальству. На него приезжали посмотреть не только мой непосредственный начальник, но и

некоторые высокие чины КГБ из Киева. Просто так, из любопытства. Однако почему-то он ни с кем не откровенничал, кроме меня.

Конец своей жизни он провёл на скамейке под своим забором. Его никогда не приветствовали пионеры с Победой, не приглашали в школы на встречи, ветераны обходили стороной и шипели ему в спину. Ему не полагались подарки или материальная помощь. А дети кричали:

– Вот полицаи идет! Немецкий пособник! – и бросали в его сторону комья грязи.

Я не знаю, дожил ли Борис Григорьевич до провозглашения независимости Украины. В 1991-м ему должно было быть всего 87. Видимо, дожил. Он должен был это сделать. Из принципа.

А Указом Президента СССР от 16 июля 1991-го был отменен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 февраля 1980-го о лишении звания Героя Советского Союза Кривца Александра Елисеевича. Ему вернули также все его награды.

НИ МОГИЛЫ, НИ КРЕСТА

Мой отец, офицер-фронтовик Красной армии, один из немногих, кто начал войну в 1941-м, а закончил в 1945-м в Праге. После окончания войны еще четыре года служил в советских оккупационных войсках в Германии.

Дядя Дмитро весной 1942 года из полтавского села в семнадцатилетнем возрасте был взят немцами на работы во вспомогательных технических частях вермахта. Осенью того же 1942-го на территории Подляшья (современная восточная Польша) сбежал от них и ушел в леса, где вступил в ряды УПА. Летом 1943-го он, вместе с двумя сотнями бойцов УПА и польскими солдатами Армии Крайовой (был такой момент в истории войны), идет на помощь белорусским партизанам, против которых Гитлер бросил 6 пехотных дивизий. Сталин в помощи белорусам отказал – мол, не до вас, у меня война с фашистами.

За партизанскую деятельность дядя Дмитро имел медаль «Партизан Отечественной войны» II степени. После освобождения Белоруссии в рядах Красной армии довоевывал танкистом.

Всю жизнь до самой смерти в 1973-м дядя Дмитро панически прятал правду о принудительном труде на немцев и о борьбе против них в рядах УПА. За это полагалась тюрьма...

Дядя Григорий в октябре 1943-го расстрелян контрразведкой СМЕРШ на глазах жителей того самого полтавского села, своей жены и детей. Расстрелян «за пособничество...», которое выразилось в том, что он был простым сельским учителем и оставался им во время оккупации. Что было на самом деле – никто не знает, а кто знает – не говорит...

Через 45 лет после расстрела дяди Григория в отношении него были запрошены все возможные архивы.

Архив Красной армии (г. Подольск, Московская обл.): не призывался, не служил.

Архив МВД УССР (г. Киев): материалы органов дознания отсутствуют, под судом и под следствием не состоял.

Архив КГБ УССР (г. Киев): на агентурном и оперативном учете не состоял.

Архив 3-го управления КГБ СССР (г. Москва): по фильтрационным делам и делам оперативного учета не проходил.

Архив 10-го отдела КГБ СССР (г. Москва): по агентурным и оперативным учетам абвера, СД, гестапо, военной полиции вермахта, румынской военной сигуранцы, контрразведки РОА, контрразведки 14-й дивизии ваффен СС «Галичина» и 15-й казачьей бригады ваффен СС не проходил.

Архив чекистско-войсковых операций (г. Оренбург): в оперативных учетах участников и бандпособников ОУН-УПА данные о запрашиваемом отсутствуют.

Архив районного ЗАГС: свидетельство о смерти не выдавалось.

Архив сельсовета: данных о смерти и захоронении на территории сельсовета нет.

Итак, расстреляли на глазах всего села без суда и следствия, оставив сиротами двух маленьких детей. Расстреливали на «освобожденной территории» по-хозяйски, не спеша, не от кого не скрываясь, не пряча следов. Это были не бандиты и не фашисты. Это были «освободители» из НКВД, которые выполняли преступный даже в то время совершенно секретный приказ товарища Сталина «О зачистке тылов действующей армии от националистического подполья и пособников ОУН-УПА».

Отмечая очередной день Победы, отец с дядей Дмитрием всегда жаловались, что не могут поставить на могиле Григория крест.

Не исключаю, что расстреливавший, как и отдававший приказ о расстреле, сегодня, если дожили, попивают «наркомовские» сто грамм, купленные за «честно» заслуженную пенсию, получаемую от моего государства. При этом звенят боевыми орденами, празднуют Победу и клянут «проклятых бандеровцев».

То поколение, к сожалению, ушло еще при СССР. Креста на могиле дяди Григория до сих пор нет. Нет и могилы. Известно, что случилась эта трагедия где-то в селе Тепловка Пирятинского района на Полтавщине.

Таких как он в Украине – сотни тысяч.

И нет им ни реабилитации, ни могилы, ни креста.

СВИДЕТЕЛЬСТВО ЖИТЕЛЯ СЕЛА НИКОЛАЕВКА КОРСУНЬ-ШЕВЧЕНКОВСКОГО РАЙОНА ЧЕРКАССКОЙ ОБЛАСТИ ЗАДЕРИ ЛЕОНИДА ПАВЛОВИЧА

Это случилось в феврале-марте 1944 года в селе, которое находится в 8 километрах от Стеблёва выше по реке Рось.

На берегу Роси в урочище Каменная Лука (от «камень», место изгиба реки) расположилась батарея из пяти боевых машин гвардейских минометов «Катюша» с расчётом приблизительно 30-40 красноармейцев.

9-летний Леонид с младшим братом Петром находились в расположении батареи и наблюдали процесс заряжания реактивных установок боевыми ракетами.

После команды командира все солдаты начали отбегать от установок. В это время один из командиров увидел ребят и прогнал их от машин. Ребята отбежали метров на 200-300 и расположились на склоне оврага, откуда хорошо было видно расположение батареи.

Прогремело несколько залпов в сторону городка Стеблёв и в сторону села Кидановка.

После залпов через час или больше к батарее прискакал на коне полураздетый офицер с пистолетом в руке и, громко ругаясь, погнался за командиром батареи. Из разговоров, которые вели солдаты, ребята поняли, что одним из залпов накрыло подразделение Красной армии, и это прибыл его командир для разборки.

Через день-два батарея убралась из села, а еще через несколько дней в село вошло подразделение контрразведки «СМЕРШ» в составе тоже 30-40 военных, которые стали поголовно вызывать крестьян и опрашивать: кто стрелял из «Катюш», куда стрелял, как стрелял. Напуганные крестьяне не могли ничего толком объяснить.

Расследование велось целый день, а к вечеру смершевцы заставили крестьян их кормить и поить. Напившись пьяными, уже в темноте, солдаты начали бегать по домам и насиловать сельских девушек и женщин. На глазах маленького Лени и его

брата их мать пыталась защитить девушек от насилия, вступила с солдатами в драку и была ими расстреляна. Были расстреляны ещё несколько женщин.

Отец был дома, болел и лежал на печи. Дети прибежали и рассказали ему о смерти мамы. Он их оставил дома и всю ночь плакал вместе с детьми. Только утром, когда солдаты покинули село, отец с соседями нашли растерзанных женщин и похоронили.

Позже стало известно, что этими залпами «Катюш» были уничтожены опорные пункты немецких войск в городке Стеблёв и селе Кидановка вместе с мирными жителями. После того, как фронт ушёл дальше, оказалось, что в Стеблёве и Кидановке не осталось ни одного целого, или хотя бы полуразрушенного дома, сарая или печи. Число погибших – неизвестно, однако весьма значительно. Выжили только те, кто прятался в окрестных лесах.

Леонид Павлович вспоминал слова отца: «При немцах такого не было, как при наших...»

О НЕНАСТОЯЩЕЙ ВОЙНЕ

Как-то резануло слух...

В декабре 2010-го в своем публичном телевизионном интервью мой бывший коллега по службе в органах КГБ, а сейчас лидер России Владимир Путин, выдал: «Россия – нация победителей» и еще: «Россия даже без Украины победила бы в войне, потому что из всех потерь российских было 70%».

Моя же власть стыдливо промолчала, а украинское Министерство иностранных дел в ответ пробормотало что-то невнятное... Промолчали и члены ветеранских организаций, уже давно переставшие быть общественными организациями, а превратившиеся в очередь к дармовому корыту и кружки по формированию антиукраинской пятой колонны, за пайку готовых выступить против своей украинской Родины.

Я воспринимаю это высказывание «коллеги» как личное оскорбление и пощечину всему украинскому народу и его жертвам, как оскорбление его памяти о миллионах павших в той страшной войне, как унижение наших ветеранов. Нет уже моего отца-фронтовика, его боевых товарищей, умерло подавляющее большинство моих знакомых, соседей и учителей, переживших тот кошмар. Они не имеют возможности ответить на это.

Однако будем справедливыми, если бы такая возможность и была, они бы, наверное, промолчали. Как молчали, идя в атаку и зная, что за их спинами заградительные отряды НКВД, а к «родному» ГУЛАГу ближе, чем к фашистским окопам. Они всю жизнь боялись высказать что-то крамольное, страшились сексотского уха... В таком молчании и прожили всю свою жизнь. Не знали другого, не представляли, что можно об этом говорить, что это можно критиковать, что можно это изменить.

А теперь вернемся к словам Путина: «Россия даже без Украины победила бы в войне, потому что из всех потерь в войне российских было 70%». Что же за цифрами оперирует мой коллега? На уточняющий вопрос каверзных журналистов о 70% потерь, он уже говорит о процентах вклада в Победу, а потом почему-то о процентах России в союзном бюджете. Он даже вспомнил, что украинский республиканский бюджет всегда был дотационным, и, например, в 1990 году дотировался из союзного бюджета на 6 млрд. рублей.

Поэтому вопрос к господину Путину: а как могло 22% населения Союза, составлявших украинское население, заработать всего 16% союзных активов, насчитанных Украине «при разводе»? И это при том, даже Москва соглашается: валовой продукт на душу населения в том же 1990-м в СССР был выше этого показателя на душу населения в Российской Федерации.

Ответ на эти шулерские подсчеты таков, что значительный процент бюджета СССР (до 40%) считался не украинским, а «союзным» (то есть, опять же, российским). Сюда включались доходы от добывающей и металлургической промышленности, военно-промышленного комплекса, вся радио- и электронная промышленность, достижения фундаментальной науки, ракетно-космический комплекс, весь железнодорожный, морской и авиационный транспорт, а также все производства по его созданию и обслуживанию... Достижения выдающихся украинцев Сергея Королёва, Архипа Люльки, Юрия Кондратюка-Шаргея уже российские, да и достижения украинцев русского происхождения Олега Антонова, Николая Амосова или Михаила Янгеля (отец которого носил «русскую» фамилию Янгол – Ангел) – тоже русские...

Напоминает манеру делёжа денег знаменитого «Попандопуло из Одессы»: «Это тебе, это мене, а это опять мене...».

Было бы смешно, если бы не было так горько...

А теперь о подвиге советского народа.

Никто из профессиональных исследователей истории не исследовал роль и место НКГБ-НКВД в обеспечении фронтового «массового героизма». Виктор Суворов-Резун в своем «Ледоколе» только обмолвился о существовании «второго стратегического эшелона» Красной армии, насчитывавшего миллион солдат и офицеров и состоявшего не из резервных армейских войсковых соединений и частей, а из частей НКВД, даже форму имевших иную – зеленые петлицы и фуражки пограничников. Иногда, особенно при отступлении, эти войска вступали в боевые столкновения с войсками вермахта и тогда стояли насмерть. Да, насмерть, зная, что фашисты чекистов в плен не берут и пощады не будет. Такими же жестокими и беспощадными они были и со своими солдатами – красноармейцами.

Основной военно-транспортный самолет Красной армии времен войны Ли-2 (назван по имени главного инженера сборочной площадки в Ташкенте Б. Лисунова), он же ПС-84 (пассажирский самолет 84), он же американский транспортный самолет DC-3 «Дуглас». Выпускался с 1940 года на казанском заводе № 124 по закупленной в США лицензии, а также поставлялся по ленд-лизу в значительных количествах (что сейчас оспаривается российскими исследователями истории войны).

Ленд-лиз (от англ. Lend – «давать взаймы» и lease – «сдавать в аренду, внаём») – государственная программа, по которой США передавали своим союзникам во Второй мировой войне боеприпасы, технику, продовольствие и стратегическое сырьё.

В советской и современной российской историографии утверждается, что размер американской помощи по ленд-лизу СССР был довольно малым – всего около 4% от затраченных страной средств на войну, а танки и авиация поставлялись в основном устаревших моделей. В то же время за рубежом настаивают, что победа над Германией была обеспечена западным оружием, и без ленд-лизу Советский Союз не устоял бы.

Маршал Жуков в послевоенных беседах говорил:

«Вот сейчас говорят, что союзники никогда нам не помогли... Но ведь нельзя отрицать, что американцы нам гнали столько материалов, без которых мы не смогли бы формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну... У нас не было взрывчатки, пороха. Не было чем оснащать винтовочные патроны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом, взрывчаткой. А сколько они нам гнали листовой стали! Разве мы смогли бы быстро наладить производство танков, если бы не американская помощь сталью? А сейчас представляют дело так, будто у нас всего этого было достаточно.

...Без американских грузовиков нам нечем было бы таскать нашу артиллерию»

(из донесения председателя КГБ В. Семичастного – Н. С. Хрущеву; гриф «совершенно секретно»).

Однажды я, уже тридцатилетний офицер КГБ, поздравляя отца с очередной годовщиной Победы, спросил, какое воспоминание о войне произвело на него самое сильное и незабываемое впечатление. Услышанное поразило. Отец ответил, что

самое сильное впечатление во время войны на него произвели расстрелы изменников Родины перед строем солдат на фронте. Уже потом я узнал, что через действующие части Красной армии прошло 14 миллионов военнослужащих, а расстреляны как изменники Родины по приговорам и без них 1 миллион советских солдат. Ясно, что эти цифры, вычисленные и выстраданные в жарких дискуссиях независимыми авторитетными исследователями, противоречивые и приблизительные, потому что вся «бухгалтерия» той войны до сих пор полностью недоступна. «Совершенно секретно. Хранить вечно». Более полувека прошло со дня окончания войны, а мы до сих пор не знаем её подлинной истории. Некоторые документы тех времен, вдруг ставшие «доступными», не просто впечатляют, они эту историю перечеркивают.

Поднят из архивов и опубликован совместный приказ НКВД и политуправления Красной армии об обеспечении присутствия каждого красноармейца действующей армии при расстреле изменника Родины. Оказывается, расстрелы были обычной формой «патриотического воспитания» красноармейцев. Так воспитывался и на этом основывался «советский патриотизм».

В армии Римской империи децимация, т.е. казнь каждого десятого солдата, была наказанием воинской части, в бою опозорившей свою честь и изменившей своему долгу. За что же была наказана «непобедимая и легендарная» Красная армия, армия нации победителей?

Владимир Путин в своем интервью говорил о нации победителей и не вспомнил о нации побежденных украинцев, через чью территорию воюющие армии прошли дважды. Не обмолвился он и о приказе Сталина «о выжженной земле», о расстрелянных НКВД заключенных украинских тюрем, о взрыве Крещатика и Успенского собора в Киеве, о взорванных украинских заводах, железных дорогах, шахтах и ДнепроГЭСе. Об уничтоженных чекистами-НКВДэшниками раненых красноармейцев в военном госпитале Одесского гарнизона, об оставленной на произвол судьбы стотысячной группировке красноармейцев и краснофлотцев в окруженном Севастополе и ещё о многом...

Такое вспоминать «победителям» как-то не пристало.

Считающие, что все это неправда – откройте архивы и докажите мне, что это не так. Что же за тайны хранятся в российских

архивах? Какая же правда там спрятана? Моя или господина Путина?

С детства помню якобы побасёнку, которую услышал в отцовском разговоре с одним из своих друзей-фронтовиков. Маршал Жуков во время инспекционной проверки шестьдесят второй армии, готовившейся к наступлению, в приказном порядке лишил командующего этой армией, сталинградского героя генерала Чуйкова права на ношение личного табельного оружия. Он дал ему палку и сказал: «Винючников бей по голове, а стрелять их запрещаю». Каково же было моё удивление, когда я эту самую историю прочитал в совершенно секретной докладной генерала (будущего маршала) Соколовского генеральному штабу. Он приводит и цифры: лично генерал Чуйков расстрелял 16 штабных офицеров вверенной ему армии и подчинённых дивизий.

В интернете по инициативе путинских информационных диверсантов развернута целая дискуссия вокруг знаменитого высказывания маршала Жукова: «Чем больше мы их утопим в Днепре, тем меньше их надо будет ссылать в Сибирь». Это говорилось о наших украинских крестьянах, которых гнали на минные поля, на ДОТы и ДЗОТы. Именно их телами был запружен двухкилометровый Днепр, никогда ранее не видевший такого!

А как же цитаты из мемуаров российских советских генералов? Сталинские же генералы-украинцы, присутствовавшие на том совещании (наверное «сталинское» отрицает «украинское») Иван Черняховский и Кузьма Деревянко (Герой Украины в версии господина Ющенко) мемуаров не оставили. А вот военные отчёты Филиппа Жмаченко в секретных спецбиблиотеках присутствуют, но о своем присутствии там он почему-то не упоминает.

Ясно, что эта фраза в мемуары, даже совершенно секретные, попасть не могла, как не могли попасть туда подтверждения использования командованием фронта «чёрной пехоты».

В общем, вроде как «не было такого», а если термин такой и существовал, то им чаще обозначали подразделения временно вооружённых заключённых советского ГУЛАГа. Но дело в том, что наличие «чёрной пехоты» из десятков, если не сотен тысяч безоружных и необмундированных сельских украинских мужиков, несмотря на противодействие современного московского

Генштаба, было документально доказано только в 2010 году. Достопамятные слова маршала Жукова, оказывается, фронтовики цитировали ещё с той памятной осени и сейчас уже не важно, говорил это он или нет. Главное: проблема использования «чёрной пехоты» на совещании у командующего 1-го Украинского фронта в селе Требухов под Броварами тогда, осенью 1943-го, в присутствии Жукова, обсуждалась. И этот факт доказан.

Не было, оказывается, и совместного приказа НКВД и НК СССР № 0078/42 от 22 июня 1944 года, подписанного тем же маршалом Жуковым и ещё одним сталинским маршалом, Берией, о выселении в отдаленные районы страны Советов всех украинцев, проживавших на оккупированной территории. В их число должна попасть и моя, тогда четырнадцатилетняя, мама. Оказывается – это всё ложь?

Вдруг неожиданно нашелся оригинал второго экземпляра этого приказа. И не в архивах, в которых до сих пор прячут правду о тех событиях. Нашелся он именно там, где ему и положено быть – в личном архиве его исполнителя. Нашел его московский писатель Феликс Чуев в архиве В. С. Рясного, с 1943 г. бывшего наркомом внутренних дел Украины. Рясной рассказал Чуеву: «Я наметил активнейших врагов русского народа и советской власти – матерых волков. Несколько эшелонов мои молодцы заполнили и отправили. Но потом вдруг – остановка. В чём дело, сперва не знал ни я, нарком, ни кто другой. Что-то произошло между украинскими начальниками и центральными руководителями, вследствие возникшего разногласия – стоит ли тем делом заниматься?». В дальнейшем Василий Степанович узнал из газет, что его, Рясного, Президиум Верховного Совета СССР наградил орденом Боевого Красного Знамени «за успешную борьбу с оуновцами и депортацию внутренних антисоветчиков».

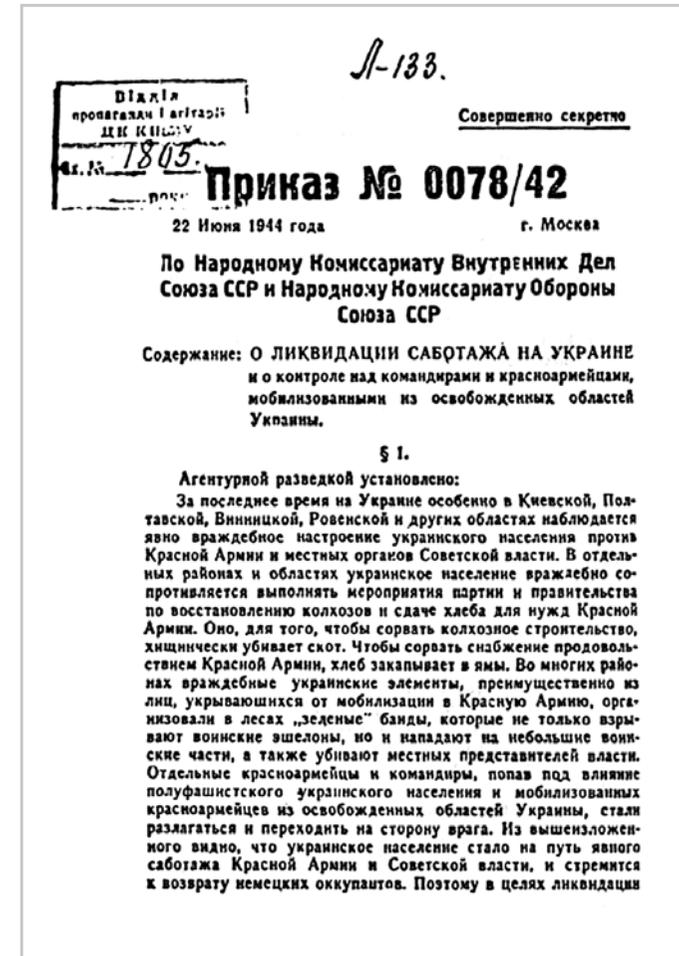
Итак, обвинения выдвинуты...

Но это сейчас. А тогда, в восьмидесятые, изучение истории Великой Отечественной войны офицерами Вооруженных Сил СССР было обязательным. И все учили эту историю «в части касающейся». Танкисты учили историю танковых прорывов, пилоты – историю воздушных армий, а офицеры КГБ учили её по иной, особой программе. Неужели в своё время слушатель школы КГБ Владимир Путин учил не то, что и я? Может он и контрразведку учил не по учебному делу «Пров» на предателя

Пеньковського, а разведку не по «Красной капелле» разведчика Леопольда Треппера? Неужели в спецбиблиотеке школы КГБ, где учился Путин, были какие-то другие фонды?

А может, Путин плохо учился? Или может, я что-то не так понял?

Почему же господин Путин сознательно подыгрывает имперскому великодержавному российскому нацизму?

Это фотокопия немецкой листовки с текстом Приказа.

А ниже полный его текст.

**О ДЕПОРТАЦИИ
В ОТДАЛЕННЫЕ РАЙОНЫ ВСЕХ УКРАИНЦЕВ,
ПРОЖИВАВШИХ ПОД ОККУПАЦИЕЙ**

22 июня 1944 г.

Совершенно секретно

ПРИКАЗ № 0078/42
22 июня 1944 года г. Москва

По Народному Комиссариату Внутренних Дел СОЮЗА ССР
и Народному Комиссариату Оборона Союза ССР

Агентурной разведкой установлено:

За последнее время на Украине, особенно в Киевской, Полтавской, Винницкой, Ровенской и других областях, наблюдается явно враждебное настроение украинского населения против Красной Армии и местных органов Советской власти. В отдельных районах, областях украинское население враждебно сопротивляется выполнять мероприятия партии и правительства по восстановлению колхозов и сдаче хлеба для нужд Красной Армии. Оно, для того чтобы сорвать колхозное строительство, хищнически убивает скот.

Чтобы сорвать снабжение продовольствием Красной Армии, хлеб закапывает в ямы. Во многих районах враждебные украинские элементы, преимущественно из лиц, укрывающихся от мобилизации в Красную Армию, организовывали в лесах «зеленые» банды, которые не только взрывают воинские эшелоны, но и нападают на небольшие воинские части, а также убивают местных представителей власти. Отдельные красноармейцы и командиры, попав под влияние полуфашистского украинского населения и мобилизованных красноармейцев из освобожденных областей Украины, стали разлагаться и переходить на сторону врага. Из вышеизложенного видно, что украинское население стало на путь явного саботажа Красной Армии и Советской власти и стремится к возврату немецких оккупантов. Поэтому, в целях ликвидации и контро-

ля над мобилизованными красноармейцами и командирами освобожденных областей Украины,

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Выслать в отдаленные края Союза ССР всех украинцев, проживавших под властью немецких оккупантов.

2. Выселение производить:

а) В первую очередь украинцев, которые работали и служили у немцев;

б) Во вторую очередь выслать всех остальных украинцев, которые знакомы с жизнью во время немецкой оккупации;

в) Выселение начать после того, как будет собран урожай и сдан государству для нужд Красной Армии;

г) Выселение производить только ночью и внезапно, чтобы не дать скрыться одним и не дать знать членам его семьи, которые находятся в Красной Армии.

3. Над красноармейцами и командирами из оккупированных областей установить следующий контроль:

а) Завести в особых отделах специальные дела на каждого;

б) Все письма проверять не через цензуру, а через особ[ый] отдел;

в) Прикрепить одного секретного сотрудника на 5 человек командиров и кр[асноармей]цев.

4. Для борьбы с антисоветскими бандами перебросить 12 и 25 карательные дивизии НКВД.

Приказ объявить до командира полка включительно.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
БЕРИЯ

Зам. народного комиссара обороны Союза ССР
маршал Советского Союза

ЖУКОВ

Верно: Начальник 4-го Отделения полковник
(ФЕОДОРОВ)

В том же интервью Путин вспоминает одного из лидеров белого движения генерала Деникина, для которого великая Россия была смыслом его бытия, и для которого вопрос самоопределения национальных окраин не существовал и не мог быть темой переговоров с Антантой.

Спросим господина Путина, не потому ли генерал Антон Деникин потерпел поражение, что не прислушался к совету своего друга и коллеги – тогдашнего украинского гетмана, генерала Павла Скоропадского? Деникин разделил свои армии против Ленина и Петлюры и... был разгромлен.

Российская империя должна быть единой и неделимой. Даже если при этом сама Россия будет красной от невинной крови. Даже если Россия станет сплошным ГУЛАГом. Даже если России это будет стоить миллионы жизней и десятилетия несвободы. Даже если России придется заплатить за это уровнем жизни своего народа, своими природными ресурсами и своим будущим.

К сожалению, эту идеологию сегодня поддерживает достаточно значительная часть россиян. И лидером их является господин Путин.

Видимо, пора пришла отобрать у меня унаследованную от отца Победу? Нет, господин Путин.

Когда бываю в Москве и прохожу памятник Жукову на Красной площади, я всегда вспоминаю слова моего отца, фронтовика, боевого офицера Красной армии: «Если бы не Жуков, мы выиграли бы войну раньше и с меньшими потерями, а если бы не Сталин, то войны не было бы вообще».

I

Как-то ещё школьниками, убирая братскую могилу к очередной годовщине Победы, мы отнесли собранный мусор от памятника погибшим воинам метров за пятьдесят и выбросили. И вдруг какая-то женщина завопила:

– Что вы делаете? Вы же бросаете мусор на кости павших.

Мы были поражены и удивлены.

Уже потом нам объяснили, что в 1943-м на этом месте была могила более ста метров длиной. Туда положили более тысячи советских солдат, погибших в результате бомбардировок нем-

цами железнодорожной станции. Здесь же была могила для фрагментов неопознанных человеческих тел: рук, ног, голов и кусков мяса. Затем на этой большой братской могиле поставили памятник. Именно поросшая деревьями и кустами длинная похоронная яма стала прогулочным сквериком. Через двадцать пять лет только старики помнили, что этот маленький сквер и является большой братской могилкой.

Я вырос на улице, где жили только ветераны той войны. Поэтому в воображении моего поколения, детей родителей-фронтовиков, прочно укоренилось: вот наши родители воевали, победили, а сейчас мы живем в мире и счастье. И только становясь невольными свидетелями их щемящих рассказов «на ушко», их непостижимого массового нежелания называться героями той войны, мы начинали понимать правду об ужасах военного лихолетья. И задумываться о счастливом случае, сохранившем нашим родителям жизнь, чтобы они смогли передать её нам.

– Мы не должны были оттуда вернуться.

– Нам просто повезло, потому что большинство там и осталось.

– С передовой не возвращались.

Эти и подобные им фразы мы слышали урывками. И это была будто бы неправда, потому что «правду» о войне мы учили в школе. И та «правда» была с красными флагами, развевающимися над парадными колоннами, наступавшими на врага под громкие марши духовых оркестров. И та «правда» как-то не вязалась с почти постыдными воспоминаниями наших родителей.

Мне было несказанно обидно, как когда-то отец в компании на вопрос, как он прошёл войну, полушутя ответил: «Полвойны я просидел в Тихвинских болотах, а еще полвойны при штабе дивизии. А те, кто был на НАСТОЯЩЕЙ войне – те там и остались».

II

Отец вырос в живописном украинском селе Малютинцы Пирятинского района Полтавской области в крестьянской семье,

с детства был приучен к простому крестьянскому труду. Помогал своему отцу, моему деду Евмену, в период НЭПа имевшему в селе свой магазинчик, – был он зажиточным крестьянином, однако... Где-то в 1929-м году дед якобы «проторговался» и вынужден был идти в колхоз. Уже потом я узнал о невыносимых экономических условиях, созданных советскими властями независимым хозяевам. Именно так их заставляли соглашаться на рабские условия коллективизации.

Подростком отец пережил Голодомор, рассказывал, что его мать, моя бабушка Екатерина, готовила кашу из шелковичных листьев. Село массово выращивало шелковицы для сбора тутового шелкопряда – товарищу Сталину требовалось много парашютного шелка.

Почему я об этом вспоминаю?

Отец не раз пытался рассказать мне басни фронтовых замполитов об обещаниях советской власти после победы дать крестьянам землю. Однако эта тема мне тогда была не интересна. Мне всё хотелось спросить у своего отца-фронтовика, сколько он сам лично убил немцев, а тот всё возвращался к «сладким речам» замполитов. Так я и не дослушал того рассказа, о чём сейчас жалею. Ведь что-то было в тех обещаниях такого, сродного с его крестьянскими мечтами, что заставляло офицера-фронтовика через двадцать-тридцать лет после страшной войны снова и снова возвращаться к ним.

В 1938-м году после окончания средней школы отец поступил в Днепропетровский горный институт, где ему пришлось учиться всего несколько месяцев.

Интересно, что за этот очень короткий срок он умудрился принять участие в нескольких жестоких студенческих драках. Нет, не с блатными и не со шпаной. Это были драки между «нашими» и «кацапами». «Наших» били часто. Они молча утирали разбитые «морды» и не давали сдачи, потому что «на сдачу» можно было получить реальный «срок» за «украинский буржуазный национализм». Но потом некоторых «русскоязычных обидчиков» находили или с распоротым животом, или с проломленной головой и тихо хоронили. Кажется, такие случаи милиция и не расследовала. Такие драки в предвоенном постголодоморном Днепропетровске были не редкость.

Лейтенант Николай Ушенко, Германия, Коттбус, 1947 год

Осенью того же 1938-го он со студенческой скамьи был призван на службу в Красную армию и направлен на учёбу в Новосибирское военное училище связи.

Товарищ Сталин готовился к большой войне, которую планировал начать в 1941-м. К этому сроку ему требовалась обученная и опытная армия, готовая к «освободительному походу». В тот год со студентов была снята «броня». Их массово забирали в военные училища для подготовки в качестве будущих красных командиров.

Сталину и «советской Родине» нужны были молодые, здоровые, образованные и умные командиры. Так, без какого-то желания со своей стороны, без отбора и вступительных экзаменов отец стал курсантом Новосибирского военного училища связи. Прошёл полный курс без всяких отпусков и вот летом 1941-го его ждал долгожданный выпуск.

22 июня, в воскресенье, построение на плацу. Позади три года учёбы, выпускные экзамены. И вот они уже стоят в новеньких хромовых сапогах, полушерстяных мундирах, опоясанные скрипучими ремнями, с сиротливым маленьким кубиком в петлицах, младшие лейтенанты без пяти минут. На часах 12.00. Дается команда: «Равняйся! Смирно!». Зачитывается приказ о присвоении молодым ребятам офицерских званий, а затем к трибуне подходит замполита. Его речь запомнилась на всю жизнь: «Вместе с великим германским народом...».

Затем – оркестр, музыка, танцы... А в 15.00 по местному времени, когда в Москве пробило полдень, вдруг заговорило радио: «Вероломное нападение...».

Вы сможете вспомнить, что именно говорил директор школы, ректор вуза или пускай даже целый генерал, начальник

школы контрразведки на вашем выпуске? Лично я – нет. И, думаю, что вряд ли кто помнит. А вот мой отец запомнил. На всю свою жизнь. Эти слова до смерти запечатлелись в его сознании, потому что это были слова о вечной дружбе с немецким режимом, который на тот момент уже не менее полусуток вел с его страной смертельную войну.

III

Август 1941-го, донецкая степь, летняя жара.

Высоко в небе висит американский «Дуглас» с красными звездами на крыльях и на фюзеляже, приспособленный для перевозки и десантирования войск. Это уже не «Дуглас», собственно, а советский военный самолет Ли-2, с парашютной диверсионно-разведывательной группой на борту. Её задачей является выполнение сатанинского приказа товарища Сталина о «выжженной земле». Отступая, специальные подразделения Красной армии без сожаления уничтожали народное добро, взрывали заводы, фабрики, шахты, дороги и мосты...

Диверсионно-разведывательная группа, в составе которой находился двадцатидвухлетний лейтенант, должна была уничтожить собранный урожай вместе с элеваторами в донецких степях. Тот факт, что после выполнения этого приказа местное население останется без хлеба, сталинские опричники во внимание не принимали. На момент заброса группы уже был взорван ДнепроГЭС. Таким образом, кстати, были утоплены два стрелковых корпуса Красной армии, ну и, конечно, местного населения без счёта. Был разрушен советскими радиоминами Киев, другие украинские промышленные и культурные объекты, «мозолившие глаз» кремлёвской власти.

О своих выходах в тыл врага отец не рассказывал. Только на вопрос, прыгал ли он с парашютом, отвечал, что делал это дважды. Также рассказывал о принципах группового десантирования, когда перед прыжком все взвешивались, а десантировались друг за другом, впереди – самый тяжелый. Первым был отец, потому что кроме оружия и снаряжения, на него вешали ещё и радиостанцию с двумя комплектами аккумуляторов.

А ещё отец рассказывал, что группа в тылу врага пряталась и от немцев, и от «своих», местных донецких шахтеров, которые тщательно охраняли свои элеваторы с хлебом.

Тот факт, что за группой, в которой был молодой лейтенант Николай Ушенко, дважды присылали самолет, забиравший их обратно после успешно выполненного задания, говорит о том, что донецкие ребята хлеб так и не уберegli.

Уже зимой, после выполнения этой миссии, он переходит из подчинения разведуправления, в составе которого были ДРГ, в действующую армию. Так отец стал командиром взвода связи, обеспечивавшего штаб дивизии.

Сначала командовал взводом телефонной проводной связи. Это была тяжёлая и чрезвычайно опасная служба. Дважды во время боев он терял почти всех своих бойцов, один за другим шедших устранять неисправность или порыв телефонной линии на передовой или даже на нейтральной полосе. Живым остался благодаря своему ординарцу (во время войны офицеры имели ординарцев), воронежскому 50-летнему сельскому дядьке, взявшему шефство над молодым и отчаянным офицером, всё время срывавшимся совершить какой-нибудь подвиг. Не раз отец чувствовал на «своей холке» его тяжелую руку, удерживающую его от безрассудных поступков.

Отец просил, чтобы я запомнил имя его «спасителя» рядового Кондратия Махортова. С ним он благополучно прошел всю войну. И уже в самом ее конце, в Праге, он своего ординарца потерял. Тот подорвался на mine.

Через двадцать лет после войны отец нашел своего ангела-хранителя в одном из интернатов для калек-ветеранов. Он не имел ни рук, ни ног. О той страшной встрече рассказывать не захотел. Позже я узнал, что Махортову, видимо, ещё «повезло». В конце 40-х, по приказу московского Политбюро, десятки тысяч фронтовиков, преимущественно инвалиды-ампутанты, жившие вне семей, в один миг исчезли. НКВДисты загружали их в эшелоны, куда-то вывозили и расстреливали. Так Страна Советов очищалась от лишних ртов, ненужных государству пенсионных расходов и антисанитарии.

Где-то в конце 1941-го отца назначили командиром взвода радиосвязи штаба стрелковой дивизии, благодаря чему ему уже не приходилось рисковать своей жизнью во время боёв.

IV

Итак, молодой лейтенант попал в обычную стрелковую дивизию, глухо сидевшую в обороне вблизи Тихвина. Немного севернее дислоцировалась знаменитая 2-я ударная армия генерала Власова (того самого, предателя, впоследствии командующего гитлеровской Русской освободительной армией). Отец рассказывал, что их дивизия значительно отличалась от ударной, в первую очередь, личным составом, а это были в основном пожилые запасники. Да и вооружением и техникой их дивизия была укомплектована недостаточно. Ударные армии были кадровые, солдаты в них опытные, имевшие за плечами два-три года службы. Офицеры же, как правило, там служили с боевым опытом Хасана, Халхин-Гола, финской кампании и оборонительных боев под Москвой.

Весь 1942-й и почти половину 1943-го года дивизия не меняла своей дислокации, сидела в тех же окопах и блиндажах. Личный состав протоптал не просто тропинки, а дороги-проспекты к своим штабам, кухням, тылам и соседним подразделениям.

Не раз отец ходил по таким тропам по делам и не раз встречал капитана из соседнего полка, в лице которого было что-то щемящее знакомое. Однажды отец не выдержал и при очередной встрече обратился к нему:

- Извините, а вы не с Полтавщины?
- С Полтавщины.
- А не из Пирятинского района?
- Да, из Пирятинского.
- А не из Малютинец?
- Да, именно из Малютинец.

Таким образом, отец далеко от дома нашел односельчанина, который был на несколько лет его старше. В селе они не дружили и едва знали, а здесь, в заснеженных просторах северной России, почувствовали себя чуть ли не братьями, ведь кроме всего прочего оказались еще и тезками – Николаями. С земляком можно было поговорить по душам, не боясь вездесущих стукачей.

Как-то они группой из шести офицеров шли через большое заснеженное поле «нейтральной полосы», что вдалеке, километрах в двух, заканчивалось железной дорогой. По ней иногда курсировал немецкий бронепоезд, для которого маленькая

группа военнослужащих не представляла какой-либо угрозы или интереса.

Прогремел артиллерийский залп... Группа даже не залегла – все с интересом наблюдали полет снарядов над головами, оставлявших за собой едва заметные тепловые следы.

– Перелет, – сказал земляк-капитан.

Переговариваясь, шли неглубоким снегом дальше. Через некоторое время появилось облачко над бронепоездом, а через несколько секунд, вместе со звуковой волной на них обрушился шквал огня.

Военные упали. Их накрыло залпом, не достигшем цели.

В ушах звенело, однако подняв голову и оглянувшись вокруг, отец стал подниматься с земли. Ребята тоже медленно поднимались, стряхивая с шапок и шинелей снег, перемешанный с землей. Они даже посмеивались над тем, как их накрыло... А землячек почему-то не вставал.

– Вставай, чего разлѣгся, – отец подошел и носком сапога коснулся бедра лежавшего мужчины. Тот не реагировал.

– Николай, не балуй, – однако тот так и не пошевелился.

Все бросились к капитану, перевернули, расстегнули гимнастерку и увидели в шинельном сукне на спине небольшое, меньше сантиметра в диаметре, отверстие – осколок попал прямо в сердце.

Похоронка пошла в архив, потому что Полтавщина уже была под немцем, а отец ещё долго составлял письмо в свое родное село. Только через полтора года, когда Малютинцы освободили, он первым же письмом известил родных о том, что сам жив, а земляк, тезка Николай, погиб ещё в феврале 1942-го под Тихвином.

V

Долго стоял фронт под Тихвином. Сюда враждующие силы пришли еще весной 1942-го во время окружения Ленинграда. Отсюда 2-я ударная армия генерала Власова, вопреки стратегической и оперативной обстановке, по прихоти Сталина гонимая «верным» красным маршалом Ворошиловым, двинулась на прорыв блокады и увязла в снегу. Здесь она была разбита. Власов со всем своим штабом был пленен, хотя обстоятельства его пленения точно неизвестны до сих пор.

Дивизия, в которой служил отец, располагалась тоже здесь, однако с внешней стороны огненной дуги. Хотя огненной её назвать было трудно – периодические артиллерийские дуэли, вылазки силами не более батальона, окопы, обжитые за два года блиндажи, тихая природа Предполярья, леса, озёра, белые ночи в начале лета... Если бы ещё не стреляли – не война, а курорт.

Осенью 1943-го в тихое болото пришли вести, что «наши» подошли к Днепру, а, значит, родные отцу Малютинцы уже освобождены от немцев. Сразу же написал домой письмо, в котором сообщил, что жив-здоров, описал свое житьё-бытьё (как его можно было описать, зная, что все без исключения солдатские письма домой читают особист с замполитом), а вскоре получил от отца весточку. Тот извещал, что село немца пережило, в их доме проживает сестра Рая с двумя мальчуганами, а их отец Григорий погиб. Как погиб сестрин муж, при каких обстоятельствах, где он служил или за кого воевал, дед Евмен не написал.

Еще в письме говорилось, что младший брат Митя тоже воюет. И только после войны отец узнал, что Митю осенью 1941-го забрали немцы, и ему выпала судьба служить им подневольно, бежать от них в леса к украинским повстанцам, идти на помощь белорусским партизанам, а после освобождения Беларуси еще доводилось в рядах Красной армии механиком-водителем танка Т-34.

Так распорядилась судьба, что с Митей они будут служить в одной и той же танковой армии Рыбалко, в мае 1945-го вместе войдут в Прагу, победу будут праздновать в толпе пражан и советских солдат на площади перед Карловым университетом. А встретятся лицом к лицу только четыре года спустя в родных Малютинцах на отцовской свадьбе.

Но всё это будет потом, а сейчас, пряча письмо отца на самое дно личного вещмешка, размышлял о своем дальнейшем пути, ведь все ожидали наступление – немцы уже не в силах были дальше удерживать Ленинград в блокаде. Фронт медленно, но уверенно откатывался на запад.

Наступления долго ждать не пришлось: разведка донесла, что немецкие позиции, которые можно было с окраины леса наблюдать в бинокль, пусты.

Собирались недолго, хотя покидать обжитые блиндажи и идти в неизвестность было страшно.

Дивизия была не гвардейская и не ударная, а простая стрелковая. В танковом полку – не более десятка танков и самоходок, обслуживавшихся полусотней ЗиСов, полторок и... подвод, артиллерия же была вся на гужевом ходу. Вот туда, к танкистам и артиллерии, прижался и штаб дивизии со своими «строго секретными» бумагами, адъютантами, секретаршами, шифровальщиками и ротой связью, в которой командиром одного из взводов служил мой отец, двадцатитрёхлетний лейтенант Николай Ушенко.

Двинулись, весело ехали по разбитым грунтовкам. Несмотря на весну (всё-таки это не благословенная Украина) ещё кое-где лежал снег. Ехали будто бы в гости, ни тебе выстрелов, ни взрывов, ни воя самолетов, только иногда на обочинах дороги предупреждающие таблички «Мины», расставленные саперами. Есть ли там мины, или нет – Бог святой знает. Саперы – это такие ребята, чтобы приобрести в глазах штабных больше значимости, могли эти таблички расставить и просто так, для острастки.

Наконец въехали в село – и сразу всем стало не до смеха. Село, или мордовское, или чудское, было видимо когда-то деревянное, сейчас полностью сожжено – торчали одни печи.

Осталась только одна каменная постройка, сооруженная из кирпича еще дониколаевских времён. Видимо, здесь был немецкий штаб, а до войны, очевидно, сельсовет или милицкий участок. Солдаты разбрелись кто куда, присматривая место для ночлега, а отца, как офицера связи, сразу же запрягли в работу – ведь штаб без связи не штаб. Какое-то время он возился у радиостанции, а затем пошёл проверять своих «проводников» (отделение обеспечения проводной телефонной связи), обязанных тянуть провода и к соседям, и к старому расположению, где оставался коммутационный узел.

Пробежав в одну сторону километров десять, а потом в другую, затем завернув на старое расположение, тоже километров семь, только уже в сумерках отец с трудом добрался до своего штаба, где его ждали вместе и завтрак и обед.

Штабные командиры с адъютантами расположились в верхних комнатах, а в просторном каменном подвале, у наспех обустроенной буржуйки, пылавшей жаром, сидело, стояло и переминалось с ноги на ногу человек сорок, а то и больше. Все одновременно разговаривали, кричали, пели, а некоторые умудрялись даже спать.

Отец, держа в руках два или три котелка, хлеб, кружку с чаем и ещё что-то съедобное, примостился в каком-то тихом уголке за широкими спинами штабных офицеров и стал ужинать тем, что было на завтрак и обед...

Далее – пустота, темнота и пронзительное жужжание в ушах.

Ударная волна от заложённого немцами в подвале фугаса отбросила его и ударила о холодную и мокрую стену, сверху же на него упало еще с пяток тел, которые еще за мгновение до того были живыми людьми. Именно эти, уже мёртвые тела, приняли на себя всю массу осколков фугаса, обломков кирпича, бетона и штукатурки, спасая тем самым жизнь моему отцу.

Единственное, что запомнилось ему в тот момент – то, что в лицо попал чей-то ещё тёплый и влажный от крови мозг...

Только через месяц к отцу вернулся слух, ещё через месяц – способность говорить, а вскоре его признали годным к военной службе, и он вернулся в свою дивизию с двумя нашивками над левым карманом гимнастёрки: красной за ранение и желтой за контузию.

VI

«Переправа, переправа, берег левый, берег правый» – учили мы когда-то в школе строки из фронтовой поэмы «Василий Тёркин» Александра Твардовского. Своё к этим строкам добавил и мой отец.

К сожалению, я сейчас не вспомню, о переправе через какую реку рассказывал отец: через Нарву, или Даугаву, или Неман, или Вислу... Отец, конечно, называл, да я своим детским умом был не в состоянии запомнить.

Сейчас смотрю на карту и отмечаю, что реку Волхов дивизия преодолевала без отца – он тогда лечился в госпитале, а выздоровев, попал на переправу. Собственно, каких-то подробностей он не рассказывал. Одно говорил – Бог войны его миловал, а ангел-хранитель был настороже и отвёл...

На берегу реки офицеры управляли своими подразделениями, готовясь к переправе. Основное – техника и оружие.

Если были понтоны (а они уже были), их использовали для переправы танков и бронемашин, а также лёгкой артиллерии, пулеметов и патронов. Все остальные должны были добираться на ту сторону, как Бог на душу положит. Кому-то повезло и он нашёл рыбацкую лодку, кто-то отыскал какую-то бочку, а кто-то смастерил плот из того, что под рукой, а ещё кто-то просто набивал плащ-палатку хворостом. И все завидовали ездовым, знали: ухватившись за уздечку коня, добраться на другую сторону шансов больше. Если, конечно, лошадь не погибнет.

Отец отвечал за переправу радиостанций, аккумуляторных батарей к ним, а также бегал и пристраивал на большие лодки других подразделений хотя бы по одному своему солдату с проволочной катушкой – связь на том берегу должна быть любой ценой. Без связи удержать плацдарм будет чрезвычайно проблематично – об этом знали все, а потому от отца не слишком отмахивались.

Наконец вверенный ему взвод к форсированию был готов.

Мандраж перед атакой, сигнал ракетой, дружные голоса офицеров и старшин: «Ребята вперёд, не отставать, расстреляю, мать-перемать...» (лозунги атакующих про «Родину и Сталина» придумают уже после войны те, кто на фронтах не бывал), и масса людей одновременно выскакивает из леса и мчится к берегу, на плечах неся свои «плавсредства». Только вошли в воду – начался пулеметно-артиллерийский обстрел с немецкой стороны. То тут, то там взрывались снаряды...

– Не залегать, головы не гнуть, быстрее в воду, там вас не достанут! – Кричали офицеры и были правы. Снаряд, попавший в воду, осколков не даёт, там гибнут только от прямого попадания, а это не так часто бывает, поэтому в воде шансы доплыть до того берега увеличиваются.

Отец попал на первый передовой плот, солдаты оттолкнулись от берега заранее вырезанными дышлами, вдруг: «Взводный, мать твою, планшет потерял». Он хапнул себя по боку, где должен был быть планшет и только нащупал огрызки ремешков, каким-то чудом одновременно аккуратно перерезанных осколком. Спрыгнул в холодную воду. Было уже по шею, но – скорее к берегу, ведь без планшета, без кодов, шифров и позывных все эти радиостанции и провода на том берегу становились никому не нужны.

Вот он берег, вот планшет... Отец разворачивается к воде и вдруг видит, что плот, на котором он только что был, взлетает в воздух. Он застыл, несмотря на взрывы, стрельбу, крики, шум и стоны... На место, где только что был плот, падал дождь от поднятой в воздух воды.

Кто-то толкнул его в спину: «Скорей, чего встал»... Отец автоматически подбежал к другому плоту и всё время, пока они плыли на тот берег, смотрел на то место, где находился его плот и где он должен был погибнуть вместе со всеми. Из сидевших с ним рядом ещё несколько минут назад никто так и не выплыл.

VII

Когда-то я, школьник пятого или шестого класса, одержал полную и безоговорочную победу над обидчиком из соседнего класса. Дрались кулаками, и я его повалил, а когда он всё-таки смог встать на ноги, то только для того, чтобы позорно бежать. Правда, и мне немного попало – тянуло скулу и ныло под глазом, но это ерунда, главное – я победил.

Гордый, с чувством выполненного долга, я вошел в дом, однако мама, взглянув на меня, только всплеснула руками: «Боже мой, что это...».

Оказывается, за время пока я шел домой, под глазом налилась большая гематома и делать вид, что мол, ничего не случилось, было бесполезно.

Воспитательную работу со мной начала мама, а продолжил отец, когда пришел с работы. Он внимательно осмотрел шишку, начавшую менять свою окраску, причмокнул языком, осторожно потрогал ее пальцем и сказал:

– У меня на фронте шишка была больше – весь взвод и даже штабные приходили посмотреть. Мне в лоб попала «шальная пуля». Видимо, это был рикошет или пуля была «на излете», то есть потерявшая начальную скорость и убийную силу. Была зима, я был в шапке-ушанке, пуля попала в лучик звездочки на шапке... Я даже не упал, просто присел от боли. Зато дней десять ходил героем и хвастался своим синяком.

А вечером по телевизору мы всей семьёй смотрели очередную серию «Адъютант его превосходительства», где полковник Щукин говорил адъютанту командующего капитану Кольцову:

– Иногда синяки и ссадины украшают мужчину.

VIII

Осенью 1944-го Красная армия подошла к Варшаве, но, чтобы войти в город, нужно было форсировать большую реку Вислу, поэтому сходу овладеть столицей Польши наступающие войска не могли. Среди этих войск была и стрелковая дивизия, в которой служил командиром взвода мой отец.

Когда город уже можно было увидеть в бинокль, стоящим на высоком западном берегу большой польской реки пришло сообщение, что поляки в городе подняли восстание против немцев. Несмотря на то, что войска только что прошли более двухсот километров, что топлива и боеприпасов было в обрез, а тылы отстали, солдаты ждали приказа о наступлении и форсировании водной преграды.

Однако такого приказа не поступало. Наоборот, поступила команда окапываться, подготовиться к принятию нового пополнения, а также к ремонту техники, вооружений и пополнения боезапаса, расходных материалов, снаряжения и т.д...

Тогда еще никто не знал, что товарищ Сталин намеренно остановил наступление, чтобы руками фашистов задушить польское восстание. Ведь в случае успеха оно могло бы привести к провозглашению независимого польского государства, с которым бы Сталину вряд ли удалось согласовать свои человеконенавистнические имперские планы.

То затишье длилось три, возможно, четыре месяца.

В этот период дивизия получила нового командующего, старого заслуженного генерала, пришедшего вместо молодого, строптивого и амбициозного полковника-самодура. Новый командующий хозяйским глазом осматривал дивизию, интересовался всеми делами не поверхностно, а подробно, со знанием дела, выражая такт, понимание и человечность. Эти черты большинству фронтовых начальников были совершенно не свойственны, а потому настораживали.

Как-то генерал поинтересовался у дивизионных кадровиков: кто из личного состава дивизии, насчитывавшей более 5000 солдат и офицеров, воюет с начала войны? Долго штабные искали и наконец дали ответ: с 1941-го года в составе дивизии осталось всего 12 военнослужащих.

– Всех их ко мне! – скомандовал генерал.

И вот четверо офицеров, среди которых был и мой отец, и восемь солдат стояли смиренно перед командующим.

– Ну, орлы, ну молодцы! Значит, с сорок первого воюете. А где же ваши награды?

– Да не заслужили, – замялись в шеренге.

– Как не заслужили? – продолжал генерал.

– Да не было награждений, воюем, живы, да и всё.

– Начальник штаба, – крикнул командующий, – выдать всем за каждый год боёв по медали!

Так мой отец получил в одно мгновение сразу три солдатские медали «За отвагу».

– Почему солдатские? – уже через годы спросил я его.

– А потому, – отвечал он, – что командующий дивизии имел право самовольно наградить солдат и старшин медалями, самой весомой из которых была серебряная медаль «За отвагу». Офицеров и солдат, заслуживающих ордена, надо было представлять специальным представлением в Верховный Совет СССР и потом оттуда ждать соответствующих указов о награждении, которых могло и не быть.

За войну отец получил:

– орден «Красная звезда» (давали после войны офицерам-фронтовикам кадровой армии при увольнении из рядов Вооруженных Сил СССР);

– медаль «За боевые заслуги» (награждали офицеров-фронтовиков Вооруженных Сил в честь 10-летия Победы; тогда до юбилейных наград уже додумались, хотя юбилейные бранзюлетки, как говорил отец, это уже заслуга Брежнева и компании);

– упомянутые выше три медали «За отвагу»;

– а также так называемые «оптовые» медали: «За оборону Ленинграда», «За освобождение Варшавы», «За освобождение Праги» и «За победу над Германией».

Не было у отца медалей «За взятие...», которые приравнивались к медали «За отвагу». Лицам, награжденным медалями «За отвагу», «За взятие...», а также орденами, до 1956 года выплачивали пусть и небольшую, но ежемесячную стипендию от государства, а при выходе на пенсию эта стипендия добавлялась к пенсионному денежному довольствию.

Медали «За взятие Кенигсберга», «За взятие Будапешта» и «За взятие Берлина» давались солдатам и офицерам ударных

и штурмовых частей, принимавших участие в этих боевых действиях.

В 1956-м по инициативе Хрущёва стипендия за государственные награды в СССР была отменена, несмотря на то, что она до сих пор существует во всех цивилизованных странах мира.

Интересно, что в надписи на медали «За победу над Германией», слово «Победа» написано с маленькой буквы. А всё потому, что до 1965 года «Победа» не считалась праздником, ибо Сталин, выполняя замысел Ленина об «агрессивно-освободительной Второй империалистической войне» не достиг «победы коммунизма в мировом масштабе». Он даже не покорил Европу – так, оттяпал хотя и значительный, но все-таки небольшой восточный её кусок.

Вообще-то отец был боевым офицером, но считался штабным. За военные годы он, конечно, имел товарищей среди штабных и тесные знакомства. После рассказывал, что как-то ему предлагали купить тот или иной орден или даже звание Героя Советского Союза. Один из его фронтовых товарищей так и сделал и стал Героем.

Я не помню, чтобы отец когда-нибудь заматерился. Даже тогда, когда брань рвется из уст, он сдерживался. Но рассказывая о технологии «отличия достойных и заслуженных», он процитировал стихотворение военной поры:

*«Ивану за атаку – х... в сраку,
А Машке за п... – Красную звезду»*

Стишок, извините, и правда похабненький, однако ни тогда, ни сейчас он не казался смешным. Потому, что это правда.

Отец награды после войны никогда не надевал. Все боевые медали вешались на грудь малолетнего сына, который, конечно, во время игр со сверстниками их все потерял.

В 1985-м, на сорокалетие Победы советское правительство «расщедрилось» на награждение всех без исключения официальных ветеранов Великой Отечественной войны орденами «Отечественная война», чем окончательно девальвировало не только эту боевую награду, но и все остальные. Райком, в лучших советских традициях, решил начать вручение орденов с торжественного награждения «приближенных к престолу», на что указали председателю районного совета ветеранов. Ясно,

что тот не мог пройти мимо ветерана, сын которого, то есть я, был в то время большой районной шишкой.

Меня торжественно предупредили, чтобы мой отец такого-то числа и в такое-то время прибыл в райком на награждение, о чём я сразу же сообщил ему.

Однако отец на вручении так и не появился. Ещё долго наш местный районный военный комиссар всё приглашал его получить причитающуюся ему награду.

За военные награды отцу почему-то всегда было стыдно.

IX

Январь 1945-го, Польша, Сандомирский плацдарм, оттепель...

Полк, в составе которого воевал молодой офицер, во время наступления был отрезан от своих немецкими танками и самоходками. Солдаты залегли в чистом поле, окапывались, ждали темноты. Отец, которому тогда было всего 24 года, с разбега вскочил в чей-то окопчик. Поднял глаза – перед ним почтальон, которого подразделение ждало почти неделю. Они лежали рядом в грязи час, другой.

– А давай, дружище, посмотрим почту, может мне что-то и пришло.

Почтальон долго рылся в сумке и, наконец, вытащил письмо, которое пришло из далёкой украинской степи. Было ещё светло, и можно было читать. Из дома, с Полтавщины писали, что умерла мама... Известие ошеломило...

Вокруг тишина, никто не стреляет, все смотрят на медленно угасающее облачное небо.

Несмотря на предостережения, офицер встал и медленно побрел через поле к линии окопов «своих», к которым они не могли прорваться целый день.

Потом отец рассказывал, что у него в голове будто бы что-то помутилось. Он чувствовал какое-то равнодушие ко всему происходящему. Ни о чем не думал, а всё шёл и шёл, пока на него не наорали и не втянули в траншею. Оказалось, что это уже «свои».

И вдруг лежавшие в поле и смотревшие на его «демарш» через поле, почти все вместе встали и побежали к траншеям. Казалось, сейчас добегут к спасительным окопам. Осталось уже

метров 200, 150, 100... И вдруг трассирующие очереди из крупнокалиберных немецких пулеметов. Люди залегли, но прятаться было негде. Пули и снаряды вспахивали землю, в воздух подбрасывало оторванные ноги, руки, головы...

Отец смотрел на это ужасное побоище, и его стошнило...

Уже ночью полковник выстроил перед собой семерых добывавших и выживших: «Ваш полк потерял знамя части. Если до утра не найдете – расстрел!»

Всю ночь в полной темноте они ползали по холодной грязи, переворачивали трупы и искали знаменосца, у которого под шинелью могло быть спрятано знамя. Когда немцы освещали поле прожекторами – замирали. Когда луч уходил дальше – снова начинали жуткий и лихорадочный поиск, а в голове било как колокол: «До утра не найдете – расстрел!»

Уже потеряли чувствительность пальцы рук и ног, отец потерял шапку, нашёл какое-то тело, снял шапку с погибшего. Вот вот будет светать, все на грани отчаяния – где же знаменосец?

– Есть, есть нашел, ко мне, – раздался возглас, и тут же луч света осветил кричавшего. Трассирующие ослепительные пули прилетели и разорвали его пополам, а потом ещё долго колошматили и пахали то место, где он посмел подняться.

Затихло.

Выхода не было, надо было лезть туда, на пристрелянное место, и искать то проклятое знамя: «Не найдете – расстрел!»

Знаменосец был приваленный двумя или, может, уже и тремя телами. Под шинелью флаг. Долго, снимал с него, затем обматывался сам и ползком, замирая под лучами прожектора, потихоньку пробирался к окопам. Ещё немного, ещё... Головой вперед в траншею.

– Флаг у меня. Кликните ребят, чтобы возвращались.

– Ну, хохол, молодец, садись, пожри.

Отец сидел и ждал своих с поля, чтобы позавтракать вместе. Ждал больше часа – не пришел никто.

Такой оказалась цена флага воинской части.

Стоил ли он человеческих жизней?

Так закончился тот памятный для моего отца бой. Полк сохранил знамя, а на весь полк остался только один офицер – лейтенант, командир взвода связи. Полк отвели на переформирование, и это спасло отцу жизнь. Ведь через несколько дней

начался новый штурм, закончившийся практически полным уничтожением подразделения, их заменившего.

Х

Кадры помпезной московской кинохроники всегда показывают Парад Победы в Москве, на Красной площади, состоявшийся 24 июня 1945 года. Его принимал вместо генералиссимуса Сталина почему-то маршал Жуков. Он, правда, был тоже выдающимся военачальником (и таким же выдающимся самодуром и мародёром, презревшим человеческую мораль, ни в грош не ставившим людские и материальные потери). Однако он всё-таки не был Верховным главнокомандующим.

Почему же была нарушена многовековая традиция военных парадов, ведущая свое начало ещё со времен Римской империи?

Ответ – в отношении к «Победе» Сталина и Политбюро. Для них «Победа» победой не была, потому что не была достигнута военная цель – захват и покорение под большевистскими лозунгами хотя бы всей Европы, если уж не всего мира.

Вообще-то первый парад Победы прошёл в Берлине уже 4 мая 1945 года и принимал его советский генерал Берзарин. Войска были в тех же гимнастёрках, в которых прошли войну, а вокруг ещё дымились руины. Затем в Берлине был парад Победы 7 сентября 1945-го, после известия о капитуляции Японии. Советские войска были в полевой форме и участвовали в Параде представители четырёх союзнических армий.

Но был в Берлине ещё один парад наций-победителей, летом 1946-го. Сюда были приглашены представители всех армий, воювавших против фашизма, и в нём принимал участие мой отец, двадцатилетний лейтенант Николай Ушенко. Правда, участвовал, так сказать, наполовину.

Накануне, как и положено перед парадом, войско готовилось. Сначала будущих участников подбирали по росту и телосложению, потом им подбирали военную форму и обувь. Это советские солдаты, дислоцировавшиеся на территории СССР, ходили в кирзовых сапогах. Советский же солдат, служивший за границей, носил исключительно хромовые сапоги и полушерстяной мундир.

«Приватизация» Победы началась не Путиным. Это древняя русская имперская традиция.

Сейчас в русскоязычном сегменте интернета довольно много текстов и комментариев, отрицающих сам факт проведения Парада наций в Берлине. Перечисляются берлинские Парады победы 4 мая 1945-го и 7 сентября 1945-го со ссылкой, что на них советские войска принимали участие в полевой форме.

Отрицание самого Парада наций пророссийскими «исследователями» вызвано попыткой замолчать факт непризнания воюющими сторонами частей Войска Польского, чехословацкой и югославской армий в угоду сталинскому руководству.

Выше приведена одна из тридцати девяти фотографий американского сайта Парада наций 1946 года. Часть Красной армии на фоне берлинских развалин в парадных мундирах.

Где-то среди них находился и мой отец.

Натаскивали солдат долго, и, кажется, командиры остались довольны.

Надо сказать, что в день парада была страшная жара. Колонны же военных пригнали на место парада часа за три до его начала.

Немилосердное солнце, тяжелый полушерстяной мундир, хромовые сапоги, в которых они стояли на раскаленной сковороде берлинской мостовой, сделали своё дело, и некоторые «слабые и нестойкие» упали, подкошенные тепловым ударом.

Отец стойко перенёс «трудности и лишение воинской службы», выстоял эти долгие часы в строю, вместе со всеми прокричал традиционное «ура», которое был ответом на призыв «Слава русскому оружию». И только когда прозвучала команда «Шагом...», слово «марш» он уже услышал смутно, потому что в глазах поплыло...

Ребята вытащили его из строя, посадили в тень на тротуар. Подбежал замполит: «Что, хохол, напился? Нашёл время».

Отец потихоньку приходил в себя, и ему было невыразимо жаль, что его, офицера-фронтовика, всегда отдававшего желаемым свои «наркомовские сто грамм» (это не раз спасало ему жизнь) называли пьяницей.

Мимо отца ехали танки и артсистемы, чеканя шаг, проходило советское войско, за ним американское, английское, французское, шли канадцы, австралийцы и новозеландцы. Были даже греки, индийцы и исландцы... Поляки настаивали на своём участии в параде отдельно, однако союзники по политическим причинам им отказали. Отказали также чехам, словакам и югославам.

Об украинском же войске речь вообще не шла. Украинские повстанцы в то время вели тяжелые бои против «освободителей». А в Берлине тогда украинских воинов как бы и не было.

И сидел мой отец, «русский солдат» из полтавского села на обочине Александер-пляц без форменной фуражки с расстёгнутым воротом и размышлял, что «русское оружие» ему такое же чужое, как и то «оружие», которое только что гремело по берлинской мостовой...

Он прошёл в чужой армии войну, на которой был нагло обманут. Через двадцать лет он будет тихо завидовать своему родному брату:

– Ты, Дмитро, хотя бы в повстанцах воевал, под нашим флагом...

XI

Я намеренно описываю то, что слышал от отца. Придумать можно было что-то и поярче. Сейчас же хочу описать то, что он как-то рассказывал не мне, а моим старшим двоюродным братьям.

Отец никогда ничего не приукрашал, но в ту правду, которую он рассказывал, трудно поверить. Несмотря на это, хочу привести один его рассказ, который покажется невероятным. Уже в эпоху интернета я провел за компьютером много часов в поисках подтверждения сказанному или какому-нибудь упоминанию о чем-то подобном – но не нашёл. Однако не поверить своему отцу не могу.

Сразу после окончания боевых действий, где-то в 1945-1946 годах разделение завоёванной Германии было еще условным. Во многих городах советские военные стояли рядом с воинскими частями американской, английской и французской армий. Мой отец служил в одной из танковых частей советской оккупационной армии, расквартированной в немецком городке Коттбусе, где рядом стояли американцы.

Служба службой, а досуг советские и американские офицеры, а также и американские солдаты проводили в уцелевшем городке. Рядовых же советских солдат сюда не допускали. За хорошо охраняемым забором им, по мнению командования, видимо, было лучше.

Все эти офицеры, солдаты и многочисленный околовоенный народ, сами понимаете, были людьми молодыми, но уже закалёнными в боях. Они радовались тому, что живы. Жили надеждами на прекрасное завтра и мечтали.

А ещё проводили своё свободное время в местных ресторанах, барах, танцплощадках (дансингах). Там они свободно общались, дружили, обменивались впечатлениями, слухами, хвастались друг перед другом своими военными подвигами, подготовкой, оружием...

Как-то в один из всеобщих выходных между американскими и советскими горячими и уже подпитыми ребятами произошел инцидент, переросший в драку. Тут же прилетел американский патруль, их «милитари полис», и повязал не только зачинщиков столкновения. Растаскивая драчунов, патруль не разбирался с национальностями, формами и знаками различия и запихнул всех вместе в одну буцегарню. Там драка продолжилась, и по тем же американским правилам всех без разбора драчунов подвергли очень понятной советским гражданам полицейской экзекуции, или по-нашему – тяжёлому милицейскому мордобою.

В момент экзекуции в американскую буцегарню наведальось уже наше родное начальство вместе с НКВДешниками, которые и расценили произошедшее как «посягательство на завоевания социализма».

А дальше события разворачивались так.

В месте расквартирования и базирования советского танкового полка прозвучала боевая тревога, причина которой сразу же была доведена до личного состава – американцы начали против нас боевые действия. Глупость пьяного начальства была налицо, однако никто не послушался, и танки передового батальона двинулись на город. Начался настоящий танковый бой. Однако бой был только с одной стороны. Американцы, избалованные своей демократией, не могли осознать необходимости организации сопротивления, а потому были застигнуты врасплох, одолены и побеждены, понеся потери, насчитывавшие сотни погибших и раненых. Их военная часть была полностью разгромлена и разграблена.

Уже в ту же ночь в город примчалось высшее воинское начальство обеих армий. Боевые действия и мародёрство удалось остановить. Наутро началось скорое следствие и упрощённый суд. Отцу и ещё некоторым участникам побоища каким-то образом удалось избежать наказания, однако подавляющее большинство горячих красных командиров и их подчинённых прямым ходом отправились в ГУЛАГ. О соответствующих санкциях американской стороны неизвестно до сих пор.

О личном участии моего отца в этом действе мне тоже неизвестно.

Конфликт был локализован, в конце концов, это был конфликт не между странами и армиями, а пьяный дебош, что прекрасно осознавали обе стороны. Однако именно этот конфликт, как мне кажется, или что-то весьма похожее стало окончательной причиной развода армий, раздела Германии и начала Холодной войны. Ну, а мы, советские люди, привыкли объяснять произошедшее речью Черчилля в Фултоне, мол, это всё он начал.

БЕРЛИН. МАЙ 1945-ГО. СТЫДНО

Помню, в конце 1960-х годов я, юный корреспондент школьной пионерской стенгазеты, брал интервью у ветерана войны Шурбованого Николая Федоровича. Признаться честно, только это и помню. И вот как-то, посещая свой родной городок на левобережной Украине, вдруг встретил его, восьмидесятисемилетнего ветерана.

Он вспомнил меня, а я – то интервью. Он тоже его помнил. Еще бы не помнить, ведь я спросил его о количестве лично им убитых немцев, чем не просто озадачил, но и поставил в тупик. Безжалостный вопрос наивного школьника так глубоко запал ему в душу, что уже скоро сорок лет он ему причиняет какое-то внутреннее беспокойство.

Ему очень хотелось поговорить, выговориться, «исповедоваться». Несмотря на свой почтенный возраст, человеком он был активным. Находился в курсе политических событий, читал прессу, даже в интернете часто «бродил»...

Сели на скамейку под вишнями, что так дружно зацвели в том году, и Николай Федорович мысленно вернулся туда, в свою молодость, в Берлин, в май 1945-го.

Вспомнил, что именно в день его двадцатилетия, 20 мая 1945 года, ему вручили первую боевую медаль «За освобождение Варшавы». Медали «За взятие Берлина» и «За победу над Германией» он получит после берлинского парада Победы 7 сентября 1945-го, в котором примет участие, а орден Богдана Хмельницкого II степени – по демобилизации в 1950 году (завалился в штабе, вот и дали хохлу поносить). Всего прослужил шесть лет, из которых чистыми полтора года боёв.

– Прибыл где-то в конце апреля к нам в бригаду начальник штаба, капитан, «холостой».

– Как холостой?

– Холостой это значит с голой грудью, без наград. Так вот, к сентябрю, к параду Победы, он имел уже приличный «иконстас» из пяти орденов и столько же медалей. С тех пор я к офицерским наградам имею аллергию, потому что боевые ордена, особенно в послевоенное время, обладали способностью продаваться-покупаться...

Сейчас иногда память его подводит, но то, что войну закончил ефрейтором, радистом двести девятой гвардейской гаубичной бригады, помнит твердо. Помнит даже марку своей радиостанции: SCR-248 на шасси автомобиля «Студебекер». Техника американского производства.

– А могли бы мы победить без американской помощи? – спрашиваю я его.

– На этот вопрос ответил маршал Жуков, – отвечает ветеран. – «Нельзя отрицать, что американцы дали нам столько материалов, без которых мы не смогли бы сформировать свои резервы и не могли продолжать войну» – эти слова маршала подслушали сыщики Семичастного, председателя КГБ в 1962 году, и доложили Хрущёву.

– А вы расписались на рейхстаге?

– Нет. У рейхстага был, но расписываться не стал. Считал это несправедливым, потому что я лично в его штурме участия не принимал. Сейчас об этом жалею.

Тот май в Берлине тоже был жарким, цветущим и ужасным: город понес огромные разрушения от американских бомбардировок и от нашей артиллерии. Но самое страшное было другое: повальное мародёрство, грабёж, бессмысленные убийства и разрушения. То, что нельзя было забрать или присвоить – сжигалось, ломалось, портилось. Имело место не просто пренебрежение, а циничное издевательство над чужой собственностью. И не было разницы, где оно находилось: на улице, в учреждении, офисе или частной квартире. Мародёрство, грабежи и разгром являлись последствиями приказа Сталина еще 1941-го года о «выжженной земле». Что можно – вывозилось, что нельзя – уничтожалось. К этому приучалась армия все четыре года войны, и в Берлине это просто невозможно было остановить.

Каждый солдат имел в личном вещевом мешке свой трофей. Если повезло, то золото, кольца, ювелирные украшения. Шиком было хранить у ротного каптенармуса отобранный велосипед, гитару или радиоприёмник. У офицеров уровень трофеев был выше, у генералов – ещё выше.

О насилии. Да, это было. Не так много, как сейчас говорят, но было. С другой стороны, немки тогда были готовы отдаваться (и отдавались) за бутерброд, банку тушёнки. В побеждённом, разграбленном городе, где вдруг прекратилось какое-либо централизованное снабжение, господствовали иные ценности.

Как-то к нашему командованию пришла делегация от немцев: «Вы пользуете наших женщин. Мы просим после этого их не убивать и не калечить. И, если можно, платите». Требование оплаты за насилие возмутило офицеров. Этим немцев за малым не расстреляли.

Некоторые наши офицеры поощряли насилие и охотно принимали в нём участие. Некоторые стыдливо наблюдали. Были и такие, которые с риском для жизни защищали побеждённых, а некоторые за них и погибали от рук своих же.

Был приказ: после приёма пищи личным составом кормить здешнее население. Немцы выстраивались в длинные молчаливые очереди у наших полевых кухонь и покорно принимали то, что им дадут. Ни разу между ними в очередях не возникло ссор, ругательств или позорных голодных разборок. НИ РАЗУ. Это поражало, вызывало к ним уважение, а еще это останавливало.

Останавливала также и полная антисанитария. Как-то в конце мая искупался я в Шпрее, затем некоторое время страдал от неизвестной сыпи по телу. В результате разгрома города в речные воды попали нечистоты, химикаты, фекалии. Антисанитария усиливалась ещё и тем, что наши медсанбаты не предлагали абсолютно никакого лечения нашим заразившимся или заболевшим солдатам. Они невероятно страдали и нередко умирали. О медицинской профилактике не было даже и речи.

– А ещё мне пришлось, – продолжает Николай Федорович, – в течение того мая четыре раза ездить из Берлина в наш Владимир-Волынский, возвращать домой сограждан, бывших советских военнопленных и остарбайтеров. Возвращались под конвоем НКВД, потому что не хотели покидать разгромленную, но уже свободную Европу.

Тем летом наши солдаты панически боялись дизентерии, сифилиса и особистов-смершевцев, свирепствовавших прямотаки безнаказанно и наводивших на солдат больший ужас, чем эпидемии или антисанитария. Только осенью начал вырисовываться какой-то элементарный порядок и стало видно, что здесь живут люди. Разные, но ЛЮДИ.

Война, начавшаяся в одночасье, заканчивалась постепенно.

ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА И ГИТЛЕРОВСКОГО НАЦИЗМА

По условиям Брестского мира, подписанного 3 марта 1918 года, Советское правительство прекращало войну с Украинской Народной Республикой и заключило с ней мир. Но уже 28 марта 1918-го, в результате государственного переворота в Украине к власти пришел гетман, прямой потомок гетмана Войска Запорожского, воспитанник петербургского Пажеского корпуса, кавалергард, флигель-адъютант и генерал-лейтенант царской армии Павел Петрович Скоропадский.

По Брестскому миру Украина не имела права на свою армию, однако гетман, человек военный и образованный, понимал пагубность для государства этой позиции, а потому, используя все свои личные связи с командующим немецких оккупационных сил генералом Вильгельмом Гренером и по его молчаливому согласию, пошел на формирование корпуса синежупанников. Но не успел.

Человек своего времени и сын своего сословия, он позиционировал Украину как дружескую по отношению к большой монархической России, но Россия была уже другой. Иной была и Украина, где гетманские инициативы не вызвали понимания, а потому через семь с половиной месяцев в результате военного переворота социалистов-автономистов Петлюры и Винниченко власть Скоропадским была утрачена и гетман выехал в эмиграцию.

Некоторое время жил в Швейцарии, позже, получив персональную пенсию от кайзера Германии, переехал в Берлин.

Кайзеровская пенсия давала возможность быть независимым и гетман, в меру своих сил и своего понимания ситуации, занимается политической деятельностью.

Уже в 1920 году он организует в Берлине «Украинский союз хлеборобов-государственников», к которому приобщаются видные эмигрантские теоретики украинской государственности Вячеслав Липинский и Сергей Шемет. В 1926 году при Берлинском университете на средства гетмана учреждается Украинский научный институт, где он читает лекции на русском языке. Украинским языком гетман владел на упрощенно-бытовом уровне,

не позволявшем свободно и публично излагать свои мысли. Не совершенное знание языка отрицательно сказалось на его отношениях с украинской эмиграцией.

Весной 1933-го Скоропадский по рекомендации рейхспрезидента Гинденбурга получает первую аудиенцию у рейхсканцлера Гитлера и убеждает его инициировать помощь голодающим в Украине. Сталин принять помощь Германии отказался по причине «отсутствия голодающих».

С приходом к власти Гитлера, что знаменуется политикой возрождения армии, гетмана приглашают читать лекции в Академию немецкого Генерального штаба. Практически весь немецкий генералитет признает высокий авторитет русского аристократа – «украинского короля». Позже Елена, дочь Скоропадского, вспомнит, с какой почтительностью вставали все немецкие генералы при входе гетмана в аудиторию. И как-то лично присутствовавший при этом Гитлер нервно задёргался, не зная, подняться ему с места или нет.

В 1936-м Гитлер жалует гетману звание генерал-полковника, но Павел Петрович гордо отказывается: «Я царский генерал и повышение могу принять только из рук монарха».

Весной 1939-го Скоропадский резко выступает против оккупации венгерскими войсками Карпатской Украины, громко называя фашистских союзников агрессорами и оккупантами.

Отношение гетмана к фашизму характеризуется уже тем, что своего сына он отправляет в Лондон, а дочерей в Швейцарию. «Лояльность» к власти выразилась в домашних приемах немецких генералов, среди которых завсегда были Йодль, Кейтель, Гот. В 1942-1944 годах приемов удостоены были также бывшие советские генералы на службе у Гитлера – Андрей Власов и Сергей Буняченко.

Зимой 1940-1941 годов 68-летний Павел Петрович Скоропадский получает от рейхсфюрера Генриха Гиммлера предложение создать и возглавить Украинский легион в составе вермахта. Скоропадский выдвигает свои условия. По его мнению, легион возможен только как самостоятельное воинское формирование независимого государства Украина. Отсюда вытекает необходимость признания союзной Германией независимости Украины. После этого Скоропадский, «украинский король», формирует армию этого государства для освобождения своей Родины.

Евгений Коновалец (1891-1938) – полковник армии УНР, первый глава ОУН (1929). Изучал право во Львовском университете (1909-1913), затем австрийская мобилизация (1914), русский плен (1915). Формирует в Киеве галицко-буковинский курень армии УНР (1917) и отряд Сечевых стрельцов (1918). Убит агентом НКВД Судоплатовым в Роттердаме.

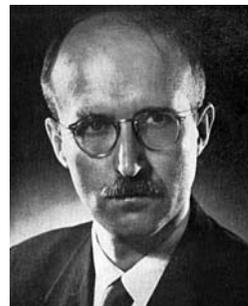
Андрей Мельник (1890-1964) – сотник, начштаба полка, нач. генштаба армии УНР (1914-1920), основатель УВО. Арестован и осужден польским судом к 4 годам лишения свободы (1924). Глава ОУН (1938), возглавил ОУН-М после раскола (1940), узник концлагеря Заксенхаузен (1944), организатор мирового Конгресса украинцев (1957).

Тарас Бульба Боровец (1908-1981), активист националистического движения. Служил в Войске Польском (1930), узник концлагеря Береза-Картузская (1932), формирует УПА Полесская сечь (1941). Не признаёт руководство ОУН-Б, ведёт переговоры с немцами, ими же арестован. Узник концлагеря Заксенхаузен (1943-1944), после освобождения – в эмиграции.

Андрей Ливицкий (1879-1954) – член Центральной рады (1917-1918), министр юстиции Директории (1919). Окончил Киевский университет, дважды осуждался за политические взгляды. Глава правительства УНР в изгнании (1922-1926). После убийства Петлюры возглавил Директорию и государственный центр УНР в изгнании (1926-1954).

Ярослав Стецько (1912-1986) – активист ОУН. Окончил Краковский и Львовский университеты, осужден к 5 годам тюрьмы (1934), участник Римского конгресса ОУН (1939), зам проводника ОУН С. Бандеры (1940), премьер Украинского государственного правления, узник концлагеря Заксенхаузен (1941-1944), лидер Антибольшевистского блока народов (1946-1986).

Роман Шухевич (1907-1950) – активист ОУН. Служил в Войске Польском (1928-1929), окончил Львовскую политехническую (1934), узник концлагеря Береза-Картузская. Организовал (1937) успешную рекламную фирму «Фама». Член революционного провода ОУН (1939), сотник батальона «Нахтигаль» (1941), главнокомандующий УПА (1942). Погиб в бою.

Для получения независимости Украины дипломатическим путём гетман ищет и находит союзников из числа немецкой верхушки, а именно всесильного шефа военной разведки (абвера) адмирала Вильгельма Канариса и министра по делам оккупированных восточных территорий «русского прибалта» Альфреда Розенберга. Они используют все свои силы и влияние для положительного решения «украинского вопроса», но Гитлер непреклонен. Когда 22 июня 1941 года Германия решит реализовать план «Барбаросса», Канарис в отчаянии воскликнет: «Война уже проиграна, потому что мы отказали нашему самому верному союзнику».

Как известно, немцы всё-таки создали так называемый «украинский легион» в составе батальонов «Нахтигаль» и «Роланд», однако это войско так и не вступило в бой на стороне Гитлера. Мало того, уже 13 августа 1941 батальоны были разоружены и расформированы, большинство украинских офицеров были расстреляны, репрессированы или использовались

в полицейско-жандармских акциях. Личный состав самих батальонов впоследствии стал ядром организованной через год украинской повстанческой армии.

Украинская дивизия СС «Галичина», сформированная немцами во Львове летом 1943-го, после первого (и последнего) боя на стороне вермахта в июле 1944-го перестала существовать как боевая единица, вышла из состава СС, изгнав немецких офицеров, и впоследствии стала боевой единицей ОУН Мельника.

В ноябре 1944 года гетман Скоропадский получает от Гимmlера новое предложение: создать Украинский Национальный Комитет. При этом он настаивал, чтобы УНК был частью «Комитета освобождения народов России», возглавляемого генералом Власовым.

После некоторого торга Павел Петрович поставил условие: освобождение из немецких концлагерей всех лидеров украинского национально-освободительного движения. Гимmlер удивился: «Зачем они вам? Они даже сидя в лагере, умудрились переругаться», но гетман настоял на своем.

Тогда же, в ноябре 1944-го в гетманском поместье в Ванзее около Берлина появились бывшие пленники Заксенхаузена: лидер ОУН-м полковник Андрей Мельник, президент УНР в изгнании Андрей Ливицкий, лидер ОУН-б Степан Бандера со своим заместителем Ярославом Стецько и один из организаторов Украинской повстанческой армии Тарас Бульба-Боровец, арестованный немцами во время переговоров в Берлине в 1942 году.

Они действительно ни о чем не договорились, потому что против любого сотрудничества с немцами выступили Бандера и Стецько.

12 апреля 1945 года германское правительство, наконец, признало Украинский Национальный Комитет (украинского эмигрантского генерала Войска Польского Павла Шандрука) как независимое и ни от кого не зависящее представительство украинского народа и даже предоставило ему право формирования украинской национальной армии. 19 апреля 1945-го остатки дивизии «Галичина» под названием первой украинской дивизии УНА даже примут присягу на верность Украине (а не Германии). Но это уже ни на что не повлияет. В бои Второй мировой войны они уже не вступят.

26 апреля 1945-го во время бомбардировки англо-американской авиацией будет смертельно ранен «украинский король» гетман Скоропадский. Лидеры независимой Украины продолжат ссоры. А украинские повстанцы Галичины, Подляшья, Холмщины, Полесья, Волини и Подолья будут истекать кровью в боях с НКВД. Они войдут в лживую советскую историю и сознание советских людей не как украинское национально-освободительное движение, а как пособники фашистов.

МАХНО, МАРУСЯ, ЗЕЛЕНЬИЙ И ГАЙДАМАКИ ХОЛОДНОГО ЯРА

«Национально-освободительное движение украинского народа» – не правда ли, подобное словосочетание режет слух совку и россиянину, а у квасного русского патриота от него сводит скулы и начинается приступ бешенства.

– Какое там освободительное движение, – скажет он, – бандиты, предатели, палачи-антисемиты, фашистские прихвостни...

И так говорится обо всех: о Мазепе, о Петлюре, о Бандере.

Кроме упомянутых, других в Москве (если бы только там) не знают и знать не хотят. А если и вспоминают, то только в комично-издевательском аспекте. Например, о Несторе Махно говорят как о выскочке, неуравновешенном и непредсказуемом авантюристе. Даже многосерийный телефильм сняли. Почти как продолжение «Свадьбы в Малиновке».

Ну, разве можно серьёзно относиться к такому человеку? Правда, и Ленин ему орден Красного Знамени жаловал, и Врангель с ним заигрывал. Именно его военную тактику переняли красные командармы Буденный и Ворошилов, советские маршалы Тухачевский и Шапошников и даже немецкие танковые асы Гудериан и Манштейн. И, в общем, как-то не складывается единая логика образа у «историков», делающих из Нестора Махно шута. Но разве они обращали когда-нибудь внимание на такие мелочи?

А кто и что слышал о банде Маруси? Известно, что имелась такая в Ростове, была и в Одессе. Революционерка или уголовница – неизвестно. А еще всем известна атаманша Маруся, то ли союзница, то ли подчинённая батьки Махно. Но я не о них, а об отряде Маруси из украинского Полесья, действовавшего всего в каких-то 150 километрах к западу от Киева.

Её настоящее имя Александра Соколовская.

Солнечная, нежная, непорочная юная 17-летняя гимназистка. И в то же время – грозная казачка-мстительница-воин, рядом со славой которой меркнет слава Жанны д'Арк.

– Жизнь заставила меня стать атаманшей, – говорила она, – все люди, которые сейчас у меня воюют, достались мне в наследство от моего брата, замученного красными. Некоторое время отрядом руководил мой отец, которого постигла та же участь,

и вот тогда я вынуждена была взяться за дело. Вы думаете, мне нужна война? Что мне в ней? Я девушка молодая, хочу жить, но что делать? Всё, что у нас было, разбито и разграблено. Сожгли даже ту школу, где я когда-то начинала учиться... Сейчас, как видите, меня беречь никому, даже наоборот... Это я вас берегу...

В апреле 1919-го против её мобильного трёхтысячного крестьянского воинства красные бросили 21-й, 22-й пехотные полки и 5-й конный полк имени тов. Троцкого. Разбила и прогнала. В плен не брала, и не расстреливала. Разоружала и изгоняла вон со своей земли.

Весну, лето и осень контролировала половину современной Житомирской области.

В начале ноября войско Маруси численностью 300 сабель, 700 штыков, 10 пулеметов и 3 пушки разбило белый офицерский полк под Мотовиловкой, но в момент виктории она вдруг получила известие о переходе в контрнаступление красных со стороны Фастова. При перегруппировке войск московским чекистом предательски убита выстрелом в спину.

Или Даниил Терпило, бывший царский прапорщик. Не знаете такого? Ну как же, атаман Зелёный.

– А, – протянет московский знаток, – снова бандит.

Что ему ответить на это?

Под началом Зелёного в течение двух лет действовало полноценное мобильное военное соединение численностью 36 тысяч обученных и вышколенных воинов-добровольцев.

В мае 1919-го большевистская власть бросила против повстанцев объединенный отряд численностью в 21 тысячу бойцов. Красные задействовали даже Днепровскую флотилию с её артиллерией и двухтысячным десантом. Непрерывные боевые действия продолжались более месяца, но, объединившись с отрядами атамана Григорьева (кстати, тоже бывшего царского прапорщика), в ночь с 26 на 27 июля Зелёный выбивает большевиков из Триполья.

В Переяславе 15 июня 1919 атаман Зелёный торжественно, в присутствии местного населения и своего тридцатитысячного войска, отменил Переяславский договор 1654-го о «воссоединении» с Московией.

Зелёный воевал против большевиков на территории всего юга современной Киевской области, а также на территории Черниговской, Полтавской и Подольской губерний.

Но лично я (и не только) считаю самой выдающейся фигурой украинского национально-освободительного движения того времени Василия Чучупака. О нём в России не знают. Да я и сам это имя узнал только лет двадцать назад, случайно прочитав девятое (восемь предыдущих вышли за океаном) издание книги Юрия Горлис-Горского «Холодный яр». То, что это не байка, стало ясно несколько позже.

В центре Украины, на границе современных Кировоградской и Черкасской областей, на берегу Днепра есть большой лесной массив. Еще Тарас Шевченко воспел этот гайдамацкий край, край творческого труда, православной веры и мечтаний «о воле, что придёт когда-то». Там находится урочище Холодный Яр, в центре которого стоит национальное достояние Украины – Мотронинский монастырь.

В 1918-м «союзные» немецкие войска посягнули на святыню. Местные крестьяне пытались организовать сопротивление, но были разбиты. После поражения односельчане обратились к Василию, бывшему фронтовику Первой мировой, царскому прапорщику: «Будь атаманом».

В начале того же лета отряд Василия Чучупака поддержал восстание атамана Григорьева, а к осени он уже был командиром полка гайдамаков Холодного Яра.

Успешно воевал против белогвардейцев, в начале января 1920 года участвовал во взятии Черкасс. В феврале его полк в составе армии УНР осуществил так называемый Первый зимний поход, целью которого было сохранение украинской армии на украинской территории.

Сжатые одновременно тремя армиями (Добровольческой, Красной и Войском Польским), неся огромные потери от тифа, из-под угрозы полного уничтожения вышли 10 тысяч бойцов (три четверти которых составляли штабы, нерегулярные части, обозы и раненые). Территория Черкасской области, которую контролировали 12 отрядов (полков) главного атамана Холодного Яра Василия Чучупака, была последней украинской землей, где была установлена Советская власть. Сам атаман погиб не в бою, а в результате «удачно проведённой чекистской операции».

Он из тех, кто воюет за своё украинское дело даже мёртвый.

Его могила, единственная из могил народных героев того времени сохранилась до сих пор. Красные, правда, её уничто-

жили, но во время немецко-фашистской оккупации, летом 1942 года, благодарные крестьяне восстановили.

Его жизнь и борьбу воспел в своем художественно-поэтическом произведении «Залишенец. Черный ворон» современный украинский писатель Василий Шкляр. В наше нечитающее шоу-кино-теле-интернет время реализовать 600 тысяч экземпляров на якобы непопулярном украинском языке – это надо умудриться.

Говорят, что правом на экранизацию произведения серьёзно интересуются Ежи Гофман и Мел Гибсон.

Государственный комитет присудил Василию Шкляру Национальную премию Украины им. Тараса Шевченко за 2011 год, но... Не дал президент Янукович премию автору. Отказался писатель получать премию до тех пор, пока министром образования Украины будет известный антиукраинский деятель Дмитрий Табачник.

Ну и кто в этом виноват? Конечно же, Чучупак. А может Бандера?

Почему же такие герои не добились государственной независимости своего народа?

Что можно сказать?

Безответственные лидеры украинской Центральной Рады Грушевский, Винниченко и Петлюра в ноябре 1917-го распустили миллионную регулярную армию. Не нужна, видите ли, армия освобождённому народу. Братская Россия не обидит, а братская Германия не посмеет – обидели и посмели. А уже через полгода гетман-генерал Павел Скоропадский полуподпольным образом и вопреки Брестскому миру начнёт лихорадочно собирать вместе остатки некогда могущественной военной силы...

Первыми жертвами безответственной пацифистской политики стали три сотни киевских студентов и юнкеров под Крутами 29 января 1918-го. Ой, как не хочется кому-то сравнивать их подвиг с подвигом античных 300 спартанцев. Как хочется их оплевать, как и в советские времена. Но осталась с тех пор на устах народных истинно народная украинская, запрещённая и не совсем приличная песня:

*«...а як прийдуть до нас знову московські онуки,
То кров за кров, а смерть за смерть, а муки за муки».*

ПОЧЕМУ ЛЕОНИДУ МЛЕЧИНУ НЕ ДАЕТ ПОКОЯ СТЕПАН БАНДЕРА?

Слушаю сегодня, в день выборов украинского парламента, 28 октября 2012 года, радио «Голос России». Как всегда рассказывают о зарубежье, как о «дальнем», так и о «ближнем». Рассказывают и о парламентских выборах в Украине.

И надо же, что именно в день выборов, когда по действующему украинскому законодательству агитация запрещена, радиостанции вещания «Голос России», находящиеся на территории Украины, передают в эфир выступление якобы независимого российского историка Леонида Млечина, «беспристрастного» исследователя истории Украины, автора знаменитого двухсерийного фильма о Степане Бандере «Рассекреченная жизнь».

И о чём же говорит Млечин в этот день? Кто о чём, а Млечин о Бандере.

Ну не даёт Бандера покоя россиянам, отработывающим деньги российского бюджета. Видно, такой заказ. Такая установка. Такая позиция тех, кто «пилит» бюджет.

Как только речь идет об украинской независимости, о проблемах государственности и межгосударственных (преимущественно с Россией) взаимоотношениях, сразу извлекают на свет божий Бандеру. И не важно, о каком аспекте деятельности Украинского государства речь: о добыче угля, о хлебе, газе, инвестициях, театре или футболе, всегда вспоминают Бандеру.

Почему?

Сам Млечин отвечает на этот вопрос: дефицит героев. Нет, чтобы на роль легендарного национального лидера выдвинуть, например, медика, учителя или инженера. Надо обязательно борца, реально воевал за независимость.

Здесь же Млечин замечает, мол, в России то же самое. Российские «герои-борцы» тоже благородством не обременены, всё больше мясники и палачи. Но России можно, а Украине – нет.

Ну, что ж, о Бандере, так о Бандере.

Тезис первый: Бандера сотрудничал с фашистами... И говорится это с такой уверенностью, что в это можно даже поверить...

Но не сотрудничал Бандера и его организация ОУН-б с фашистами. Переговоры вели, было. Торговались, да. Брали на себя обязательства и даже присягали – соответствует действительности, но сотрудничать, то есть выполнять их приказы, координировать политические акции и боевые действия – извините, такого не было, это ложь.

Переговоры с Гитлером Сталин и его правительство вести могли. Это допустимо и нормально – помогать Гитлеру обучать военных, поставлять ресурсы, материалы. Координировать военные действия против Польши и проводить совместный парад победы – тоже... России можно. А вот Украине – нет.

Провозглашение независимости Украины 30 июня 1941 года во Львове вызвало у Гитлера приступ бешеной ярости. К ОУН, его лидерам и украинским военным подразделениям моментально применяются санкции: украинский легион (в т.ч. батальон «Нахтигаль») разоружается, самоназванное украинское правительство распускается, лидеров ОУН Стецько, Бандеру и других бросают в концлагерь Заксенхаузен, лидеров рангом ниже расстреливают.

Тезис второй: бандеровское сопротивление Красной армии способствовало успехам фашистов. Ну что же, с этим можно согласиться. Только заметим, что это «сопротивление», в виде организованных боевых действий Украинской повстанческой армии началось осенью 1942 года, когда Красная армия была прижата к Волге. И ещё стоит отметить, что с точки зрения тогдашних ОУНовцев и немецкие фашисты, и русские большевики были чужаками, пришельцами, оккупантами и агрессорами. УПА не была участником антигитлеровской коалиции или стороной Второй мировой, и боролись бандеровцы за своё – независимую Украину.

Тезис третий: подтверждением «сотрудничества» Бандеры с фашистами является деятельность знаменитой дивизии СС «Галичина». Можно было бы согласиться, если сознательно пренебрегать фактом категорического неприятия и даже сопротивление Бандерой и его ОУН формированию этой дивизии (благо, документы на эту тему уже рассекречены и доступны). В 1943 году, когда формировалась дивизия, уже действовала УПА, которой были нужны свежие силы. Отток молодых галичан в СС (а на сборные пункты пришло 85 тыс. юношей, призвано 13 тыс.) был костью в горле для ОУН.

Но кто об этом знает? Российские учебники об этом не пишут.

Тезис четвертый: события на Волыни лета 1943-го. Ну, здесь современным украинским историкам крыть нечем: это были не боевые действия, это была действительно кровавая братоубийственная резня. Правда, Леонид Млечин тут же замечает, что виноваты в этом были обе стороны, и украинцы, и поляки. Добавляет он также, что украинцы и поляки нашли в себе силы через шестьдесят лет после событий признать их взаимным преступлением, президенты стран публично просили друг у друга прощения (современная Россия такие вещи не практикует).

Но как-то забыл упомянуть господин Млечин роль советских войск в этой трагедии. Каких войск? Википедия гласит, что двухтысячное партизанское соединение под командованием в то время уже генерал-майора, Героя Советского Союза Сидора Ковпака 12 июня 1943-го начинает свой знаменитый «Карпатский рейд», двигаясь из района Пинска (Беларусь) в Карпаты. Но путь из Пинска в Карпаты лежит через... Волынь, которая (ах, какое досадное совпадение), горит огнём «бунта бессмысленного и беспощадного». Вопрос, а что делали на горящей Волыни советские партизаны? Пожар тушили? Почему не потушили? А может, раздували?

А ещё не вспоминает Млечин тот исторический факт, что во время боевых действий между польской Армией Крайовой и УПА в руководстве АК постоянно присутствовал личный представитель Бандеры Мыкола Лебедь. Спрашивается, а что он там делал? Может, изменял Бандере, а может, действительно тушил пожар?

Тезис пятый: послевоенное вооруженное сопротивление советской власти. Здесь, правда, Млечин пытается быть объективным, он даже упоминает о деятельности спецгрупп НКВД, под видом бандеровцев творивших произвол и преступления, на что ведущий сразу же и отреагировал, мол, была война. Прекрасный аргумент! Для иностранцев-оккупантов, пришедших силой оружия утверждать свои порядки это, оказывается, война, а солдат – не преступник. А вот местное население с оружием в руках защищавшее родную землю – разбойники со всеми юридическими и историческими последствиями...

Тезис шестой: еврейские погромы. Да, это серьёзно. Только во Львове по данным некоторых исследователей, в период с

июня 1941-го по декабрь 1942-го погибло около 100 тысяч евреев, среди которых старики, женщины и даже дети. Преступление, которому нет прощения.

Но почему-то в эфире Леонид Млечин всячески избегает комментировать этот исторический факт.

Не потому ли, что вина украинцев в этой трагедии притянута за уши?

Не потому ли, что господин Млечин как историк знаком с рассекреченными документами, согласно которым ООН уже 4 июля 1941-го отказывается от немецкого предложения об организации еврейских погромов?

Не потому ли, что он хорошо знает: этот факт тщательно изучался всего один раз за всю послевоенную историю, и происходило это именно во времена президентства Ющенко. Знает и то, что украинская спецслужба, государственный правоохранительный орган, официально заявила: ООН, как политическая сила, к этой трагедии не причастна.

Тезис седьмой, современный: ребята, прошло более 70 лет. Независимое государство пишет свою собственную историю, а современные украинские политические движения ищут и находят в ней национальных героев – символы независимости.

Да, я согласен, что Степан Андреевич Бандера как исторический персонаж – не лучшая кандидатура на роль национального героя, даже если предать забвению всю написанную о нём за последние полвека ложь. Но и Робин Гуда в Англии уважают не за грабежи, а за милосердие. И россияне уважают своих Степана Разина с Емельяном Пугачёвым не за показательные и кровавые убийства. Не упоминаем и мы грехи наших Устима Кармелюка и Олексы Довбуша, отдавая должное их добродетелям.

Впрочем, в честь вышеупомянутых исторических фигур не собираются многотысячные факельные шествия граждан. И их имена не звучат лозунгами в политической борьбе именно сегодня. Следовательно, Степан Бандера не просто неоднозначный исторический персонаж. Необходимо признать, что он – наш украинский народный национальный герой.

С его именем тесно связана история украинского народа, история борьбы наших отцов и дедов. Его имя стало знаковым для той части населения, которая не восприняла покорно советское рабство. Может, кому-то это и не нравится, но в Украине слово «бандеровец» уже звучит гордо!

Да, его кандидатура очень удобна для современного украинского политикума, как левого, так и правого. А еще она очень удобна для героизации и мифологизации истории, для воспитания национального достоинства (в России своего Бандеры не было) и одновременно проклятия украинской независимости. Да и само слово «Бандера» в переводе с испанского – флаг. Ну, какие еще надо аналогии?

Почему же Бандера так неудобен России? О чем тут говорить? Не Бандера России неудобен, а сама украинская независимость. Тот же Млечин говорит, что реакция россиян на Бандеру – это атавизм. Далее он утверждает, что понимает и принимает стремление украинского народа к мифологизации истории и даже милостиво дает нам на это право.

Спасибо, господин Млечин. Большое спасибо. Только какого чёрта вы снова вспоминаете Бандеру в день выборов украинского парламента?

КРАСКИ ЖИЗНИ

БИЛОКУР Екатерина Васильевна (1900-1961) – народная художница Украины (1956), украинская мастерица декоративной живописи, крестьянка-колхозница, художница-самоучка. Родилась, прожила всю жизнь и умерла в с. Богдановка Яготинского района Киевской области. Её работы хранятся в Музее изобразительного искусства (Киев), Лувре (Париж), музее Прадо (Мадрид), известных частных коллекциях. Они представляли многонациональное советское искусство на Всемирных выставках в Монреале (1967), Осаке (1970), Лондоне (1980).

Украинская Советская Энциклопедия

Бывает так, что просыпаешься, а в тебе живёт сон. Ты его уже забыл, напрягая память, пытаешься вспомнить детали, но он уже ушёл, оставив в душе какую-то светлую тревогу, что-то такое, что ты мог знать только в детстве, или... или даже до своего рождения.

Одно я знаю точно – эту историю мне никто не рассказывал. Возможно, это подсознательно зафиксировала детская память: разговоры родителей с дедом – о вещах, которые я еще не мог понять. Возможно это – генная память, ведь многое из того, что я упоминаю, происходило за двадцать лет до моего рождения. Я этого не помнил, возможно, и никогда не знал. Но вот на прошлой неделе случайно услышал радиопередачу о Екатерине Билокур, о её несчастной любви. И вдруг понял, что, да, помню, именно это. Это она, женщина с Богдановки, которая приходила к моему деду с просьбой написать письмо Сталину. Она уже хлопотала за своего парня (да, именно за парня), и ей не ответили. Она знает, что Сталин «отвечает» деду, она просит, чтобы о её парне написал именно дед.

Тогда, в тридцатых, пополняя стройки социализма дармовой рабочей силой, советские чекисты, следуя методам ордынцев, практиковали задержания молодежи в украинских селах и городках прямо на танцах или вечеринках. Потом их осуждали по статьям «за сопротивление органам» с отбыванием наказания «на стройках народного хозяйства СССР». Так в ГУЛАГ попал простой сельский парень, первая и последняя любовь будущей всемирно известной художницы. К своей Екатерине он так и не

вернулся, потому что мой дед так и не смог добиться его освобождения.

О своей беде она рассказывала так, что дед, не стеснявшийся за своё «адвокатство» требовать рюмку – ничего с неё не потребовал. Бабушка Мария говорила, что одного «спасибо» этой женщины из Богдановки хватало, чтобы дед не пил неделю.

От этой женщины веяло Богом.

Деда она отблагодарит через двадцать лет. Нет, не деда, а меня.

Да, да. Именно эта женщина из Богдановки пришла в дом, где ещё хозяйничала моя бабушка Мария, которую я никогда не видел. Это было в 1934 году. За двадцать лет до моего рождения.

Я хочу рассказать о рисунках Екатерины Белокур, которые кроме меня никто не видел. Исследователи её творчества даже не знают об их существовании.

Художница Екатерина Белокур – это художница смелая, её творчество отчаянно жизнеутверждающее. А эти рисунки, о которых я хочу рассказать – будто негатив того, что сделано ею. В них её несчастная любовь, её боль, её заповедь потомкам. Эти свои работы она сделала уже где-то в 1957 году, то есть за три года до своей смерти.

Не знаю почему, но я уверен, что работая над этими полотнами, она знала, что советская тирания, имперское крепостничество и несвобода неизбежно закончатся. И её творчество по-своему приближало этот момент.

**Белокур Екатерина Васильевна,
7.12.1990 – 9.06.1960, художница,
мастер народной декоративной
живописи**

А начиналась эта история с деда.

Мой дед, Колесник Александр Иванович, происходил из старинной священнической семьи, почти столетие проживавшей на Черниговщине. Он, как и все его братья, имел высшее духовное образование и, наверное, продолжал бы просветительскую духовную деятельность, которой посвятила себя вся его семья, если бы история двадцатого века сложилась иначе.

Еще молодым человеком мой дед встретил революцию и гражданскую войну. Судя по тому, что синод РПЦ (Русской православной церкви) предал анафеме Совет Народных Комиссаров во главе с Лениным, а для УАПЦ (Украинской автокефальной православной церкви) ленинское правительство было правительством враждебного государства, можно считать, что большевики у моего деда симпатий не вызывали. Семейных воспоминаний о героизме деда в годы Гражданской тоже до меня не дошло. Знаю только, что в 1925-м получил он приход в селе Кобыжча Бобровицкого района на Черниговщине, куда приехал со своей попадьей, происходящей из рода Тимченко, из которого произошло несколько православных епископов.

Родили они семерых детей, и жили бы во славу Бога, своей семьей и Украины, если бы не жестокий XX век с массовым психозом коммунистического империализма.

В 1933-м году всенародная беда коснулась и моего деда. В результате террора голодом, рассчитанного классиками марксизма-ленинизма и воплощённого в жизнь верными ленинцами, он в один этот страшный год похоронил своих четырёх детей, бросил приход и с остатками своей семьи, среди которых была и моя мама, из страшной для себя Кобыжчи перебрался в Яготин.

Трудно жила семья, не имея ни собственного дома, ни постоянного заработка. Имея высшее духовное образование, дед устроился счетоводом-учетчиком на железнодорожную станцию, но, сломанный трудной судьбой, начал попивать водку.

От матери и от других людей знаю, что дед был очень добрым, доброжелательным человеком. Божью благодать, не смотря ни на что, пронёс через всю свою жизнь, не теряя её ни при каких обстоятельствах. Даже лишённый сана и прихода, он продолжал оставаться духовным пастырем для людей: к нему шли люди со своими бедами...

Это были сложные годы: бурные тридцатые, страшные тридцатые. Российские большевики ломали хребет собственному народу, а украинцам вспоминали попытку украинской независимости с вольными атаманами и народными героями во главе. Василий Чучупак в Холодном Яру, Нестор Махно в Гуляйполе – это поистине всенародные антимосковские и антибольшевистские движения и восстания 20-х годов XX века.

Украинскую интеллигенцию, элиту нации свозили на Соловки и просто уничтожали. Для украинского крестьянства вопрос встал ребром: идти в безвестность или в колхоз. За колхозную Украину мой народ платил человеческими жизнями – от 6 до 15 миллионов. Считал их сорок лет спустя Роберт Конквист.

К концу тридцатых дед Александр освоил непростую в тогдешнее время «адвокатскую» деятельность. Он вёл её путем направления слёзных жалоб, просьб, заявлений, исков и писем к «отцу народов» – великому Сталину. Его настойчивость, эпистолярный и адвокатский дар, умение находить аргументы давали свои плоды. Как это ни удивительно, в Яготин иногда возвращались осуждённые.

Ещё живут в Яготине люди, спасённые адвокатским талантом моего деда. Эти люди, сломанные, подавленные и угнетённые, как и мой дед, часто подносили ему рюмку, от которой тот не отказывался.

В сороковом году в Яготине умерла его жена, моя бабушка Мария, и дед остался один с тремя детьми.

«Чтобы стать культурным человеком, надо три университета, – говорил средневековый мудрец, – первый должен закончить дед, второй – отец, третий – сын».

Свой первый университет православный пастор Иван Колесник окончил в конце прошлого, XIX века, второй университет его сын (а мой дед) закончил во время Первой мировой войны. Третьего университета не закончил никто. Моя мама закончила только шесть классов, начальное образование имели и мои дяди. Никто из третьего поколения Колесников не имел даже среднего образования. Разорвалась ниточка поколений, и мой университет снова будет первым.

Первое, что я помню в жизни – это дедушкин маленький дом напротив яготинского железнодорожного вокзала. Через годы слышу гудки паровозов, бряцание буферов, свистки и крики до-

рожных мастеров. Родители мои работали, сестра ходила в школу. Долгие дни я оставался наедине с дедом.

Я не знаю, были ли в моём раннем детстве книги – не помню... Но помню одну книгу – большую, таинственную, магическую и волшебную – дедову Библию. Он мне рассказывал библейские сказания и притчи в форме сказок.

Возможно, он не мог рассказать так, как надо рассказывать об этом ребенку. Или же я своим детским умом не был в состоянии охватить того, что слышал от деда. Но, как бы там ни было, я боялся этой книги. Боялся Библии.

Она имела чёрную потёртую обложку. И от неё почему-то веяло холодом. Сейчас мне кажется, что Библия у меня ассоциировалась с понятием смерти, первым абстрактным и философским понятием, освоенным мною. И это понятие очень меня пугало. Я боялся этой книги.

Дед ничего не мог с этим поделать.

И вот однажды он принёс и положил передо мной на стол эту самую книгу, черную Библию. Я развернул её, и увидел удивительные цветы, причудливых животных, птиц, мифических зверей, которых ранее не видел.

Особенно меня поразили цвет, оттенки цветов этих рисунков: что-то среднее между красным и оранжевым. Этот цвет побеждал холод, смерть, он веселил, он делал эту книгу привлекательной. Эту книгу хотелось рассматривать, читать, но, к сожалению, читать тогда я не умел. На чистых страницах книги, и на полях какая-то неизвестная мне, волшебная рука сделала удивительные рисунки. Рисунки для меня. С тех пор я перестал бояться этой книги, я полюбил её, как полюбил потом и другие книги.

Прошло несколько лет. Мы с папой, мамой и сестрёнкой переехали в наш новый дом. А скоро я пошел в школу, в первый класс. Наконец именно для меня, а не для моей сестры были куплены цветные карандаши. Я увлеченно рисовал.

Не знаю, что рисовал, но помню, всё пытался воссоздать оттенки, пришедшие ко мне с первыми жизненными впечатлениями. Я долго бился над этой задачей, обрисовал все тетради, почти все книги, пока, наконец, этим не заинтересовалась мама.

Она спросила как-то: «Что ты рисуешь?» Я ответил, что мне хочется воспроизвести оттенки тех цветов, которыми были

расписаны страницы дедушкиной Библии. Мама улыбнулась и через некоторое время принесла мне от дедушки эту книгу.

Я раскрыл её и... не поверил своим глазам: рисунки в Библии были выполнены обычным химическим карандашом на белых, уже пожелтевших, страницах. Рисунки были чёрно-белые.

Мама рассказала, что как-то дедушка встретил на вокзале знакомую тётю из Богдановки, которой когда-то давно чем-то помог. Она была одна из немногих, кто не угощал деда рюмкой за его «адвокатство». Рассказав ей историю о внуке, который боится Библии, дед попросил её разрисовать Библию так, как она умеет. И эта женщина в зале ожидания яготинского вокзала рисовала для меня цветы.

Когда я пошел во второй класс (это было в 1962-м году), дедушка умер. С ним отошла в вечность его история, её беды и радости. Потерялась и его Библия. Моя Библия. Эту книгу я не смог сохранить, потому что не мог тогда осознавать её цены и значимости. У меня появились новые книги, новая жизнь, новый мир.

И только став взрослым, я понял, о какой женщине из Богдановки шла речь. Это была украинская народная художница Екатерина Билокур, что всю жизнь прожила в селе, тяжело работала, часто скрывала от окружающих своё творчество. Среди родных и односельчан она не находила сочувствия, потому её и считали не от мира сего. Только случайно она стала знаменитой. О том, что её работами восхищались во всем мире, что их изучали в самых престижных художественных школах мира, а сам великий Пабло Пикассо считал их вершиной совершенства, она знала. Однако это её не впечатляло и не очень облегчало ей жизнь.

Она жила в своём цветном мире в то чёрно-белое время. И только когда кто-то случайно соприкасался с кругом её жизни, — мог видеть мир в тех красках, в которых видела его она.

Мне в жизни повезло увидеть краски её жизни.

ХТО МИ Є

Ми стартували у вересні 2006 року в Києві. Сьогодні ми працюємо майже у всіх сегментах українського книжкового ринку і видаємо художню прозу, історичну мемуаристику й есеїстику, ділову та світоглядну літературу.

Ви розгорнули одну з наших книг, яку ми створювали для того, щоб вразити, здивувати й об'єднати читачів. Яка ціль будь-якого автора, опублікованого нами?

Розважити і навчити новому? Так. Ми працюємо для інтелектуального задоволення найвибагливішого читача. Прославитися? Цілком можливо, ми видаємо найнесподіваніші тексти, які нам вдалося знайти. Якщо ви щойно прочитали найцікавішу і найкориснішу у вашому житті книгу, розкажіть нам про неї.

Ми працюємо, щоб зацікавити вас особисто.

Якщо ми допоможемо вам створити нові ідеї, сенси, проекти і цінності – ми здійснимо українську культурну революцію і на рівні думок, емоцій, і в реальності. Ми віримо в соціальний капітал.

Революція Гідності триває. Революційне мислення і вільні мізки – це наш з вами капітал. Українці прагнуть бути ближчими до європейського культурного простору та шукають концептуальні ультрасучасні культурні ініціативи, яких не було до сьогодні.

БУДЬТЕ З НАМИ!

Владислав Кириченко,
засновник агенції «Наш Формат»,
громадський діяч, меценат
www.facebook.com/omnitip

Антон Мартинов,
директор агенції «Наш Формат»
www.facebook.com/antonio.martynov

Ми у Facebook

Приєднуйтеся до нас у Facebook!

Усе найцікавіше з перших вуст: www.facebook.com/NashFormat

ТВОЯ КУЛЬТУРНА РЕВОЛЮЦІЯ — НАШ ФОРМАТ

ЩО МИ РОБИМО

Перші книги «Нашого Формату» вийшли в співпраці з видавництвами-партнерами в 2008 році, але активне книговидання агенції розвивається з кінця 2012 року. Це спільний видавничий проект «НФ» і львівського історичного Центру Досліджень Визвольного Руху – «Наш формат історії», де вийшла серія книг історика Володимира В'ятровича «Історія з грифом «Секретно» (2012; 2013), «Сила волі. Євген Коновалець» Ігоря Дерев'яного та інші. Історична книга «Козацький оберіг» Дмитра Білого потрапила до «довгого списку» премії «Дитяча книга року ВВС-2013».

Найбільшу популярність серед українців здобув лонгселер всеукраїнського мистецько-культурного проекту Антіна Мухарського «**Жлобологія**», в якій феномен жлобства відверто описали скандальні, знамениті митці й науковці.

З 2014 року ми почали роботу над серією світових бестселерів українською мовою. Видавництво «Наш Формат» готує до друку 20 топових світоглядних і бізнес-книг. Першими світ побачать – «**Величні за власним вибором**», «**Від хорошого до величного**» американського економіста Джима Коллінза і «**Моє життя та робота**» Генрі Форда.

На кожен наш паперовий варіант ми видаємо електронні версії книг, які можна придбати на сайтах: nashformat.ua, smart.kyivstar.ua, store.obreey.com. Планується розміщення на iTunes, Amazon Store, Google Book, iBookstore, Kobo Bookstore та інших світових ресурсах.

«Наш Формат» запрошує до співпраці видавництва, торговельні мережі, радіостанції, українські ЗМІ, щоб разом сприяти розвитку українського мистецтва та культурного простору.

Маєте до нас пропозицію видання/перевидання цікавої книги?

Пишіть на електронну адресу директорів видавництва Антону Мартинову: martynov@nashformat.ua

Арт-простір

Мистецька агенція «Наш Формат» організовує у власному клубі за адресою: **м. Київ, пров. Белінського, 5** – зустрічі з письменниками та громадськими діячами, музичні концерти українських гуртів і майстер-класи. Підписуйтеся на нашу розсилку на www.nashformat.ua, у www.facebook.com/nashformat і залишайтеся в курсі останніх подій українського культурного фронту.

ДЛЯ ПРЕСИ
Відділ маркетингу та PR
(044) 222-53-49, (097) 904-36-96
pr@nashformat.ua

ДЛЯ МУЗИЧНИХ ГУРТІВ
Видавництво дисків
(044) 222-53-49, (097) 595-62-43
pub@nashformat.ua

ДЛЯ ГУРТОВИКІВ
Відділ збуту
(044) 222-53-69, (067) 247-57-17
order@nashformat.ua

ДЛЯ КЛІЄНТІВ
Інтернет-магазин
(044) 222-53-49, (067) 247-57-37
client@nashformat.ua

Інтернет-магазин www.nashformat.ua

пропонує україномовний культурний продукт – книги, музику, аудіокниги, широкий асортимент українського кіно, символіку та подарунки-сувеніри.

Швидка доставка замовлень здійснюється по Україні та світу через найзручніші методи доставки. Оплата – готівкою, карткою Visa/Mastercard, Webmoney, Privat24, PayPal. Асортимент крамниці – понад 10 000 найменувань.

Музичний лейбл «Наш Формат» і запис аудіокниг

Ми першими в Україні розпочали випуск україномовної аудіокнижки й записали понад 200 аудіокниг.

«Наш Формат» також видав найкращі надбання світової та української літератури, яка входить у навчальні програми загальноосвітніх навчальних закладів країни. Наші аудіокниги озвучували: Ада Роговцева, Наталя Сумська, Петро Панчук, Борис Лобода, Євген Нищук та інші актори театру і кіно. Студія звукозапису агенції – чи не єдина в Україні саундпродакшн-студія, яка спеціалізується на записі аудіокниг. У нас записані: «Залишились. Чорний Ворон» Василя Шкляра (2011), «Доба. Сповідь молодого бандерівця» Антіна Мухарського (2012), «Лексикон інтимних міст» Юрія Андруховича (2012), «Весняні ігри в осінніх садах» Юрія Винничука (2011).

Масштабний благодійний проект «Київстар» дарує казку дітям» ми здійснили разом з оператором мобільного зв'язку «Київстар» у 2012 році. 60 волонтерів-працівників найбільшого оператора озвучили 22 дитячі казки, зокрема українських і зарубіжних письменників. Проект охопив 12 інтернатів по всій Україні.

Ми записали аудіодиски: «Мандри» – альбом «Світ», Орест Лютий – «А я не москаль», «Тартак» – «Сімка», «Рутенія» – «Неопалима купина», «Пропала Грамота» – «Чудернацька Сила» etc.

Виробництво одягу

Принти на футболці – це форма самовираження і персональна ідеологія. Сьогодні модно й престижно носити на собі українські інтелектуальні гасла та принти витворів художників. Наші креативні футболки та реглани – з високоякісних українських матеріалів.

ДЕ МОЖНА КУПИТИ НАШІ КНИГИ

Наш Формат	м. Київ, провулок Белінського, 5; тел. 044 234 82 25	Центр української книги	м. Львів, вул. В. Великого, 36 тел. 240-21-90
Інтернет-магазин www.nashformat.ua	(044) 222-53-49	Ноти	м. Львів, пр. Шевченка, 16; тел. 261-19-64
Інтернет-магазин www.audiobooks.ua	м. Київ, просп. Московський, 6; тел. (044) 587-94-45	Глобус	м. Львів, площа Галицька, 12; тел. 274-01-77
Інтернет-магазин www.yakaboo.ua	м. Київ, вул. Фрунзе, 160-Ю; тел. 044 225-05-05	Наш Формат	м. Львів, вул. Братів Рогатинців, 24; тел. 032 236-70-69
Наукова думка	м. Київ, вул. Грушевського, 4; тел. (044) 278-06-96	Книгообрій	м. Львів, вул. Бузькова, 2; тел. 245-00-64
Сяйво	м. Київ, вул. Червоноармійська, 6; тел. 235-43-66, 261-43-53	Книгарня на Федорова	м. Львів, вул. Ставропігійська, 4; тел. 255-04-18
Книгарня «Є»	м. Київ, вул. Лисенка, 3; тел. 235-88-50	Арка	м. Івано-Франківськ, Вічевий майдан, 3; тел. 23-04-60
Книгарня «Є»	м. Київ, пр. Повітрофлотський 33/2; тел. 275-67-42	Букініст	м. Івано-Франківськ, вул. Незалежності, 19; тел. 75-13-71
Книгарня «Є»	м. Київ, вул. Спаська, 5; тел. 351-13-38	Лілея-НВ	м. Івано-Франківськ, вул. Незалежності, 18/2; тел. 55-91-70
Книгарня «Є»	м. Київ, вул. Саксаганського; 107/47, тел. 383-61-49	ФОП Дольник В.П.	м. Одеса, вул. Троїцька, 30 тел. (048) 724-62-02
Смолокип	м. Київ, вул. Межигірська; 21 тел. 425-45-09	Рівнекнига	м. Рівне, вул. Островського, 16 тел./факс (0362) 22-35-97
ФОП Лисенко А.	м. Київ, ринок «Петрівка» 58; ряд, 3-4 місце	Підручники і посібники	м. Тернопіль, вул. Поліська, 6 тел. (0352) 43-15-15
ФОП Гунько Ю.В.	м. Київ, ринок «Петрівка», 34 ряд, 3-4 місце	Книжкова хата	м. Тернопіль, вул. Подільська, 44; тел. 23-63-55
Книжкова Хата	м. Коломия, пр-кт Чорновола, 51; тел. (03433) 2-05-45	ФОП Вацик Ю. Я.	м. Тернопіль, вул. Подільська, 44; тел. 23-63-55
Українська книгарня	м. Львів, проспект Шевченка, 8; тел. (032) 272-16-30	ФОП Домарецький О.Г.	м. Тернопіль, вул. Подільська, 44; тел. 25-16-00
Книгарня НТШ	м. Львів, проспект Шевченка, 8; тел. 237-12-29	Книгарня «Є»	м. Харків, вул. Сумська, 3; тел. (057) 731-59-49
Книгарня «Є»	м. Львів, проспект Свободи, 7; тел. 272-85-74	Книжковий світ	м. Хмельницький, вул. Подільська, 25; тел. (0382) 65-60-73

ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ: БИТВА ЗА УКРАИНУ

Исторический очерк

Юрий Фельштинский, Михаил Станчев

456 стр., язык – русский

Тематика

История российско-украинского конфликта, геополитика, спецслужбы.

О чем книга

Книга известных историков Юрия Фельштинского (США) и Михаила Станчева (Украина) посвящена российско-украинскому конфликту. Перерастет ли битва за Украину в мировую войну или же станет для России новым Афганистаном – главный вопрос очень актуальной книги, которую сейчас никто не рискнет издать в России. Особое внимание в книге уделено: противостоянию, которое оказывала и оказывает Россия намерениям Украины войти в Евросоюз, экономическому и «газовому» шантажу, которому подвергает Россия Украину и всю Европу, попыткам России создать из Украины плацдарм для последующего продвижения из Украины и России в восточно-европейские государства, используя для этого приемы, тактику гитлеровской Германии и сталинского Советского Союза.

Для кого книга

Для каждого, кто хочет знать о неписанных правилах политических игр, настоящих причинах гибридной войны и возможных ее последствиях не только для Украины и России, но и для всего мирового сообщества.

«Перчинка» книги

Острый ликбез с авторскими ремарками от экс-советника Бориса Березовского, историка Юрия Фельштинского и его соавтора, экс-советника МИД Украины Михаила Станчева о внутренней «кухне» громких убийств и покушений на убийства, таких, как убийство олигарха Евгения Щербаня, журналиста Георгия Гонгадзе и покушение на жизнь экс-президента Виктора Ющенко. В приложениях и в основном тексте книги читатель найдет как занимательные биографии персонажей – украинских политиков, так и политические сюжеты с нашумевших пленок майора Мельниченко.

Об авторах

Юрий Фельштинский – российско-американский историк, редактор-составитель и комментатор нескольких десятков томов архивных документов по русской истории. Руководитель проекта по расшифровке и публикации «пленок Кучмы». В 1978 году эмигрировал в США, продолжил изучение истории в Брандэйском и в Ратгерском университетах, где получил степень доктора философии в истории.

Михаил Станчев – доктор исторических наук, профессор, академик Болгарской академии наук. Преподавал в вузах Севастополя и Харькова, выступал с лекциями в США, Франции, Германии, Италии, Японии, Болгарии.

ISBN 978-966-97425-9-9

ФСБ ВЗРЫВАЕТ РОССИЮ

Международный бестселлер

Юрий Фельштинский, Александр Литвиненко

504 стр., язык – русский

Тематика

Спецслужбы, российско-чеченская война, геополитика.

О чем книга

Книга бывшего подполковника ФСБ Александра Литвиненко и историка Юрия Фельштинского – о постигшей Россию трагедии, об упущенных возможностях, о потерянных жизнях, о погибающей стране. В ней предпринята попытка показать, что основные проблемы современной России были вызваны не радикальными реформами либерального периода правления Бориса Ельцина, а противостоянием, которое тайно оказывали этим реформам российские спецслужбы. Именно они развязали первую и вторую чеченские войны для разворота России от демократии к диктатуре. Основная часть книги посвящена событиям, вошедшим в российскую историю как сентябрьские теракты 1999 года, когда в Москве и других городах России были совершены подрывы жилых домов, унесшие жизни более 300 человек.

Для кого книга

Для всех, кто хочет знать о подробностях террористических операций российских спецслужб, методах работы ФСБ, истинных причинах войны России против Чечни.

«Перчинка» книги

Запрещенная в России судебным постановлением, арестованная, конфискованная и уничтоженная ФСБ при попытке ввоза тиража для распространения в России, книга стала международным бестселлером. В 2003 году было возбуждено уголовное дело по факту разглашения государственной тайны на страницах книги «ФСБ взрывает Россию». Тираж книги был изъят в качестве вещественного доказательства. Впервые изданная в США книга привлекла к себе международное внимание в конце 2006 года, вскоре после отравления в Лондоне радиоактивным ядом – полонием-210 – Александра Литвиненко, умершего мучительной смертью. Книга еще более актуальна сегодня, когда спецслужбы, захватившие власть в России, обратили свои взоры на «ближнее зарубежье» и приступили к аннексии бывших советских территорий.

Об авторах

Юрий Фельштинский – российско-американский историк, редактор-составитель и комментатор нескольких десятков томов архивных документов по русской истории. Экс-советник Б. Березовского, руководитель проекта по расшифровке и публикации «пленок Кучмы».

Александр Литвиненко – (4 декабря 1962 – 23 ноября 2006) – подполковник госбезопасности, в 1988-99-х годах – сотрудник КГБ-ФСБ, критик российских властей и лично В. Путина. Автор статей и двух книг, которые получили огромный международный резонанс.

ISBN 978-617-7279-00-5

ДОВГИЙ ШЛЯХ ДО СВОБОДИ

Автобіографія

Нельсон Мандела

Тематика

Історія Африки, апартеїд, націотворення.

Про книгу

Рік тому один із ініціаторів видання шукав в англійському оригіналі потрібну цитату, знайшов і так захопився, що прочитав усю книжку, яка виявилась справжнім одкровенням. І зміст автобіографії одної з найвизначніших постатей ХХ століття, і простий стиль викладу, яким розповідають вистраждану правду, – вразили настільки, що вирішили перекласти і видати мемуари південноафриканського лідера українською. Ця книга, за відгуками літературних критиків, є інструкцією для людей, її слід прочитати кожній живій душі; серйозною розповіддю про життєвий шлях і справу життя, чудовим розкриттям внутрішнього світу чоловіка, який у своїй країні став поєднанням Вашингтона, Лінкольна й Ганді в одній особі. До пантеону найвизначніших постатей сучасної історії Мандела увійшов завдяки відданій боротьбі за свободу свого народу. Саме їй великий політик присвятив своє довге повне випробувань життя, вершиною якого стало президентство в демократичній, вільній від апартеїду Південно-Африканській Республіці та Нобелівська премія миру 1993 року.

Для кого ця книга

Для якнайбільшого кола читачів, які прагнуть розширити власне уявлення про свободу і ціну, яку за неї сплатили інші народи.

«Перчинка» книги

У своїй третій книзі Нельсон Мандела відверто описує ініціацію африканських хлопчиків, побут і злидні свого дитинства, навчання й одруження, народження і смерть своїх дітей, жах самотності в'язня на острові Роббен. Життєвий досвід та погляди Нельсона Мандела як ніколи актуальні в контексті нинішніх українських реалій, бо «правда полягає в тому, що ми ще не вільні, ми просто здобули свободу бути вільними, право не бути пригнобленими ... справжнє випробування нашої відданості свободі лише починається».

Про автора

Нельсон Мандела (18 липня 1918 – 5 грудня 2013) – південноафриканський правозахисник, юрист, політик, президент Південно-Африканської Республіки (1994-1999 рр.). Мандела був першим президентом ПАР, обраним на демократичних, не фальсифікованих виборах. До свого президентства – лідер Африканського Національного Конгресу. Був засуджений і ув'язнений за участь у підпільній збройній боротьбі. Впродовж 27-річного ув'язнення Мандела став усесвітньо відомим борцем з південноафриканським апартеїдом. Отримав понад сотню нагород світового масштабу за чотири десятиліття громадської і політичної діяльності.

ISBN 978-966-97425-6-8

МОЄ ЖИТТЯ І РОБОТА

Світовий бестселер

Генрі Форд

Тематика

Менеджмент, історія автомобілебудування, гроші, великий бізнес.

Про книгу

Про Генрі Форда ще за його життя склали легенди, та й досі певні факти його біографії не є остаточно підтвердженими чи спростованими. Проте, незапечеченим залишається те, що сенсом його життя була робота. Понад усе Форд прагнув створити машину, яка працюватиме вічно. На шляху до втілення мрії він завдяки вірі у неможливе здійснив переворот у мисленні власного оточення й майбутніх поколінь, які теж змінили своє ставлення до грошей, успішного бізнесу й роботи. Форд вважав, що саме мислення є найважливішою роботою, на яку здатна людина. Це, ймовірно, є причиною, чому ми маємо так мало мислителів. Форд невтомно шукав відповіді на складні питання людської історії, як-от: чому існує бідність; що робить гроші грошима і які можливі трюки в рамках нинішньої фінансової системи, через які різні нації й народи потрапляють під контроль небагатих людей; чого очікувати від майбутнього... Про це, а також про те, як виглядає і працює ідеальний продавець у компанії Форда, чи справді нам потрібні автомобілі і навіть привчати дітей інвестувати в себе – прочитаєте на сторінках цієї унікальної книги.

Для кого ця книга

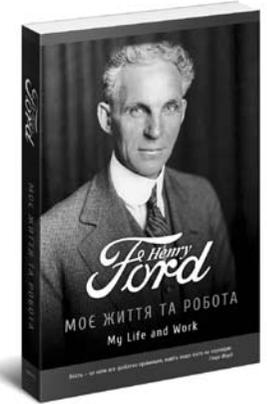
Для власників бізнесу і топ-менеджерів, автомобілістів і всіх, хто досліджує історію ХХ сторіччя.

«Перчинка» книги

Це не лише мемуари геніального інженера, а й квінтесенція життєвої мудрості із перших уст «батька» автопромисловості США, філософія великого бізнесу й практичний досвід заснування найбільшої в людській історії індустрії. Генрі Форд «мовчав» упродовж свого життя, не спілкувався з пресою, усі погляди й одкровення висловив у єдиній книзі, яка після опублікування стала бестселером, витримала понад сотню перевидань й перекладена десятками мов.

Про автора

Генрі Форд (англ. Henry Ford; 30 липня 1863 – 7 квітня 1947) – інженер-конструктор автомобілів, засновник корпорації «Форд Мотор», перший віце-президент Співтовариства автомобільних інженерів SAE (нині SAE International), один з найбагатших людей усіх часів. Вперше почав використовувати промисловий конвеєр, побудував і запустив найсучасніший завод в автомобільній промисловості – добре освітлений і добре вентильований «Хайленд парк». Був видатним менеджером, серед нововведень якого – скорочений робочий день, п'ятиденний робочий тиждень і методи виробництва, які понині застосовують автоконцерни.

ISBN 978-966-97425-5-1

Літературно-художнє видання

Видання російською мовою

Владимир УШЕНКО

ГЛАЗАМИ ГЭБИСТА

повість в новеллах
(авторизований переклад з українського)

Коректор:

Редактор:

Відповідальний за випуск: *Антон Мартинов*

Верстальник: *Микола Савчук*

Підп. до друку 00.00.2015 р. Формат 60х90/16.

Ум. друк. арк. 000

Тираж 0000 пр. Зам. № _____.

ТОВ «НФ»

Україна, м. Київ, 01032, пров. Белінського, 5,

тел./факс: (044) 273-29-17

e-mail: pub@nashformat.ua, www.nashformat.ua

Свідоцтво ДК № 4722 від 19.05.2014